НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОЛИТИКА СССР

Поражение Польши и англо-французской коалиции

Вечером 31 августа 1939 г. группа эсэсовцев ворвалась в здание радиостанции приграничного с Польшей города Гляйвиц (Гливице). Инсценируя нападение на германскую территорию, эсэсовцы сделали несколько выстрелов у микрофона и зачитали на польском языке заранее составленный текст. Идея заключалась в том, что «пришло время войны Польши против Германии». Для большей убедительности эсэсовцы привезли с собой нескольких немецких узников концлагерей, переодетых в польскую военную форму, и тут же, в Глейвице, их расстреляли[1].

За несколько дней до этого Гитлер заявил своим генералам: «Я дам пропагандистский повод для развязывания войны, а будет ли он правдоподобен, значения не имеет. Победителя потом не спросят, говорил ли он правду или нет»[2]. В 10 часов утра 1 сентября Гитлер выступил с речью в Рейхстаге, в которой, в частности, говорилось: «Многочисленные нападения поляков на германскую территорию, в том числе нападение регулярных польских войск на радиостанцию в Гляйвице», вынуждают его прибегнуть к силе[3].

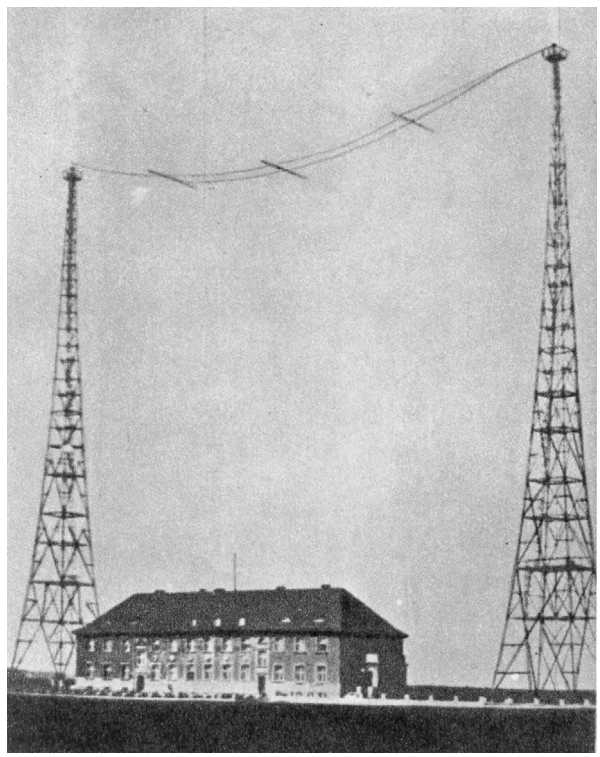
Ранним утром 1 сентября 1939 г. немецкая авиация нанесла первые удары по аэродромам, узлам коммуникаций, экономическим и административным центрам Польши. Немецкий линкор «Шлезвиг-Гольштейн», заранее прибывший к польскому побережью с «визитом вежливости», открыл огонь по полуострову Вестерплятте. Сухопутные войска вермахта перешли границу и вторглись с севера — из Померании и Восточной Пруссии, с запада — из Восточной Германии и с юга — из Чехии и Словакии. Вторжение немецких войск в Польшу положило начало Второй мировой войне.

3 сентября войну Германии объявили Великобритания и Франция, связанные с Польшей союзными обязательствами. К 10 сентября 1939 г. Германии объявили войну Австралия, Индия, Канада, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз — британские колониальные владения.

Нацистское руководство Германии рассматривало захват Польши как первый шаг на пути к завоеванию «жизненного пространства» на востоке. Согласно директиве главкома сухопутных войска генерала В. Браухича, изданной в середине июня 1939 г., оперативно-стратегическая идея плана войны против Польши под кодовым наименованием «Вейс» («Белый») заключалась в том, «чтобы предотвратить регулярную мобилизацию и сосредоточение польских сухопутных войск путем внезапного вторжения на суверенную польскую территорию и разгрома основной массы польских войск в ходе концентрического наступления из Силезии

с одной стороны и из Померании и Восточной Пруссии с другой стороны»[4]. Осуществить этот замысел намечалось в короткие сроки согласованными действиями всех видов вооруженных сил. Решающая роль в достижении успеха операции отводилась бронетанковым и моторизованным соединениям сухопутных войск и авиации. Немецкие военно-морские силы должны были содействовать наступлению сухопутных войск, блокируя базы и уничтожая корабли польского флота.

Нападение на Польшу было сначала назначено Гитлером на 26 августа. Перенесение срока на 1 сентября имело военно-стратегические и дипломатические причины: группа армий «Север» не успевала занять исходные позиции в назначенный срок; Италия 25 августа заявила о неготовности к вступлению в войну с Англией и Францией[5]; в тот же день в Лондоне был подписан англо-польский договор о взаимопомощи в случае нападения Германии.

Радиостанция в Глейвице

В Варшаве начали испытывать тревогу по поводу вероятной угрозы Польше с германской стороны лишь после 15 марта 1939 г., когда немецкие войска без борьбы вступили на чехословацкую территорию и развернулись вдоль южной польской границы. В ответ на это в Польше была проведена частичная мобилизация. Одновременно польский генеральный штаб подготовил новый вариант оборонительного плана «Захуд» («Запад»), разработанного ранее на случай войны с Германией[6].

План «Захуд» предусматривал упорной обороной и контрударами резервов остановить немецкое наступление на рубежах, прикрывающих жизненно важные районы страны, обеспечить мобилизацию, сосредоточение и развертывание своих вооруженных сил, а затем перейти в контрнаступление. Успешное выполнение этого плана, по мнению польского командования, могло быть обеспечено лишь при условии совместных действий Польши, Англии и Франции. Поэтому польское правительство, основываясь на заверениях западных союзников о гарантиях независимости Польши, рассчитывало на то, что с началом войны главные силы вермахта будут скованы активными действиями англо-французских войск на Западе, а против Польши сосредоточатся не более 20–25 немецких дивизий.

Собственных сил у Польши, для того чтобы выстоять в единоборстве с Германией, было недостаточно. Польское руководство это понимало. Расчеты на успех обороны оно связывало с выполнением Францией взятого на себя обязательства: в случае нападения Германии на Польшу нанести большей частью своих вооруженных сил удар вермахту с запада и тем самым отвлечь на себя его главные силы. Оказать Польше «всю возможную помощь» обязалась и Великобритания. Это грозило Германии катастрофой. К началу сентября 1939 г. она имела 103 дивизии, а Англия, Франция и Польша вместе взятые, — 172, танков было соответственно 3,2 тыс. и 4 тыс., самолетов — 4 тыс. и 7,6 тыс.[7]

У Польши имелась возможность еще больше укрепить свои позиции по отношению к Германии, которую она не использовала из-за негативного настроя ее руководства к СССР.

Немецкие солдаты ломают польский пограничный шлагбаум

Немецкая танковая часть входит в Польшу

Немецкие разведчики в Польше

Польские мирные жители, задержанные немецкими войсками

11 мая оно отклонило предложение советского правительства заключить договор о взаимопомощи, а затем во время московских англо-франко-советских переговоров летом 1939 г. отказалось выполнить настоятельные рекомендации своих западных союзников установить военное сотрудничество с СССР, с которым Польша в отличие от Англии и Франции имела общую границу[8].

К концу августа немецкое командование практически завершило подготовку к нападению на Польшу. В Силезии, Моравии и Словакии была развернута группа армий «Юг» (33 дивизии, из них четыре танковые) под командованием генерал-полковника Г. Рундштедта. В Померании и Восточной Пруссии развернулась группа армий «Север» (21 дивизия, в том числе две танковые). Действия группы армий «Юг» должен был поддержать 4-й воздушный флот, а действия группы армий «Север» — 1-й воздушный флот.

Польская военная разведка сумела своевременно обнаружить сосредоточение до 80 % крупных соединений немецких сухопутных и военно-воздушных сил и установить места их дислокации. На основе этих данных были определены важнейшие направления наступления противника. Однако главнокомандующий польскими вооруженными силами маршал Э. Рыдз-Смиглы вплоть до середины августа сомневался в достоверности разведданных, считал, что они специально подбрасываются немцами, чтобы ввести его в заблуждение[9]. Отчасти этому способствовала немецкая пропагандистская кампания, которая создавала «образ врага» на Востоке и убеждала поляков, что воевать придется не с Германией, а с Советским Союзом. С весны 1939 г. немецкие спецслужбы через свою агентуру активно начали провоцировать «народные восстания» в Галиции и в некоторых других, заселенных в основном украинцами, районах Польши. За несколько часов до начала общего наступления вермахта, в ночь с 31 августа на 1 сентября через границу была переброшена специальная боевая группа «Эббингхаус». Входившие в ее состав несколько сотен человек были закамуфлированы под рабочих и горняков, имели легкое стрелковое оружие и гранаты. Им удалось захватить заводы и электростанции в Верхне-Силезском промышленном районе и удержать их до соединения с немецкими частями[10].

Несмотря на явные признаки угрозы нападения со стороны Германии, всеобщая мобилизация в Польше была объявлена только 31 августа. К 1 сентября 1939 г. на западных границах Польши, представлявших собой 1600-километровую дугу, в первом эшелоне находилось восемь оперативных групп и армий: оперативная группа «Нарев» — на севере против Восточной Пруссии, армия «Модлин» и оперативная группа «Вышков» — для защиты Варшавы с запада, армия «Поможе» — в польском коридоре, армии «Познань», «Лодзь», «Краков» и «Карпаты» — для прикрытия юго-западной и южной границ от Варты до Карпат. В резерве главного командования оставалась армия «Пруссы». В составе этих объединений насчитывалось 35 дивизий и 16 бригад. Ряд соединений и частей, предназначавшихся для укомплектования армий, находился на стадии формирования[11].

В то время против Польши были направлены основные силы и средства вермахта, а на западных границах Германии оставалось ограниченное число немецких войск. Как заявил на Нюрнбергском трибунале генерал-фельдмаршал В. Кейтель: «Если бы франко-британцы предприняли наступление, мы смогли бы противопоставить им совершенно призрачную оборону». Учитывая Пакт о взаимопомощи Франции с Польшей (от 21 февраля 1921 г.), франко-польскую военную конвенцию (от 19 мая 1939 г.), Соглашение о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей (25 августа 1939 г.), в которых прямо говорилось о немецкой агрессии, вероятность войны Германии на два фронта была очень велика.

Но Гитлер считал, что ни Англия, ни Франция, проводившие политику умиротворения, на деле ничего не предпримут против расширения германского «жизненного пространства» на востоке. В директиве № 1 на ведение войны (против Польши), подписанной Гитлером 31 августа 1939 г., запрещалось предпринимать какие-либо военные действия на западе. Даже в случае вступления в войну Англии и Франции группе армий «Ц», развернутой у западной

границы, предписывалось вести оборонительные бои с максимальной экономией сил и обеспечить условия для успешного завершения кампании в Польше.

Для войны с Польшей Германия выставила основную и наиболее боеспособную часть своих сухопутных и военно-воздушных сил: 62 дивизии, в том числе семь танковых и восемь моторизованных, и одну кавалерийскую бригаду, в которых насчитывалось 1,8 млн человек, около 3200 танков, 6000 орудий и минометов, до 2100 боевых самолетов (бомбардировщиков — 1000–1100, истребителей — 600–650 и разведчиков — 200–250). Польша в ходе оборонительных сражений смогла противопоставить противнику 36 дивизий, две моторизованные, три горнострелковые и 11 кавалерийских бригад общей численностью 1 млн человек, около 600 танков, 4500 орудий и минометов, примерно 400 боевых самолетов[12].

По подсчетам немецких историков, соотношение сил в пользу стратегической группировки вермахта в целом, предназначавшейся для агрессии против Польши, над польскими вооруженными силами выражалось 1,5:1 по пехоте, 2,8:1 по полевой артиллерии, 5,2:1 по противотанковой артиллерии, 5,5:1 по танкам. На направлении главных ударов соотношение сил в пользу сухопутных войск вермахта было гораздо больше: 2,3:1 по пехоте, 4,3:1 по полевой артиллерии, 7,6:1 по противотанковой артиллерии, 8,2:1 по танкам[13].

На состояние польских вооруженных сил отрицательно влияла общая экономическая отсталость Польши. Они уступали противнику не только в количественном, но и в качественном отношении. Подавляющая часть танков и самолетов, находившихся на вооружении, была устаревшей конструкции. В войсках не хватало транспортных средств, бронетанковой техники, средней и тяжелой артиллерии, особенно зенитных и противотанковых орудий. Уровень боевой подготовки личного состава польской армии был ниже, чем у вермахта. Польское командование не обладало тем опытом управления большими массами войск, который немецкое командование приобрело во время аннексии Австрии и Чехословакии.

Боевые действия с самого начала войны развивались для Польши неблагоприятно. 1 сентября немецкая авиация нанесла немалый ущерб польским войскам и мирному населению, причинила тяжелые разрушения 150 польским городам и селам. Однако главную задачу, которую ставило перед собой немецкое командование, — уничтожить польскую авиацию на земле ударами с воздуха, решить не удалось. Днем ранее польские самолеты были перебазированы с мест мирной дислокации на полевые аэродромы. Польские летчики вступили в единоборство с люфтваффе. Но силы были неравны. Немецкие ВВС, имея численное и качественное превосходство над польской авиацией, через 3–4 дня завоевали господство в воздухе и обеспечили быстрое продвижение своих сухопутных войск.

В течение первых трех дней пехотные и танковые дивизии при поддержке артиллерийских и авиационных частей прорвали оборону польских армий. Темпы их продвижения достигали 25–30 км в сутки.

Группа армий «Север» наступала силами двух армий. 4-я армия наносила удары из Померании в юго-восточном направлении. 3 сентября она форсировала р. Вислу в районе г. Быдгощ. Ее левый фланг соединился с правым флангом 3-й армии, наступавшей из Восточной Пруссии. В результате этого часть войск польской армии «Поможе», оборонявшейся на северо-западе Польши, оказалась блокированной с юга в польском коридоре. После нескольких дней упорного сопротивления они сложили оружие. Главные силы 4-й армии 4 сентября продолжили наступление на Варшаву вдоль р. Вислы. В это время 3-я армия преодолела сильно укрепленный участок обороны польских войск в районе г. Млава. Отсюда она основными силами развернула наступление на Варшаву с севера. К востоку от них одна из ее подвижных группировок устремилась на юг, между реками Буг и Нарев по направлению к Бресту.

Группа армий «Юг» вела наступление силами трех армий. 8-я и 10-я армии из Силезии наступали на Варшаву с запада и юго-запада. Справа от них из Чехии и Словакии широким фронтом продвигалась на север по южным районам Польши 14-я армия. Часть ее войск 6 сентября захватила г. Краков и оттуда продолжила наступление в северо-восточном направ-

лении с целью соединиться с подвижной группировкой группы армий «Север», наступавшей на Брест, и создать охватывающий фронт восточнее р. Вислы.

Положение польских армий быстро ухудшалось. Оперативное взаимодействие между ними было нарушено. В Гданьске немногочисленный отряд охраны польских транзитных складов на полуострове Вестерплятте до 7 сентября отражал многократные атаки врага. Горстка мужественных патриотов приняла на себя удар намного превосходящих сил противника. Несмотря на ураганный огонь орудий главного калибра германского линкора «Шлезвиг-Гольштейн», непрерывные налеты вражеской авиации, они отбивали одну атаку за другой. И лишь когда кончились боеприпасы, гарнизон капитулировал. Несмотря на ожесточенное сопротивление превосходившим силам противника, поляки были вынуждены оставлять одну позицию за другой. Маршал Рыдз-Смиглы 5 сентября отдал приказ об отступлении всех армий за Вислу и создании обороны на линии Нарев — Висла — Сан. Большинство польских частей, преследуемых противником, устремились на восток.

6 сентября польское правительство перебралось из Варшавы сначала в Люблин, а затем в Кременец. Польское главнокомандование последовало вслед за ним и 7 сентября обосновалось в крепости Брест.

Польское правительство тщетно призывало западных союзников развернуть активные военные действия против Германии. В период с 1 сентября 1939 г. по 10 мая 1940 г. ни одна из сторон на Западном фронте активных боевых действий не вела[14]. В те дни 85 французским дивизиям, в составе которых насчитывалось 2200 танков, на Западном фронте противостояла немецкая группа армий «Ц». Немецкий генерал Н. Форман позднее дал последней такую характеристику: «Только 11 кадровых пехотных дивизий могли быть названы полноценными, все остальные являлись новыми формированиями, совершенно не соответствовавшими по своей подготовке и техническому оснащению требованиям маневренной войны... Группа армий («Ц») не имела ни одного танка, ни одного моторизованного соединения»[15]. Однако англо-французские войска оставались пассивными. Более того, союзники не предложили Польше даже оружия. Начальник имперского генерального штаба Великобритании генерал Э. Айронсайд в ответ на просьбу польской военной миссии о срочном оказании помощи посоветовал закупить вооружение в нейтральных странах[16]. Это фактическое бездействие англо-французских войск во время разгрома Польши вермахтом получило в историографии название «сидячей» или странной войны[17].

Между тем немецкие войска продолжали наступление. За первые дни военных действий, несмотря на упорное сопротивление польских войск, особенно проявленных в боях за побережье, на Варте и Видавке, под Млавой и Мокрой, под Пщиной и Венгерской Гуркой, германскому вермахту удалось достичь значительных успехов. 10-я армия своими главными силами приблизилась к Варшаве с юга-запада. Одна из ее дивизий 8 сентября при поддержке авиации попыталась с ходу взять столицу Польши, но встретила отпор. Началась героическая оборона Варшавы, продолжавшаяся до 28 сентября.

8–9 сентября 10-я армия частью своих сил, наступавших южнее, окружила отступавшую к Висле армию «Пруссы». 10–11 сентября эта польская армия сложила оружие.

Но наступавшая на Варшаву вслед за 10-й армией 8-я немецкая армия неожиданно оказалась в критической ситуации. Войска армии «Познань» и часть армии «Поможе» при отступлении объединились в районе севернее г. Кутно. В результате образовалась группировка в составе девяти дивизий и трех бригад. Для того чтобы обеспечить возможность основным силам этой группировки отступить в Варшаву и укрепить силы ее защитников, по приказу командующего армией «Познань» генерала Т. Кутшебы три дивизии и две бригады форсировали р. Бзуру и нанесли контрудар с севера по открытому левому флангу 8-й армии. Это заставило ее прекратить наступление на Варшаву и перейти к обороне. В последующие дни в наступление перешли несколько дивизий армии «Поможе». Командующий группой армии «Юг» Рундштедт вынужден был снять с варшавского направления и направить на помощь 8-й армии три армейских корпуса 10-й армии. Так завязалось крупное сражение германо-польской войны. В ходе его основные силы польской группировки были окружены

Немецкие пикирующие бомбардировщики Ю-87 в небе Польши

Жители Варшавы роют окопы в сквере на площади Малаховского

Польский солдат на оборонительной позиции

и 19 сентября разгромлены. Но некоторые ее части во главе с Кутшебой прорвали кольцо окружения и пополнили ряды защитников Варшавы. После перегруппировки сил гитлеровское командование приступило к осуществлению плана более глубокого охвата польских соединений, рассчитывая окружить их восточнее Варшавы, а также овладеть центральными районами страны и ее столицей.

9 сентября, когда польские войска потеряли примерно треть своих соединений и частей, польское главнокомандование отдало приказ отступать за Вислу на юго-восток страны и создать там новую оборону. Чтобы воспрепятствовать такому развитию событий, командование сухопутных войск Германии немедленно отдало приказ о наступлении танкового корпуса 3-й армии через р. Нарев на Брест и части сил 14-й армии через р. Сан на Хелм в целях охвата отступающих польских войск к востоку от р. Буг.

В тот же день на Западном фронте передовые французские части на 30-километровом участке продвинулись на глубину до 10 км в предполье линии Зигфрида в Сааре. Вместо того чтобы нанести по противнику мощный удар, передовые отряды 2-й французской группы армий сделали робкую попытку продвинуться вперед. Противостоявшие им немецкие войска, имевшие приказ не ввязываться в бои, организованно отошли на основные позиции. Этой демонстративной акцией, по существу, ограничилась помощь Польше со стороны англо-французской коалиции. Французская вылазка не повлияла на ход войны в Польше. Как писал французский историк Ж. Мордаль, «это была настоящая капитуляция без боя, ответственность за которую ложится в равной степени на тех, кто по ту и другую сторону Ла-Манша осуществлял руководство войной в англо-французской коалиции»[18]. Согласно планам англо-французского командования широкое наступление на Германию с запада должно было состояться лишь в отдаленном будущем, когда Англия и Франция сумеют заполучить себе в союзники США. Растрачивать силы ради спасения такого «малоценного» союзника, как Польша, они не намеревались[19].

Тем временем в Польше основные силы 3-й немецкой армии развернули наступление на варшавское предместье Прагу. Быстрое продвижение немецких соединений, непрерывные бомбардировки железных дорог, нарушения в работе основных радиостанций и узлов связи привели к тому, что к 15 сентября польское руководство окончательно утратило контроль над событиями. Польский фронт, лишенный единого командования, стал распадаться на отдельные части[20]. 16 сентября немцы окружили польскую столицу. 14-я армия приблизилась к Львову, а двигавшийся на соединение с ней подвижный корпус группы армий «Север» 17 сентября достиг района Бреста. Таким образом, немецкое командование воспрепятствовало попыткам остатков польских армий пробиться на юг, в Восточную Галицию, а оттуда в Румынию.

17 сентября советское правительство, используя секретный советско-германский протокол от 23 августа, отдало приказ своим войскам занять восточные районы Польши — Западную Украину и Западную Белоруссию, которые в 1919 г. были захвачены польскими войсками и включены в состав Польского государства. В ночь на 18 сентября польское правительство, утратив контроль над страной, эмигрировало в Румынию. Президент И. Мосьцицкий объявил о своей отставке. Польское правительство в изгнании во главе с генералом В. Сикорским было сформировано 30 сентября в Париже и эмигрировало в Лондон.

28 сентября советские войска, практически не встретив сопротивления, выполнили поставленную перед ними задачу. Их действия мотивировались целью защиты украинцев и белорусов, брошенных польским руководством на произвол судьбы. В то же время эти действия были нарушением подписанных советским правительством с Польшей Рижского договора 1921 г. и Договора о ненападении 1932 г.

Героизмом и мужеством защитников города отмечена 20-дневная оборона Варшавы от немецко-фашистских захватчиков. 10 сентября, когда столица была почти окружена, ее гарнизон состоял из 17 пехотных батальонов, 10 батарей легкой и шести батарей тяжелой артиллерии, батальона танков. Этих сил было недостаточно для защиты такого большого города. Поэтому из жителей и рабочих польской столицы была сформирована Варшав-

ская добровольческая рабочая бригада, в которую вступили более 6 тыс. человек. Оборона польской столицы приняла характер народной борьбы против захватчиков. В ответ люфтваффе обрушило на город тысячи бомб. Только 27 сентября фашистская авиация произвела на Варшаву 1150 самолето-вылетов. Погибали старики, женщины и дети, уничтожались исторические памятники и произведения искусства, разрушались жилые кварталы. Потери среди гражданского населения составили около 25 тыс. убитых и несколько десятков тысяч раненых[21]. 28 сентября командование Варшавского гарнизона, исчерпав все силы и средства, которые можно было использовать для обороны, вынуждено было подписать акт о капитуляции. До конца сентября — начала октября продолжались ожесточенные бои за крепость Модлин, полуостров Хель и в районе Коцка.

Декретом Гитлера от 8 октября западные области страны с населением около 9,5 млн человек были объявлены «немецкими землями» и присоединены к Третьему рейху. Оккупированная Германией часть Польши перешла под управление военных:

— районы Цеханува и Сувалок в сентябре 1939 г. и Белосток в августе 1941 г. были включены в I военный округ;

— Данциг (ныне Гданьск) и северо-западная Польша в сентябре 1939 г. вошли в XX округ, а западная Польша тогда же вошла в XXI округ.

Оставшуюся, юго-восточную, часть страны в сентябре 1942 г. немцы превратили в генерал-губернаторство.

В войне с Польшей вермахт понес относительно небольшие потери: примерно 40 тыс. солдат и офицеров, в том числе 8 тыс. убитыми. Польша же потеряла 66,3 тыс. человек убитыми и 133 тыс. ранеными, 420 тыс. поляков попали в немецкий плен[22].

Быстрый успех вермахта в войне с Польшей объясняется прежде всего политическими просчетами руководства Польши, а также превосходством в силах. Односторонняя внешнеполитическая ориентация Польши на союз с западными державами обусловила ошибочный характер военно-стратегических планов ведения войны. Их осуществление считалось возможным только при условии, если Англия и Франция в случае фашистской агрессии окажут Польше немедленную и эффективную помощь. Однако эти надежды оказались тщетными.

Многие западные историки стремятся оправдать англо-французский отказ от выполнения военных гарантий, данных Польше. Они утверждают, что в сентябре 1939 г. Англия и Франция были не способны дать вооруженный отпор фашистской Германии, поскольку она «располагала решающим военным превосходством». Однако приведенный выше состав сил противоборствующих сторон опровергает подобные утверждения. Дело было не в отсутствии необходимых сил у англо-французских союзников, а в их нежелании всерьез воевать с Германией из-за Польши.

Польская кампания вермахта сыграла значительную роль в развитии военного дела, а также послужила росту авторитета Гитлера, его внешнеполитического курса и военной доктрины. В начале войны высшее командование вермахта сомневалось в правильности военно-теоретических разработок о стратегических наступательных операциях, а также полагало, что Великобритания и Франция будут верны союзным соглашениям с Польшей. По свидетельству западногерманского исследователя Г. Рооса, главный штаб сухопутных войск вермахта имел лишь «предварительные теоретические разработки танковой стратегии»[23]. В то же время поляки «твердо рассчитывали на непосредственную эффективную помощь Англии воздушными и морскими силами. Бесследно прошли исторические уроки прошлого, уже не раз показавшие подлинную цену обещанной помощи Англии, которая умела... воевать... чужими солдатами»[24].

Итоги польской кампании вермахта уже в 1940 г. были проанализированы советскими военными специалистами. В опубликованной в то время работе Г. С. Иссерсона говорилось:

«1. На польской стороне считали, что главные силы Германии будут связаны на Западе выступлением Франции и Англии и не смогут сосредоточиться на Востоке. Исходили из того, что против Польши будет оставлено около 20 дивизий и что все остальные силы будут

Польские артиллеристы на позиции

Подразделение немецкой 4-й танковой дивизии ведет бой на Вольской улице Варшавы

Королевский замок в Варшаве, подожженный немецкой артиллерией

брошены на Запад против англо-французского вторжения. Так велика была вера в силу и быстроту наступления союзников. Таким образом, план стратегического развертывания Германии в случае войны на два фронта представлялся совершенно превратно. Так же оценивались и возможности Германии в воздухе. <...>

2. На польской стороне считали, что в отношении активных действий со стороны Германии речь может идти только о Данциге, и даже не о всем данцигском коридоре, и Познани, отторгнутых от Германии по Версальскому договору. Таким образом, совершенно не уяснили себе действительных целей и намерений противника, сводя весь вопрос уже давно назревшего конфликта к одному Данцигу. Поэтому о Силезском направлении, откуда на самом деле последовал главный удар германской армии, весьма мало заботились.

3. На польской стороне считали, что Германия не сможет сразу выступить всеми предназначенными против Польши силами, так как это потребует их отмобилизования и сосредоточения. Предстоит, таким образом, еще такой начальный период, который даст возможность полякам захватить за это время Данциг и даже Восточную Пруссию»[25].

Наступательные действия вермахта против Польши и оказанное ему сопротивление составляют содержание первой кампании Второй мировой войны, в которой проявились новые черты в развитии форм и способов вооруженной борьбы. Для гитлеровских стратегов

Польша явилась своеобразным испытательным полигоном для проверки теоретических положений о молниеносной войне и об использовании видов вооруженных сил и родов войск в стратегической операции.

Германо-польская война выявила коренные изменения в содержании и характере начальных операций. Большинство намеченных мероприятий по мобилизации и развертыванию вооруженных сил вступивших в войну стран были реализованы в предвоенный период. Однако Германии удалось упредить своих противников в осуществлении этих мероприятий.

Военные действия вермахта в Польше показали, что возросла роль внезапного массированного удара заранее созданными группировками войск. Немецко-фашистское командование стремилось использовать как можно больше сил и средств для нанесения первого удара по противнику, чтобы предопределить успех первой операции и исход всей войны еще в начальный период. При этом самые мощные действия предпринимались на узких участках фронта, где создавалось многократное превосходство в силах и средствах.

В германо-польской войне проявились огромные оперативно-стратегические возможности танковых и военно-воздушных сил, резко возросшее значение взаимодействия танков и авиации. Командование сухопутных сил вермахта (ОКХ) впервые в боевых условиях использовало для прорыва обороны противника и развития успеха такие крупные подвижные войсковые формирования, как танковые дивизии, танковые и моторизованные корпуса. Действия авиации, согласованные по времени и месту с наступлением механизированных войск, позволили за сравнительно короткое время взламывать оборону противника на всю глубину, вводить в прорыв подвижные соединения и быстро развивать успех. Наступательная

Подбитый и сгоревший немецкий легкий танк Т-II на улице Варшавы

Польские военнопленные в Тишольском бору

операция приобрела новые черты: увеличивались ее глубина и темпы ведения, появились условия для маневра в глубине обороны по обходу и окружению противника.

Массированное использование танков и авиации ставило оборонявшихся перед необходимостью иметь глубоко эшелонированную оборону, способную выдержать удар танкового клина, и подвижные резервы для борьбы с прорвавшимся противником. Возросло значение противотанковой и противовоздушной обороны. Польская кампания показала, что линейная оборона, применявшаяся в Первую мировую войну, устарела.

27 сентября, когда немецкие войска завершали военные действия в Польше, Гитлер на совещании высшего командного состава вермахта заявил, что не в интересах Германии безучастно наблюдать, как Англия и Франция будут наращивать свой военный потенциал, а потому «нужно нанести удар в западном направлении и чем быстрее, тем лучше». На следующем совещании, 29 сентября, он сообщил своим генералам о решении разбить Францию еще до наступления зимы[26].

9 октября 1939 г. верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) издало директиву № 6 — план наступления на Францию и на Голландию, Бельгию и Люксембург. Этому плану было присвоено кодовое наименование «Гельб» («Желтый»). Первоначально назначенное на 12 ноября наступление переносилось 29 раз на более отдаленные сроки по причинам неготовности войск, неблагоприятных метеоусловий, а также в целях дезинформации противника и обеспечения внезапности первых ударов.

Одновременно готовилось нападение на Норвегию и Данию. Норвегия была для Германии путем транзита шведской руды и ключом к Северному морю[27]. Поэтому особую заинтересованность в этом плане стало проявлять главнокомандование военно-морских сил (ОКМ) сразу после разгрома Польши. На необходимости последней настаивал лично главнокомандующий немецким военно-морским флотом гросс-адмирал Эрих Редер[28], при

этом он подчеркивал опасность, исходящую от британского флота[29]. Немцев подталкивали также создававшиеся в Великобритании и Франции экспедиционные силы для отправки в Финляндию для боевых действий против Красной армии. Как полагали в немецком военном руководстве, часть этих сил под различными предлогами останется в Норвегии и Швеции, через которые они будут следовать транзитом. Как отмечал У. Ширер, «это был единственный акт немецкой военной агрессии, в которой решающую роль сыграл немецкий военно-морской флот. Это был также единственный план, для реализации которого ОКВ скоординировало действия всех трех видов вооруженных сил. По существу, с руководством армии даже не посоветовались, к великому раздражению военных. Геринга пригласили на авансцену только в последний момент»[30]. ОКМ рассчитывало создать опорные пункты в норвежских гаванях для базирования действовавших в Атлантике кораблей и подводных лодок, а также в самой северной точке Дании — мысе Скаген в целях контроля входа и выхода из Балтийского моря[31].

Тем временем продолжалась необъявленная германо-английская подводная война. Еще перед началом польской кампании Гитлер отдал приказ развернуть часть немецких подводных лодок и надводных кораблей в Атлантике, чтобы начать морскую блокаду Британских островов. Чтобы выжить и воевать, Великобритания должна была ежегодно доставлять морем до 40 миллионов тонн различных грузов. Гитлер приказал своему флоту наносить удары по самым уязвимым местам Британской империи — ее морским коммуникациям. Один за другим английские транспорты шли ко дну. Несли потери и боевые корабли британского флота. Уже 4 сентября 1939 г., то есть на второй день после объявления Англией войны Германии, немецкая подводная лодка U-30 потопила английский пассажирский лайнер «Атения». Первой громкой победой стало потопление 14 октября 1939 г. подлодкой U-47 английского линейного корабля «Ройял Оук» на английской верфи Скапа-Флоу. Погибло 786 английских матросов и офицеров[32]. Но к весне 1940 г. британскому флоту все же удалось блокировать немецкий флот в Северном море. Гитлер, не уделявший ранее особого внимания соображениям ОКМ по захвату Скандинавии (впервые Редер заявил об этом на совещании 10 октября 1939 г.), вернулся к ним лишь после инцидента с немецким транспортом «Альтмарк» в норвежских водах. 14 февраля 1940 г. «Альтмарк», перевозивший 300 английских военнопленных из Норвегии, был взят англичанами на абордаж, после чего последовала резкая нота британского Адмиралтейства в Осло.

В этих условиях в штабе ОКВ на основе директивы Гитлера от 1 марта 1940 г.[33] был разработан план операции по захвату Дании и Норвегии под кодовым наименованием «Везерюбунг» («Учения на Везере»). Согласно директиве операция должна была проводиться силами 21-й оперативной группы. В ее состав были включены два линкора, семь крейсеров, 14 эсминцев, восемь торпедных катеров, 30 подводных лодок и большое число транспортных судов. Две пехотные дивизии, стрелковая бригада и танковый батальон предназначались для вторжения в Данию, а пять пехотных и одна горнострелковая дивизия — в Норвегию. 800 боевых и транспортных самолетов должны были обеспечить тактическую поддержку ВМС и сухопутных войск, а также воздушные перевозки в Норвегию[34].

Немецкая группировка значительно превосходила датские и норвежские вооруженные силы. Дания имела две дивизии, около 150 самолетов, два броненосца береговой обороны, 17 торпедных катеров, 11 подводных лодок; Норвегия — шесть дивизий милиционного характера, около 200 самолетов, четыре корабля береговой обороны, 24 торпедных катера, девять подводных лодок, 11 минных заградителей, шесть минных тральщиков. Военно-воздушные и военно-морские силы Дании и Норвегии предназначались лишь для выполнения задач боевого охранения. Их сухопутные войска были плохо вооружены и слабо обучены. Однако британское командование заранее знало о подготовке Германией «Учений на Везере»[35]. Только 8 апреля, английские ВМС начали минирование норвежских вод. Но было уже поздно.

Без объявления войны на рассвете 9 апреля началось вторжение немецких войск в Данию и Норвегию. Немецкие десанты под командованием генерала Фалькенхорста высадились в портах Нарвик, Тронхейм, Берген, Кристиансанн и Осло, а также на аэродромы Форнебю в Осло и аэродром в Ставангере. После того как прогремели первые выстрелы, немецкие

Немецкий зенитчик прикрывает войска, участвующие
во вторжении в Данию. Апрель 1940 г.

Немецкий тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер»
атакует британский эсминец «Глоуворм»

Немецкие солдаты в горящей норвежской деревне. Весна 1940 г.

Колонна британских военнопленных под конвоем немецких солдат в Норвегии

посланники в Копенгагене и Осло вручили датскому и норвежскому правительствам ультиматумы, чтобы они немедленно приняли меры по обеспечению беспрепятственной оккупации их стран. Датский король Кристиан X и его правительство подчинились. Внезапность и быстрота немцев поразили датского монарха[36]. Он обратился к народу с призывом «сохранять спокойствие и порядок», «воздерживаться от всякого сопротивления немцам»[37]. К концу дня немецкие войска, потеряв два человека убитыми и 10 ранеными, оккупировали Данию. Успеху вермахта способствовали быстрые и скоординированные действия войск. Для их переброски непосредственно в Копенгаген были использованы пассажирские паромы, быстро отрезан и захвачен главный узел связи датских войск.

Иначе развивались события в Норвегии. Утром 9 апреля норвежское правительство отклонило германский ультиматум, но колебалось: вступать в борьбу или капитулировать. В стране была объявлена частичная мобилизация. Береговой батарее в Осло-фиорде, которая встретила огнем появившиеся там немецкие корабли и потопила тяжелый крейсер «Блюхер», был отдан приказ прекратить огонь. Затем все высшее политическое и военное руководство Норвегии эвакуировалось из Осло в глубь страны. Одна из норвежских дивизий, находившаяся в окрестностях столицы, вместо того чтобы вступить в бой с высадившимся немецким парашютным десантом, отступила к границе соседней Швеции. Вскоре немецкие войска без каких-либо помех вступили в Осло. Вечером с согласия немецкого командования по радио Осло выступил лидер норвежских фашистов В. Квислинг. Он объявил о создании своего правительства и распорядился отменить мобилизацию[38].

Растерянность норвежского руководства и пособничество «пятой колонны» во главе с Квислингом позволили немецким войскам в первый же день операции «Везерюбунг» захватить не только столицу Норвегии, но и все крупные портовые города: Кристиансанн и Берген — в южной, Тронхейм — в центральной и Нарвик — в северной части побережья.

Норвежское правительство приняло решение дать отпор агрессору лишь 11 апреля, когда бóльшая часть личного состава его сухопутных войск или дезертировала, или сдалась в плен противнику. Тем не менее главнокомандующему норвежской армией генералу О. Рюге через несколько дней, когда Южная Норвегия была уже занята противником, удалось собрать под своим командованием до 60 тыс. человек из различных воинских частей, резервистов и добровольцев. Используя особенности местности, они вели сдерживающие бои в надежде на помощь со стороны Англии и Франции.

Нападение Германии на Данию и Норвегию оказалось для руководства англо-французской коалиции неожиданным. Несмотря на это, английский флот 10 и 13 апреля в ходе двух атак в фьордах Нарвика потопил 10 эсминцев, подводную лодку, транспорт с оружием, шесть торговых судов противника и блокировал с моря немецкий десант, высадившийся в Нарвике. Однако дальнейшие действия западных союзников, хотя и принесли немало беспокойства немецкому командованию, в целом были неудачны. Сначала англо-французское командование решило направить свои войска в район Нарвика. 14 апреля там высадились первые английские части. Но к тому времени было принято новое решение о высадке войск не в Северной, а в Центральной Норвегии. С 17 по 27 апреля в г. Намус (в 135 км севернее Тронхейма) и в г. Ондальснес (примерно в 100 км южнее Тронхейма) высадились до 13 тыс. солдат и офицеров[39]. Из Намуса войска союзников начали наступление на Тронхейм, а из Ондальснеса — в направлении на Осло. Этими действиями союзники нарушили снабжение немецких войск по железной дороге из Южной Норвегии в Тронхейме и Нарвике. Для того чтобы исправить положение, верховное командование вермахта срочно сформировало 5-й воздушный флот, который начал «неограниченную воздушную войну» против англо-французских и норвежских войск в Центральной Норвегии. Господство немецких ВВС в воздухе заставило немногочисленные войска союзников 1–2 мая эвакуироваться из Намуса и Ондальснеса. Норвежские войска, действовавшие в Центральной Норвегии, лишились всякой помощи. 3 мая они вынуждены были капитулировать.

В начале мая англо-французское командование решило попытаться разгромить противника в Северной Норвегии. Численность союзных англо-франко-польских войск в районе

Бои в Норвегии. Апрель 1940 г.

Нарвика с учетом частей, прибывших из Намуса и Ондальснеса, была доведена до 25 тыс. человек[40]. Им удалось потеснить немецкие войска в Нарвике под командованием Э. Дитля, насчитывавшие примерно 4500 человек, и занять удобные позиции для наступления. Но начавшееся 10 мая наступление немецких войск в Западной Европе вынудило союзное командование принять решение о прекращении борьбы в Норвегии. 28 мая англо-французские войска выбили немецкие подразделения из Нарвика для того, чтобы создать выгодные условия для эвакуации. 8 июня их последние части покинули Нарвик. Через два дня капитулировали остатки норвежских войск. Норвежский король Хокон и его правительство эмигрировали в Лондон. 19 апреля 1940 г. Гитлер назначил имперским комиссаром Норвегии Йозефа Тербовена, который отличился в карательных акциях против партизан и мирного населения.

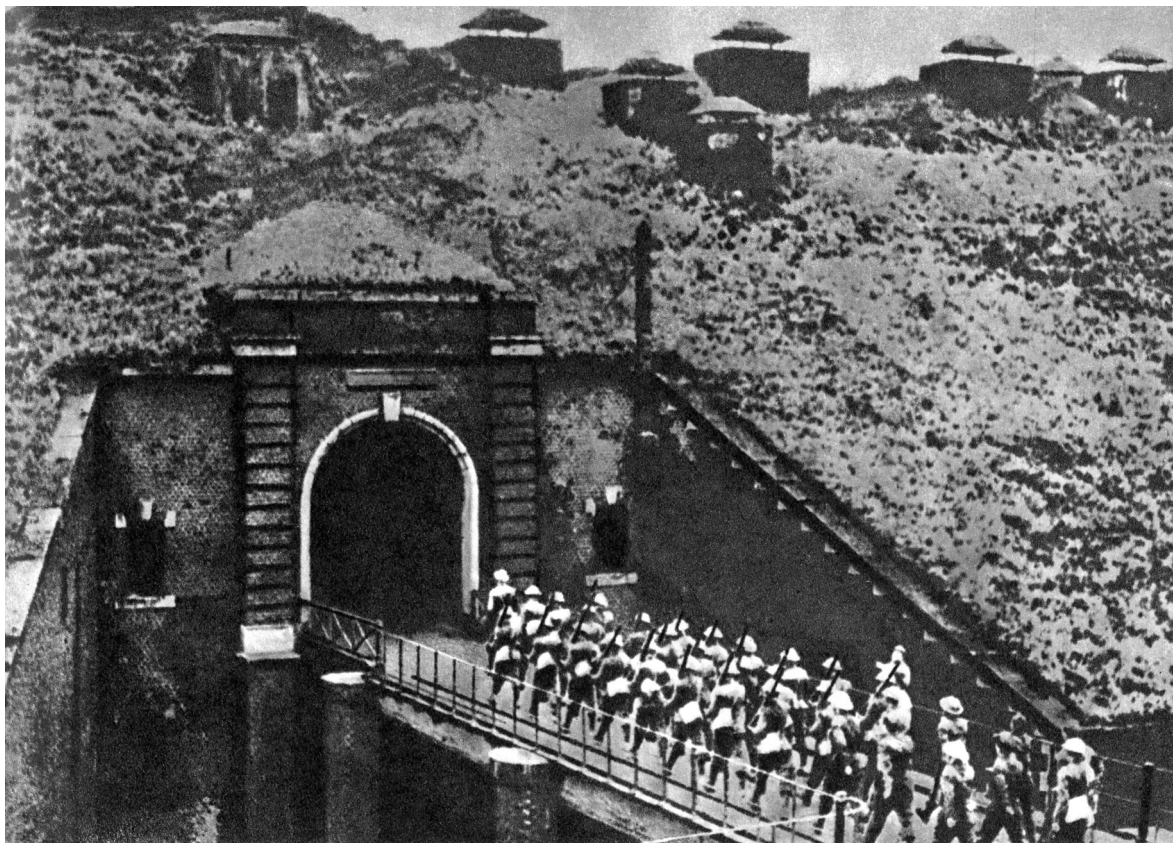
Благодаря захвату двух скандинавских стран германские вооруженные силы получили возможность создать на их территории выгодные базы для дальнейшего ведения войны на море и в воздухе. Обратной стороной этого успеха была слишком большая цена, которую пришлось заплатить германским ВМС. В ходе операции «Везерюбунг» они потеряли один тяжелый и два легких крейсера, 10 эсминцев, один торпедный катер, т. е. около половины своих надводных боевых кораблей, шесть подводных лодок и несколько десятков малых и больших транспортных судов[41]. Германия получила стратегически важный плацдарм на севере Европы, расширила район базирования флота и авиации и обеспечила подвоз стратегического сырья из скандинавских стран. С другой стороны, увеличение военно-морских баз вело к растягиванию коммуникаций германского флота, что было крайне нежелательно на фоне более мощных британских ВМС. Невелико для последующих событий было значение захваченных аэродромов, поскольку большинство немецких самолетов по боевым характеристикам не были готовы производить бомбардировку Англии, и тем более Франции, с норвежских аэродромов.

Одним из следствий норвежской кампании вермахта стали возникновение собирательного образа Квислинга как наймита гитлеровцев и обострение страха у возможных жертв гитлеризма перед «пятой колонной» — орудия психологической войны нацизма. Как отмечают современные исследователи, «идея подрывной работы изнутри могла привлечь Гитлера и Розенберга, но одного соблюдения секретности было достаточно, чтобы не посвящать добровольного союзника в свои военные планы. Квислинг с самого начала был источником политических трудностей и основной причиной неудачи запланированной «мирной оккупации»[42].

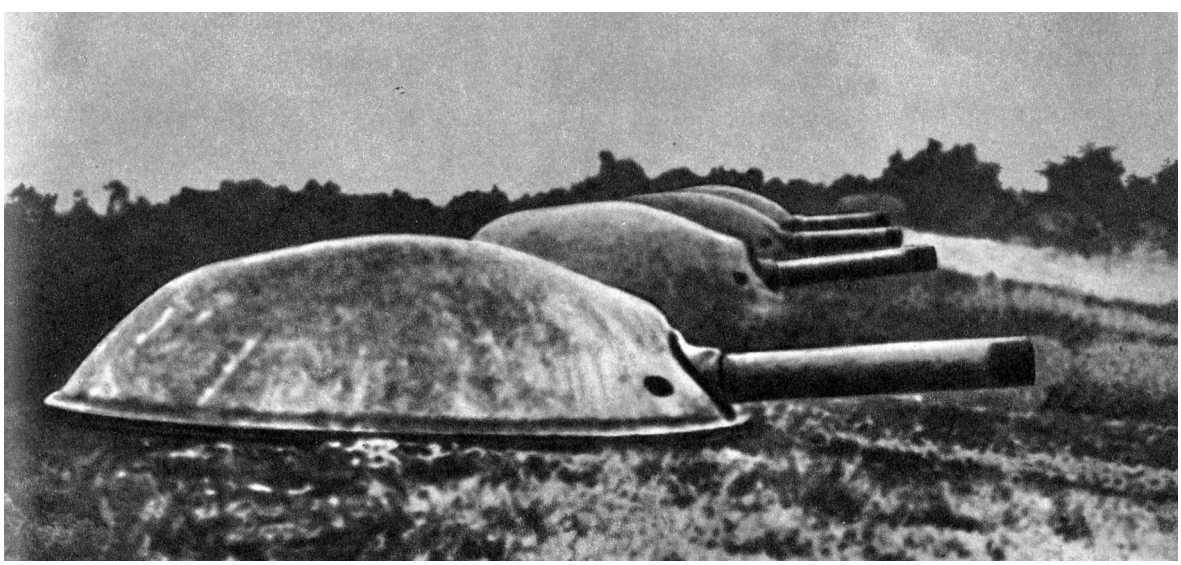
Поражение союзников в Норвегии не изменило оптимистических прогнозов англо-французского командования[43]. Оно предполагало, что немцы нанесут удары в направлениях: Ахен — Льеж — Мобеж; Ахен — Шарлевиль; через Люксембург на Тьонвиль, Саарлуи — Мец; или через Голландию на Антверпен и Лиль, или через Швейцарию на Бельфор[44]. Поэтому находившиеся у западной границы Германии англо-французские войска бездействовали с сентября 1939 г. до мая 1940 г., ожидая действий вермахта. Правительства Англии и Франции надеялись склонить Германию к заключению мира, который позволил бы ей без опасения за свой тыл на западе продолжить агрессию на востоке. Но у германского руководства были иные планы. Оно намеревалось разгромить англо-французскую коалицию и лишь затем начать войну против СССР.

В апреле 1940 г. были завершены последние приготовления вермахта к наступлению на Западном фронте. Группировка немецких войск состояла из 136 дивизий (в их числе 10 танковых и семь моторизованных, имевших 2,6 тыс. танков и 7,4 тыс. артиллерийских орудий калибра 75 мм и выше). В составе двух воздушных флотов насчитывалось свыше 3,8 тыс. боевых самолетов. Общая численность личного состава наступательной группировки достигала 3,3 млн человек.

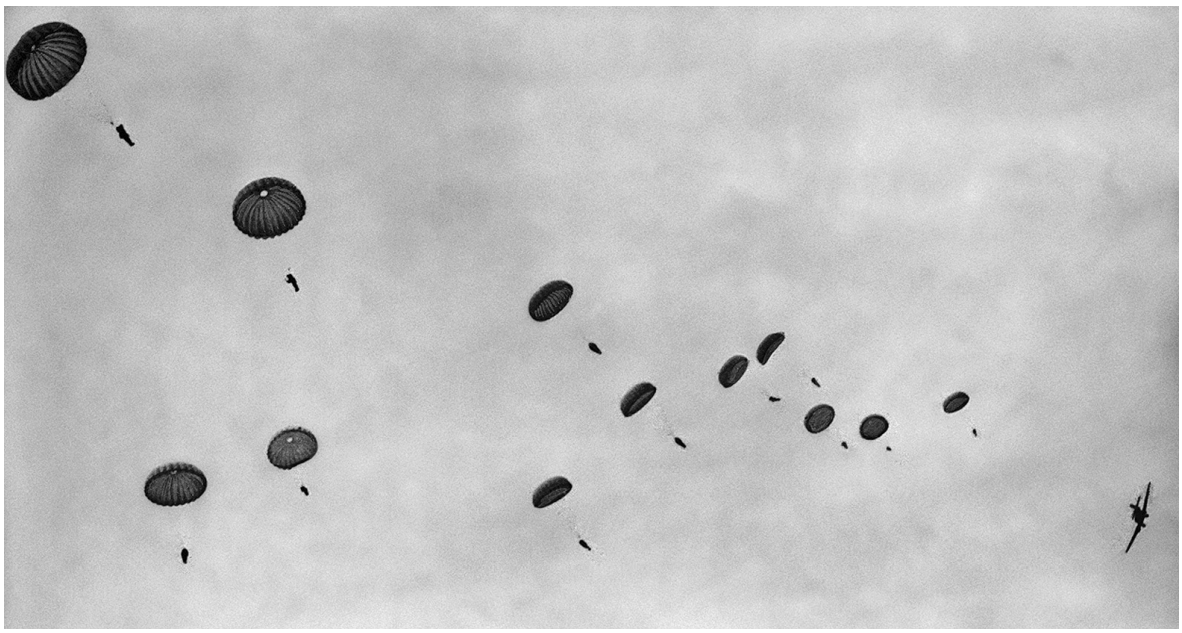
В противостоявших ей войсках Англии, Франции, Бельгии и Голландии было 147 дивизий (из них три танковые, три механизированные и 17 моторизованных), более 14,5 тыс. артиллерийских орудий калибра 75 мм и выше, около 3,8 тыс. боевых самолетов. Общая численность союзных войск достигала 3,8 млн человек[45]. Их основой являлись три группы французских

Подразделение британских экспедиционных войск занимает позицию на линии Мажино

Участок линии Мажино

Немецкие парашютисты над фортом Эбен-Эмаэль

Немецкие войска в Люксембурге. Май 1940 г.

Британский подрывник готовится взорвать мост в районе Леувен в Бельгии, чтобы задержать продвижение немецких частей. Май 1940 г.

Бельгия: проводы на фронт

армий (командующий генерал Ж. Жорж) и британские экспедиционные силы (командующий генерал Д. Горт). Различие в соотношении сил было невелико. Однако войска союзников уступали противнику в боевой подготовке, не имели опыта крупномасштабных наступательных операций с применением современных средств вооруженной борьбы и в отличие от немецких войск единого командования.

Согласно директиве на развертывание войск по плану «Гельб», изданной главным командованием вермахта 24 февраля 1940 г.[46], на Западном фронте было создано три группы армий. На северном его крыле от Северного моря до Ахена исходные позиции заняла группа армий «Б» (командующий генерал-полковник Ф. Бок); в центре фронта от Ахена до Мозеля — группа армий «А» (командующий генерал-полковник Г. Рундштедт); на южном крыле фронта в Сааре и вдоль Верхнего Рейна — группа армий «Ц» (командующий генерал-полковник В. Лееб). Чтобы в максимально короткий срок сломить оборону противника, было принято решение нанести главный удар в полосе группы армий «А» через бельгийские Арденны, которые, по общепринятому тогда мнению, из-за слабо развитой сети горных дорог считались малопригодными для продвижения крупных масс войск. В состав группы армий «А» было включено танковое соединение под командованием генерала Э. Клейста (пять танковых и три моторизованные дивизии). Ему была поставлена задача прорваться через Арденны к Ла-Маншу, отрезать находившиеся восточнее войска западных союзников и во взаимодействии с группой армий «Б» разгромить их. Группа армий «Ц», развернутая в Сааре и на Верхнем Рейне, должна была в это время сковать противостоявшие ей французские войска на германо-французской границе, занимавшие укрепления так называемой линии Мажино; 2-й и 3-й воздушные флоты в первые часы наступления должны были уничтожить на аэродромах основную массу самолетов противника, а затем поддержать свои сухопутные войска на направлениях главных ударов.

Французский генеральный штаб при планировании военных действий против Германии отдавал предпочтение позиционным формам борьбы. В ходе длительной обороны на линии Мажино он рассчитывал ослабить противника, а затем в ходе наступления разгромить его. Учитывая опыт Первой мировой войны, французское военное командование не исключало, что немецкие войска предпримут наступление через бельгийскую равнину севернее Арденн. В этом случае согласно утвержденному им осенью 1939 г. плану под кодовым наименованием «Диль» часть французских и английских сил должна была выдвинуться из-за линии Мажино в Бельгию и Голландию и создать там фронт по линии Намюр — Диль — Антверпен.

10 мая 1940 г. на рассвете Риббентроп сообщил послу Бельгии и посланнику Нидерландов в Берлине, что германские войска перейдут государственную границу их стран якобы в целях обеспечения нейтралитета перед лицом нависшей угрозы нападения англо-французских армий. Почти сразу после заявления Риббентропа 18-я немецкая армия вторглась в северо-восточные провинции Нидерландов, прорвала оборонительные позиции на линии Пел. Голландские войска отступили за водные преграды в «Крепость Голландия»[47]. Начала боевые действия авиация. Она нанесла удары по 72 аэродромам Бельгии, Голландии и Франции. Почти вся бельгийская и голландская авиация была уничтожена на земле, а французская понесла тяжелые потери. Затем немецкие ВВС приступили к бомбардировке военных сооружений и скоплений войск противника. В тылу бельгийских и голландских войск были выброшены воздушные десанты, которые начали захватывать и разрушать оборонительные укрепления с целью обеспечить высокие темпы наступления своих войск. Под натиском 6-й немецкой армии, двигавшейся к главной полосе обороны союзников на рубеже реки Диль, бельгийские войска отступали на запад. Десантные группы овладели мостами через реку Маас и канал Альберта.

Для наступления севернее Мааса в направлении плато Жамблу командующий 6-й армией выдвинул вперед 16-й танковый корпус. Ему предстояло 13 мая вступить в бой с передовыми французскими танковыми частями корпуса генерала Р. Приу, вошедший в историю как один из первых крупных танковых боев Второй мировой войны[48].

Усилиями 85 немецких десантников была проведена успешная операция на территории форта Эбен-Эмаэль. Встроенный в массив горы, он имел подвижной бронированный купол

Немецкая пехота марширует по французскому городу. Май 1940 г.

Немецкий танк T-III в районе реки Эна. Июнь 1940 г.

Экипаж французского танка перед своей машиной

Танк T-III из состава 7-го танкового полка 10-й танковой дивизии вермахта,
подбитый во Франции

с двумя 120-мм пушками, два бронированных купола с двумя 75-мм пушками в каждом, четыре артиллерийских каземата (12 пушек калибра 75 мм), огневые позиции для 12 противотанковых 60-мм пушек, большое количество пулеметных гнезд. Гарнизон форта насчитывал 1200 человек. Артиллерия форта Эбен-Эмаэль могла держать под почти непрерывным огнем все мосты через Маас у Маастрихта и через канал Альберта. Поэтому подготовке спецотряда вермахта было уделено особое внимание. Десантники почти год оттачивали свое мастерство на специально сооруженном макете форта в натуральную величину[49]. Приблизившись, они забросали входы форта гранатами. Используя специальные (на тот момент сверхсекретные) кумулятивные заряды, уничтожили перископы и вывели из строя бронеколпаки[50]. Форт имел запасы продовольствия и боеприпасов на 30 суток, но продержался всего один день. После падения форта оборона бельгийцев на канале Альберта простояла один день и рухнула.

В целом боевые действия вермахта на первом этапе похода на Францию (10 мая — 4 июня) развивались так, как их запланировали в Берлине. В то время, когда в соответствии с планом «Диль» англо-французские войска своим левым флангом выдвигались в Бельгию и Голландию с целью создать там оборону, танковая группа Клейста в течение двух дней, не встретив какого-либо сопротивления, преодолела Арденны и достигла р. Маас. 13 мая она захватила плацдарм на его западном берегу. В результате массированного применения танков и авиации группа армий «А» быстро продвинулась на северо-запад. 20 мая ее передовые танковые части вышли к Ла-Маншу у г. Абвиль. В результате англо-французские войска, выдвинувшиеся в северо-восточные районы Франции и Бельгии, оказались отрезанными. К этому времени группа армий «Б» сломила сопротивление голландских войск. Правительство Голландии 15 мая капитулировало. 18 мая немецкие войска вступили в Брюссель и Антверпен.

Внезапность и тактическая новизна во многом способствовали достижению вермахтом своих целей. Одним из примеров может служить захват немецкими десантниками практически неприступного форта Эбен-Эмаель — ключевой позиции бельгийской обороны.

21 мая группы армий «А» и «Б» начали концентрическое наступление против отрезанных во Фландрии англо-французских войск. Попытки французского командования сорвать это наступление контрударами не имели успеха. 24 мая танковые соединения группы армий «А» неожиданно получили приказ остановить наступление (так называемый «стоп-приказ») и использовать короткую передышку для подготовки к участию в новом этапе вооруженной борьбы. Выдвигаются различные версии по этому поводу, среди которых основными являются:

— необходимость восстановления танкового парка;
— переоценка возможностей германской авиации;
— предпосылка для сговора между Германией и Англией.

Не одна из версий не имеет однозначных аргументов в свою пользу, и вопрос, с исследовательской точки зрения, остается нерешенным. Однако современные немецкие исследователи склоняются к политическим причинам[51]. «Стоп-приказ» оставался в силе до вечера 26 мая.

Так или иначе, но приостановка наступления вермахта позволила отрезанным войскам союзников создать временную оборону вокруг портового города Дюнкерк и 26 мая приступить к эвакуации на Британские острова (операция «Динамо»). Капитуляция 28 мая Бельгии значительно ухудшила их положение. Бросив все свое тяжелое вооружение, 340 тыс. английских и французских солдат и офицеров до 4 июня успели все же переправиться под прикрытием английской авиации через Ла-Манш в Англию[52].

Тем временем окруженные гарнизоны Булони и Кале оказывали мужественное сопротивление, но 25 мая фашистские войска все-таки захватили Булонь, а 26-го — Кале. 27 мая король Бельгии Леопольд III принял решение о капитуляции. И в ночь с 27 на 28 мая был подписан протокол о безоговорочной капитуляции, по условиям которой бельгийская армия разоружалась и весь ее личный состав считался в плену немецких войск.

27 мая, когда англичане начали эвакуацию из Дюнкерка, приказ об остановке танков Клейста на рубеже Аа был отменен. Войска Рундштедта нанесли два рассекающих удара с запада в направлении Ипра и Турне, чтобы разгромить противника и соединиться с группой

армий «Б», наступавшей с востока. Союзники вели упорные бои, но не могли противостоять и начали отход. Отступление британских войск за рубеж реки Лис создало тяжелую обстановку для шести французских дивизий в районе Лилля. Они оказались отрезанными от основной группировки своих войск и вели борьбу в окружении. 31 мая они вынуждены были сложить оружие.

Французскому командованию в сложившейся обстановке стало ясно, что о какой-либо длительной обороне плацдарма в районе Дюнкерка не может быть и речи. 28 мая французское адмиралтейство поручило контр-адмиралу Ландрио создать флотилию для эвакуации своих войск. В состав флотилии было включено девять эсминцев, шесть миноносцев, около 20 других военных кораблей и почти 200 гражданских судов.

28 и 29 мая войска союзников отошли на небольшой плацдарм у Дюнкерка. Тем временем в Дюнкерке осуществлялась операция «Динамо», которой англичане и американцы придают огромное значение, чуть ли не переломное в войне[53]. Войска союзников, отойдя на узкий плацдарм у Дюнкерка, организовали оборону по каналам Мардик, Бас-Кольм и далее к побережью восточнее Ла-Панна.

31 мая Горт покинул Францию. На плацдарме остались три английские дивизии под командованием генерала Г. Александера, которые были эвакуированы к 3 июня. За этот период оттуда удалось вывезти 338 тыс. человек, из которых 215 тыс. составляли англичане, а 123 тыс. — французы, бельгийцы и поляки. Англичане бросили всю артиллерию и почти все военное имущество. В ходе эвакуации союзниками было потеряно 224 корабля и транспортных судна и 106 самолетов[54]. 4 июня в Дюнкерк вошли немецкие войска.

С его падением закончилась первая стратегическая операция вермахта, имевшая целью разгром союзных войск в Бельгии и Северной Франции. После окончания боевых действий под Дюнкерком немецко-фашистское командование начало вторую стратегическую операцию во Франции под кодовым названием «Рот». Реализация плана «Рот» состояла из двух частей: предварительных атак 5 июня на западе через реку Сомма в сторону Сены и основного наступления 9 июня в центре над рекой Эна.

Успех вермахта на первом этапе наступления вызвал пораженческие настроения среди французских руководителей. 18 мая на пост вице-председателя совета министров был назначен маршал А. Петэн, а 19 мая состоялась замена начальника французского генерального штаба генерала М. Гамелена генералом М. Вейганом. Оба военных деятеля были известны как сторонники примирения с германским нацистским режимом.

После утраты северо-восточных областей Франция оказалась в тяжелейшем положении. До 30 ее дивизий были уничтожены. Из 71 оставшейся дивизии 48 заняли оборону от устья р. Сомма до линии Мажино. 17 дивизий оборонялись на самой линии. Еще шесть дивизий прикрывали в Альпах границу с Италией. Перечисленные соединения были ослаблены в боях, имели большой некомплект личного состава и вооружения. Численное и качественное превосходство было на стороне вермахта. В его трех группах армий насчитывалось 117 дивизий: 93 из них были готовы наступать на французские позиции от устья р. Сомма до линии Мажино; четыре дивизии обеспечивали их прикрытие с моря в районе Дюнкерка; 20 дивизий были развернуты против линии Мажино.

Для операции «Рот» с немецкой стороны всего было развернуто 140 немецких дивизий, из них 10 танковых, и две моторизованные бригады. Группа армий «Б» под командованием генерал-полковника Бока в составе 4, 6 и 9-й армий (48 дивизий, из них шесть танковых и четыре моторизованные, и две моторизованные бригады) заняла позиции от побережья по Сомме, каналу Уаза — Эна до реки Эна. В задачу группы армий входило: с рубежа реки Сомма наступать в южном направлении и захватить Гавр и Руан на Сене, левым флангом занять южный берег канала Уаза — Эна и выйти на линию южнее Суассона, Компьеня, обеспечивая нанесение главного удара. В составе войск генерала Бока находились 15-й танковый корпус Гота, который должен был наступать с плацдарма у Абвиля к устью Сены, и танковая группа Клейста (16-й танковый и 14-й моторизованный корпуса), имевшая задачу вести наступление восточнее Парижа и захватить переправы на Марне.

Руководители государств — участников войны против СССР

А. Гитлер

Б. Муссолини

Х. Тодзио

И. Антонеску

М. Хорти

К.-Г. Маннергейм

Ф. Франко

Й. Тисо

Политические деятели и дипломаты государств антигитлеровской коалиции

У. Черчилль

Ф. Рузвельт

Ш. де Голль

И. Броз Тито

М. Литвинов

Г. Гопкинс

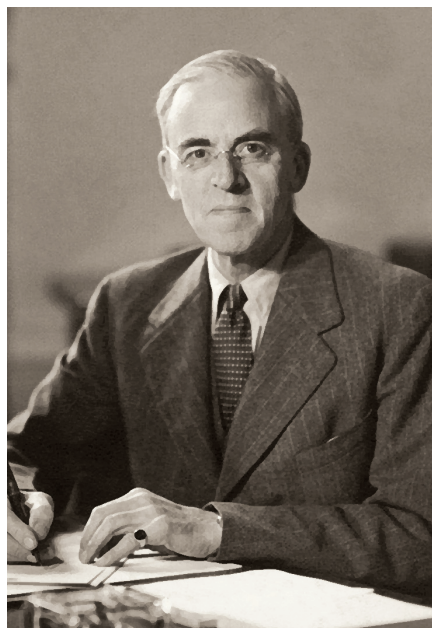
А. Гарриман

Э. Бенеш

К. Хэлл

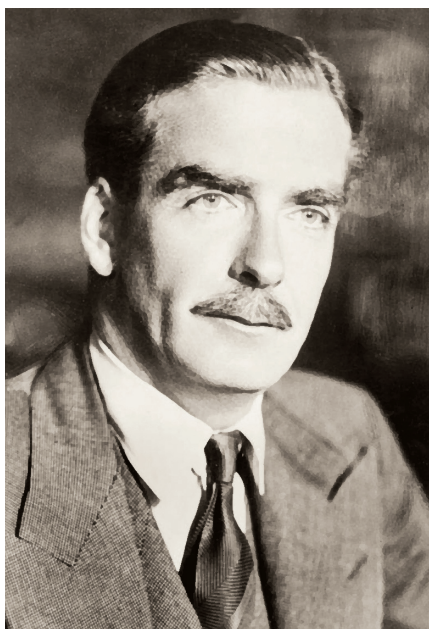
С. Криппс

К. А. Уманский

И. М. Майский

А. Иден

С. Уэллес

В. Сикорский

Чан Кайши

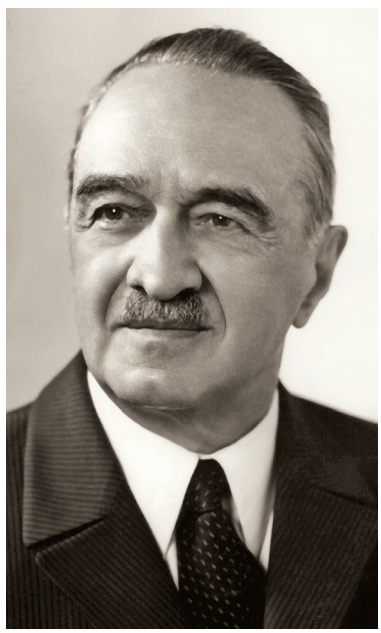

Мао Цзэдун

Политические и общественные деятели СССР

Н. А. Вознесенский

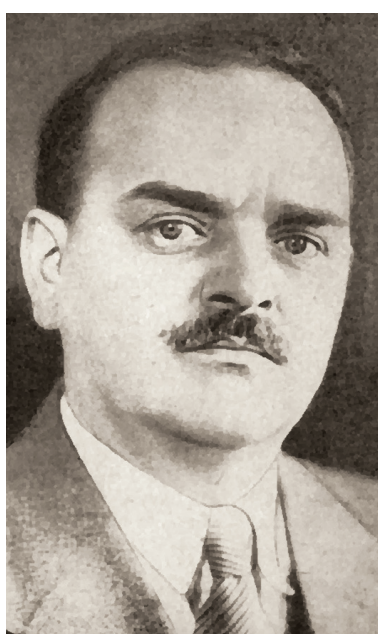
А. И. Микоян

Л. М. Каганович

А. А. Жданов

Н. М. Шверник

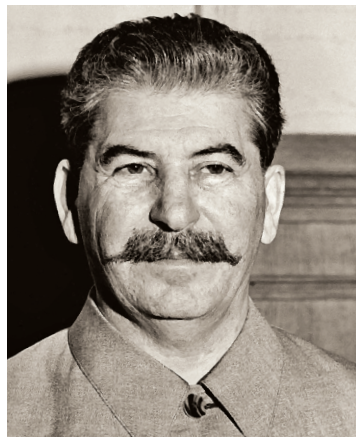

Патриарх Сергий

Ставка Верховного главнокомандования
(состав на 23 июня 1941 г.)

С. К. Тимошенко
(Председатель СВГК)

И. В. Сталин

К. Е. Ворошилов

В. М. Молотов

Г. К. Жуков

С. М. Буденный

Н. Г. Кузнецов

Танк «Матильда I» прикрывает отступление английской пехоты к Дюнкерку. Конец мая 1940 г.

Английские солдаты, взятые в плен немцами в Дюнкерке

Группа армий «А» под командованием генерал-полковника Рундштедта в составе 2, 12 и 16-й армий (45 дивизий, из них четыре танковые и две моторизованные) занимала фронт по реке Эна и далее на восток до границы с Люксембургом и должна была нанести удары по обе стороны Реймса в общем направлении на Бар-ле-Дюк, Сен-Дизье. Для усиления войск Рундштедта была сформирована танковая группа генерала Гудериана (39-й и 41-й танковые корпуса), которая должна была действовать в направлении плато Лангр, заходя в тыл линии Мажино.

Группа армий «Ц» (20 пехотных и четыре крепостные дивизии) под командованием генерал-полковника Лееба занимала позиции по линии Зигфрида и Рейну в готовности к прорыву линии Мажино.

Военно-воздушным силам ставилась задача обеспечить господство в воздухе, оказать непосредственную поддержку сухопутным войскам, сорвать попытки противника создать способные к сопротивлению группировки сил.

18-я армия (четыре пехотные дивизии) дислоцировалась в районе Дюнкерка, обеспечивая оборону побережья. В ходе операции «Рот» планировался ввод этой армии в сражение для наращивания сил наступления. В резерве главнокомандования сухопутных войск оставалось 19 пехотных дивизий.

5 июня находившаяся на правом крыле фронта группа армий «Б» перешла в наступление в западном направлении к р. Сена и в южном направлении к Парижу. Начался второй этап западного похода вермахта, который завершился 22 июня. Группа армий «Б», сломив упорное сопротивление противника, развернула наступление в западном и южном направлениях. 14 июня ее войска без боя захватили Париж, который французское правительство заблаговременно провозгласило открытым городом. 19 мая часть войск этой группы армий вышла на побережье Атлантики в районе г. Брест.

8 июня танковые части Гота вышли в район Эльбефа (юго-восточнее Руана). Успехи немецко-фашистских войск на руанском направлении облегчили наступление 6-й армии генерала Рейхенау, которая теснила 7-ю французскую армию и продвигалась на Компьень. 9-я армия немцев форсировала реку Эна у Суассона и вынудила отступить левый фланг 6-й французской армии генерала Тушона. Оборона французов на Сомме пала. Формировалась новая линия фронта от устья Сены до Понтуаза на реке Уаза, далее через Санлис к рубежу реки Урк. Северо-западнее столицы выдвигалась Парижская армия.

После крупных успехов наступления группы армий «Б» командование вермахта получило возможность развивать дальше операцию «Рот».

Группа армий «А» 9 июня перешла в наступление из Северо-Восточной Франции в юго-восточном направлении. У границы Швейцарии ее войска повернули на восток и ударили с тыла по французским войскам, занимавшим южную часть линии Мажино. Немецким войскам удалось создать плацдарм. В сражение была введена танковая группа Гудериана, которая, выйдя на оперативный простор, должна была стремительно продвигаться в южном направлении на плато Лангр, обходя с запада французские войска на линии Мажино. Французское командование предприняло контрудар силами трех резервных дивизий. Но попытка организовать активное противодействие противнику не увенчалась успехом. Контрудар лишь на некоторое время задержал продвижение немецких войск. Одновременно войска группы армий «Ц» развернули наступление на северную часть линии Мажино в районе г. Саарбрюккен. Под ударами с тыла и фронта французские войска были вынуждены начать отход в глубь страны, но были вскоре окружены противником и сложили оружие.

Итальянское правительство, уверовав в близкую победу Германии в войне на западе, 10 июня 1940 г. объявило войну Англии и Франции. Оно рассчитывало, что на правах союзника Германии ему удастся при заключении победоносного мира существенно расширить сферу своего господства в Средиземноморском бассейне и в Северной Африке. Фашистские войска открыли боевые действия, поскольку союзники вопреки ранее разработанным планам, не стали атаковать военно-морские базы и промышленные центры Италии. Более того, верховный совет англо-французского командования принял решение воздержаться от проведения крупных операций против Италии.

Английские и французские военнопленные.
Северная Франция. Лето 1940 г.

На начало наступления итальянская группа армий «Запад» принца Умберто II насчитывала 323 тыс. человек, объединенных в 22 дивизии, которые к концу наступления возросли до 32 дивизий, и имела 3 тыс. орудий и минометов. В резерве находились 7-я армия и танковые части[55]. Но какого-либо военного вклада в разгром Франции Италия не внесла. Попытки итальянских войск прорваться через итало-французскую границу в Альпах в Южную Францию были сорваны противостоявшими им шестью французскими дивизиями.

На франко-германском фронте сложилось катастрофическое положение. 12 июня на западном участке оборонительной позиции перед Парижем противник форсировал Сену. На востоке южнее рубежа реки Марна немецкие войска достигли Монмирайа. В Шампани неудержимо продвигались на юг танковые соединения группы армий Рундштедта.

С согласия правительства Вейган отдал приказ сдать врагу столицу без боя. Утром 14 июня гитлеровские войска вступили в Париж. Огромный город опустел. Три четверти населения покинули его. Во Франции разразилась гуманитарная катастрофа, жертвами которой стали более 6 млн беженцев.

На фронте организованное сопротивление французских войск было сломлено. В соответствии с директивой Вейгана французские армии начали общее отступление, стремясь выйти из-под ударов немецко-фашистских войск и занять линию Кан (на побережье Ла-Манша), Тур, Средняя Луара, Кламси, Дижон, Доль.

Под натиском немецко-фашистских войск французские армии отступали, теряя управление, не успевая закрепиться на каком-либо рубеже. Танковая группа Клейста достигла Сены северо-западнее Труа и продолжала наступление в направлении Лиона.

15 июня войска Гудериана взяли старую французскую крепость Лангр. На следующий день был захвачен Гре, а 17 июня — Безансон. Немецкие танки достигли швейцарской границы у Понтарлье.

17 июня танковая группа Гудериана продолжала глубокий обход линии Мажино, отрезая французские войска в Эльзасе и Лотарингии.

19 июня части 10-й французской армии прекратили сопротивление. Немецко-фашистские войска захватили французскую военно-морскую базу Брест. На побережье Атлантического океана немецкие соединения захватили Сен-Назер, Нант и Ла-Рошель.

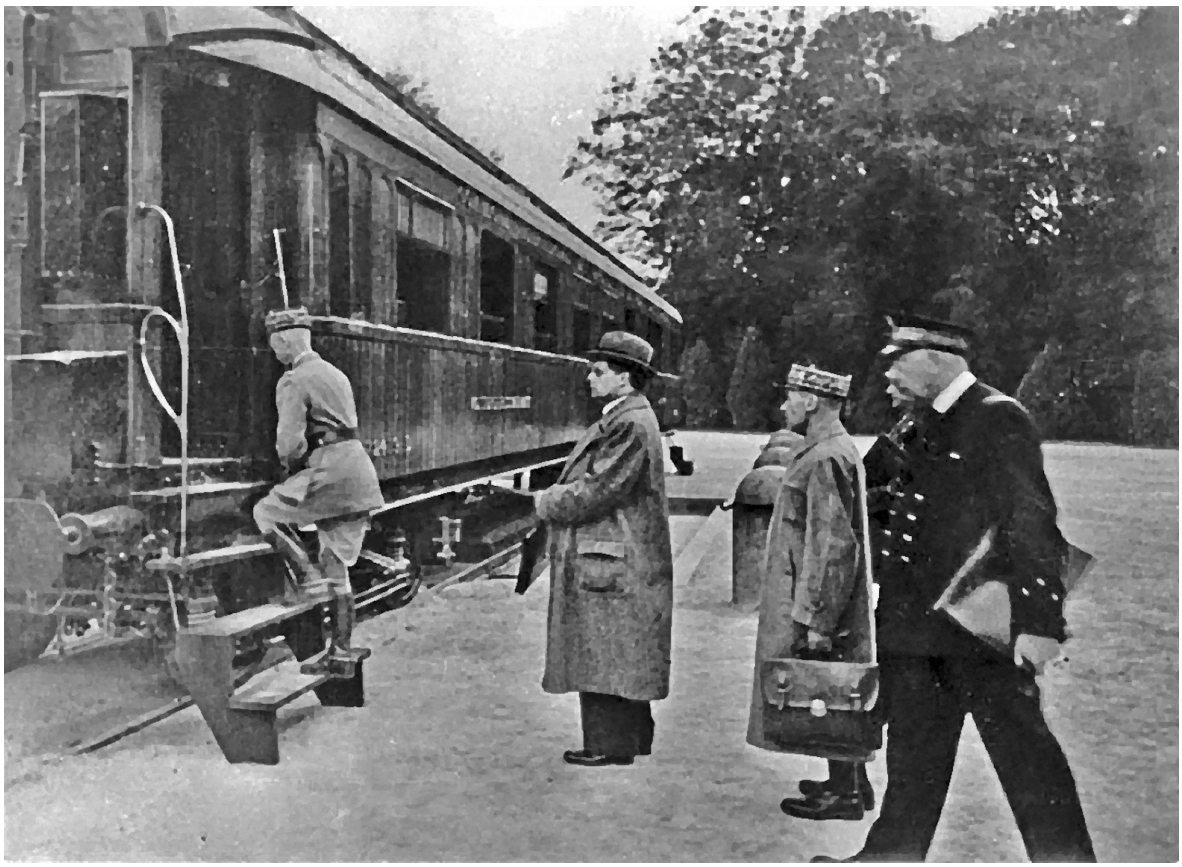
На последнем этапе операции «Рот» активные действия предприняли войска группы армий «Ц».

1-я немецкая армия, воспользовавшись отходом французских войск от линии Мажино, сумела преодолеть полосу укреплений между Сент-Авольдом и Саарбрюккеном, а 7-я армия, форсировав Рейн в верхнем течении, заняла 18 июня Кольмар. В подчинение командующего группой армий «Ц» была передана танковая группа Гудериана, которая, развернувшись на северо-восток, начала продвигаться в направлении Эпиналь, Бельфор. Отошедшие по приказу Вейгана от линии Мажино французские войска из состава 2-й группы армий оказались в окружении.

22 июня командующий этой группой армий генерал Ш. Кондэ отдал приказ сложить оружие. Немецкие войска в этом районе взяли в плен более 500 тыс. человек. Сопротивление немецко-фашистским войскам продолжали оказывать лишь некоторые гарнизоны укреплений линии Мажино и отдельные отряды в Вогезах. Официально военные действия закончились 25 июня.

Во время второго этапа наступления вермахта власть во Франции перешла полностью в руки капитулянтов. 16 июня Петэн возглавил новое правительство и на следующий день направил в Берлин просьбу о заключении мира. Гитлер, однако, дал согласие только на заключение перемирия. В то время он считал, что Англия, лишившись своего единственного континентального союзника, вскоре должна будет также отказаться от продолжения войны, и тогда ему удастся навязать свои условия мира одновременно Англии и Франции.

Условия германо-французского перемирия были предъявлены В. Кейтелем французской делегации 22 июня 1940 г. на станции Ретонд в Компьенском лесу в том же самом салон-вагоне, в котором 11 ноября 1918 г. был подписан договор о перемирии, продик-

Представители Франции направляются в «вагон маршала Фоша»
для переговоров с германской делегацией о перемирии

тованный Германии странами Антанты. По условиям перемирия Франция обязалась демобилизовать свои вооруженные силы. Более 1,5 млн французских солдат и офицеров должны были остаться в германском плену до заключения мирного договора. Франция была разделена на оккупированную и неоккупированную зоны. Оккупированная зона включала Северную и Центральную Францию, т. е. почти три пятых территории страны, где были расположены ее наиболее богатые и развитые земли[56]. Италия получала территорию площадью в 832 км^2 на юго-восточном побережье. В неоккупированной южной части Франции власть осталась в руках коллаборационистского правительства во главе с Петэном. Оно находилось в г. Виши. Это правительство получило право иметь небольшую армию для поддержания внутреннего порядка и распоряжаться частью своего военно-морского флота для защиты колоний. На территории Франции были расквартированы немецкие оккупационные войска, содержавшиеся за счет местного населения[57]. Области Эльзас и Лотарингия были присоединены к Германии. 24 июня был подписан также итало-французский договор о перемирии. 25 июня германо-французское перемирие вступило в силу.

Каковы же причины поражения англо-французской коалиции? Уже в 1940 г. стали высказываться первые суждения по этому вопросу. Указывалось на превосходство экономического потенциала, военной подготовки и вооружений Германии[58], а также на демографическое и моральное истощение режима третьей республики во Франции — «тусклой и утомленной

страны»[59]. Расходясь в датах, исследователи солидарны в том, что поражение началось еще задолго до 1940 г.

Среди внешнеполитических факторов выделим отказ Англии и Франции от создания системы коллективной безопасности, контуры которой были созданы советско-французскими и советско-чехословацкими договорами о взаимопомощи (1935), пораженческие тенденции и отсутствие единства в самом французском обществе и, конечно, собственно военные причины: крупные просчеты в строительстве вооруженных сил и оценке планов фашистского командования. Франция израсходовала многомиллиардные средства на строительство линии Мажино, но не сумела создать сильной авиации, механизированных войск, противотанковых и зенитных средств. Англия не уделяла должного внимания развитию сухопутных сил. Не было у союзников и талантливых «гамеленов».

Б. Лиддел Гарт в своей известной книге «Стратегия непрямых действий» обращал внимание на следующее:

— перед войной Гитлеру удалось усыпить бдительность франко-английского командования;

— вермахт не стал наносить ударов по линии Мажино, но выманил союзников из оборонительных укреплений на бельгийской границе обманными маневрами и уже затем ударил по ним;

— немцы активно использовали танковые соединения и десантные подразделения, нанося внезапные удары и приводя противника в смятение[60].

Генерал де Голль видел в качестве основной причины поражения отсталость военно-технической мысли[61]. Неожиданно быстрое поражение Франции застало Англию врасплох.

После разгрома Франции нацистское руководство Германии задалось целью уничтожить Советский Союз. 3 июля 1940 г. оперативный отдел генерального штаба сухопутных войск приступил к разработке плана восточного похода. Началось стратегическое сосредоточение и оперативное развертывание немецких войск на востоке. 31 июля на совещании высшего командного состава вермахта было принято решение завершить подготовку нападения на СССР к середине мая 1941 г.[62]

В то время Гитлер и его генералы все еще считали, что демонстрацией силы и дипломатическим давлением им удастся вслед за Францией вывести из войны и Англию и таким образом обеспечить Германии свободу действий на востоке. 16 июля 1940 г. Гитлер подписал директиву о подготовке к вторжению немецких войск через Ла-Манш на Британские острова. Для проведения этой операции, получившей кодовое наименование «Зелеве» («Морской лев»), были выделены две армии с 25 дивизиями и большое количество транспортных судов. Однако начать операцию было решено лишь после того, как немецким ВВС удастся вывести из строя британскую авиацию и обеспечить надежную защиту флота вторжения с воздуха и с моря.

19 июля, выступая в Рейхстаге, Гитлер обратился к Лондону с «последним призывом к благоразумию». Однако правительство У. Черчилля отвергло предложение о заключении компромиссного мира.

1 августа Гитлер подписал директиву № 17, в которой предусматривалось усиление воздушной и морской войны против Англии. Осуществление воздушного наступления было возложено на силы 2-го, 3-го воздушных флотов и часть сил 5-го воздушного флота (около 2000 исправных боевых самолетов). Это наступление началось 13 августа. Первоначально командование немецких ВВС сосредоточило внимание на выполнении задачи по уничтожению английских ВВС, прежде всего их истребительной авиации, с тем, чтобы обеспечить себе полное господство в воздухе над Южной Англией. Однако задача осталась невыполненной. В «битве за Англию» британские ВВС и войска противовоздушной обороны сумели дать решительный отпор противнику. С 10 июля по 31 октября 1940 г. Германия потеряла 1294, а Англия лишь 788 самолетов[63].

Из-за постоянно растущих потерь немецкое командование вынуждено было 6 сентября отказаться от борьбы за господство в воздухе над Южной Англией. Это послужило одной из

Немецкий истребитель-бомбардировщик «Мессершмитт-110»
над Ла-Маншем во время битвы за Британию

Взлет по тревоге звена истребителей «Спитфайр»

Пожар в Лондоне после немецкого налета

Звено немецких бомбардировщиков «Дорнье-17» на пути к Англии

Английские летчики осматривают сбитый немецкий бомбардировщик «Хейнкель-111»

причин того, что Гитлер в том же месяце отложил начало вторжения в Англию на неопределенный срок. Другой причиной такого решения являлось стремление Гитлера избежать крупных потерь вермахта в борьбе с Англией, так как это могло нанести ущерб скрытной подготовке к нападению на СССР.

Начиная с 7 сентября немецкая авиация переключилась на бомбардировку, преимущественно в ночное время, Лондона и других городов Англии с целью подорвать ее экономический потенциал, сломить волю народа к продолжению борьбы против немецкой агрессии. С августа 1940 г. до мая 1941 г. от немецких бомбардировок погибли 40 тыс. мирных английских граждан. Среди крупных городов особенно пострадал Лондон. Но армия и население метрополии проявили стойкость и мужество. Британская военная промышленность уверенно наращивала свой потенциал. Немецкие ВВС потеряли 4400 боевых самолетов, так и не достигнув своих целей. Подготовка к войне против СССР не позволяла Гитлеру и его генералам мобилизовать максимум сил и средств для достижения решающего успеха в войне против Великобритании.

В ходе подготовки к войне на востоке Германия укрепляла в первую очередь свои связи с антисоветски настроенными кругами тех стран, которые располагались непосредственно у границ СССР. В сентябре 1940 г. началось размещение немецких войск в Румынии и Финляндии. 27 сентября по инициативе Гитлера и министра иностранных дел И. Риббентропа в Берлине был подписан договор о германо-итало-японском военном союзе (Пакт трех держав)[64], к которому в ноябре присоединились Венгрия, Румыния и марионеточное Словацкое государство. Благодаря этому союзу Германия, Италия и Япония усилили свои позиции по отношению к СССР, Великобритании и США. Это способствовало расширению их агрессии. Япония в сентябре оккупировала северную часть Французского Индокитая и активизировала военные действия в Китае.

Италия в августе развернула боевые действия против Англии в Восточной Африке. Ее войска захватили Британское Сомали, часть Кении и Судана. В январе — мае 1941 г. английские войска при поддержке местных партизан изгнали итальянские войска не только с захваченных ими территорий, но и из Эфиопии, Итальянского Сомали и Эритреи.

В сентябре 1940 г. итальянские войска в Северной Африке вторглись из Ливии в Египет в целях захвата Суэцкого канала, но были остановлены, а в декабре разбиты английскими войсками. В начале 1941 г. Гитлер по просьбе Б. Муссолини направил в Северную Африку свои войска — Африканский корпус во главе с генералом Э. Роммелем. 31 марта итало-немецкие войска перешли в наступление и в конце апреля вышли к границе Египта. Для развития наступления на Суэц сил у них было недостаточно. Посылать новые войска в Северную Африку Гитлер отказался, так как это нанесло бы ущерб подготовке к нападению на СССР. Что касается вооруженных сил Италии, то они, как выяснилось, были не способны самостоятельно вести эффективные военные действия ни в Северной Африке, ни на Средиземном море.

Осенью 1940 г. Италия предприняла попытку установить господство на юге Балканского полуострова. 28 октября девять итальянских дивизий (более 100 тыс. человек) при поддержке авиации перешли в наступление из Албании против Греции. Противостоявшие им греческие войска (27 тыс. человек) были вынуждены отступить. Но, опираясь на поддержку народа, они уже в ноябре перешли в контрнаступление, изгнали противника из пределов своей страны и в декабре вступили в Албанию. Италия обратилась за помощью к своему немецкому союзнику. Гитлер сначала не хотел ввязываться в боевые действия на Балканах. Он в то время был занят начавшейся после капитуляции Франции подготовкой к нападению на СССР, но весной 1941 г. все же решил «заняться» Балканами. Важной целью этого похода было исключить вероятность высадки англичан в Греции, лишить их возможности продвинуться через Болгарию на север и нанести удар во фланг и тыл наступающей на восток группировки немецких войск.

1 марта 1941 г. начался ввод немецких войск в Болгарию[65]. В тот же день было оформлено вступление этой страны в Пакт трех держав. 25 марта, уступив давлению германского правительства, протокол о присоединении к пакту подписало также югославское правительство Д. Цветковича. Однако в Югославии поднялась волна протеста. Группа офицеров 27 мар-

Колонна немецких танков T-III продвигается по горному району Греции. Апрель 1941 г.

Немецкая бронетанковая колонна в сербском городе Ниш. Югославия. Апрель 1941 г.

Немецкие солдаты, попавшие под обстрел, ведут ответный огонь. Югославия. 1941 г.

Высадка немецкого десанта на о. Крит

та совершила государственный переворот. Правительство Цветковича было арестовано. Новое правительство возглавил командующий военно-воздушными силами генерал Д. Симович. Узнав об этом, Гитлер немедленно издал директиву № 25 о подготовке вторжения в Югославию даже в том случае, если ее новое правительство объявит о лояльности Германии. С 27 марта в планах немецкого командования военные действия против Югославии и Греции стали рассматриваться как единая операция. К этой операции Германия подготовила крупные силы — две армии и одну танковую группу (32 дивизии, в том числе семь танковых) и 4-й воздушный флот (около 780 самолетов). Италия выставила 43 дивизии, Венгрия — 10 бригад, что соответствовало примерно пяти дивизиям. В целом под руководством немецкого командования оказалось более 80 дивизий, свыше 2 тыс. самолетов и до 2 тыс. танков. Болгарское руководство предоставило свою страну для развертывания немецких войск, обеспечило им прикрытие с тыла, стянув основную массу своих войск к границе с Турцией. Территорию Румынии немецкое командование также использовало для размещения части своих сухопутных войск и авиации, предназначенной для наступления на Югославию и Грецию[66].

Немецкие десантники на о. Крит. Май 1941 г.

В создавшейся обстановке правительство Симовича обратилось к СССР с предложением заключить договор между двумя странами, который был подписан в Москве 5 апреля как Договор о дружбе и ненападении. СССР в то время не имел реальной возможности оказать Югославии военную помощь в случае нападения Германии, но договор продемонстрировал солидарность Советского Союза с народами Югославии, которым угрожала нацистская оккупация, и явился важным объединяющим фактором в последующей совместной борьбе против нацистского нашествия.

Вторжение на Балканы началось 6 апреля 1941 г. Широко используя танковые соединения во взаимодействии с авиацией при поддержке войск союзников, немецкое командование нанесло 17 апреля поражение югославской, а к 29 апреля греческой армиям и высадившимся в Греции английским войскам. В Белграде и Афинах из числа местных коллаборационистов были созданы послушные оккупантам правительства. В Хорватии по воле Гитлера и Муссолини было провозглашено сепаратистами так называемое независимое государство, которое 15 июня 1941 г. присоединилось к Пакту трех держав. Политическая и военно-стратегическая обстановка в Юго-Восточной Европе изменилась в пользу агрессоров.

После завершения оккупации Югославии и Греции немецкое командование в период с 20 мая по 1 июня 1941 г. высадило на о. Крит, который обороняли 44 тыс. английских и греческих солдат и офицеров, десант в составе воздушно-десантной и горнострелковой дивизий (всего 23,5 тыс. человек). Немецкие войска, потеряв в жестоких боях свыше 4 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести, тем не менее овладели островом. Остатки британских и греческих войск численностью 15 тыс. человек эвакуировались в Египет[67]. Захват

о. Крит выявил большие возможности воздушно-десантных войск. Однако он также показал, что осуществление воздушно-десантной операции без поддержки морского десанта и при господстве противника на море неизбежно ведет к большим потерям. Поэтому немецкое командование в последующие годы войны так и не отважилось проводить крупные воздушно-десантные операции.

В связи с кампанией на Балканах запланированное в декабре 1940 г. на 15 мая нападение на СССР было перенесено на 22 июня 1941 г.

В течение первого периода Второй мировой войны (1 сентября 1939 — 21 июня 1941 г.) Германия достигла зенита своего военного могущества и создала условия для дальнейшего расширения экспансии на востоке, к захвату Советского Союза.

К началу 1941 г. фашистская Германия захватила десять стран Европы, из них семь стали ее союзниками. После оккупации Югославии и Греции в апреле 1941 г. вся Европа оказалась под фашистами. Великобритания Единственная уцелела, оставаясь под постоянными ударами немецкой авиации и в блокаде с моря. Преградой к мировому господству фашистской Германии на Востоке стоял Советский Союз.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. подробнее: *Шелленберг В.* Мемуары. М., 1992. С. 62–63.

[2] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки: Документы и материалы. М., 1973. Т. 1. С. 384.

[3] Цит. по: *Шелленберг В.* Указ. соч. С. 63.

[4] Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: в 8 т. М., 1997. Т. 7. С. 27–271; Deutschland im zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. S. 165.

[5] 11–13 августа 1939 г. состоялись длительные переговоры между итальянским министром иностранных дел Г. Чиано, И. Риббентропом и А. Гитлером. Италия пыталась избежать возможной европейской войны, ограничившись сделкой с Парижем и Лондоном наподобие мюнхенской. Однако Гитлер категорически отверг эту идею (См.: *Грайнер Х.* Военные кампании вермахта. М., 2011. С. 30–31).

[6] *Згорняк М.* Военно-политическое положение и оперативные планы Польши перед началом Второй мировой войны // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 359.

[7] Краткая история Польши: С древнейших времен до наших дней. М., 1993. С. 295.

[8] Там же.

[9] *Згорняк М.* Указ. соч. С. 395–360.

[10] *Леверкюн П.* Германская военная разведка. М., 2011. С. 53–54.

[11] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. S. 167.

[12] История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1974. Т. 3. С. 20; Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 168; Förster G. u.a. Der zweite Weltkrieg. Militärhistorischer Abriss. B., 1972. S. 44–45.

[13] Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 168.

[14] «Странная война», или «сидячая война», приводила в уныние войска, снижала моральный дух личного состава армии Франции и британских экспедиционных сил, правительство Франции вынуждено было создать в вооруженных силах 21 ноября 1939 г. «службу развлечений» с функцией организации досуга военнослужащих на фронте. 30 ноября парламент обсудил вопрос о дополнительной выдаче солдатам спиртных напитков, 29 февраля 1940 г. премьер-министр Даладье подписал декрет об отмене налогов на игральные карты, «предназначенные для действующей армии». Спустя некоторое время было принято решение закупить для армии 10 тыс. футбольных мячей. Над подрывом морального духа французских солдат активно работали немецкие спецпропагандисты. Их лозунги: «Умереть за Данциг?» и «Англичане воюют до последнего француза» — распространялись не только в прифронтовой полосе, но и отправлялись в глубь Франции отдельным людям по почте (из Германии, Швейцарии и Бельгии) или доставлялись контрабандой (См. подробнее: *Леверкюн П.* Указ. соч. С. 121–122.)

[15] Вторая мировая война. Краткая история. М., 1980. С. 36.

[16] См.: История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. Т. 3. С. 25.

[17] *Mordal J.* La guerre a commencé en Pologne. Paris, 1968. P. 204.

[18] Вторая мировая война. Краткая история. С. 36.

[19] *Згорняк М.* Указ. соч. С. 360.

[20] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки / Научн. рук. *В. А. Золотарёв*. М., 1995. Кн. 1. С. 21.

[21] Вторая мировая война. Краткая история. М., 1980. С. 37.

[22] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 183.

[23] *Von Roos H.* Der Feldzug in Polen vom September 1939. «Wehrwissenschaftliche Rundschau». 1959. № 9. S. 494.

[24] Цит. по: *Исаев А. В.* Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М., 2004. С. 5.

[25] Цит. по: там же.

[26] *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 1968. Т. 1. С. 132, 137.

[27] «В первый военный год немцы рассчитывали на 11 миллионов тонн шведской руды из годового потребления 15 миллионов. В теплые месяцы эту руду доставляли в Германию из Северной Швеции по Ботническому заливу и Балтийскому морю, и никаких проблем даже в военное время не возникало, поскольку Балтика была прочно ограждена от проникновения туда английских подводных лодок и надводных боевых кораблей. Но в зимнее время пользоваться этим путем было невозможно, так как море покрывалось толстым слоем льда. В холодные месяцы шведскую руду приходилось доставлять по железной дороге в ближайший норвежский порт Нарвик и оттуда вдоль норвежского побережья на судах в Германию. Почти весь этот маршрут немецкие рудовозы могли идти в норвежских территориальных водах, тем самым спасаясь от ударов английских боевых кораблей и бомбардировщиков» *(Ширер У.* Крах нацистской империи. Смоленск, 1999. С. 110–111)

[28] *Хубач В.* Захват Дании и Норвегии. Операция «Учения на Везере». 1940–1941. М., 2006. С. 28; о переговорах Редера и Квислинга до начала операции «Везерюбург» см.: *Зимке Э. Ф.* Немецкая оккупация Северной Европы. 1940–1945. М., 2005. С. 17–19.

[29] *Гурьев Е. П.* Использование Германией Скандинавского плацдарма в борьбе против северных союзных конвоев во Второй мировой войне. Автореф. дис. к. и. н. 2005. С. 4.

[30] *Ширер У.* Указ. соч. С. 109.

[31] Expansionsrichtung Nordeuropa. Dokumente zur Nordeuropapolitik des faschistischen deutschen Imperialismus 1939 — bis 1945. B., 1987. S. 54.

[32] *Кузнецов Н. Г.* Накануне. Курсом к победе. М., 1991. С. 220.

[33] Expansionsrichtung Nordeuropa. Dokumente zur Nordeuropapolitik des faschistischen deutschen Imperialismus 1939 — bis 1945. S. 63–64.

[34] *Forster G.* u.a. Der Zweite Weltkrieg. Militerhistorischer Abriss. B., 1972. S. 61.

[35] См., напр.: *Гусаров В. И.* Тайны «Учения на Везере», или Как Гитлера объявили крестоносцем // Военно-исторический журнал. 2010. № 9. С. 34.

[36] См. подробнее: *Де Ионг Л.* Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М.: ИИЛ, 1958. С. 260–264.

[37] История Дании. XX век. М., 1998. С. 118–119.

[38] История Норвегии. М., 1980. С. 398.

[39] Там же. С. 400.

[40] Там же. С. 401.

[41] *Forster G.* u.a. Op. cit. S. 64–65.

[42] См.: *Зимке Э. Ф.* Указ. соч.

[43] В начале мая более 15 процентов личного состава союзнических войск находилось в отпусках, на позициях царила обстановка всеобщей расслабленности.

[44] Разведывательная сводка № 3 (по Западу) 1940 г. С. 11.

[45] История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 3. С. 89.

[46] Dokumente zur Vorgeschichte des Westfeldzuges 1939–1940. S. 64–68.

[47] Так называется район, где находятся важные промышленные и административные центры: Гаага, Амстердам, Утрехт и Дордрехт.

[48] Стороны потеряли более 260 танков (по оценкам Уильяма Ширера): 105 французских и 164 немецкие машины (*Shirer W.* The Collapse of the Third Republic. N. Y., 1969. P. 626.)

[49] *Dunstan S.* Fort Eben Emael: The Key to Hitler's Victory in the West. Oxford, 2005. P. 64.

[50] *Бауэр Г.* Смерть через оптический прицел. М., 2009.

[51] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 2. Stuttgart, 1979. S. 296–297.

[52] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 325.

[53] *Longden S.* Dunkirk: The Men They Left Behind. London, 2009; *Morris J., Hendy D.* The Story of the Eastbourne Lifeboats. Coventry, 2006.

[54] Вторая мировая война. Краткая история. С. 50.

[55] История Второй мировой войны. Т. 3. С. 108.

[56] На оккупированной территории до войны находилось большинство предприятий машиностроительной, автомобильной, авиационной, химической промышленности, проживало 65 % населения страны, выплавлялось 97 % чугуна и 94 % стали, добывалось 79 % угля, 100 % железной руды, собиралось 75 % урожая пшеницы, насчитывалось 75 % конского поголовья, 65 % крупного рогатого скота.

[57] На содержание немецких оккупационных войск из французской казны ежегодно тратилось 400 млн франков (Вторая мировая война. Краткая история. С. 53.)

[58] *Reynaud P.* Au Coeur de la melée 1930–1945. Paris, 1951. P. 338.

[59] *Alexander M.* The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1933–1940. Cambridge, 1992. P. 118.

[60] *Лиддел Гарт Б.* Энциклопедия военного искусства. Стратегия непрямых действий. М., 1999. С. 256, 262, 270.

[61] *Де Голль Ш.* Военные мемуары: в 2 т. Т. 1. М., 1961. С. 164.

[62] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 9, 215, 219.

[63] The Oxford Companion to World War II. Oxford, 1995. P. 163.

[64] Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: в 8 т. М., 1989. Т. 3. С. 538.

[65] СССР — Германия. 1939–1941. Нью-Йорк, 1989. С. 152.

[66] История военного искусства. М., 1984. С. 117; *Forster G.* u.a. Op. cit. S. 111.

[67] История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 3. С. 261.

Передовые рубежи обороны СССР

Ввод советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии

Военная операция РККА в Восточной Польше (на территории западных областей Украины и Белоруссии), проводившаяся с 17 сентября по 5 октября 1939 г., в отечественной историографии получила известность как освободительный, или польский поход. Рассмотрение этой проблемы невозможно вне контекста политики укрепления безопасности СССР и без учета специфики существовавших тогда российско-польских взаимоотношений. В межвоенный период эта специфика определялась двумя основными обстоятельствами: итогами советско-польской войны, зафиксированными мирным Рижским договором 1921 г., и стремлением руководства Польши возродить страну как великую державу по образцу древней Речи Посполитой.

Польша, совершив в апреле 1920 г. акт агрессии против Советского государства, первым признавшего ее независимость, рассчитывала получить значительные территориальные приобретения, но вскоре сама оказалась на грани краха. Ошибки советского командования вкупе с западной помощью позволили полякам нанести поражение войскам М. Н. Тухачевского и спасти Варшаву. Трудное внутри- и внешнеполитическое положение РСФСР заставило ее руководство искать мира, по результатам которого были потеряны западные области Украины и Белоруссии, а украинский и белорусский народы оказались разделенными. К 1939 г. с момента описываемых событий прошло всего 18 лет.

Положение украинского и белорусского населения в Польше было тяжелым, оно испытывало жесткое национальное, религиозное и социальное давление со стороны польских властей, имевшее дискриминационный характер. Достаточно заметить, что неграмотность среди взрослого украинского и белорусского населения составляла 60–70 %. В основном это было следствием массового закрытия школ, где преподавание велось на украинском и белорусском языках. Так, только на Волыни, где проживало около 1,5 млн украинцев, количество национальных школ уменьшилось с 1050 (1919) до 5 (1936)[1]. Проводя такую политику, Польша открыто нарушала статью 7 Рижского договора. Первый параграф этой статьи обязывал Польшу обеспечить свободное развитие культуры и языка белорусов и украинцев, гарантировал их право получать образование на родном языке.

Что касается межконфессиональных отношений, то к 1939 г. польскими властями только в Западной Белоруссии было разрушено или превращено в костелы более 1400 православных храмов. Надо признать, что православная церковь подвергалась гонениям и в СССР из-за атеистической природы советской власти, но враждебность к православию в предвоенной Польше являлась следствием того, что эта вера была во многом основой национального са-

мосознания восточнославянского населения. Собственно речь шла об устранении из облика западных украинских и белорусских земель всего национального, самобытного и того, что связывало их с Россией.

С точки зрения социально-экономического развития, положение дел в Восточной и в Западной Польше также заметно различалось. Если на западе страны экономика развивалась и благосостояние населения росло, то на востоке даже оставшиеся с дореволюционных времен промышленные объекты пришли в упадок. По сути, там практически не было современных предприятий, а более 80 % экономики составляло кустарно-ремесленное производство, что предопределяло высокий уровень безработицы. По выражению вице-премьера польского правительства Э. Квятковского, отвечавшего за экономическое развитие, страна фактически делилась на Польшу «А» (западные земли), имевшую различные преференции, и Польшу «Б» (восточные земли), финансирование которой осуществлялось по остаточному принципу, а уровень заработной платы населения был существенно ниже.

Крестьянство нищало, последовательно превращаясь в малоземельную бедноту и безземельных батраков, вынужденных за символическую плату (так называемый «одиннадцатый сноп»)[2] работать на помещиков и осадников — бывших польских военнослужащих, получивших обширные земельные наделы на восточных землях. Все это не могло не вызывать негативной реакции как в форме мирных выступлений, так и восстаний. В ответ польские власти проводили политику «пацификации» — жестокого подавления протестных акций.

Что же касается великодержавных амбиций Польши, то их реализация не представлялась возможной без ослабления восточного соседа — России, содействовать чему польское руководство старалось всеми силами. Интересное наблюдение на сей счет принадлежит английской исследовательнице З. Коэтс: «Сменявшие друг друга польские правительства вплоть до весны 1939 г. были заняты тем, что постоянно разрабатывали варианты: а) расчленения Советского Союза, б) создания блока государств, который отделил бы СССР от Западной Европы. Из подобного рода намерений не делалось секрета»[3].

Названные обстоятельства служат объяснением того, почему Польша отклоняла все советские предложения, предусматривавшие какое бы то ни было сотрудничество, будь то переговоры о «Восточном пакте», вопрос о совместных гарантиях Прибалтийским государствам или участие в англо-франко-советских переговорах.

Советско-германский договор о ненападении, история заключения и значение которого рассмотрены выше, означал для СССР в числе прочего потенциальную возможность вернуть под свой контроль западные области Украины и Белоруссии. Пункт 2 секретного дополнительного протокола предусматривал разграничение сфер интересов Германии и Советского Союза по линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос о сохранении независимого Польского государства и определении его границ оставался открытым. Очевидная «размытость» формулировок была обусловлена общей неопределенностью ситуации, но это позволяло сторонам сохранять «свободу рук», не беря на себя четких и жестких обязательств.

1 сентября 1939 г. в одночасье изменило мир. Нападение Германии на Польшу знаменовало для человечества начало эпохи тяжелых и кровавых испытаний.

Уже через неделю германские войска, прорвав польский фронт, вышли к предместьям Варшавы[4].

Англия и Франция, заключившие с Польшей договоры о взаимопомощи, вступили в войну 3 сентября, но действенной помощи своему союзнику не оказали. Очень скоро Лондон и Париж пришли к выводу, что поскольку положение Польши стало безнадежным, то и боевые действия на западе ничего не изменят. На том же основании, по мнению союзников, не имело смысла посылать полякам военное снаряжение, о котором те настойчиво просили.

Что касается руководства СССР, то с началом немецкой агрессии против Польши оно окончательно убедилось: времени на укрепление безопасности Советского государства

оставалось катастрофически мало, необходимы были срочные и комплексные меры. СССР оказался перед трудным выбором. Теоретически он мог вступить в войну на стороне Польши. Но его об этом не просили. Более того, советская помощь категорически отвергалась польским правительством. К тому же имеющиеся договоренности с немцами резко сужали пространство для политического маневра.

На этот момент фактически существовало лишь два возможных пути: либо в случае, если война примет затяжной характер, максимально долго сохранять нейтралитет, одновременно готовясь к активным действиям; либо в случае быстрого разгрома Польши, опираясь на секретный протокол, взять под контроль советскую «сферу интересов». Однако при этом варианте были неизбежны моральные и политические издержки. СССР оказывался как бы союзником Германии, что выглядело странным после всех его усилий, направленных на создание системы коллективной безопасности.

С началом войны Советский Союз, заинтересованный в том, чтобы она приобрела затяжной характер, старался воздерживаться от какого-либо вмешательства в происходящие события. Такая политика не отвечала расчетам Берлина. Гитлер полагал, что следствием ввода Красной армии в Польшу с большой долей вероятности могло стать если не объявление западными державами войны Советскому Союзу, то, как минимум, резкое ухудшение отношений с ним. А тогда ему в любом случае пришлось бы следовать в русле германской политики. Поэтому попытки втянуть СССР в войну начались с ее первого дня, когда командование вермахта обратилось к советскому правительству с просьбой использовать минскую радиостанцию как радиомаяк для люфтваффе. Руководство СССР, не желая обострять только что налаженные взаимоотношения, дало, хотя и с оговорками, свое согласие на это.

Предпринимались и другие шаги. Так, Берлин пытался шантажировать Москву возможностью образования «независимого» Украинского государства в восточной части Польши, не занятой еще немецкой армией. Собственно говоря, эти планы не были блефом, а существовали реально. В дневнике начальника штаба ОКХ генерала Ф. Гальдера есть заметка: «Главнокомандующий прибыл с совещания у фюрера. Возможно, русские не будут ни во что вмешиваться. Фюрер хочет создать государство Украина»[5].

В этом же контексте следует рассматривать заявление главнокомандующего сухопутными войсками Германии генерала В. Браухича, сделанное им после выхода немецких войск к Варшаве, о фактическом окончании войны в связи «с полным разгромом противника» и о возможности переговоров с поляками. Министр иностранных дел Германии И. Риббентроп потребовал от посла Ф.-В. Шуленбурга срочного возобновления бесед с В. М. Молотовым «относительно советской военной интервенции». Нарком со своей стороны, заявил, что РККА выступит в течение ближайших дней. Однако, когда выяснилось, что Варшава сопротивляется, а мобилизация и развертывание Красной армии требуют дополнительного времени, он скорректировал свое обещание, упрекнув при этом Шуленбурга за коммюнике Браухича. Молотов подчеркнул, что, если Германия заключит перемирие, Советский Союз не может начинать «новую войну». Риббентроп велел на это ответить, что заявление главкома всего лишь «недоразумение».

14 сентября в «Правде» появилась передовая статья «О внутренних причинах военного поражения Польши»[6], текст которой был подготовлен А. А. Ждановым и правился И. В. Сталиным. В ней утверждалось, что «Польское государство, основанное на угнетении проживавших на его территории белорусов и украинцев, оказалось недееспособным и при первых военных неудачах стало распадаться». В статье делались акценты на враждебно-реакционном характере польского правительства и на необходимости освобождения от гнета «единокровных братьев» — белорусов и украинцев. Таким образом, стала оформляться идеологическая составляющая будущей операции. В этот же день Молотов в ходе очередной встречи с Шуленбургом сделал заявление о том, что Красная армия достигла состояния готовности скорее, чем ожидалось, но, учитывая политическую мотивировку советской акции,

для СССР было бы крайне важно не начинать действовать до падения Варшавы. Это была очередная попытка оттянуть ввод войск, что в Берлине хорошо поняли и решили усилить нажим.

15 сентября Риббентроп поручил Шуленбургу передать советскому руководству следующее предостережение: «Если не будет начата русская интервенция, неизбежно встанет вопрос о том, не создастся ли в районе, лежащем к востоку от германской зоны влияния, политический вакуум... могут возникнуть условия для формирования новых государств»[7]. Не реагировать на такое заявление было уже невозможно, тем более что дивизии вермахта продолжали быстро продвигаться вперед. К 16 сентября отступавшие польские войска уже находились на линии Августов — Сокулка — Гайнувка — Брест — Кобрин — Львов, то есть немцы стояли на пороге восточной части страны. СССР не мог допустить, чтобы Германия захватила всю Польшу, включая территории Западной Украины и Западной Белоруссии, а затем и Прибалтику (в приложении к утвержденной Гитлером 11 апреля 1939 г. Директиве о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг. прямо говорилось: «С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства и включить эти территории в состав империи»)[8].

Единственной альтернативой такому исходу являлись ввод советских войск на территорию Польши и установление контроля над Западной Украиной и Западной Белоруссией. Правда, существовала определенная опасность того, что Англия и Франция объявят СССР войну, если Красная армия перейдет границу Польши, их союзника. А еще советское руководство опасалось попасть в ловушку нового Мюнхена, так как видело двойственность политики Англии и Франции, и это наводило на мысли о возможности их новой сделки с Гитлером теперь уже за счет СССР.

Забегая вперед скажем, что реакция Франции и Великобритании на вступление СССР в Польшу оказалась в целом сдержанной. 18 сентября на заседании английского правительства было решено, что согласно договору от 25 августа 1939 г. Британия связана обязательствами по защите Польши только в случае агрессии со стороны Германии. Поэтому постановили «не посылать России никакого протеста». Так что официальная позиция свелась к молчаливому признанию советской акции. Когда польский посол в Лондоне Э. Рачиньский попытался «надавить» на англичан, то министр иностранных дел Великобритании Э. Вуд ответил в том смысле, что объявление войны — суверенное право его страны. Таким образом, не желая подталкивать СССР к дальнейшему сближению с Германией, Англия и Франция не стали обострять проблему советского вмешательства в польские дела. Тем более что на Западе многие политики считали, что ввод советских войск в Польшу усилит напряженность в советско-германских отношениях. В результате до сведения руководства СССР было доведено, что Лондон не рассматривает вопрос о возврате Польше Западной Украины и Западной Белоруссии. Англия и Франция также дали совет польскому правительству в эмиграции не объявлять войну Советскому Союзу[9].

16 сентября Молотов сообщил Шуленбургу, что Красная армия вступит в Польшу в ближайшее время. В ходе беседы нарком заметил, что заявление о вмешательстве СССР в ответ на скрытую угрозу с немецкой стороны видится единственно возможной официально декларируемой политической мотивацией этих действий, несмотря на то что данное заявление затрагивает нежелательный для немецкой стороны момент.

В 2 часа ночи 17 сентября Шуленбурга принял Сталин и в присутствии Молотова и Ворошилова заявил, что Красная армия в 6 часов утра перейдет советскую границу на всем протяжении от Полоцка до Каменец-Подольского. Сталин ознакомил его с нотой, подготовленной для передачи польскому послу в Москве. В ходе обсуждения некоторые пункты документа были признаны как неприемлемые для немецкой стороны и изъяты[10].

В 3 часа ночи замнаркома иностранных дел В. П. Потемкин зачитал польскому послу в Москве В. Гжибовскому ноту следующего содержания: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. В течение десяти дней военных опе-

раций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши больше не существует. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными.

Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью»[11].

Гжибовский в ответ заявил: «Ни один из аргументов, использованных для оправдания превращения польско-советских договоров в пустые бумажки, не выдерживает критики. По моей информации, глава государства и правительство находятся на польской территории... Суверенность государства существует, пока солдаты регулярной армии сражаются... То, что нота говорит о положении меньшинств, является бессмыслицей. Все меньшинства доказывают действием свою полную солидарность с Польшей в борьбе с германщиной». Слова посла о белорусах и украинцах, мягко говоря, мало соответствовали действительности. Что же касается тезиса о суверенности Польского государства, то тут поляки попали в собственную ловушку. Дело в том, что в 1936 г. они препятствовали принятию международных санкций против Италии, захватившей Абиссинию, именно потому, что, по словам Ю. Бека, она «как государство перестала существовать»[12]. Гжибовский отказался принять ноту, ибо это было бы «несовместимо с достоинством польского правительства». В итоге документ был передан в посольство, пока посол еще находился в Наркомате иностранных дел.

Текст ноты был также передан всем государствам, с которыми на то время Москва имела дипломатические отношения, с уведомлением, что СССР будет продолжать придерживаться политики нейтралитета. Аргументация советского вмешательства в события в Польше была повторена в радиовыступлении Молотова 17 сентября, которое по времени совпало с переходом польского правительства на территорию Румынии.

Военные приготовления Советского Союза к возможному проведению польского похода начались заблаговременно.

Еще 2 сентября пограничные войска получили приказ об усиленном режиме охраны советско-польской границы. В этот же день Совет народных комиссаров принял постановление № 1348–268сс, в котором предписывалось с 5 сентября начать очередной призыв на действительную военную службу для войск Дальнего Востока, а с 15 сентября и для всех остальных округов. На месяц была продлена служба в РККА для красноармейцев и сержантов, уже отслуживших свой срок.

4 сентября нарком обороны потребовал от военных советов Ленинградского, Калининского, Московского, Харьковского, Киевского Особого и Белорусского Особого военных округов привести войска в боевую готовность к 15 сентября.

7 сентября названным округам была поставлена задача проведения Больших учебных сборов (БУС) с привлечением приписного командного, начальствующего и рядового состава, что означало скрытную мобилизацию.

8 сентября командующие Белорусским и Киевским Особыми военными округами (КОВО и БОВО) получили приказ начать переброску войск к границе.

11 сентября в БОВО и КОВО поступил приказ о развертывании полевых управлений округов.

14 сентября Военным советам БОВО (командующий — командарм 2 ранга М. П. Ковалев, член Военного совета — дивизионный комиссар П. Е. Смокачев и начштаба — комкор М. А. Пуркаев) и КОВО (командующий — командарм 1 ранга С. К. Тимошенко, члены ВС — В. Н. Борисов, Н. С. Хрущев, начальник штаба — комкор Н. Ф. Ватутин) были направлены директивы народного комиссара обороны СССР Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова и начальника Генерального штаба РККА командарма 1 ранга Б. М. Шапошникова за № 16633 для БОВО и № 16634 для КОВО соответственно «О начале наступления против Польши». В них ставилась задача разгрома «противостоящих войск противника». В этот же день Военным советам Ленинградского, Калининского военных округов (ЛВО, КалВО), КОВО, БОВО и начальникам Ленинградского, Белорусского и Киевского пограничных округов НКВД была отправлена совместная директива № 16662 наркомов обороны и внутренних дел о порядке взаимодействия пограничных войск и Красной армии. По указанию начальника Главного политуправления Красной армии Л. З. Мехлиса были созданы подразделения для ведения пропаганды, направленной против «панской Польши». В политуправлениях полевых управлений КОВО и БОВО сформированы отделы по работе среди населения противника и военнопленных, по штатам военного времени развернуты редакции газет и типографии. 15 сентября определены задачи для оперативно-чекистских групп, сформированных по приказу наркома внутренних дел Л. П. Берии в КОВО и в БОВО. На занятой территории им предписывалось взять под контроль пункты связи, государственные и частные банки, а также типографии, государственные архивы, провести аресты реакционных представителей польской администрации, освободить политических заключенных (оставив остальных под стражей), изъять оружие и взрывчатые вещества у населения, обеспечить общественный порядок[13].

16 сентября по приграничным соединениям КОВО и БОВО был отдан приказ к исходу дня «произвести перегруппировку войск группы и скрытно подтянуть их на 3–5 км к нашим государственным границам в исходное положение», проверить боеготовность и материально-техническую обеспеченность частей.

На выбор даты начала операции среди прочих факторов повлияло еще одно важное обстоятельство: 15 сентября в Москве было подписано соглашение между СССР, МНР и Японией о нормализации положения на Халхин-Голе, согласно которому с 14 часов 16 сентября военные действия прекращались. Только после этого Сталин принял окончательное решение о начале Освободительного похода.

В ночь на 17 сентября советские войска вступили в Польшу. К этому моменту система государственной власти здесь совершенно распалась, было практически полностью утрачено управление войсками, немцы разгромили или окружили основные группировки польской армии. Правительство Польши было в шаге от бегства из страны, фактически признав тем самым свое поражение. Таким образом, действия Красной армии не могли повлиять на исход уже проигранной поляками войны.

21 стрелковая и 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых и две мотострелковые бригады Красной армии перешли границу, в операции также участвовала Днепровская военная флотилия. Для руководства ими были созданы управления Украинского и Белорусского фронтов[14].

В состав Украинского фронта (командующий — командарм 1 ранга С. К. Тимошенко) вошли 5-я армия под командованием комдива И. Г. Советникова, 6-я — комкора И. Г. Захаркина и 12-я — командарма 2 ранга И. В. Тюленева. Он имел задачи: разгромить противостоящие соединения польской армии; отрезать им пути отхода в Румынию и Венгрию; овладеть районами Ровно, Дубно, Тарнополя, Ковеля, Луцка, Станислава[15].

В Белорусский фронт (командующий — командарм 2 ранга М. П. Ковалев) входили 3-я армия комкора В. И. Кузнецова, 4-я — комдива В. И. Чуйкова, 10-я — комкора И. Г. Захар-

кина, 11-я — комдива Н. П. Медведева, конно-механизированная группа комкора И. В. Болдина и 23-й отдельный стрелковый корпус[16]. Фронт имел задачи: разгромить польские силы восточнее литовской границы и на линии Гродно — Кобрин; овладеть территорией Западной Белоруссии. Всего в операции участвовало более 466 тыс. человек[17], имеющих на вооружении около 5 тыс. орудий, 4,7 тыс. танков, 3,3 тыс. самолетов[18]. Правда, к ее началу не было полностью завершено сосредоточение и доукомплектование частей мобилизационными ресурсами до штатов военного времени. Особенно остро стояли проблемы автотранспорта и связи.

Советским войскам запрещалось обстреливать и подвергать бомбардировке населенные пункты, а также вести боевые действия против польских частей, если они не оказывают сопротивления. Некоторая противоречивость указаний о характере предстоящих действий объяснялась тем, что командование Красной армии не знало, как поведет себя польская армия.

Солдатам разъяснялось, что они идут в Западную Белоруссию и на Западную Украину не как завоеватели, а как освободители украинских и белорусских братьев от гнета, эксплуатации и власти польских помещиков и капиталистов. Войскам предписывалось при встрече с немецкими войсками не давать поводов для провокаций и не допускать захвата немцами территорий, населенных белорусами и украинцами. При попытках же такого захвата вступать в бой и оказывать гитлеровцам решительный отпор.

Группировке РККА противостояли незначительные польские силы. Непосредственно границу прикрывало до 25 батальонов и семи эскадронов Корпуса охраны пограничья (КОП) — около 12 тыс. человек[19]. В некоторых районах (Ровно, Тарнополе и др.) дислоцировались также отдельные части, прибывшие на переформирование после боев с вермахтом. Следует учитывать и львовскую группировку — около 15 тыс. человек. Всего на 15 сентября в восточных воеводствах находилось порядка 340 тыс. польских военнослужащих, около 540 орудий и 70 танков, пять бронепоездов, корабли Пинской военной флотилии, более 160 самолетов.

К утру 17 сентября в штаб польского главнокомандующего Э. Рыдз-Смиглы стали поступать сообщения о том, что части КОП ведут бои на восточной границе. Около 14 часов была получена телеграмма от начальника гарнизона в Луцке генерала П. Скуратовича: «Сегодня в 6 часов границу перешли три советские колонны — одна бронетанковая под Корцем, другая бронетанковая под Острогом, третья кавалерия с артиллерией под Дедеркалами. Большевики едут с открытыми люками танков, улыбаются и машут шлемами. Около 10 часов первая колонна достигла Гощи. Спрашиваю: как мы должны поступить?»[20]

Оценив ситуацию, маршал Рыдз-Смиглы вечером 17 сентября по радио отдал приказ, в котором говорилось: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей...»[21]

Войска Красной армии не стремились к боевым столкновениям с поляками. Как писал начальник штаба при ставке главнокомандующего польскими вооруженными силами генерал В. Стахевич, войска были «дезориентированы поведением большевиков, потому что те в основном избегают открывать огонь, а их командиры утверждают, что они пришли на помощь Польше против немцев. Советские солдаты в массе своей не стреляют, к нашим относятся с демонстративной симпатией, делятся папиросами и т. д., всюду повторяют, что идут на помощь Польше»[22]. Достаточно сдержанное отношение частей Красной армии к польским войскам было обусловлено во многом и тем, что большое количество этнических белорусов и украинцев было призвано в польскую армию.

Уже к концу дня 17 сентября стало ясно, что советские войска могут продвигаться быстрее, чем предполагавшиеся 25 км в сутки. В южном направлении темп их наступления был ниже, что давало возможность полякам отходить к румынской границе. Это вызывало растущее раздражение немцев, которые, по свидетельству германского посла в Румынии, «были в ярости от того, что русские не постарались как можно быстрее закрыть румынский коридор для польских властей и армии...»[23]

Танк Т-28 форсирует реку у местечка Мир в Польше

Танки БТ-7 советской 24-й легкотанковой бригады входят в Львов

В первый же день похода были заняты города Ровно, Тарнополь, Барановичи (первым вошел в город танковый батальон под командованием И. Д. Черняховского) и другие, на следующий день — Луцк, Коломыя. 19 сентября войска 3-й армии взяли Вильно. В этот же день были заняты Волковыск, Лида и ряд других важных населенных пунктов, 20-го — Пинск, 21-го — Ковель. 22 сентября после переговоров с комендантом Львовского гарнизона 6-я армия Украинского фронта заняла город. В этот же день советские части овладели Гродно.

К концу месяца войска Украинского фронта вышли на назначенные рубежи, а местами продвинулись и дальше на запад. К 30 сентября Белорусский фронт также полностью выполнил поставленные задачи.

Организованное сопротивление частям РККА, длившееся более суток, было оказано только в нескольких случаях: в городах Вильно, Гродно, Тарнополь, в окрестностях Ковеля, а также в Сарненском укрепрайоне. Так, бои за Гродно велись с 20 по 22 сентября, а потери частей Красной армии составили около 50 человек убитыми, четыре танка и одна бронемашина. Кроме того, было повреждено еще 14 единиц бронетехники. Большая часть потерь пришлась на долю 27-й легкотанковой бригады 15-го танкового корпуса[24]. Самые значительные потери (до 100 человек убитыми, около 140 ранеными) советские войска понесли в боях у селения Навуз под г. Ковель. Польские потери при этом составили более 260 человек убитыми и ранеными, 120 пленными. Сопротивление оказывалось преимущественно жандармерией, отрядами пограничников и польским ополчением; местное украинское, белорусское и еврейское население в подавляющем большинстве содействовало частям РККА.

В ходе операции произошел ряд вооруженных столкновений между советскими и немецкими войсками (преимущественно в результате недоразумений). Так, 17 сентября части германского 21-го армейского корпуса подверглись восточнее Белостока бомбардировке советской авиацией и понесли потери убитыми и ранеными. Вечером 18 сентября у местечка Вишневец (в 85 км от Минска) немецкая бронетехника обстреляла расположение 6-й советской стрелковой дивизии, при этом погибли четыре красноармейца. 19 сентября в районе Львова произошел бой между частями немецкой 2-й горнострелковой дивизии с советскими танкистами, в ходе которого обе стороны понесли потери убитыми и ранеными. С. К. Тимошенко по телефону доложил наркому обороны об этом инциденте: «Еще в 4.00 19 сентября наши части — бронетанковый полк и кавполк — вошли в г. Львов. В это время немецких войск в городе не было... Посланные две наши бронемашины из Львова по другой дороге навстречу нашим войскам внезапно подверглись артиллерийскому обстрелу. Наши подумали, что это польские войска, и огнем 45-мм пушек и пулеметов подбили две противотанковые пушки, убили, по словам немцев, одного офицера и четырех солдат. Затем прибыли немецкие представители из штаба 1-й горной немецкой дивизии и 137-го германского полка, где выяснилось, что огонь вели немецкие войска, так как не имели указаний от германского командования. Было решено Львов не занимать и ждать указаний командования обеих сторон. Наши две бронемашины с их славными экипажами дрались до последнего момента и сгорели»[25]. 23 сентября имело место боестолкновение у Видомля (погибли два красноармейца, еще двое ранены, уничтожен немецкий танк с экипажем), а 30 сентября самолет люфтваффе обстрелял расположение советских войск — четыре бойца получили ранения.

После вступления советских войск в польские пределы украинское и белорусское население в ряде мест стало создавать партизанские отряды и самостоятельно освобождать населенные пункты. Так, еще до прихода частей Красной армии в Скиделе, Лунне, Озерах, Вертелишках и других поселениях Гродненского повета[26] по инициативе бывших членов Компартии Западной Белоруссии были созданы революционные комитеты, взявшие власть в свои руки[27]. В ряде населенных пунктов Западной Украины произошли антипольские выступления, инициированные в том числе и сторонниками ОУН, часть их была подавлена отступавшими польскими войсками.

Советские и немецкие военнослужащие в Брест-Литовске

В донесении Сталину от 20 сентября начальник Политуправления РККА Л. З. Мехлис сообщал, что польские офицеры «как огня боятся украинских крестьян и населения, которые активизировались с приходом Красной армии и расправляются с польскими офицерами. Дошло до того, что в Бурштыне польские офицеры, отправленные в школу и охраняемые незначительным караулом, просили увеличить число охраняющих их как пленных бойцов, чтобы избежать возможной расправы с ними населения»[28].

Белорусы и украинцы в подавляющем большинстве с воодушевлением приветствовали Красную армию — с флагами, цветами, хлебом-солью. Меньшинство из числа зажиточных слоев населения заняло выжидательную позицию, опасаясь социалистических преобразований новой власти. «Встречаем радостные и заплаканные от радости лица наших братьев — белорусов. Всюду оказывают помощь», — записал в своем дневнике командир взвода 261-го стрелкового полка лейтенант А. Матвеев[29]. 22 сентября передовой отряд 6-го казачьего кавалерийского корпуса во главе с полковником И. А. Плиевым вошел в Белосток, чтобы принять его от немцев. Командир корпуса будущий Маршал Советского Союза А. И. Еременко так описывал эти события: «Когда наши казаки прибыли в город, случилось то, чего гитлеровцы больше всего боялись и чего пытались избежать... Наших товарищей окружили тысячи горожан. Они горячо приветствовали их, обнимали как родных и дарили цветы. Немецкое командование наблюдало всю эту картину с нескрываемым раздражением. Контраст встречи вермахта и нашей армии с населением не только Белостока, но и других городов и

сел свидетельствовал о бездонной пропасти, которая разделяла две армии, представлявшие два различных государства, два мира»[30]. В результате немецкие части поспешили покинуть город задолго до наступления ими же назначенного срока.

Одним из дискуссионных вопросов, связанных с Освободительным походом, является тема так называемого «совместного парада советских и немецких войск в Бресте». Краткая история этого события такова. 14 сентября части немецкого 19-го моторизованного корпуса под командованием генерала Г. Гудериана заняли Брест. А 22 сентября к городу подошла 29-я танковая бригада комбрига С. М. Кривошеина. Поскольку Брест находился в советской сфере влияния, то после переговоров немцы согласились оставить город. Таким образом, изначально парад являлся торжественной процедурой вывода немецких частей из Бреста и передачи его советским частям. Гудериан действительно хотел провести полноценный совместный парад, однако был вынужден согласиться на следующие предложения Кривошеина: «В 16 часов части вашего корпуса в походной колонне со штандартами впереди покидают город, мои части также в походной колонне вступают в город, останавливаются на улицах, где проходят немецкие полки, и своими знаменами салютуют проходящим частям. Оркестры исполняют военные марши»[31].

Никакого совместного прохождения войск не было. Кривошеин находился рядом с Гудерианом в качестве наблюдателя. Сначала из города вышли немецкие войска, затем вошли советские. К сказанному можно лишь добавить, что Строевой устав пехоты РККА (1938) оговаривал в отношении парада определенные требования, которым мероприятие в Бресте абсолютно не соответствовало.

Сразу после вступления частей РККА на польскую территорию в генеральном штабе сухопутных войск Германии прошло совещание относительно будущей демаркационной линии. По его итогам уже к вечеру 17 сентября в Москву был направлен проект совместного советско-германского заявления, но Сталин предложил собственный вариант, на который Берлин дал согласие. Он и был оглашен по советскому и немецкому радио: «Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересам Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом Польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»[32].

На следующий день в ходе встречи с Шуленбургом Сталин заявил о своей обеспокоенности относительно того, будет ли германское верховное командование придерживаться прежних договоренностей и вернутся ли немецкие войска на линию, которая была определена в Москве (Писса — Нарев — Висла — Сан). Посол постарался успокоить советского лидера, но запросил у Берлина дополнительные инструкции. В этот же день немецкое командование задержало отправку на запад ряда соединений из района Люблина. Вечером 19 сентября Молотов вызвал Шуленбурга и заявил ему, что «начальник оперативного отдела вермахта Варлимонт показал вчера исполняющему обязанности советского военного атташе в Берлине карту, на которой нанесена будущая “граница рейха”. Она проходит вдоль Вислы, идет через Варшаву, но дальше нанесена так, что Львов остается на немецкой стороне». Это в корне противоречило московским соглашениям. Шуленбург ответил, что произошло недоразумение, так как на карте, видимо, была показана временная демаркационная линия[33]. Ни СССР, ни Германия не были заинтересованы в обострении ситуации, и в итоге немецкая сторона пошла на уступки. Приказ Гитлера об отводе войск далеко на запад, к согласованной демаркационной линии был передан в войска 20 сентября. Генерал Ф. Гальдер в своем дневнике назвал это днем «позора немецкого политического руководства»[34]. 21 сентября советские войска также получили приказ остановиться, с тем чтобы начать движение на установленную демаркационную линию по мере отвода германских войск.

Плакат, посвященный освободительному походу Красной армии

Немецкие офицеры в расположении советской воинской части. Сентябрь 1939 г.
В центре — командир 29-й танковой бригады С. М. Кривошеин

Красноармейцы осматривают трофеи, захваченные во время похода в Западную Белоруссию

23 сентября в газете «Правда» было опубликовано совместное коммюнике: «Германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по р. Писса до ее впадения в р. Нарев, далее по р. Нарев до ее впадения в р. Буг, далее по р. Буг до ее впадения в р. Висла, далее по р. Висла до впадения в нее р. Сан и дальше по р. Сан до ее истоков»[35]. К 5–9 октября все части Красной армии, продвинувшиеся дальше установленной границы, были отведены на установленные рубежи. Вместе с советскими войсками на восток уходило белорусское, украинское и еврейское население оставляемых областей. Для него были организованы специальные пункты приема с питанием и медицинским обслуживанием. Регистрировался и незначительный отток населения (преимущественно этнических поляков) в зону немецкой оккупации.

В ходе проведения операции органами военной юстиции регистрировались воинские преступления, в том числе мародерство и самосуды над взятыми в плен офицерами и жандармами. Однако следует подчеркнуть, что командование, особые отделы и военная прокуратура предпринимали эффективные и адекватные меры, направленные на пресечение подобных преступлений и наказание виновных, хотя в отдельных случаях применялись символические или, напротив, чрезмерно строгие санкции. Так, 21 сентября курсант отдельного зенитного эскадрона армейской кавалерийской группы Харченко произвел обыск у учительницы села Добровляны и забрал у нее двое часов и велосипед, за что по решению военного трибунала был расстрелян[36]. Всего в период с 17 сентября по 1 ноября 1939 г. смертные приговоры были вынесены 16 военнослужащим, 88 человек осуждено к различным срокам заключения[37].

Еще до завершения операции Сталин предложил Германии коррекцию территориальных изменений: Советский Союз теперь претендовал лишь на области восточнее линии Керзона (уступая Люблинское и часть Варшавского воеводства), а в компенсацию должен был получить Литву, ранее отходившую к германской сфере влияния. 25 сентября Сталин лично провел соответствующие переговоры с Шуленбургом, а 27 сентября в Москву вновь прибыл Риббентроп. Окончательное территориальное урегулирование было завершено 28 сентября 1939 г. подписанием между СССР и Германией договора «О дружбе и границе». К нему прилагалось два секретных дополнительных протокола: первый закреплял изменения в границах сфер влияния, второй запрещал польскую агитацию на присоединенных территориях. Еще один (конфиденциальный) протокол регулировал проблему перехода немецкого, а также украинского и белорусского населения из соответствующих зон влияния в Германию и в СССР.

Сегодня, зная дальнейший ход истории, можно уверенно утверждать, что фактически в сентябре — октябре 1939 г. СССР решал на подготовительном этапе задачу национально-государственного выживания, что и подтвердили последующие события, связанные с трудным началом Великой Отечественной войны.

Если исходить из государственных соображений и политической логики, то действия Сталина, руководства СССР в целом выглядят в ситуации начавшейся Второй мировой войны вполне оправданными. В самом деле, советско-польские отношения всегда отличались напряженностью, периодически приобретая откровенно конфронтационный характер. Война 1920 г. была свежа в памяти, а обширные территории, населенные миллионами украинцев и белорусов, судьба которых не только на словах волновала советское правительство, еще совсем недавно входили в состав России. Позволить фашистской Германии еще более укрепиться за счет этих земель и значительно приблизиться к жизненно важным центрам Советского Союза было бы серьезнейшей ошибкой.

То, что для проведения польского похода имелись веские основания, признавал даже такой убежденный антикоммунист, как У. Черчилль. Выступая 1 октября 1939 г. по радио, он заявил: «Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует, и следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть...»[38]

Никто не обманывался и на тот счет, что при ином варианте развития событий Польша охотно выступила бы союзником Гитлера в его агрессии против СССР. Посол Германии в Польше Г. Мольтке прямо говорил: «Мы знаем, что в случае германо-советского конфликта Польша будет стоять на нашей стороне»[39]. К тому же в памяти были свежи события 1938 г., когда поляки участвовали в разделе Чехословакии, захватив Тешинскую область, в результате чего Советский Союз выступил с открытым предупреждением о возможной денонсации советско-польского договора о ненападении.

В результате Освободительного похода под контроль СССР перешла территория площадью свыше 190 тыс. км^2 с населением более 12 млн человек. Границы Советского Союза отодвинулись на запад на 250–300 км, и теперь они практически полностью соответствовали линии Керзона, рекомендованной Антантой в 1918 г. в качестве восточных рубежей Польши. Большая часть территории Виленского края вместе с г. Вильно была передана Литве в соответствии с договором о взаимопомощи, заключенным 10 октября 1939 г.; меньшая вошла в состав Белорусской ССР[40]. Это имело большое значение в связи с намерениями по включению Прибалтийских государств в советскую зону влияния. Не были осуществлены планы Гитлера по созданию буферных сателлитных образований между СССР и Германией.

31 октября 1939 г., подводя итоги операции, В. М. Молотов заявил: «Оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем Красной армии,

чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей»[41]. В. М. Молотов таким образом перефразировал высказывание Ю. Пилсудского относительно «искусственно и уродливо созданной Чехословацкой республики». Им были приведены официальные данные о потерях Красной армии, которые составили 737 убитых и 1862 раненых (в современных исследованиях общее число безвозвратных потерь определяется в 1475 человек убитыми и 3858 ранеными)[42]. Также было потеряно 42 единицы бронетехники и до девяти самолетов различных типов (в том числе в результате аварийных посадок).

Потери польской стороны в действиях против советских войск составили 3,5 тыс. человек убитыми, около 2 тыс. пропавшими без вести и 454,7 тыс. пленными. Число пленных включает солдат и офицеров вооруженных сил Польши, полицейских, жандармов и лиц, захваченных с оружием в руках, при этом войска Белорусского фронта взяли в плен 60 202 человека (из них 2066 офицеров)[43], а Украинского — 392 334 человека (в том числе 16 723 офицера)[44]. Непосредственно военнослужащих вооруженных сил Польши в плену насчитывалось 240–250 тыс., в том числе около 10 тыс. офицеров. В качестве трофеев было захвачено «свыше 900 орудий, свыше 10 тыс. пулеметов, свыше 300 тыс. винтовок, более 150 млн патронов, около 1 млн снарядов и до 300 самолетов».

Для рассмотрения вопроса о военнопленных Политбюро ЦК ВКП(б) создало комиссию во главе с секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Ждановым. На основании ее предложений 3 октября 1939 г. Совет народных комиссаров СССР принял Постановление о военнопленных № 1626–390сс, в соответствии с которым бывшие солдаты польской армии — уроженцы Западной Украины и Западной Белоруссии подлежали освобождению. Солдаты — уроженцы «немецкой части Польши» должны были содержаться в специальных лагерях до окончания переговоров с Германией об их отправке на родину. Офицеров, полицейских и других служащих силовых органов предписывалось разместить в специальных лагерях.

Опыт проведения польского похода имел большое значение с точки зрения извлечения уроков из его проблемной стороны. В частности, были выявлены серьезные недостатки при организации и проведении мобилизационных мероприятий, а также при подготовке призывного состава. Обращалось внимание на недостатки в работе штабов (особенно армейского звена), низкий уровень взаимодействия между различными родами войск, трудности управления войсками на поле боя, плохую работу тыловых служб. Итоги применения танковых корпусов были оценены негативно, что стало основанием для принятия в ноябре 1939 г. ошибочного решения об их расформировании. К сожалению, необходимые меры по исправлению ситуации в полном объеме не были реализованы. Сталин в своей речи перед советскими военачальниками 17 апреля 1940 г. отметил: «Нам страшно повредила польская кампания, она избаловала нас... У нас, товарищи, хвастались, что наша армия непобедима, что мы всех можем шапками закидать, нет никаких нехваток... Наша армия не поняла, не сразу поняла, что война в Польше — это была военная прогулка, а не война. Потребовалось время, чтобы она стала перестраиваться»[45].

После завершения Освободительного похода начались политические и социальные преобразования в западных областях Украины и Белоруссии. В предельно сжатые сроки была создана система временных органов «революционно-демократической власти»: управления в городах, поветах и воеводствах, рабочие комитеты на предприятиях, крестьянские комитеты в волостях и деревнях. Состав органов временного управления первоначально утверждался командованием РККА; они в свою очередь утверждали состав крестьянских комитетов, избранных крестьянскими сходами.

Опираясь на отряды рабочей гвардии и крестьянской милиции, новые органы власти брали в свои руки руководство политической, административно-хозяйственной и культурной жизнью городов и деревень. Взяв под контроль наличные запасы сырья, продуктов и товаров, они обеспечивали население продовольствием и товарами первой необходимости по фиксированным ценам, вели борьбу со спекуляцией, принимали и распределяли продукты

Вручение крестьянам документов на пользование землей. Западная Белоруссия. 1940 г.

и товары, поступавшие из СССР в порядке безвозмездной помощи. Началась конфискация помещичьих земель (крестьяне Западной Украины получили в бесплатное пользование 1,5 млн гектаров земли, а Западной Белоруссии — более 400 тыс. гектаров), национализация банков и промышленных предприятий. Был установлен восьмичасовой рабочий день, осуществлялись и другие социальные преобразования.

В сентябре — октябре 1939 г. в Западной Белоруссии и на Западной Украине открылось значительное количество новых школ, образование в которых было переведено по выбору граждан на родной язык — белорусский, украинский, русский, польский. Бесплатное образование резко расширило число учащихся за счет детей крестьян и рабочих. Вновь открытые больницы и медпункты обслуживали население бесплатно.

22 октября 1939 г. состоялись выборы депутатов в Народное собрание Западной Украины, что в СССР трактовалось как референдум о воссоединении с Советской Украиной.

По официальным данным, в голосовании приняли участие 4 млн 433 тыс. 997 избирателей (92,83 %), из которых «за кандидатов блока рабочих, крестьян и интеллигенции» проголосовало 90,93 %.

В Западной Белоруссии в выборах участвовали 2 млн 672 тыс. 280 граждан, имеющих избирательные права (96,71 % от общего числа), 90,67 % из них проголосовало «за»[46]. Хотя выборы проводились на безальтернативной основе, голосование против предлагаемых кандидатов было возможно. Национальный состав новых органов власти был смешанным и в целом репрезентативным. Так, среди депутатов Народного собрания Западной Белоруссии числились 621 белорус, 127 поляков, 72 еврея, 53 украинца, 43 русских[47]. Итоги выборов в целом объективно отражали общественные настроения и подтвердили, что подавляющее большинство населения этих регионов поддерживает установление советской власти и присоединение к СССР.

27 октября Народное собрание Западной Украины единогласно приняло декларации об установлении советской власти и о вхождении в состав Советского Союза. 29 октября за аналогичные решения проголосовало Народное собрание Западной Белоруссии.

Рассмотрев соответствующие обращения, Верховный Совет СССР на 5-й внеочередной сессии 1 ноября постановил включить Западную Украину в состав Украинской ССР, а 2 ноября — Западную Белоруссию в состав Белорусской ССР.

Акты о взаимопомощи с Прибалтийскими государствами

Сложные переплетения внешнеполитических, военных и экономических процессов в 1930-е гг. на Европейском континенте оставили своеобразный отпечаток на восприятии Эстонией, Латвией и Литвой, их властными группировками и обществами своего места в мире. После установления в Германии экспансионистского гитлеровского режима, опиравшегося на человеконенавистническую идеологию и прямое насилие, Прибалтийским странам предстояло определиться в стратегии и тактике отношения к нацистскому Берлину, а также выстраивания связей с соседями, включая СССР, и странами Запада.

Утверждение в Прибалтике авторитарного правления с профашистской идеологией (с 1926 г. — диктатура Антанаса Смятоны в Литве, с 1934 г. — диктаторские режимы Константина Пятса в Эстонии и Карлиса Улманиса в Латвии) оказало ключевое влияние на формирование стереотипов, предпочтений и антипатий официальных Риги, Таллина и Каунаса к ведущим акторам мира. При этом особая ситуация сложилась в Литве, военно-политическое положение которой характеризовалось хроническим конфликтом с Варшавой (и, следовательно, международной «полуизоляцией») из-за оккупированного польскими войсками Вильнюса и окрестных земель и нараставшими реваншистскими претензиями Германии в «мемельском вопросе» (Клайпеда).

Прослеживая дипломатические виражи и особенности режима, характерные для Латвии как центральной страны региона в период диктатуры Карлиса Улманиса (1934–1940), можно уяснить закономерности провала противоречивых попыток сохранить нейтралитет и «вождистскую» государственность в условиях начавшейся Второй мировой войны и неизбежного драматического столкновения СССР и Германии.

Приход в январе 1933 г. к власти в Германии Адольфа Гитлера означал образование в центре Европейского континента очага военной опасности. Идеология нацистов, их внешнеполитическая доктрина опирались на представления о расовом превосходстве арийцев и требования мировой гегемонии «тысячелетнего рейха». В прибалтийских столицах с самого начала недооценивали разрушительный потенциал нацизма и настрой гитлеровского руководства на освобождение Берлина от каких-либо военных ограничений Версаля, хотя лозунги пересмотра территориально-политических последствий Первой мировой войны и вызывали нарастающие опасения у ближних и дальних соседей Третьего рейха. Так, латвийский посол

в Берлине Э. Криевиньш 31 января 1933 г. писал министру иностранных дел Латвии К. Зариньшу, что кабинет Гитлера является «новым экспериментом» и еще неясно, кто больше, а кто меньше имеет повод радоваться. В свою очередь германский посол в Риге Г. Марциус сообщал своему руководству о том, что латыши все же опасаются германской угрозы своей независимости, хотя антикоммунизм нового правительства Германии вызывает широкое удовлетворение в Латвии[48].

Утверждение германского посла о «широком удовлетворении» было явным преувеличением. Наоборот, в латвийском обществе на протяжении 1933 г. наблюдались массовые протестные настроения в адрес местных и германских нацистов, выразителями которых наряду с коммунистами были влиятельные в тот период социал-демократы. 17 марта сейм поддержал предложение этой партии о высылке фашиствующих иностранцев, закрытии организаций и печатных органов их местных сторонников. В ответ Германия пригрозила торговым эмбарго и рядом других репрессивных мер. Кабинет министров Латвии предпочел пойти на уступки и не выполнять антинацистское парламентское решение. Более того, «главным врагом» демонстративно объявили вовсе не нацистов, а депутатов-коммунистов в сейме, которые и были в ноябре 1933 г. арестованы по обвинению в «государственной измене». Этот политический жест, благосклонно воспринятый в Берлине, фактически стал прологом к военному перевороту в Латвии в мае 1934 г.

Активизация нацистов уже в 1933 г. привела к существенным изменениям во внешнеполитических подходах советского руководства, сделавшего ставку на поддержку доктрины коллективной безопасности в Европе и гарантированного нейтралитета государств-лимитрофов, не развернутого де-факто против СССР. Дипломатические усилия Москвы были обусловлены потребностями предотвращения военной угрозы. В частности, прибалтийская проблема сводилась к следующему: в случае войны обосновавшийся в регионе противник имел возможность, во-первых, блокировать Краснознаменный Балтийский флот и, во-вторых, с выгодных позиций начать наступление на Ленинград, потеря которого могла обернуться для Советского Союза катастрофическими последствиями.

Вместе с тем активность Москвы на международной арене по предотвращению фашистской угрозы вызывала недоверие и подозрительность в странах Прибалтики. Правящие круги в этих государствах продолжали оставаться в плену доктрины «санитарного кордона» против коммунизма, все еще рассчитывая на поддержку Лондона, Парижа и Вашингтона, а в случае ее дефицита — на формирование «блока нейтралов» или некоторый эффект от сближения с Берлином. Так, в декабре 1933 г. Латвия и Финляндия подписали секретный протокол о военно-политическом сотрудничестве, содержавший призыв к созданию прибалтийско-скандинавского союза. Но попытка главы МИД Латвии В. Салнайса найти поддержку в ходе визита в Стокгольм не увенчалась успехом: шведы не были заинтересованы в доминировании на прибалтийской площадке сближавшихся между собой Польши и гитлеровской Германии, однако латышам, эстонцам и литовцам не доверяли, желая вообще избежать каких-либо блоковых обязательств[49].

Военно-политическая обстановка в регионе с учетом нацистской угрозы для Советского Союза на прибалтийском направлении все же требовала от Таллина, Риги и Каунаса иного уровня гарантий, соответствовавших законным и жизненно важным интересам безопасности СССР. Со своей стороны, советское руководство понимало значимость и настойчиво добивалось надежно гарантированного нейтралитета Эстонии, Латвии и Литвы — нейтралитета, не препятствующего коллективным действиям против агрессора и способного перерасти в союзнические отношения в оборонных вопросах. «Созданные Антантой балтийские государства, которые выполняли функцию кордона или плацдарма против нас, сегодня являются для нас важнейшей стеной защиты с Запада», — констатировал в начале 1934 г. заведующий бюро международной информации ЦК ВКП(б) Карл Радек[50].

Однако Эстония, Латвия и Литва ревностно следили за соблюдением формальных аспектов своего суверенитета в случаях, когда международные инициативы исходили от

Москвы или с ее подачи. Так, в январе 1934 г. Рига и Таллин отклонили общее предложение СССР и Польши о предоставлении Прибалтийским странам гарантий их безопасности; отказалась в итоге от подписания совместной декларации о заинтересованности в неприкосновенности Прибалтики и Варшава[51]. Получив отказ польского руководства, Кремль попытался добиться гарантий независимости Прибалтийских стран от Третьего рейха. Берлину было предложено подписать протокол, в котором правительства СССР и Германии обещали бы «неизменно учитывать в своей внешней политике обязательность сохранения независимости и неприкосновенности» Прибалтийских государств. Германия также отвергла это предложение[52].

Стремительный вираж Польши по сближению с нацистским Берлином и заключение с ним 26 января 1934 г. соглашения о ненападении и взаимопонимании подтвердили необходимость рассматривать вопросы безопасности в более широком составе участников, а также укреплять двустороннюю договорно-правовую базу. 20 марта 1934 г. СССР предложил Прибалтийским странам продлить действие договоров о ненападении от 1932 г., которые выразили на это согласие и 4 апреля пролонгировали их сроком на 10 лет.

Весной — летом 1934 г. проходили советско-французские переговоры о широкомасштабной программе коллективной безопасности, на которых обсуждалась идея заключения Восточного пакта («Восточного Локарно») с участием СССР, Германии, Чехословакии, Польши, Финляндии, Литвы, Латвии и Эстонии, а также Франции в качестве гаранта. Германия, Польша, а вслед за ними Прибалтийские страны, так или иначе, отвергли эту инициативу. Отказалось от роли гаранта в данном формате и правительство Франции.

Значительно меньшую щепетильность в отношении своего суверенитета прибалтийские столицы проявляли, добиваясь гарантий безопасности от Великобритании, которую считали своим главным военным союзником. В ответ на все дипломатические заходы латышей, литовцев и эстонцев Лондон выражал «индифферентность», что позволило, например, послу Латвии в Британии К. Зариньшу прийти к выводу: Туманный Альбион до сих пор заинтересован в существовании Латвии и остальных стран Балтии, но не настолько, чтобы защищать их с оружием в руках. Латвийский историк А. Зунда, посвятивший монографию двусторонним отношениям с этой страной, отмечает: «Вместе с тем Латвия в середине и второй половине 1930-х гг. все еще надеялась на возможности экономического и политического сближения с Великобританией. Многократные визиты [главы МИД] В. Мунтерса в Лондон и его прием на самом высоком уровне, а также переговоры с английскими руководителями и их туманные обещания заботиться о мире и стабильности в рамках Устава Лиги Наций сохраняли какие-то надежды. Однако никаких конкретных действий с британской стороны не последовало. Наоборот, в рассматриваемый период Англия всеми силами стремилась добиться соглашения с Германией. Модели такого соглашения неоспоримо затрагивали все восточноевропейские государства, в том числе Балтию».

Отмечая нарастающее безразличие Великобритании и Франции к безопасности Прибалтийских стран и осознавая слабые перспективы тесного военного сотрудничества с Финляндией, МИД Латвии склонялся к выводу, что единственным надежным партнером может быть Эстония (при том что в Таллине к «надежности» латышей относились с заметным скепсисом). 17 февраля 1934 г. союзнические отношения Латвии и Эстонии были значительно укреплены и расширены, включая вопросы регулярной координации внешнеполитической деятельности. Балтийская Антанта была открыта для присоединения Литвы, однако из-за «виленского вопроса» и подозрений в «излишнем сближении» каунасской Литвы с Москвой доверительное сотрудничество, особенно в военной и разведывательной сферах, не складывалось.

Типологическую общность установившихся в регионе к середине 1934 г. диктатур отмечает российский историк Елена Зубкова: «Сделав ставку на армию, националистов и бюрократию, лидеры балтийских стран одновременно позаботились об устранении политической оппозиции своим режимам. Политический плюрализм времени парламентской демократии ушел в прошлое»[53]. При этом, на наш взгляд, важную роль для оценки военно-политических

рисков, связанных с внешней и внутренней политикой Прибалтийских стран, играют идеологическое наполнение установившихся там диктаторских режимов, характер и пропорции заимствований из-за рубежа.

На основе заимствований из «модных» европейских идейных девиаций и банальной ксенофобии местного происхождения с середины 1920-х гг. в Прибалтийских странах верстались планы построения националистических государств, в которых этнические меньшинства должны были знать «свое место». Их идейную основу составляли звонкие лозунги и эпические представления о литовском, латышском или эстонском «хозяине»[54], антикоммунизм, элементы фашистских корпоративистских идей, антисемитские, русофобские или полонофобские настроения (особенно в Литве, но отчасти и в Латвии).

Среди источников вдохновения для пропагандистского обеспечения новых режимов в Литве, Латвии и Эстонии значительное место занимал итальянский фашизм. Так, в июньском номере журнала «Айзсаргс» за 1934 г. наряду с обильным славословием в адрес К. Улманиса была предпринята попытка обосновать необходимость «вождизма» в Латвии со ссылкой на итальянский фашистский опыт. Статью, в которой прославлялся Б. Муссолини, украшал заголовок: «Вождь народа и значение вождизма. В особенности небольшим народам необходимы могучие и отважные вожди»[55]. Следует отметить, что и сам Улманис после переворота ссылался на Муссолини и фашистский режим, усматривая в нем образец для подражания в делах управления государством, в социальной политике и формировании образа сильного вождя.

Встречного энтузиазма со стороны итальянских фашистов не наблюдалось, за исключением общих мер по популяризации своей идеологии за рубежом: всерьез брать Каунас, Ригу и Таллин в «ученики» и союзники они не собирались. Итальянский исследователь дипломатических отношений с межвоенной Латвией Валерио Перна отмечает, что Муссолини было приятно получать свидетельства пиетета к его персоне (и фашизму в целом). При этом «с середины 1930-х гг. Муссолини рассматривал Прибалтику как территорию естественной экспансии немецкого влияния и считал за лучшее не брать на себя никаких обязательств в этих государствах»[56]. Тем не менее прибалтийская дипломатия не оставляла попыток добиться благосклонности итальянских фашистов, рассчитывая на некое посредничество Рима в прояснении перспектив отношений с Германией.

Следует отметить и притягательность для прибалтийских властителей отдельных аспектов самой нацистской доктрины, ее реализации на практике. Так, рижский историк Айварс Странга отмечает, что К. Улманису, посетившему 8 сентября — 18 октября 1933 г. нацистскую Германию для лечения, очень понравилась «волна восторга и электризации», сочетавшаяся с поклонением масс фюреру («отдельный человек — абсолютно ничто») и изгнанием евреев из государственных структур, учреждений культуры и образования. При этом «вождь» сделал вывод о том, что «новой Германии» бояться не стоит — «войны не будет»[57].

В 1936–1937 гг. нараставший германский экспансионизм на практике еще слабо выделял прибалтийский приоритет, за исключением пропагандистской и разведывательной деятельности на территории Литвы, Латвии и Эстонии, а также поддержки организаций балтийских немцев. Однако в Берлине внимательно следили за настроениями в политическом и военном истеблишменте Прибалтийских стран. В 1937 г. подготовленный по приказу военного министра Германии генерал-фельдмаршала В. фон Бломберга военный план отражал немецкие представления о Прибалтийских странах и результатах проделанной работы: Эстония считалась другом, Литва — врагом, а по поводу Латвии возникали сомнения.

Последовательное укрепление германского влияния в Прибалтике, особенно в Эстонии, а также крушение проектов коллективной безопасности вызывали в Кремле серьезное беспокойство. Еще в 1936 г. И. В. Сталин публично выразил обеспокоенность в связи с возможностью сдачи Прибалтийскими странами «границы в кредит» для агрессии против СССР[58]. В 1938 г. германское влияние в Прибалтике резко усилилось. Берлин под предло-

гом «воспитания прессы в духе нейтралитета» потребовал от стран Прибалтики навести «арийский порядок» в печатных изданиях, убрав евреев из состава корреспондентов за рубежом и редактората, а также из числа владельцев газет. Официальная Рига вскоре согласилась с антисемитскими претензиями нацистов в отношении издательского бизнеса и журналистики, устроив «чистку» в ведущих изданиях. Как отмечал глава МИД Латвии В. Мунтерс в беседе с германским послом в Риге У. фон Котце в мае 1939 г., «именно этот тихий антисемитизм дает хорошие результаты, которые народ, в общем, понимает и с которыми соглашается»[59].

Другой иллюстрацией подчинения германской воле прибалтийской дипломатии стала ситуация с отказом от автоматического применения Эстонией, Латвией и Литвой статьи 16 Статута Лиги Наций, позволявшей среди прочего транзит советской военной силы по их территории, акватории и воздушному пространству для борьбы с агрессором в случае нападения на Чехословакию. Берлин при поддержке Таллина сумел надавить на Ригу и Каунас, выступив с угрожающей позицией: руководство рейха «не считает нейтральными страны, допускающие проход иностранных войск через их территории»[60]. В результате 19 сентября 1938 г. Эстония и Латвия, а 22 сентября Литва заявили о необязательности применения статьи 16, приняв тем самым и германское толкование «нейтралитета» (законы о котором в срочном порядке прибалтами были разработаны, утверждены и объявлены)[61].

В секретных беседах с германскими представителями эстонское военное руководство не скрывало своей поддержки действий Германии в случае конфликта и желания быть полезными рейху. Так, 5 июля 1938 г. германский посланник в Таллине Г. Фровейн известил Берлин о том, что начальник штаба эстонской армии генерал Н. Реэк признал важность для Эстонии немецкого контроля над Балтийским морем в случае войны и «заявил, что Эстония также может оказать содействие в этом деле. Например, Финский залив очень легко заминировать против советских военных кораблей, не привлекая никакого внимания. Имеются и другие возможности»[62]. Советская разведка имела информацию о подобных контактах и, в частности, отмечала, что Германия занимается «подготовкой морского плацдарма для войны на Балтийском море»[63].

В обстоятельствах, когда Запад настойчиво желал перенацелить агрессию Гитлера на Восток, доверие к Эстонии, Латвии и Литве как политически устойчивому и в военном плане состоятельному союзнику или нейтралу улетучивалось у всех заинтересованных сторон, включая СССР. На фоне затухания геополитического интереса к Балтийскому региону у Великобритании[64] и Франции официальные Таллин и Рига стали в несколько большей мере прислушиваться к мнению Москвы, но предприняли отчаянную попытку заискивания перед Гитлером.

Если равнение эстонской внешней политики на гитлеровскую Германию было заметно уже в 1935–1937 гг., то кульминацией сближения Латвии с рейхом, отмечавшегося еще в 1938 г., стал период весны — начала лета 1939 г. Оккупация Германией Чехословакии не привела к принятию официальной Ригой советского покровительства независимости Латвии; в предупреждениях из Москвы о недопустимости сближения с Германией зазвучали жесткие нотки, которые главой МИД В. Мунтерсом были проигнорированы и лишь подхлестнули попытку встроиться в фарватер германской политики при некотором отдалении от Великобритании и Франции.

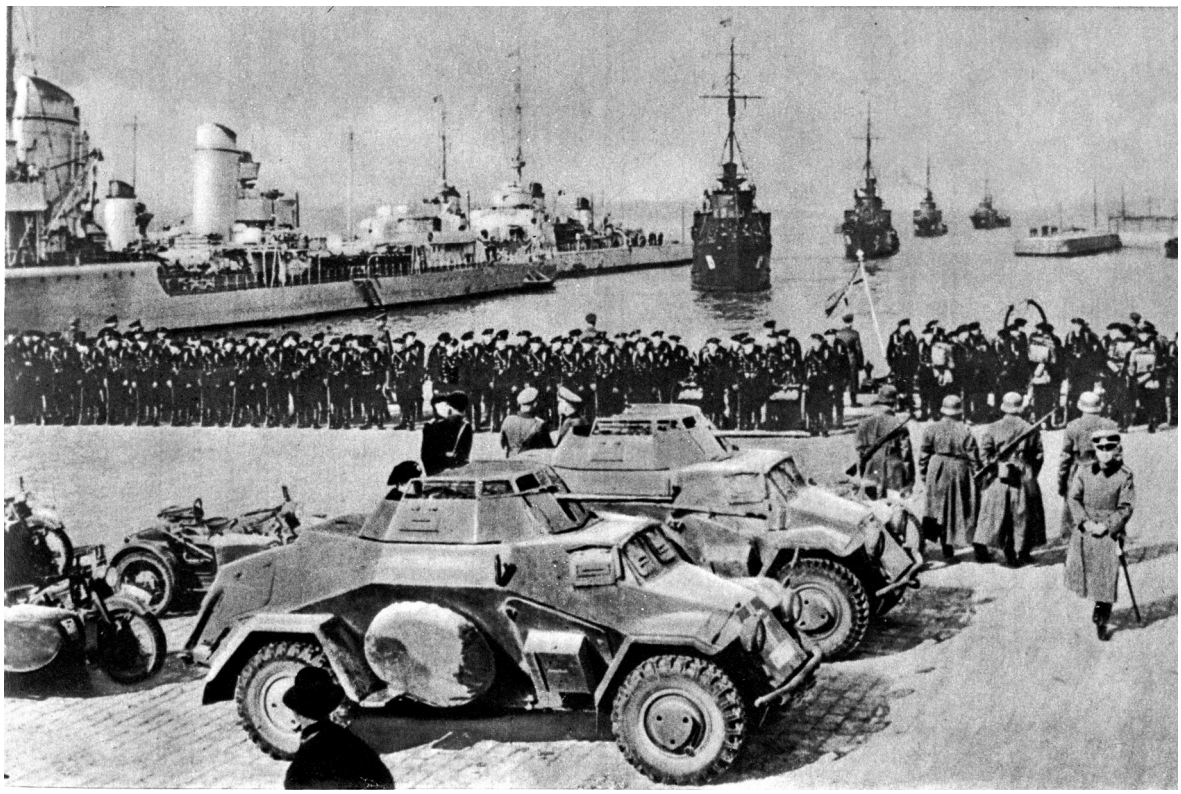
Вместе с тем в историографии и публицистике распространены представления о том, что высшие руководители Литвы А. Сметона, Эстонии К. Пятс и Латвии К. Улманис, а также глава МИД Латвии В. Мунтерс и латвийский военный министр Я. Балодис, которому вменялись в вину «явно прорусские высказывания»[65], были тесно связаны с советскими спецслужбами или даже стали «агентами ЧК». Отправными точками для подобных суждений, усиливаемых «тихим (само)подчинением» президентских диктатур в период вхождения советских войск и присоединения Прибалтики к СССР летом 1940 г., являются исследование эстонского историка Магнуса Ильмярва[66] и мемуары заместителя начальника внешней разведки НКВД

Советские войска в Эстонии

СССР (с 10 мая 1939 г.) П. А. Судоплатова. Однако отрывочные сведения о тайной финансовой подпитке литовских националистов для повышения их сопротивляемости польскому вмешательству в 1922–1926 гг., деятельности К. Улманиса и его окружения во второй половине 1920-х гг. или работе в Эстонско-советской коммерческой палате (с 1924 г.) и Нефтяном синдикате К. Пятса в оппозиционный период не дают достаточно внятного ответа на вопрос о наличии и характере секретных контактов прибалтийских «вождей» с Москвой в период диктатуры, а мемуары Судоплатова[67] не позволяют с достаточной точностью верифицировать факт сотрудничества президента Эстонии, главы Латвии или ее внешнеполитического ведомства с советской разведкой, планы Москвы по «замене» Улманиса на Мунтерса и т. п. Разве обманывал В. Мунтерс германских представителей, утверждая: дислокация латвийской армии свидетельствует, что «мы вообще никогда в военном отношении не ориентировались иначе, как только против Востока»?[68] Также остается открытым вопрос: почему Улманис еще до переворота 15 мая 1934 г., неоднократно занимая «разъездной» пост министра иностранных дел, с 1926 г. отказывался от приглашений посетить СССР?

Так или иначе, прогерманский крен во внешней политике Латвии и Литвы весной — летом 1939 г. неоспорим. Эстонский историк Магнус Ильмярв дает объяснение ориентации прибалтийских правительств на нацистский рейх: «К 1939 г. в условиях международного кризиса в Европе Латвия и Литва, следуя за эстонским примером поиска убежища под прикрытием риторики нейтралитета, также стали придерживаться внешнеполитической ориентации, которая в наименьшей степени служила национальным интересам этих стран. Мотивируя это страхом ликвидации частной собственности большевистским Советским Союзом, правительства Эстонии, Латвии и Литвы возложили все свои надежды

Вступление немецко-фашистских войск в Клайпеду. Март 1939 г.

на нацистскую Германию, как наиболее мощного оппонента большевизма»[69]. Немецкий дипломат, начальник IV отдела МИД Германии В. фон Гундхер 6 июня 1939 г. в своей служебной записке подчеркнул, что Берлин и Таллин связывают дружеские отношения даже в военной сфере, и указывал на источник прогерманского «вдохновения» и латвийской дипломатии: «Под влиянием возросшей мощи Великой Германии примерно год назад Латвия также изменила свое отношение к Германии и сегодня проводит настоящую политику нейтралитета»[70].

20 марта 1939 г. Германия потребовала от Литвы передать ей Клайпеду (Мемель) с прилегающей территорией. Шантаж увенчался успехом: 22 марта был подписан германо-литовский договор о передаче Клайпеды рейху, согласно которому стороны брали на себя обязательство о неприменении силы друг против друга. Захват Клайпеды сопровождался демонстрацией военно-морской мощи Германии; Гитлер на линкоре «Дойчланд» отправился из Свинемюнде в Мемель, чтобы лично с триумфом посетить отнятый у Литвы город. Правительства Великобритании и Франции не оказали противодействия Берлину, хотя и относились к числу участников подписанной в 1924 г. в Париже конвенции, признававшей Клайпедский край составной частью Литвы[71].

20 апреля 1939 г. в торжествах, посвященных 50-летию Гитлера, приняли участие не только начальник генштаба эстонской армии генерал Реэк, но и начальник штаба латвийской армии М. Хартманис, а также генерал О. Данкерс, получившие награду из рук фюрера. В ответ на «пряник» в виде торговых и военно-технических контрактов Берлин получил заверения от латвийского руководства о ненаправленности союзнических обязательств Риги и Таллина против рейха. 22 мая 1939 г. состоялось помпезное празднование 20-летия «освобождения

Риги от большевиков» (изгнания из столицы правительства Советской Латвии во главе с П. Стучкой) с участием внушительной делегации из Германии, включая не только ветеранов воевавшего с большевиками ландесвера, но и «парадные» подразделения СС. Как отмечал латвийский политик и публицист М. Вульфсон, «по существу, это был вызов не только большинству антигермански настроенного населения Латвии, но и западным союзникам»[72]. Добавим к этому, что и Советскому Союзу в первую очередь.

В этих условиях Советский Союз вновь попытался обеспечить международные гарантии Прибалтике посредством соглашения с Лондоном и Парижем. Москва дважды, в апреле и мае 1939 г.[73], предлагала западным державам предоставить совместные гарантии Латвии, Эстонии и Финляндии, однако безуспешно. Современный анализ планов нацистов не оставляет сомнений в обоснованности опасений советской стороны по поводу ничем не обеспеченного и поддающегося Берлину прибалтийского «нейтралитета». Так, российский историк Александр Дюков отмечает: «Сегодня мы знаем то, чего не знали участники событий: в Берлине как раз в это время обсуждался вопрос об экспансии на прибалтийском направлении. В утвержденной 11 апреля Гитлером «Директиве о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.» указывалось, что после разгрома Польши Германия должна взять под свой контроль Латвию и Литву: «Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи»[74].

На этом фоне попытка Финляндии (наряду со Швецией) добиться в Совете Лиги Наций отмены демилитаризации Аландских островов, режим которой был установлен соответствующей конвенцией 1921 г., была воспринята Кремлем как грубая попытка финнов подыграть Гитлеру на Балтике и создать дополнительную угрозу безопасности СССР, способную также косвенно повлиять на настроения эстонской и латышской элит. И хотя по итогам столкновения дипломатических позиций в Лиге Наций положения указанной конвенции остались в силе, реваншистский зондаж Хельсинки, его неуступчивость в переговорах с Москвой по данному и смежным вопросам, проходивших с декабря 1938 г. по апрель 1939 г., сгущали атмосферу взаимного недоверия и создавали дополнительные предпосылки для будущего военного столкновения[75].

Переговоры СССР с Англией и Францией все еще шли, когда 7 июня 1939 г. в Берлине в торжественной обстановке В. Мунтерс и К. Сельтер подписали с И. Риббентропом пакты о ненападении на 10 лет. Латвийскую и эстонскую делегации ждал радушный прием с участием рейхсфюрера СС Г. Гиммлера и начальника штаба «штурмовиков» СА В. Лутце.

Современные исследователи задаются вопросом: сопровождались ли пакты Риббентропа — Мунтерса и Риббентропа — Сельтера секретными договоренностями, и если это так, то были ли они как-то оформлены? М. Ильмярв в этой связи ссылается на внутренний меморандум шефа немецкой службы новостей для заграницы Дертингера от 8 июня 1939 г., в котором говорится о том, что Эстония и Латвия согласились с тайной статьей, требовавшей от обеих стран координировать с Германией все оборонительные меры против СССР. В меморандуме также указывалось, что Эстония и Латвия были предупреждены о необходимости умного применения их политики нейтралитета, требовавшей развертывания всех оборонительных сил против «советской угрозы»[76].

Следует отметить, что сами германско-прибалтийские пакты и обстоятельства их подписания были сильным элементом давления Гитлера и Риббентропа на советское руководство, хотя вопрос о полноте осведомленности Москвы относительно тайных договоренностей остается открытым[77]. «Эстония и Латвия подписали с Германией пакты о ненападении, — писал впоследствии Уинстон Черчилль. — Таким образом, Гитлеру удалось без труда проникнуть в глубь слабой обороны запоздалой и нерешительной коалиции, направленной против него»[78]. Вскоре официальный Таллин уведомил Лондон о том, что Эстония будет рассматривать «автоматическую помощь» как недружественный акт. Более того, 19 июня 1939 г. посол Эстонии

в Москве А. Рэй на встрече с британскими дипломатами заявил, что помощь СССР заставит Эстонию выступить на стороне Германии[79].

Громкими заявлениями дело не ограничилось; уже 26–29 июня 1939 г. Эстонию посетил начальник генштаба сухопутных войск Германии генерал-лейтенант Ф. Гальдер. Его интересовали не столько состояние войск Эстонии, столько получаемые с эстонского разведывательного плацдарма данные о мобилизационных возможностях СССР и т. п. В те же дни абвер, заручившись поддержкой диктатора К. Пятса и генерала И. Лайдонера, ввел при генштабе эстонской армии должность офицера связи, утвердив в ней фрегатен-капитана А. Целлариуса, занявшего и аналогичный пост в Хельсинки. В июле 1939 г. А. Целлариус при поддержке финнов создал Военную организацию Финляндия (KOF), более известную как Бюро Целлариуса. Эта группа сконцентрировала свои усилия на сборе разведывательных сведений о Ленинградском военном округе, а в дальнейшем и о советских войсках на территории Эстонии[80]. 18 июля 1939 г. в Эстонию прибыл руководитель абвера адмирал В. Канарис в сопровождении начальников управления абвер-I (разведка) Г. Пикенброка и управления абвер-III (контрразведка) Ф. Бентивеньи.

«Суть дилеммы, перед которой оказалась Москва, заключалась в том, что сохранение ее позиций в регионе становилось отныне возможным лишь посредством войны с Германией или путем достижения соглашения с ней»[81], — отмечают российские историки Олег Кен и Александр Рупасов. В условиях отсутствия надлежащих англо-франко-советских договоренностей о совместном противостоянии германской агрессии советское руководство пошло на сближение с Гитлером, который был заинтересован в нейтралитете СССР при нападении на Польшу и мог позволить себе временно пожертвовать своими претензиями на Прибалтику (в первоначальном варианте — кроме Литвы и левобережья Западной Двины в Латвии). Ради этого фюрер был готов временно очертить на карте линию, за которую притязания Германии якобы не распространяются. И. В. Сталин принял решение заключить советско-германский договор о ненападении с секретными дополнительными протоколами от 23 августа 1939 г. (подписан в ночь на 24 августа председателем СНК, народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым и министром иностранных дел Германии И. фон Риббентропом).

Накануне неизбежного драматического столкновения СССР и Германии, отсроченного в августе — сентябре 1939 г., Прибалтика оказалась в советской «сфере интересов», что на практике означало готовность СССР настоять на заключении со странами региона договоров о взаимопомощи для охраны их границ наряду со своими с использованием ограниченных контингентов РККА и КБФ. Первоначально секретные договоренности были достигнуты в следующей формулировке: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами»[82].

С началом агрессии Германии против Польши 1 сентября 1939 г. Прибалтийские страны были озабочены своим положением и поспешили еще раз объявить о своем нейтралитете. Наиболее крутой дипломатический вираж в отношении Польши продемонстрировала официальная Рига: от поздравления Варшавы с ее участием в разделе Чехословакии накануне начала войны в надежде на то, что поляки не выдвинут претензий на юго-восточные районы Латвии, до спешного и «громкого» закрытия польского посольства в сентябре 1939 г. вопреки протестам Лондона, Парижа и польского эмигрантского правительства. Таллин и Каунас предпочли закрыть польские диппредставительства без каких-либо заявлений. Польские военные, переходившие латвийскую границу, интернировались.

Литва надеялась на возвращение Вильнюса, но не предпринимала самостоятельных усилий. Тем временем Берлин к 20 сентября 1939 г. разработал проект под названием: «Основные принципы договора об обороне между Германией и Литвой», по которому Литовское государство обязано было «отдать себя под опеку германского рейха». В военном аспекте этот

проект предполагал, что «численность, дислокация и вооружения литовской армии должны быть регулярно устанавливаемы при полном согласии верховного командования вермахта»[83].

25 сентября А. Гитлер утвердил директиву № 4 о сосредоточении войск вермахта в Восточной Пруссии для вступления в пределы Литвы. В этой связи российский военный историк Сергей Ковалев отмечает: «Их вступление на литовскую территорию представляло опасность для группировки войск Красной армии в Западной Белоруссии, так как в случае эскалации военного противостояния давало вермахту возможность нанести по советским войскам фланговый удар с севера, а с юга — беспрепятственно пройти на территорию Латвии и Эстонии. Эту опасность увеличивала готовность эстонского руководства к военному сотрудничеству с Германией. Чтобы предотвратить такое развитие событий, требовались решительные меры»[84].

Действительно, в связи с началом войны и возможными угрозами Советский Союз предпринял ряд мер по мобилизации и развертыванию сил в регионе. Так, 8 сентября 1939 г. приказом наркома ВМФ сроком на один месяц были задержаны 2193 младших командира и краснофлотца, подлежавших увольнению осенью 1939 г. В течение месяца на учебные сборы в КБФ было призвано более 20 тыс. военнослужащих запаса. Факт бегства в ночь на 18 сентября из Таллина интернированной польской подводной лодки «Оржел» руководство СССР восприняло с тревогой (в Наркомате ВМФ допускали возможность задействования скрывшейся субмарины в борьбе с советским судоходством в связи со вступлением 17 сентября Красной армии на территорию Восточной Польши — Западной Белоруссии и Западной Украины)[85] и решило использовать его для дальнейшего наращивания военного присутствия СССР в Финском заливе и политического нажима на Эстонию в целях создания надежной системы безопасности на Балтике.

На сухопутных границах с Эстонией и Латвией советское руководство также сосредоточивало группировку войск: в Ленинградском военном округе (ЛВО) разворачивались Отдельный Кингисеппский стрелковый корпус и 8-я армия, в Калининском военном округе — 7-я армия. На Белорусском фронте у границ Литвы готовилась к активным действиям 3-я армия (общая численность личного состава трех армий и стрелкового корпуса на 28 сентября — 6 октября 1939 г. достигала 437 тыс. человек, танков — 3052, артиллерийских орудий — 3635 единиц). Директива Наркомата обороны СССР № 043/оп от 26 сентября 1939 г. требовала от штаба ЛВО, у которого в оперативном подчинении с 15 сентября находилась и 7-я армия, «немедленно приступить к сосредоточению сил на эстонско-латвийской границе и закончить таковое 29 сентября»[86]. В свою очередь эстонская сторона завершила предмобилизационные приготовления к 27 сентября; Латвия демонстративных мер подготовки к войне в целом избегала.

Если совокупный мобилизационный ресурс личного состава армий Прибалтийских государств достигал внушительных размеров (годные к службе — 876 тыс., военнообученные — 565 тыс., расчетная численность армий военного времени — 427 тыс., военизированные отряды —140–170 тыс. человек), то их военно-техническая оснащенность была явно недостаточной для самостоятельного ведения боевых действий в современных условиях (винтовок — около 333 тыс. штук, артиллерийских орудий — 1200, танков и бронемашин — 147 единиц)[87]. Советской разведкой, в том числе разведотделом КБФ, боевая подготовка и огневая мощь войск Эстонии и Латвии, состояние береговой обороны, развитие авиации и средств связи оценивались в 1939 г. как весьма слабые; более высокий уровень отмечался в развитии и взаимодействии ВМС двух стран в районах Рижского залива, Моонзунда и устья Финского залива[88].

Однако военный сценарий не был задействован напрямую, уступив место дипломатическому, предполагавшему как договоренности с Берлином о распространении сферы советских интересов на Литву (закреплены в секретном протоколе к Договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.), так и вынужденное получение согласия Прибалтийских стран на размещение у себя советских военных баз. Военный разгром Польши в сентябре

За советскую власть в Эстонии. Демонстрация в Таллине.
Июнь 1940 г.

1939 г. и установление непосредственных границ между СССР и Третьим рейхом кардинально изменили подходы советского руководства к оценке и обеспечению гарантий военной безопасности в Прибалтике. Теперь планка минимальных требований Москвы к балтийским странам повышалась до размещения в договорном порядке на их территории и акватории ограниченного контингента советских сухопутных, морских и военно-воздушных сил для отпора намечавшейся германской агрессии. Как справедливо отмечают современные российские военные историки, и в частности С. Н. Ковалев, «переговоры проходили сложно, а обстановка требовала незамедлительных мер»[89]. В этой связи яркой иллюстрацией намерений СССР служит заявление В. М. Молотова министру иностранных дел Эстонии К. Сельтеру от 24 сентября 1939 г.: «Договор с Германией имеет определенный срок действия, — сказал он. — Так что ни мы, ни Германия не сложили оружия»[90]. Следовательно, «Советскому Союзу требуется расширение системы своей безопасности, для чего ему необходим выход в Балтийское море»[91].

После интенсивных и тяжелых переговоров в Москве были подписаны пакты о взаимопомощи СССР с Эстонией 28 сентября 1939 г., с Латвией 5 октября и с Литвой 10 октября (последний именовался «О передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимоотношении между Советским Союзом и Литвой»). Пакты сопровождались торговыми соглашениями, позволявшими Прибалтийским странам получить рынок сбыта сельхозпродукции в СССР и восполнить товарно-сырьевые потери, вызванные острым дефицитом импорта из-за начавшейся войны в Европе.

Благодаря договорам о взаимопомощи СССР получил право разместить свои военно-морские базы на стратегически доминирующих в Рижском и Финском заливах эстонских

островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в городе Палдиски (Балтийский порт), а также в незамерзающих латвийских портах Лиепая (Либава) и Вентспилс (Виндава). Конфиденциальные протоколы к договорам устанавливали предельный лимит на размещение гарнизонов наземных и воздушных сил СССР (в Эстонии и Латвии — по 25 тыс., в Литве — 20 тыс. человек)[92], отражавший компромисс между изначальными требованиями советских переговорщиков и возражениями прибалтийских делегаций.

Соотношение численности личного состава эстонской, латвийской и литовской армий (без мобилизационного ресурса и военизированных формирований) с контингентами советских войск в целом составило примерно 73 тыс. человек (соответственно около 20 тыс., 25 тыс. и 28 тыс.)[93] к 61,7 тыс. (21,3 тыс. в 65-м Особом стрелковом корпусе (ОСК) и Особой группе ВВС (Эстония), 21,6 тыс. во 2 ОСК и 18-й авиабригаде (Латвия) и 18,8 тыс. в 16 ОСК, 10-м истребительном и 31-м среднебомбардировочном полках (Литва). Войска получили строгие инструкции не вмешиваться во внутреннюю жизнь Прибалтийских государств, избегать провокаций. Однако практическая реализация договоренностей была сопряжена с множеством проволочек и сложностей, касавшихся вопросов аренды, строительства, военных перевозок и т. п., переговоры по преодолению которых велись вплоть до июня 1940 г.

Размещение советских войск в Эстонии, Латвии и Литве вызвало далеко не у всех в этих странах восторженные оценки, но их официальные представители, в том числе и в своем узком кругу, вынуждены были признавать корректность поведения советской стороны и определенные выгоды от размещения баз. Так, литовский посланник в Третьем рейхе К. Шкирпа в беседе с советским диппредставителем в Берлине А. Шкварцевым заявил, что «размещение русских войск в Литве произошло совершенно безукоризненно». Схожие позиции, судя по докладу литовского посланника во Франции П. Климаса главе МИД Литвы Ю. Урбшису, высказывались и на закрытом совещании послов Прибалтийских стран 28 ноября 1939 г. в Париже: «Русские гарнизоны не вызвали никаких недоразумений и не создали каких-либо затруднений. Кроме того, советские войска в Эстонии платят за товары английскими фунтами или долларами, а это положительно сказывается на финансах в то время, когда в стране не хватает валюты. У латыша также нет никаких неблагоприятных известий о русских»[94].

При этом за дружественными улыбками властей Прибалтийских стран в адрес СССР пряталось их желание как-то оправдаться перед Западом за тесное сотрудничество с большевистской Москвой, а также стремление выискивать формальные поводы для блокирования строительства военных объектов РККА и КБФ на отведенной территории. Об этом, например, свидетельствует проект литовской «Инструкции послам по поводу Московского договора» от 2 ноября 1939 г.: «Было бы невыгодно, если бы за рубежом сложилось мнение, что Литва охотно приняла Московский договор и считает его нормальным или даже полезным для нее событием... С Россией приходится вести себя... предоставляя максимум формального содержания подписанным положениям пакта»[95].

Одними дипломатическими кознями и проволочками саботирование договоренностей с Москвой вовсе не ограничивалось. Так, после ввода в Латвию по договору от 5 октября 1939 г. ограниченного контингента войск Красной армии в латвийском генштабе разрабатывались варианты блокирования и уничтожения советских военных баз и гарнизонов, перекрытия прибрежных районов Рижского залива (неособенно реалистичные)[96]. Следует отметить, что подобный вариант развития событий обсуждался И. В. Сталиным и в ходе переговоров с главой МИД Эстонии К. Сельтером 28 сентября 1939 г.: «Не должно быть слишком мало войск, — объяснял Сталин эстонскому министру. — Окружите и уничтожьте»[97]. При этом эстонцы не очень доверяли боеспособности латвийской армии и тайно планировали свою линию обороны глубиной до 60 км на латвийской территории, фактически допуская ее превентивную (встречную) оккупацию[98].

В конце 1939 г. латвийская и эстонская верхушки сохраняли конфиденциальные контакты с нацистами. Например, в ноябре состоялась встреча латвийского командующего К. Беркиса

и начальника штаба армии Х. Розенштейнса с руководителем эстонского и финского отделов абвера А. Целлариусом[99]. Вопреки советско-латвийскому договору о взаимопомощи отдел радиоразведки латвийской армии в ходе Советско-финской «зимней войны» (ноябрь 1939 — март 1940 г.) оказывал практическую помощь финской стороне, переправляя перехваченные радиограммы советских воинских частей[100]. Этому способствовал и неоправдавшийся расчет прибалтийских военных на британское и французское или германское вмешательство в войну против СССР.

Сегодня среди балтийских историков можно встретить утверждения о «незаконности» договоров о взаимопомощи СССР с Эстонией, Латвией и Литвой, с подписанием которых якобы началась «советская оккупация»[101]. Однако об их соответствии нормам международного права свидетельствует тот факт, что эти пакты по просьбе глав МИД Прибалтийских стран были зарегистрированы в Лиге Наций[102]. «Хотя и под давлением, правительства стран Балтии все же согласились с условиями договоров о взаимопомощи, — пишет эстонский юрист Лаури Мялксоо. — Эти договоры применялись на практике более чем полгода, поэтому говорить об их недействительности задним числом было бы фикцией. Кроме того, в то время доминировало мнение юристов... согласно которому заключенные под принуждением договоры не были автоматически недействительными»[103].

Важно отметить, что понимание советским политическим и военным руководством ключевых стратегических задач в регионе с позиций осени 1939 г., в том числе значимости развертывания воинских контингентов в Прибалтике, нашло отражение в приказе НКО СССР от 7 ноября 1939 г. № 199. В этом документе акцентировалось внимание командования и личного состава на следующем важном аспекте: «Договоры Советского Союза с Эстонией, Латвией и Литвой являются прочной основой для мира в восточной половине Балтийского моря и в Восточной Европе»[104].

В целом у руководства стран Прибалтики в конце 1939 — начале 1940 г. сохранялись иллюзии дальнейшего балансирования между воюющими сторонами (нацистской Германией и англо-французской коалицией) и Советским Союзом, опасавшимся быть втянутым в мировую войну в невыгодных условиях, в том числе геополитических на Балтике. Была предпринята также попытка оживить деятельность Балтийской Антанты путем проведения как секретных консультаций политического и военного характера, так и с помощью более формализованных координационных мероприятий — конференций 7–8 декабря 1939 г. и 14–16 марта 1940 г.

Такая активность прибалтов дала повод Москве заподозрить тайное присоединение Литвы к эстонско-латвийскому военному союзу, изначально имевшему антисоветский рефрен, однако сохранившемуся и после подписания договоров о взаимопомощи с Советским Союзом. Но в мае — июне 1940 г. ситуация в корне изменилась. Российский историк Елена Зубкова в этой связи отмечает: «После того как Германия захватила Норвегию и Данию и взялась за Францию, Сталин решил, что пришла пора действовать. С учетом изменившегося баланса сил в пользу Германии договоры о взаимопомощи с балтийскими странами казались слишком ненадежной гарантией, чтобы обеспечить военно-стратегические интересы СССР в Прибалтике, на самой границе с Восточной Пруссией»[105].

Можно констатировать, что неискренность прибалтийской верхушки в соблюдении договоров с Советским Союзом была важным фактором в сочетании с лавинообразным нарастанием нацистской угрозы, побудившим Кремль оказать на эти страны жесткий нажим в целях смены там политических режимов и ввода дополнительных войск. Катастрофически быстрое поражение в июне 1940 г. Франции, считавшейся одним из столпов Версальского мира и самым серьезным военным противником Гитлера на Западе, оставляло мало иллюзий о дальнейшем векторе нацистской агрессии, но и стало катализатором встречных геополитических изменений: в это «окно возможностей» успели уместиться смена власти в Прибалтике под давлением советского ультиматума и присоединение Латвии, Литвы и Эстонии к СССР.

На границах Прибалтики была сосредоточена советская военная группировка, основу которой составляли 3, 8 и 11-я армии. Ее численность с учетом развернутых в Литве, Латвии и Эстонии корпусов достигала 435 тыс. человек; на вооружении имелось свыше 500 бронемашин, более 3 тыс. танков и до 8 тыс. артиллерийских орудий и минометов. 3 июня 1940 г. нарком обороны СССР С. К. Тимошенко «в целях объединения руководства войсками» выделил в свое непосредственное подчинение воинские контингенты РККА в Эстонии, Латвии и Литве из состава войск Ленинградского, Калининского и Белорусского военных округов[106]. 13 июня в войска поступила директива Политуправления РККА, разъясняющая цели и задачи предстоящей операции, в которой отмечалось: «Мы хотим обеспечить безопасность СССР, закрыть с моря на крепкий замок подступы к Ленинграду, нашим северо-западным границам. Через головы правящей в Эстонии, Латвии и Литве антинародной клики мы выполним наши исторические задачи и заодно поможем трудовому народу этих стран освободиться от эксплуататорской шайки капиталистов и помещиков»[107].

14 июня 1940 г. советское правительство предъявило ультиматум Литве, а 16 июня — Латвии и Эстонии, в которых требовалось привести к власти дружественные Москве правительства и допустить на территорию этих государств новые контингенты советских войск. Требования под угрозой силы были приняты, сопротивления дополнительному вводу советских войск, проходившему 15–21 июня, оказано не было[108]. По прибалтийским городам прокатились массовые митинги в поддержку смены режимов. Власти, включая президентов К. Улманиса и К. Пятса, а также исполняющего обязанности президента Литвы А. Меркиса, в целом сотрудничали с советскими представителями (А. Сметоне удалось бежать в Германию). С 21 июня управление 11-й армии разместилось в Каунасе, 3-й армии — в Риге, 11-й армии — в Тарту, при этом командованию по-прежнему запрещалось вмешиваться в политику[109]. Политическими аспектами выполнения советских требований занялись специальные представители в статусе уполномоченных правительства СССР: В. Г. Деканозов (в Литве), А. Я. Вышинский (в Латвии) и А. А. Жданов (в Эстонии).

Несмотря на то что в политически ангажированных оценках действий Кремля, звучащих из уст многих западных и прибалтийских официальных лиц, историков и публицистов, постоянно используется словосочетание «советская оккупация», оно не имеет под собой международно-правовых оснований: в июне 1940 г. на территории Литвы, Латвии и Эстонии не было ни военных действий враждующих армий, ни капитуляции, ни введения оккупационного режима; не последовало и нот протеста со стороны прибалтийских внешнеполитических ведомств или создания «правительств в изгнании». Как отмечает российский исследователь Людмила Воробьева, в картину «оккупации» не вписывается и реакция населения: «От восторженного и благожелательного отношения до настороженного и безразличного в любом случае, какого-либо военного сопротивления или массового гражданского неповиновения летом 1940 г. не наблюдалось»[110].

Во всех трех странах Прибалтики были сформированы дружественные СССР, но не коммунистические по своему составу правительства во главе с Ю. Палецкисом (Литва), А. Кирхенштейнсом (Латвия), И. Варесом-Барбарусом (Эстония). Министерские портфели достались в основном представителям научных кругов, журналистики и художественной элиты левого и левоцентристского направлений[111]. При этом президенты К. Улманис и К. Пятс сохраняли свои должности и подписывали правительственные декреты перед их вступлением в силу, а дипломатический корпус в прибалтийских столицах признавал легитимность новых кабинетов министров (дуайены и послы были представлены главам МИД трех стран).

«Народные правительства» предприняли меры по освобождению политзаключенных, снятию ряда запретов периода авторитарных диктатур, возвращению гражданства политэмигрантам, улучшению материального положения рабочих и служащих, либерализации общественной жизни. При этом были аннулированы военный договор с Эстонией и соглашение о Балтийской Антанте, распущены и частично разоружены военизированные

организации, составлявшие опору прежних режимов (к 15 июля только в Латвии и Литве изъяты 36 214 винтовок и карабинов, 21 250 пистолетов, 47 легких и 17 станковых пулеметов, 2835 гранат и др.)[112], отстранены от работы некоторые сотрудники репрессивных органов. В целом первые политические шаги новых правительств снискали определенную популярность, способствовали оживлению общественной активности.

Крайне малый срок, отведенный на избирательную кампанию по выборам в парламенты Прибалтийских стран (5–13 июля), соответствовал стремительным темпам изменения международной и внутриполитической ситуации, но при этом способствовал закреплению привилегированного положения ранее запрещенных и преследуемых коммунистов, быстро развернувших оргструктуры и составивших внятную предвыборную программу на фоне растерянности «буржуазных кругов» и снятия с выборов их списков по формальным и неформальным причинам. 14–15 июля состоялись выборы в Народные сеймы Литвы и Латвии и Государственную думу Эстонии (избиратели поддержали единственные списки «блоков трудового народа»), обратившиеся затем с просьбой принять республики в состав СССР. Присоединение было оформлено в Верховном Совете СССР соответственно 3, 5 и 6 августа 1940 г. В. М. Молотов, выступая 1 августа на сессии ВС СССР, подчеркнул военно-стратегическую значимость принимаемых решений: «Первостепенное значение для страны имеет тот факт, что отныне границы Советского Союза будут перенесены на побережье Балтийского моря»[113].

В Латвийской, Литовской и Эстонской ССР проводилась национализация банков, промышленности и торговли, земля объявлялась «всенародным достоянием» и перераспределялась в пользу безземельных и малоземельных крестьян. Одновременно расширялись социальные гарантии для населения, предпринимались шаги по введению бесплатной медицины. Интеграция в государственную систему СССР начала интенсифицироваться еще осенью 1940 г. (введение советского рубля параллельно национальным валютам, применение системы советского уголовного права и др.), но наибольшие темпы набрала весной 1941 г. (на Латвию, Литву и Эстонию распространялось советское законодательство о паспортах, воинской повинности и т. д.)[114].

11 июля 1940 г. был образован Прибалтийский военный округ (ПрибВО), включавший в себя советские войска на территории Литвы, Латвии и западной части Калининской области РСФСР с дислокацией управления в Риге (формировалось на базе упраздненного Калининского военного округа). Командующим ПрибВО был назначен генерал-полковник А. Д. Локтионов (июль 1940 г. — декабрь 1941 г.).

14 августа 1940 г. Политбюро приняло постановление «О преобразовании армий в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР», согласно которому национальные армии «очищались от неблагожелательных элементов» и преобразовывались, с подчинением командующему войсками ПрибВО в стрелковые территориальные корпуса Красной армии: 22-й в Эстонии, 24-й в Латвии и 29-й в Литве. Нормативная численность одного корпуса устанавливалась в 15 142 человека, т. е. всего 45 426 человек[115].

17 августа 1940 г. ПрибВО из-за непосредственного соприкосновения с вермахтом был преобразован в Прибалтийский особый военный округ (ПрибОВО) с включением в его состав войск на территории Эстонской ССР (ранее — в ЛенВО) и передачей ответственности за управление войсками на части территории Калининской области Московскому военному округу. С декабря 1940 г. ПрибОВО возглавил генерал-лейтенант (с февраля 1941 г. — генерал-полковник) Ф. И. Кузнецов.

Согласно плану стратегического развертывания РККА, принятому в марте 1941 г., северо-западное направление считалось одним из главных для удара немцев (на Ригу или Каунас, Даугавпилс). С августа 1940 г. до 22 июня 1941 г. проводилось наращивание сил ПрибВО, по разным показателям, в 1,5–2 раза: дивизий — с 15 до 25, личного состава — с 173 тыс. до 397 тыс. человек, орудий и минометов — с 3242 до 7019, танков — с 1025 до 1549, самолетов — с 675 до 1344 единиц[116].

14 мая 1941 г. была принята директива наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, предписывавшая командующему ПрибОВО генерал-полковнику Ф. И. Кузнецову разработать детальный план обороны государственной границы Литовской ССР, противодесантной обороны побережья Балтийского моря к югу от залива Матсалу и островов Даго и Эзель, а также план противовоздушной обороны. 2 июня 1941 г. план прикрытия госграницы и боевых действий ПрибОВО на случай войны был утвержден, однако многие аспекты военно-технического, инженерного и мобилизационного характера к моменту нападения нацистской Германии на СССР командование округа осуществить не успело; не были полностью учтены и компенсированы танкодоступность равнинной местности с относительно развитой сетью шоссейных дорог, протяженность морского побережья, сохранялись изъяны во взаимодействии РККА и КБФ.

Подготовка к отражению военной агрессии гитлеровской Германии и подавлению возможных антисоветских выступлений сопровождалась в Прибалтике политическими репрессиями, в том числе массовыми и необоснованными. При этом полностью подавить националистическое подполье, связанное с абвером, не удалось: у германской разведки в Прибалтике еще в 1930-е гг. была создана широкая агентурная сеть[117], многие звенья которой сохранились.

Тем не менее Советскому Союзу удалось получить контроль над стратегически важным регионом, прикрывавшим одно из вероятных направлений наступления противника, фактически нейтрализовать вооруженные силы Прибалтийских государств, заигрывавших с нацистской Германией (до 11 дивизий; для сравнения: в 1943–1944 гг. немцам удалось создать из числа эстонских и латышских коллаборационистов три дивизии ваффен СС), усилить свои позиции в Балтийском море, особенно за пределами Финского залива, создать предполье против Восточной Пруссии, обеспечить глубину обороны Ленинграда.

Война с Финляндией (1939–1940)

Начало Второй мировой войны резко изменило ситуацию на северо-западных рубежах СССР. Обострение военно-политического положения в Европе потребовало, в первую очередь, принятия мер для защиты Ленинграда. Граница Советского Союза с Финляндией тогда проходила в 32 км от центральных районов города. Учитывая это, в Москве приняли решение продолжить проходившие с февраля 1937 г. переговоры с Финляндией и добиться укрепления безопасности северо-западных границ страны.

Расхождения в политике двух стран во многом были следствием гражданской войны, которая охватила в 1918 г. Финляндию после предоставления ей независимости правительством Советской России. Эта война, где были свои «белые» и свои «красные», закончилась в пользу «белых» при поддержке немецких войск, что в последующем закрепило прогерманскую линию во внешней и военной политике Финляндии.

Летом 1939 г. германо-финляндские контакты активизировались. В июле 1939 г. Финляндию посетил начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Ф. Гальдер. И хотя немецкие документы не указывают на достижение каких-то конкретных договоренностей, Гальдер в своем отчете сделал вывод, что финские военные являются «несомненно сторонниками Германии». Этот отчет, вероятно, не был известен в Москве, но факт демонстративного приема в Финляндии столь высокого немецкого военачальника, посещения им Карельского перешейка обострил и без того неспокойную обстановку в отношениях между двумя странами.

В октябре советская сторона, используя договоренности с Германией, согласно которым Финляндия входила в «сферу интересов» СССР, предложила по дипломатическим каналам заключить между двумя странами оборонительный союз, договор о взаимной помощи и на его основе решить другие вопросы безопасности.

Официальные переговоры с финляндской делегацией начались 12 октября 1939 г. в Кремле и продолжались с перерывами в течение месяца. С посланником Финляндии в Швеции Ю. К. Паасикиви, который возглавлял делегацию своей страны, встречались и вели переговоры И. В. Сталин и В. М. Молотов. Вопрос о заключении договора о взаимной помощи, аналогичный тому, что был подписан с Прибалтийскими государствами, не рассматривался, поскольку финляндская сторона это предложение категорически отклонила.

14 октября финляндской делегации была направлена «Памятная записка». В ней фактически содержалось требование передать СССР ряд островов Финского залива, часть Карельского перешейка, полуостров Рыбачий и представить в аренду часть полуострова Ханко. В качестве компенсации Финляндии предлагалась вдвое большая территория в Восточной Карелии. «Поскольку Ленинград нельзя переместить, — говорил финляндской делегации Сталин, — мы просим, чтобы граница проходила на расстоянии 70 км от Ленинграда... Мы просим 2700 км^2 и предлагаем взамен 5500 км^2». Дискуссии были весьма острыми, но договориться по данным вопросам с финляндским руководством не удалось. В последний момент советская сторона ограничила свои условия, однако сторонники твердой линии в Финляндии (министр иностранных дел Э. Эркко и другие) под давлением западных держав завели переговоры в тупик. Камнем преткновения явилось нежелание финнов уступать полуостров Ханко (или альтернативно какие-либо близлежащие к нему острова) для создания военной базы, контролирующей вход в Финский залив и защиту Ленинграда с моря.

В Москве пришли к выводу, что в условиях начавшейся мировой войны существующую военно-политическую проблему в отношениях с Финляндией остается решать силой.

На протяжении всего периода 1930-х гг. в Генеральном штабе Красной армии считалось, что балтийский регион является одним из весьма уязвимых для обороны Советского Союза[118]. Предполагали, что противник перед началом нападения на Советский Союз постарается перебросить в Финляндию свои войска, которые непосредственно должны будут затем атаковать советские позиции[119]. При этом до 1936 г. советское военное командование, несмотря на стратегическую важность района Ленинграда и необходимость обеспечения его максимальной безопасности, не планировало активных наступательных действий на северо-западном направлении. Задача стояла лишь «оборонять ленинградский промышленный район и территорию АК ССР (Автономной Карельской Советской Социалистической республики. — *Авт.),* прикрывая северные границы СССР»[120].

В дальнейшем, учитывая нарастающую опасность возникновения Второй мировой войны и позицию финляндского руководства, отвергавшего возможность коллективного решения проблемы безопасности, Генштабе РККА вернулись к разработке наступательного варианта боевых действий на северо-западном направлении. Но до осени 1939 г. эта работа так и не была закончена. Срыв московских переговоров окончательно показал, что военно-стратегический аспект в отношениях Советского Союза к Финляндии неминуемо должен был выдвигаться на первый план. В результате войскам Ленинградского военного округа (ЛВО) была поставлена задача принудить Финляндию принять советские предложения.

Подготовка к военной операции осуществлялась в сжатые сроки и зависела от состояния советско-финляндских отношений. В середине октября 1939 г. на Карельском перешейке начали активно размещать ряд новых частей и соединений 7-й армии. 25 октября приступили к передислокации в Карелию из Прибалтики 8-й армии. К концу месяца в пути находилось до шести дивизий[121]. Они должны были занять позиции в районах, прилегавших к границе с Финляндией.

29 октября Военный совет Ленинградского военного округа представил наркому обороны «План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии». Этот план был одобрен Генштабом РККА и утвержден К. Е. Ворошиловым. План предусматривал стремительное продвижение частей РККА в глубь Финляндии. Советским войскам, кото-

рые должны были состоять из четырех армий (7-я, 8-я, а также 9-я и 14-я), следовало начать наступление на всем протяжении линии государственной границы с расчетом за пятнадцать дней полностью выполнить задачу разгрома финских войск[122]. Утвержденный план, однако, не был проработан до конца, поскольку рождался в крайней спешке. В нем допускалось, что предполагаемая концентрация войск к началу операции могла быть еще не завершена[123]. Расчет строился на внезапности начала наступления и превосходстве сил Красной армии над финскими войсками.

12 ноября 1939 г. переговоры были окончательно прерваны. Именно с этих дней подготовка операции вступила в активную фазу. При этом советское командование столкнулось с серьезными проблемами, вызванными необходимостью практического развертывания своих сил. В Генеральный штаб из Ленинграда начали поступать сообщения, в которых говорилось о явных трудностях, связанных с выдвижением войск «на исходные рубежи». Особенно это относилось к совершенно не оборудованной для наступательных операций территории Карелии и Заполярья, где сосредоточивались 8, 9 и 14-я армии[124]. В Генштабе к тому же не располагали точными данными об общем количественном составе войск, готовящихся к операции. В результате 15 ноября 1939 г. командованию Ленинградского округа было направлено требование «срочно предоставить начальнику оперативного управления Генштаба сведения о фактическом боевом и численном составе частей ЛВО»[125]. В Москву немедленно сообщили, что общий состав войск составлял 341 тыс. человек (включая архангельское направление)[126]. Из этого следовало, что сил здесь явно было недостаточно для проведения молниеносной войны, поскольку Финляндия могла быстро развернуть на своей территории уже отмобилизованные накануне части, доведя их до 300 тыс. человек[127].

Тем не менее 16 ноября в Ленинград была направлена оперативная директива наркома обороны, в которой говорилось, что «к исходу... 1939 г. [в документе срок не устанавливался. — *Авт.*] закончить сосредоточение войск округа... и быть готовым... к решительному наступлению с целью в кратчайший срок разгромить противостоящие сухопутные войска и военно-морской флот противника». Далее уточнялось, что «с рассветом... 1939 г. [в документе также не указывался срок. — *Авт.*] одновременно войскам сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил перейти в решительное наступление», ставились конкретные задачи, связанные с продвижением войск по финской территории, которые определялись в соответствии с утвержденным в Москве планом[128]. Иными словами, военное решение было принято спустя три дня после срыва переговоров с Финляндией.

Однако даже те советские части, которые были указаны в директиве как наступающие «в первом эшелоне», не были полностью развернуты. Ситуация осложнялась тем, что к границе с Финляндией одновременно выдвигалось большое количество соединений. Они фактически должны были с ходу занять атакующие позиции на совершенно не подготовленной для этого местности[129]. Большая часть личного состава не была обучена ведению боевых действий в условиях северо-западного ТВД. Штаб ЛВО срочно представил в Москву схему и краткую характеристику грунтовых дорог Мурманской области, Карелии и Карельского перешейка, а также сообщил об общем состоянии аэродромов на территории округа[130]. Москва также запрашивала сведения о передвижении войск, состоянии погоды, дороги и т. д.[131] 16 ноября в Ленинград поступил приказ «для обеспечения подвоза грузов для войск, расположенных в Карельской АССР, построить узкоколейные железные дороги». Речь шла о строительстве дорог из Петрозаводска и Лоухи[132]. Оставалось две недели до начала войны, и приказ в эти сроки был невыполним.

Незадолго до начала войны из Ленинградского военного округа нарочным срочно доставили в Москву топографические карты Карельского перешейка, Карелии, Кольского полуострова и Финляндии. Как впоследствии выяснилось, вопрос с обеспечением Генштаба подробными топографическими картами территории Карельского перешейка решился лишь к 28 ноября, т. е. за два дня до начала войны[133]. В то же время в ЛВО отсутствовали подробные

Советские пулеметные расчеты приготовились к бою на временной позиции

Финские пулеметчики

Колонна разбитой и брошенной техники советской 44-й стрелковой дивизии на дороге Раате — Суомуссалми

Замерзшие в окопе красноармейцы 44-й стрелковой дивизии. Декабрь 1939 г.

Взвод легких танков БТ-7 под командованием лейтенанта В. Д. Григорьева на тактическом учении. Начало 1940 г.

Советские пулеметчики отражают контратаку противника

карты южной Финляндии, куда планировали наступление советских войск. В штаб округа эти карты 27 и 28 ноября «нарочным вагоном» доставили из Москвы[134].

Все это говорило о том, что к войне с Финляндией в СССР ранее обстоятельно не готовились, а в ЛВО на северо-западном направлении отрабатывались прежде всего оборонительные варианты ведения боевых действий. Тем не менее согласно директиве наркома обороны К. Ворошилова к 20 ноября 1939 г. Военному совету ЛВО следовало доложить в Москву о готовности «в кратчайший срок разгромить противостоящие сухопутные войска и военно-морской флот противника»[135].

В этой связи необходимо, в первую очередь, отметить, что группировку Красной армии на границе с Финляндией серьезно увеличить не удалось. К началу войны ее численность достигла 425 640 человек[136]. Но для молниеносной войны с учетом необходимости прорыва финских укреплений на Карельском перешейке этого было недостаточно. Преимущество Красной армии здесь выражалось всего в 36 тыс. человек (133 тыс. финских войск против 169 тыс. советских)[137], что изначально не могло обеспечить успех операции. 21 ноября 1939 г. командование ЛВО получило боевой приказ о наступлении. Этот приказ тогда же из Ленинграда начали передавать по штабам разворачивающихся на границе с Финляндией армий[138].

26 ноября 1939 г. средствами массовой информации СССР было сообщено, что на Карельском перешейке на границе с Финляндией у деревни Майнила в 15 часов 45 минут с финской территории был произведен артиллерийский обстрел. В результате, как сообщалось, четыре красноармейца погибли и девять ранено[139]. Иными словами возник серьезный инцидент, поскольку пострадало целое подразделение советских войск*.

Произошедшее, однако, не являлось сверхординарным событием. Подобные случаи на границе с Финляндией происходили и раньше. Так, уже в ходе советско-финляндских переговоров 15 октября 1939 г. также на Карельском перешейке в районе Белоострова были обстреляны с финской стороны из ручного пулемета советские пограничники в тот момент, когда автомашина с делегацией Финляндии возвращалась из Москвы с очередного раунда переговоров[140]. Под обстрел тогда попал даже начальник отдела штаба Ленинградского пограничного округа полковник С. Ф. Дреев[141]. Однако в тот момент этому не придали особого значения.

Теперь, спустя месяц, ситуация изменилась. Вечером 26 ноября финскому посланнику в Москве А. Ирье-Коскинену была вручена нота протеста, в которой указывалось, что в связи с фактом «провокационного артиллерийского обстрела советских войск с территории Финляндии... сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле враждебный акт против СССР»[142]. 27 ноября командование Ленинградского военного округа распорядилось: «В случае повторения провокаций со стороны финской военщины — стрельбы по нашим войскам, немедленно отвечать огнем вплоть до уничтожения стреляющих»[143]. В ответ на предложение финляндскому правительству незамедлительно отвести войска от границы на Карельском перешейке на 20–25 км, чтобы предотвратить возможность повторных обстрелов, финская сторона выдвинула условия об отходе на такое же расстояние советских войск, что лишало Ленинград всякого прикрытия и рассматривалось в Москве как нежелание Хельсинки «считаться с требованиями пакта о ненападении» и стремление «впредь держать Ленинград под угрозой»[144]. В результате 28 ноября 1939 г. советско-финляндский договор о ненападении, который был заключен в 1932 г. и затем в 1934 г. продлен на десять лет, советская сторона расторгла[145].

В Москву стала поступать информация о новых инцидентах на границе. В рапорте Л. П. Берии на имя И. В. Сталина, В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова сообщалось, что

---

* Финляндская сторона отрицала причастность своих войск к «выстрелам у Майнилы». Более поздние поиски историков пока не принесли точных сведений о виновниках тех выстрелов. (*Прим. ред.*)

Расчет советской гаубицы ведет огонь по врагу

Советские танкисты осматривают подбитые финские танки

28 ноября финские войска нарушали границу[146] в Заполярье и ряде других пограничных районов Карелии. Эта информация с некоторым сокращением сразу же была передана как сообщение ТАСС. В тот же день, 28 ноября, советские войска были приведены в состояние полной боевой готовности, а командирам оставалось лишь вскрыть пакеты, содержавшие распоряжение о начале боевых действий. Подводные лодки КБФ получили 28 ноября приказ выйти на исходные позиции[147].

29 ноября 1939 г. правительством СССР было сделано заявление об отзыве из Хельсинки своих дипломатических и хозяйственных представителей[148]. Вечером Председатель Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотов выступил по радио с обращением к советскому народу, где подчеркивалось, что «нынешнее финляндское правительство... не хочет поддерживать нормальных отношений с Советским Союзом» и вынуждает «принять немедленно меры по обеспечению внешней государственной безопасности». При этом вся ответственность за создавшееся положение «ложится на правительство Финляндии»[149]. В речи также говорилось, что СССР готов решать проблемы безопасности «в дружественном сотрудничестве с финским народом»[150]. Этими словами Молотов завуалированно изложил то, что через несколько дней стало неожиданностью.

Еще до речи Молотова в войска на границе с Финляндией поступило срочное распоряжение. В нем указывалось: директиву от 21 ноября о начале войны «ввести в действие с утра 30.11.1939 г.»[151]. Чуть позже поступило еще одно распоряжение: «К 8.00 30.11 первым эшелонам занять исходное положение для атаки. С 8.00 часов до 8.30 вся артиллерия коротким мощным огневым налетом подавляет противника на переднем крае и в глубину. Атака в 8.30 30.11.39 г.»[152]. Так командование ЛВО передало в войска последние указания генштаба о начале войны, которой обе стороны пытались избежать.

По большому счету, Красная армия была неподготовлена к войне. Имея преимущество в численности войск, она располагала еще большим превосходством в танках, артиллерии и авиации. Но действиям зимой в условиях болотно-лесистой местности она не обучалась. Красноармейцы были из рук вон плохо одеты и обуты. Катастрофически не хватало теплой одежды, особенно валенок. Снабжение армии продовольствием оставляло желать лучшего. Не было пищевых концентратов и даже сухарей для подразделений, которым предстояло действовать в отрыве от своей части. В ближнем огневом бою финны, имевшие на вооружении автоматы «Суоми», получали преимущество. Равноценного оружия у Красной армии тогда еще на фронте не было. Финская армия «стояла на лыжах». В Красной армии приспособленные для действий в Финляндии лыжи вообще отсутствовали. Слабо работала войсковая разведка. Сведений о системе обороны противника и ее главном рубеже — линии Маннергейма (полоса мощных укреплений глубиной до 90 км) не было.

Все это приходилось исправлять уже в ходе войны. Но еще более серьезным просчетом было недооценивание противника. Многие военачальники были уверены, что для разгрома финской армии потребуется две-три недели. Сведения о ее боеспособности и настроениях населения не соответствовали действительности. Условно войну в Финляндии можно разделить на два периода: с 30 ноября 1939 г. до 10 февраля 1940 г. и с 11 февраля до 12 марта.

На Карельском перешейке для осуществления быстрого прорыва были сосредоточены 19-й и 50-й корпуса 7-й армии командарма 2 ранга В. Ф. Яковлева. Им предстояло действовать против 2-го и 3-го корпусов финской армии «Перешеек» генерал-лейтенанта Х. Эстермана.

Войскам, перешедшим утром 30 ноября 1939 г. границу, после тридцатиминутной артиллерийской подготовки ставилась задача безостановочно продвигаться вперед. Наступавшим следовало стремительно преодолеть предполье перед основными укреплениями финской армии, быстро дойдя до основной линии обороны. Советские части начали продвигаться по территории Финляндии с большой осторожностью. Темп наступления составил 5–7 километров в сутки[153]. Но и это вызывало беспокойство у финского командования. В ночь на 3 декабря маршал К.-Г. Маннергейм, характеризуя создавшееся положение, заявил Х. Эстерману, что его армия слишком легко сдает свои позиции, и потребовал вернуть утраченные

Советские зенитчики

Вестовой передает сообщение экипажу советского бронеавтомобиля БА-10

рубежи[154]. Но к нанесению контрудара финские войска готовы не были, и командующий армией «Перешеек» даже заявил о желании уйти со своего поста[155]. В итоге, для усиления этой армии стали выдвигаться находившиеся в резерве части. Вместе с тем предпринимались меры по дополнительному созданию искусственных препятствий. Особенно обращалось внимание на противотанковую оборону[156]. Эти мероприятия проводились решительно и быстро, поскольку «для ставки и штаба армии «Перешеек» была совершенно ясной картина действий противника и направления его основных ударов»[157].

Тем не менее в предполье главных укреплений финская армия потеряла в ожесточенных боях около 1,5 % численности своей группировки. Эти потери, однако, не помешали вполне организованно отойти к основному рубежу обороны и подготовиться к отражению дальнейшего наступления[158]. Войска не были деморализованы, сохранили высокий боевой дух и способность остановить наступающие части Красной армии.

Наиболее успешно советские войска продвигались к главной финской оборонительной позиции — линии Маннергейма на приладожском участке. На третий день боев они вышли к реке Тайпаленйоки (Бурная). Там, у левого ее берега, находились долговременные укрепления. Поэтому, чтобы усилить натиск и прорвать финские укрепления, в помощь 142-й стрелковой дивизии, уже форсировавшей реку Тайпаленйоки, из резерва срочно перебросили 250-ю дивизию[159]. Начались массированные бомбардировки в целях разрушения железнодорожных станций на Карельском перешейке[160]. В то же время было принято решение дополнительно подтянуть на Карельский перешеек еще две дивизии[161]. Так советское командование стремилось не допустить общего ослабления темпов наступления, используя при этом тактику наращивания сил в зоне намечавшегося прорыва.

5 декабря командование 7-й армии получило приказ о начале общего штурма линии укреплений[162]. Первая попытка штурма была предпринята на кексгольмском направлении уже на следующий день — 6 декабря. Наступление велось специально созданной из 49, 142 и 150-й стрелковых дивизий группой комкора В. Д. Грендаля. Ее части сумели переправить через реку Тайпаленйоки до шести батальонов и там закрепиться. Одновременно советское командование 7 декабря предприняло попытку захватить плацдарм, форсировав вуоксинскую водную систему у Кивиниеми (Лосево), где проходила важная железнодорожная магистраль на Кексгольм (Приозерск). В результате еще два батальона войск сумели переправиться на противоположный берег.

Но развить этот успех не удалось. Попытка продолжить наступление со стороны озера Сувантоярви (Суходольское) тоже не дала желаемого результата[163]. Не принесла успеха и попытка наступления на этом участке на следующий день. Финское командование мобилизовало максимум усилий, чтобы предотвратить возможность прорыва. Части 10-й пехотной дивизии 3-го корпуса не пропускали наступавших через линию своей обороны. Важную роль при этом имело огневое воздействие по районам, где части Красной армии уже форсировали водный рубеж[164]. В итоге наступление явно захлебывалось.

Понимая бесперспективность дальнейших попыток с ходу прорвать линию Маннергейма, советское командование вынуждено было временно операцию приостановить, а сама ее организация была признана «неудовлетворительной»[165]. В результате 9 декабря было заменено руководство 7-й армии. Во главе ее был поставлен командующий войсками Ленинградского округа К. А. Мерецков. Решением Главного Военного совета войска на фронте переходили в непосредственное подчинение Ставки Главного Командования в составе К. Е. Ворошилова, Н. Г. Кузнецова, Б. М. Шапошникова и И. В. Сталина[166]. Сам факт предпринятых мер являлся показателем начавшегося переосмысления прежних представлений о противнике и возможности молниеносного осуществления операции по разгрому финской армии.

Советское командование беспокоили сведения разведки, которые лишь частично раскрывали финскую систему обороны[167]. В результате командование 7-й армии вынуждено было приступить к интенсивному изучению системы укреплений, когда ее войска уже получили задачу по их преодолению[168]. Для прорыва укреплений было решено увеличить количество

На линии Маннергейма

частей и дополнительно перебросить еще три дивизии. Начался новый этап сосредоточения и подготовки войск для решающего прорыва, намеченного на 13 декабря[169].

План наступления предусматривал силами 19-го и 50-го корпусов общей численностью до пяти стрелковых дивизий прорвать линию Маннергейма на выборгском направлении в районе озера Муоланярви (Глубокое) — поселок Сумма (Солдатское)[170]. Это наступление должно было вестись против войск 2-го корпуса армии «Перешеек», которые состояли из трех дивизий. Кроме того, в резерве на этом направлении у финского командования находилась еще одна пехотная дивизия[171]. Советским войскам следовало прорвать весьма хорошо подготовленный в инженерном отношении участок линии Маннергейма[172], не имея при этом подавляющего превосходства в численности войск. Для облегчения проведения данной операции предполагалось на кексгольмском направлении нанести силами войск группы Грендаля вспомогательный удар[173]. Таким образом, частям 7-й армии следовало одновременно начать две весьма сложные операции.

Объективно бои за расширение плацдарма на северном берегу Тайпаленйоки не прерывались. Советские войска несли большие потери. В одной из оперативных сводок за 11 декабря сообщалось, что 649-й стрелковый полк были вынуждены вывести в резерв, поскольку в нем «выбыло из строя значительное количество командиров, в том числе комполка, начальник штаба и три комбата»[174]. Для финских войск на этом участке фронта держать оборону также было нелегко. Потери изо дня в день увеличивались. В сложившейся обстановке по личной просьбе был заменен командир 10-й пехотной дивизии. Но вместе с тем стойкость боевого духа финских солдат не снижалась[175].

Кровопролитные бои на кексгольмском направлении велись без соответствующей поддержки наступлением войск на главном, выборгском направлении, начать которое коман-

Расчет 45-мм противотанковой пушки ведет огонь по противнику. Начало 1940 г.

Красноармейцы осматривают трофейный танк «Рено» FT. Начало 1940 г.

дование 7-й армии никак не решалось. К. А. Мерецков 14 декабря сообщил в Москву, что приступить к операции на выборгском направлении пока невозможно. Ставка вынуждена была с этим согласиться[176].

Лишь 17 декабря в 12 часов дня после продолжительной артиллерийской подготовки общее наступление на выборгском направлении началось. Уверенность в достижении успеха придавало использование значительного числа танков. Однако за два дня боев удалось только на небольших участках преодолеть противотанковые сооружения. С приближением вплотную к укреплениям наступавшие оказывались под губительным огнем противника. Подразделения финских войск умело отсекали пехоту от танков и заставляли ее отходить на исходные позиции с большими потерями.

Кульминация в развитии событий наступила на третий день штурма. 19 декабря советские войска предприняли очередную попытку прорыва укреплений в районе Сумма, где находился сильный хотиненский узел обороны. Авиация нанесла «массированный бомбовый удар на железнодорожные станции, резервы и укрепленный узел у Хотинен»[177]. Одновременно артиллерия в течение четырех часов вела непрерывный огонь по финским укреплениям. Но полностью подавить огневые точки так и не удалось. Наступающие части 138-й стрелковой дивизии 50-го корпуса смогли лишь вклиниться в оборону противника. Финское командование сумело организовать артиллерийский огонь в сочетании с перекрестным огнем минометов и пулеметов[178]. Штурм захлебывался. Многие советские танки, которые участвовали в этой операции, были выведены из строя. Это означало, что продолжение дальнейшего наступления было бессмысленно[179].

20 декабря Военный совет 7-й армии направил Сталину и Ворошилову донесение, в котором сообщалось, что без разрушения основных долговременных укреплений противника и без проведения ряда инженерных работ, которые могли бы обеспечить подходы к переднему краю, успешная атака пехоты и танков невозможна. Предлагалось провести перегруппировку частей и с помощью тяжелой артиллерии начать разрушение выявленных долговременных сооружений линии Маннергейма[180]. В тот же день из Москвы последовало указание войскам 7-й армии временно перейти к обороне. Срок возобновления наступления отодвигался на неделю — до 27 декабря[181].

Финское командование, в свою очередь, убедившись в слабой готовности Красной армии к ведению наступательных действий, склонялось к тому, чтобы самим перейти в контрнаступление. Его подготовка была возложена на командира 2-го корпуса генерала Х. Эквиста, который должен был начать операцию по окружению советской группировки 50-го корпуса в районе Муоланярви[182].

Утром 23 декабря финские войска приступили к осуществлению этого замысла. Контратаковав части 70-й и 138-й стрелковых дивизий, они их потеснили. В результате командование 7-й армии вместо подготовки наступления принимало экстренные меры, чтобы отбить атаки финских войск. В зону разгоревшихся боев была подтянута 1-я танковая бригада. В конечном счете 25 декабря перелом в развитии событий наступил. 70-я стрелковая дивизия «перешла в наступление в целях овладения оставленной 23.12 территорией» и через два дня, «почти восстановив утраченное положение, подошла к сильно укрепленному краю противника»[183]. Таким образом контрнаступление 2-го корпуса окончилось неудачей и стоило финской армии 1328 погибших, раненых и пропавших без вести[184].

Вместе с тем общий итог боевых действий на выборгском направлении в декабре со всей очевидностью свидетельствовал о провале советского плана начавшейся войны. В результате Ставка Верховного Командования объявила 24 декабря Мерецкову и всему Военному совету 7-й армии выговор[185] и потребовала организации нового прорыва финских укреплений.

К этому времени уже разрабатывался план наступательной операции под кодовым названием «Ладога»[186]. Расчет делался на то, что удастся форсировать вуоксинскую водную систему, выйдя в тыл финских войск, прочно прикрывавших центральную часть Карельского перешейка. Это помогло бы избежать больших потерь, которые могли быть в случае

возобновления штурма укреплений на участке Сумма. Поскольку проведение операции должно было осуществляться группой войск комкора Грендаля, Ставка решила ее преобразовать в 13-ю армию с непосредственным подчинением главкому. Соответствующий приказ Ворошилова последовал 25 декабря. В тот же день был утвержден план переброски на фронт (преимущественно на Карельский перешеек) дополнительных сил. Теперь уже 13-й армии была поставлена задача прорвать «укрепленную полосу» и наступать на Кексгольм[187].

4-я стрелковая дивизия 13-й армии под покровом темноты предприняла попытку прорваться по льду между Вуоксой и озером Сувантоярви. Ей удалось захватить плацдарм на противоположном берегу и навести понтонные мосты.

К исходу 28 декабря финским войскам 3-го корпуса удалось ликвидировать захваченный плацдарм. Тем самым очередная попытка прорвать финскую оборону на кексгольмском направлении закончилась неудачей. Также оказалась безрезультатной и попытка прорыва, которую предприняла на выборгском направлении 70-я стрелковая дивизия[188]. Было ясно, что укрепления без длительной подготовки взять невозможно. Поэтому вечером 28 декабря Б. Шапошников направил срочную телеграмму в штаб 7-й армии. В ней говорилось: «Ввиду недостаточной подготовленности 7-й армии и неизвестности, сколько дотов разбито, если они разбиты вообще, предлагаю наступление 7-й армии отложить до особого распоряжения»[189]. В равной степени это указание распространялась и на 13-ю армию. Теперь, после принятия решения о приостановке наступления, от командования войск на Карельском перешейке потребовали более обстоятельной подготовки к штурму. Для этого считалось прежде всего необходимым детальное вскрытие системы укреплений и определение способов уничто-

Финские укрепления, разрушенные советской артиллерией

жения железобетонных сооружений. Кроме того, ставилась задача разработать новый план проведения операции по прорыву линии Маннергейма.

Наибольшего успеха в начале войны Красная армия достигла лишь в Лапландии, где частям 14-й армии под командованием комкора В. А. Фролова удалось при поддержке кораблей Северного флота полностью овладеть полуостровами Рыбачий и Средний, а также занять город Петсамо (Печенга), выйдя далее к границе с Норвегией. Более того, наступая от Петсамо в южном направлении, они продвинулись по территории Северной Финляндии более чем на 150 км[190].

Облегчало возможность осуществления стремительного наступления на этом участке фронта отсутствие здесь у финского командования сильной группировки войск. Там была развернута так называемая Лапландская группа под командованием генерал-майора К. М. Валлениуса. Она объединяла части и подразделения численностью менее двух полков[191]. Вместе с пограничниками группировка представляла собой небольшие силы прикрытия, и части 14-й армии значительно превосходили ее по своим силам.

К тому же система обороны Петсамо создавалась из расчета отражения десанта противника с моря и не предполагала наступление на финскую территорию через линию границы, «из тундры». В результате две полосы укреплений, созданных для защиты этой территории, были взяты практически без боя[192]. Тем не менее благоприятных условий для расширения зоны прорыва у советского командования не было. Этому препятствовало отсутствие в Лапландии сети хороших дорог и крайне небольшой для данного периода года световой день (до двух часов в сутки), перераставший в полярную ночь[193]. Это требовало от войск навыков ведения боевых действий не только при условии бездорожья и сильных морозов, но и в ночное время. 18 декабря наступление на крайнем севере Финляндии приостановилось.

С подобными же проблемами столкнулись и части Красной армии, которые вели наступление несколько южнее. Здесь развертывали боевые действия части и соединения 9-й армии под командованием комкора В. П. Духанова. В направлении Рованиеми из района Кандалакши наступала 122-я стрелковая дивизия. Она также начала свои действия, перейдя «границу на широком фронте», без каких-либо серьезных столкновений с противником, поскольку в этом районе располагались лишь немногочисленные подразделения, подчиняющиеся К. М. Валлениусу и прикрывавшие границу. Как и на Крайнем Севере, наступление практически велось в условиях полярной ночи и вдоль немногочисленных дорог. По мере продвижения советских войск по финской территории все яснее возникала угроза фланговых ударов противника, который применял тактику подвижной обороны. В результате, с 19 декабря войска и на этом участке фронта перешли к обороне.

Особое беспокойство у финского командования вызывало наступление трех стрелковых дивизий (163, 54 и 44-й) 9-й армии, которые из районов Северной Карелии двинулись в направлении финского города Оулу. Здесь, как отметил известный историк А. Вуоренмаа, «командование финскими вооруженными силами было вынуждено признать, что советские войска преподнесли им в начале войны стратегический сюрприз и составленный на этом направлении оборонительный план не был полностью основан на правильной оценке советского потенциала»[194]. В начале войны советским дивизиям на этом участке фронта противостояло четыре финских батальона[195].

В случае прорыва части Красной армии за короткий срок могли выйти к побережью Ботнического залива, разрезав, таким образом, финскую территорию на две части. В итоге Южная Финляндия блокировалась и отрезалась от сухопутных коммуникаций с Западом.

Тем не менее эффективно использовать свое преимущество 9-я армия не смогла. Лишь на десятый день войны ее части заняли район Суомуссалми и Расти[196], откуда открывалась достаточно хорошая сеть дорог для продвижения в глубь страны. Однако к этому времени финское командование сумело, подтянув резервы, образовать на базе Северофинляндской оперативной группы генерал-майора В. Туомпо достаточно крепкие и хорошо подготовленные для ведения на этом направлении боеспособные части. В зоне наступления 54-й ди-

визии была создана отдельная бригада подполковника А. Вуокко, а в районе наступления 163-й стрелковой дивизии — бригада, которая затем была преобразована в отдельную группу войск под командованием полковника Х. Сииласвуо[197].

При этом финские части, наладив единственно возможную в данных условиях систему обороны, при которой, не имея соизмеримого с наступавшими количество войск, создавали отряды подвижных, преимущественно лыжных боевых групп. Эти весьма маневренные отряды стремились блокировать советские части, нередко оказываясь в их тылу, перерезая их коммуникации и навязывая боевые столкновения. В результате необученный для подобного характера боевых действий личный состав частей 9-й армии, оснащенный малопригодной для данного театра тяжелой боевой техникой, стал терпеть неудачи. Бригада А. Вуокко сумела блокировать наступление 54-й дивизии, а 30 декабря группа войск под командованием полковника Х. Сииласвуо нанесла серьезное поражение 163-й стрелковой дивизии. В начале января 1940 г. была окружена выдвинутая ей на помощь к Суомуссалми 44-я дивизия.

Эти неудачи в северной Финляндии стали логичным итогом непродуманного первоначального плана войны. 28 декабря была получена запоздалая директива, в которой говорилось, что не следует «увлекаться» быстрым продвижением вперед, надо двигаться лишь после хорошей подготовки и по мере обеспечения тыла от обходов со стороны противника[198]. Тем временем обстановка на суомуссалминском направлении продолжала ухудшаться. 1 января 1940 г. финские части полностью окружили 44-ю дивизию, блокировав единственную дорогу, соединяющую ее с тылами. Спустя несколько дней боев, 6 января командир дивизии комбриг А. И. Виноградов приказал начать организованный прорыв окружения[199]. Но выполнить приказ не удалось. Он совпал с общим наступлением, предпринятым финскими войсками на этом участке. В результате началось паническое отступление, при котором значительная часть личного состава вместе с командованием сумела все-таки выйти в расположение войск 9-й армии. Дивизия лишилась не только тяжелой техники. Ее потери достигли 2500 человек убитыми и ранеными и столько же пропавшими без вести. Это составляло около 35 % общей численности данного соединения[200]. Вину за случившееся возложили на руководство дивизии. 11 января перед строем вышедших из окружения бойцов были расстреляны командир 44-й дивизии, а также начальник штаба и начальник политотдела. Их судили за постигшую дивизию катастрофу «по суровым законам военного времени»[201]. Наказаниям, но не столь суровым, было подвергнуто и командование 9-й армии. Еще 22 декабря был смещен командующий армией комкор М. П. Духанов. На этом посту его заменил комкор В. И. Чуйков[202].

События, которые произошли в районе Суомуссалми, едва не повторились севернее Ладожского озера, где наступали части 155, 139, 18 и 168-й стрелковых дивизий 8-й армии. Задача наступающих здесь войск заключалась в том, чтобы сокрушить соединения 4-го корпуса генерал-майора Ю. Хейсканена и «наступать в юго-западном направлении в тыл группировки противника, действующей на Карельском перешейке», т. е., обойдя Ладожское озеро с севера, оказаться в тылу линии Маннергейма[203].

Первые операции на этом направлении принесли советским войскам определенный успех. Красная армия сумела вклиниться до 80 км в глубь финской территории. Более того, финские войска, как было отмечено, начали «почти бесструктурное отступление на запад»[204]. Соединения 8-й армии нанесли поражение 155-й пехотной дивизии, которая впоследствии была серьезно обескровлена[205]. Возникли предпосылки панического отступления.

В этих условиях высшее военное руководство Финляндии приняло ряд экстренных мер. Был отстранен от занимаемой должности генерал-майор Ю. Хейсканен, и командиром 4-го корпуса 4 декабря стал генерал-майор Ю. В. Хягглунд[206]. Для стабилизации достаточно сложного положения на данном направлении 5 декабря здесь также была развернута особая войсковая группа генерала П. Талвела. Этой группе в районе Толваярви удалось организовать контрнаступление и нанести ряд поражений 139-й стрелковой дивизии, а затем и выдвинутой из резерва 75-й стрелковой дивизии[207]. Завязались весьма ожесточенные бои, в которых

В. М. Молотов подписывает Договор о взаимопомощи и дружбе с правительством О. В. Куусинена

финская армия несла существенные потери, лишившись до 25 % своего личного состава[208]. Но части Красной армии при этом окончательно были остановлены, и, таким образом, первоначальный план наступления здесь тоже был сорван. Это отразилось на смене в середине декабря руководящего состава 8-й армии. Командующий армией комдив Н. И. Хабаров 13 декабря был заменен командармом 2 ранга Г. М. Штерном[209]. Но эти перестановки больших изменений не принесли. Советские войска были не в состоянии решить поставленные задачи.

Начавшаяся война привела к серьезным неудачам, которые постигли части Красной армии. Это отразилось и на международной обстановке. Успех военных операций советское руководство во многом связывало с иллюзией поддержки Красной армии населением Финляндии. В день начала войны, 30 ноября, советские органы массовой информации передали обращение ЦК Коммунистической партии Финляндии (КПФ) к трудовому народу. В нем содержался призыв свергнуть существующее правительство, поскольку оно не может «оберегать национальные интересы Финляндии», «защищать дело мира» и «является правительством поджигателей войны»[210]. 1 декабря в занятом советскими войсками на Карельском перешейке поселке Терийоки (Зеленогорск) в противовес официальному правительству, находившемуся в Хельсинки, было провозглашено так называемое народное правительство Финляндии, которое в качестве своей первой задачи выдвигало «окончание войны и заключение мира». Народное «правительство» возглавил председатель Компартии Финляндии О. В. Куусинен. Его министрами стали «красные финны», эмигрировавшие ранее в СССР. Не все из них были известны в самой Финляндии[211].

В Терийоки было также заявлено, что идет формирование крупного финского воинского соединения, которое в последующем должно было стать «ядром будущей Народной

армии Финляндии». Действительно, еще до начала войны, 11 ноября 1939 г., нарком обороны К. Е. Ворошилов направил в Военный совет ЛВО распоряжение о создании особой части (106-й стрелковой дивизии) под командованием бывшего «красного финна» комдива А. Анттила[212]. 27 ноября в Наркомат обороны сообщили о том, что формируемое соединение уже имеет в своем составе 8367 финнов и 4533 карела[213]. Именно это соединение, состоящее из граждан СССР финской и карельской национальностей, стало основой так называемой «финской народной армии», а Анттила был назначен министром обороны в «правительстве Куусинена».

2 декабря в Москве состоялись переговоры Куусинена со Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Ждановым. В результате между СССР и Финляндской Демократической Республикой был подписан Договор о дружбе и взаимопомощи. Важнейшим положением договора являлось обязательство оказывать друг другу помощь в случае нападения или угрозы нападения. Были также разрешены те территориальные вопросы, к которым советское руководство не могло найти позитивного отношения у Финляндии на переговорах осенью 1939 г.[214] С этого момента Красная армия на основании подписанного договора уже не вела войну с Финляндией, а оказывала «братскую помощь восставшему финскому народу».

Однако объективно никакого «восстания» в Финляндии не последовало и новое «правительство» не получило широкой поддержки финского населения. Более того, финская пропаганда распространила информацию о том, что Советский Союз намеревается при помощи «правительства Куусинена» ликвидировать государственную независимость Финляндии[215]. В итоге, образование «терийокского правительства» стало негативно влиять на отношение к СССР как в широких слоях финской общественности, так и за рубежом, существенно осложняя для Советского Союза международную обстановку. К тому же поддержкой «правительства Куусинена» Советский Союз исключал всякие пути мирных контактов с Хельсинки.

4 декабря Молотов, встречаясь с посланником Швеции в Москве, отклонил предложенное Стокгольмом посредничество в будущих переговорах с правительством Финляндии, заявив, что с советской стороны признается лишь «народное правительство»[216]. Это усугубило внешнеполитическую обстановку, связанную с началом войны, поскольку именно в эти дни финское правительство Р. Рюти направило в ряд западных стран своих представителей в целях получения прямой военной помощи и поставило вопрос перед Лигой Наций о необходимости рассмотрения событий в Финляндии на ее заседании.

Реакция на обращение Хельсинки последовала быстро. Уже 4 декабря английский военный кабинет решил, что «Финляндии надо помогать исходя из политических соображений»[217]. 14 декабря на Ассамблее Лиги Наций Советский Союз был исключен из ее состава.

В сложившейся ситуации Германия, заключившая договор с Советским Союзом о ненападении, внешне старалась показать, что не вмешивается в конфликт между СССР и Финляндией. Но на деле стремилась сделать все, чтобы ослабить своего будущего противника. Выезжавший в это время в Берлин финский представитель, бывший премьер-министр страны Т. Кивимяки писал в своих мемуарах, что «Геринг и Гитлер были единого мнения о том, что Финляндии надо помочь оружием»[218]. С этой целью был разработан план их поставок через Швецию. «Геринг, — по словам Кивимяки, — требовал от шведского военного атташе, стуча при этом кулаком по столу, чтобы Швеция оказала в данном случае поддержку Финляндии и разрешила переправить ей оружие из Германии через Швецию в полном объеме...»[219] С середины декабря Запад активно начал развивать кампанию поддержки Финляндии.

15 декабря для осуществления непосредственной связи с англо-французскими союзниками в Париж в качестве доверенного лица Маннергейма прибыл полковник А. Паасонен. Премьер-министр Франции Э. Даладье заверил его в том, что французское правительство прорабатывает вопрос о разрыве дипломатических отношений с СССР[220]. 19 декабря на конференции верховного Военного совета союзников Даладье внес предложение напра-

В войне участвовали не только люди…

Финский пулеметчик

вить экспедиционные войска в Финляндию. Идея не вызвала особых возражений, но ее реализация требовала подготовки. Участники заседания не могли не отдавать себе отчета в том, что такая акция кардинально изменила бы военно-политическую обстановку в Европе, превратив Скандинавию в театр мировой войны.

22 декабря МИД Финляндии направил своим посланникам в Лондоне и Париже указание выяснить, «как далее будут развиваться упомянутые планы и в чем их важнейшее содержание»[221]. Финские представители пришли к выводу, что в стратегические планы союзников входило их общее желание «нанести решительное поражение Красной армии»[222]. Но до реализации этих идей было еще далеко. Финляндия лишь ощущала очевидную моральную поддержку. Начали также поступать из-за рубежа военная техника, оружие и боеприпасы. По данным финского министерства обороны, всего в ходе войны от Англии, Франции, США, Швеции и ряда других стран Запада было получено 376 самолетов, 1132 орудия, около двух миллионов снарядов, до 185 тыс. ручных пулеметов и другие виды вооружения[223]. Начали прибывать и добровольцы. К концу войны их общее количество достигло 11 тыс. 663 человек[224].

Верховный Военный совет союзников 19 декабря принял решение направить в Финляндию экспедиционный корпус. Разрабатывались планы ударов силами англо-французских войск с севера на Ленинград и с юга на Баку с последующим развитием встречного наступления на Москву. Эскадрилья британских самолетов «Бленхейм» готовилась к бомбардировкам нефтепромыслов Кавказа. Баку рассчитывали разрушить за 15 дней, Грозный — за 12 и т. д.[225]

«Проекты возможного мира распространялись за Ла-Маншем и германскими агентами, — писал французский дипломат Ж. Барду. — Мир был бы заключен за счет России, против которой сразу же после заключения перемирия выступил бы вермахт. Англия получила бы Туркестан. Границы Ирана и Турции оказались бы отодвинутыми до Каспийского моря. Италия имела бы долю участия в нефти, а Германия аннексировала бы Украину»[226].

Политическая ситуация для Советского Союза складывалась весьма неблагоприятно. Война становилась затяжной. И, главное, в нее втягивались западные державы. В результате, возникла реальная опасность оказаться среди участников Второй мировой войны[227]. В такой обстановке Москва наряду с подготовкой нового наступления передала по дипломатическим каналам в Швецию информацию о том, что СССР оставляет открытыми двери для мирных переговоров с Хельсинки. Контакты возобновились после того, как 14 января 1940 г. по согласованию с премьер-министром Р. Рюти и министром иностранных дел В. Таннером финская писательница, известный общественный деятель Х. Вуолийоки встретилась с советским полпредом в Швеции А. М. Коллонтай[228]. Х. Вуолийоки на основе беседы с А. М. Коллонтай пришла к выводу, что с советской стороны проявилось стремление к миру[229]. Вместе с тем в дипломатических кругах стало известно заявление В. М. Молотова, сделанное 27 января, о том, что советская сторона «в принципе не против соглашения с правительством Рюти — Таннера»[230]. И хотя при этом было подчеркнуто, что обещанное финнам по договору с Куусиненом «не может быть дано правительству Рюти — Таннера»[231], возникала реальная перспектива мирного урегулирования[232].

Высказав положительное отношение к вступлению в переговоры с СССР (об этом было передано через Стокгольм 2 февраля)[233], в дальнейшем финское правительство осторожно продолжало развитие контактов. На позицию финского руководства большое влияние оказывали заверения Англии и Франции о готовящейся с их стороны присылке войск. Маннергейм считал, что, если союзники пришлют 20 тыс. солдат, финская армия «сможет продержаться до весны»[234]. 5 февраля на заседании высшего Военного совета Э. Даладье сообщил об этом[235]. Однако премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен обратил внимание на трудности высадки союзных войск на севере Финляндии. Он стал настаивать на необходимости проведения десантной операции в Скандинавии, в районе Нарвика[236]. Главная цель, по его словам, заключалась не в широкомасштабной помощи Финляндии, а в вовлечении в войну против

Германии скандинавских стран. Что же касалось Финляндии, как он заметил, важно прежде всего не допустить ее разгрома[237].

В конечном счете Даладье согласился с доводами Чемберлена. Было решено, что главные десантные операции следует проводить в Северной Норвегии, а также Южной Швеции[238]. Финляндию, естественно, об этих решениях не информировали. Лишь 22 февраля в ставку Маннергейма прибыл английский генерал К. Линг, который «объяснил маршалу, что англичане не хотят продвигаться дальше Северной Финляндии»[239]. В итоге военно-политическое положение страны становилось достаточно сложным, поскольку к этому времени начался уже новый этап боевых действий.

К февралю советское командование весьма серьезно подготовилось к новой наступательной операции. Главный удар Красная армия должна была нанести на Карельском перешейке. Более месяца готовился штурм укреплений. В состав 7-й и 13-й армий были направлены дополнительные соединения, а с 7 января эти армии вошли в состав созданного Северо-Западного фронта, командующим которым был назначен командарм 1 ранга С. К. Тимошенко[240]. Всего в подготовительный период боевой состав фронта был усилен десятью дивизиями. Численность войск на Карельском перешейке достигла 440 тыс. человек[241].

Сильные морозы и большое число обморожений в действующей армии, которые составили за войну 6,7 % общего числа санитарных потерь[242], потребовали обеспечения войск более теплой формой одежды. В частности, именно тогда заменили зимние головные уборы бойцов, так называемые буденовки, на более подходящие для этого времени года шапки-ушанки. Было также налажено снабжение фронтовых подразделений повышенными нормами питания[243]. С января 1940 г. в ежедневный рацион военнослужащих стали включать сто «наркомовских» граммов водки[244].

Главной задачей была подготовка войск к прорыву финской линии обороны. Велась систематическая разведка системы укреплений и отработка возможностей их штурма. Кроме того, с помощью тяжелой артиллерии и бомбардировочной авиации советское командование приступило к уничтожению выявленных долговременных опорных пунктов обороны. Приказ командующим 7-й и 13-й армиями «представить конкретно разработанный план операции» поступил 16 января. Цель плана — разгром основных сил финской армии «Перешеек» и выход советских войск на линию Кексгольм — станция Антреа (Каменногорск) — Выборг. Реализация этой цели предполагала решить исход войны[245].

3 февраля 1940 г. Военный совет Северо-Западного фронта направил в войска конкретные указания. 7-я армия должна была нанести основной удар силами девяти дивизий между озером Муоланярви и Кархула (Дятлово), а 13-я армия — между Муоланярви и Вуоксой[246].

11 февраля 1940 г. началось общее наступление советских войск. В приказе командования Северо-Западного фронта была поставлена задача — сокрушить линию Маннергейма и «навсегда обеспечить безопасность северо-западных границ Советского Союза и Ленинграда»[247]. В районе намеченного прорыва 7-й армии против частей 2-го корпуса и созданного под командованием генерал-майора Т. Лаатикайнена нового 1-го корпуса было сосредоточено значительное количество боевой техники: более тысячи орудий и столько же танков. Главный удар наносился 19-м и 50-м корпусами на 17-километровом участке в направлении станции Лейпясуо.

В результате массированного артиллерийского огня и начавшегося затем наступления в районе Суммы наметился прорыв. Особенно ожесточенные бои разгорелись 13 февраля у местечка Ляхде, где оборонялись части 5-й пехотной дивизии. Там, писал впоследствии К.-Г. Маннергейм, «положение стало критическим». Финские войска, занимавшие укрепленный район, несли огромные потери[248]. Несмотря на введенные в бой резервы, положение не удалось стабилизировать. В ходе трехдневных ожесточенных боев наступавшие вклинились в оборону, расширили прорыв и овладели Суммским укрепленным районом. В то же время упорные бои велись за Хотиненский узел линии Маннергейма. К исходу 14 февраля в результате его штурма 100-й стрелковой дивизией сопротивление частей 5-й пехотной дивизии

было сломлено. Мощный узел, имевший 13 железобетонных сооружений, полностью перешел в руки советских войск[249]. На следующий день наступавшие части вышли к Лейпясуо, а 16 февраля вступили в Кямяря (Гаврилово) — важный опорный пункт на пути к Выборгу. Характеризуя действия частей Красной армии, участник этих боев финский военный историк В. Х. Халсти отмечал, что, в отличие от первого периода войны, в действиях советских войск наблюдалась четкая слаженность: «Русские напоминали как бы оркестр, где каждый исполнял свою роль и мелодию»[250].

В сложившейся обстановке финское командование, опасаясь, что часть сил 2-го корпуса окажется отрезанной в юго-западном (прибрежном) районе Карельского перешейка, начало их отводить на второй оборонительный рубеж. В результате 18 февраля главная полоса финской обороны от озера Муоланярви до Финского залива оказалась полностью прорванной.

Одновременно 17 февраля в полосе наступления 13-й армии также начался отход финских частей 3-го корпуса. В течение 18–21 февраля подразделения 15-го и 23-го корпусов устремились вперед и подошли к главной линии укреплений в районе реки Вуокса в центре Карельского перешейка. К этому времени соединения 7-й армии уже вышли ко второй полосе линии Маннергейма.

На прибрежном участке Финского залива частям 7-й армии во взаимодействии с отрядами моряков КБФ во второй половине февраля удалось овладеть в районе Койвисто рядом островов Бьеркского архипелага. С южного берега на Карельский перешеек была 19 февраля проложена по льду залива временная 20-километровая трасса, которая позволила за трое суток перебросить в зону наступления еще до 10 тыс. боевых и транспортных машин и около 40 тыс. бойцов[251]. В результате была быстро развернута Особая резервная группа комбрига Д. Г. Павлова, преобразованная затем в 28-й стрелковый корпус, который возглавил комдив П. А. Курочкин. Этим войскам была поставлена задача с полуострова Койвисто начать подготовку к переправе по льду через Выборгский залив на участке Репола (Лисицыно) — Мухулахти (Луговое) — Вилайоки (Балтиец) и таким образом обойти укрепленные позиции финнов и выйти «в глубокий тыл выборгской группировки противника»[252].

Таким образом, для финского командования складывалась крайне тревожная военная обстановка. Генерал-лейтенант Х. Эстерман был отстранен от командования армией «Перешеек». Его заменил командир 3-го корпуса генерал-майор А. Хейнрикс. Одновременно Ставка финского главного командования стала принимать меры, чтобы при помощи подвижных групп прикрытия приостановить наступление Красной армии. Однако моральный дух финских солдат к этому времени был подорван. Командир 1-й пехотной дивизии, прикрывавшей выборгское направление, полковник А. Е. Мартола писал: «Солдаты были уставшие, длительное время не спали. Настроение у всех было далеко не блестящее»[253].

Характерной особенностью начавшегося в феврале наступления являлось также то, что оно осуществлялось параллельно с инициативой, выдвинутой советским руководством относительно возможности окончания войны и подписания мирного договора. 12 февраля 1940 г. советское правительство официально уведомило Финляндию о готовности вести мирные переговоры[254]. Затем конкретные предложения советской стороны были еще раз подтверждены и переданы при посредничестве Швеции финляндскому правительству 23 февраля. Суть их сводилась к передаче СССР Карельского перешейка и права на аренду полуострова Ханко. Кроме того, выдвигалось также предложение заключить договор с Финляндией и Эстонией о совместной обороне Финского залива[255]. Москва, со своей стороны, выражала готовность передать Финляндии занятый советскими войсками район Петсамо.

Но в Хельсинки еще не были готовы принять эти предложения, и советские войска перешли к новому этапу своего наступления. Оно началось 28 февраля. Частям 7-й армии была поставлена задача прорвать вторую полосу финской обороны и овладеть Выборгом[256].

Бойцы и командиры 100-й стрелковой дивизии, принимавшие участие в прорыве линии Маннергейма

Для штурма финских укреплений на главном, выборгском направлении были сосредоточены 19, 50, 10 и 34-й корпуса[257]. Само же наступление началось мощной полуторачасовой артиллерийской подготовкой. Двинувшаяся затем на прорыв укреплений пехота поддерживалась танками и авиацией. Сломив сопротивление противника, войска 7-й армии 29 февраля вышли на линию Хейнйоки (Вещево) — Аласяйние (Верхнечеркасово) — Лиханиеми (район побережья Финского залива) и полностью овладели юго-западной частью Карельского перешейка. Финские подразделения стали отходить на широком участке фронта — от Вуоксы до Выборгского залива.

Обстановка заставила финское правительство 1 марта 1940 г. принять условия СССР в принципе[258], все еще сохраняя при этом расчеты на помощь западных стран. Но эти расчеты становились все более призрачными, поскольку советские войска перешли в наступление также в Карелии и в Лапландии.

Части, действующие вдоль северного побережья Ладожского озера, были сначала объединены в Южную оперативную группу 8-й армии, а затем, после доукомплектования, 11 февраля, преобразованы «для удобства управления войсками, действовавшими на северном побережье Ладожского озера», в 15-ю армию[259]. Она перешла в подчинение Ставки, и возглавил ее командарм 2 ранга М. П. Ковалев. 15-я и 8-я армии в начале марта перешли к активным наступательным действиям[260], что окончательно затруднило финскому командованию возможность маневрирования резервами. Усложнилось положение Финляндии и на севере, где 2 февраля в составе 9-й армии была образована Ребольская оперативная группа под командованием комдива Д. Н. Никишова, готовая к наступлению. 6 марта начали успешные наступательные действия и подразделения 14-й армии. Ее части стали продвигаться на юг Лапландии.

События на Карельском перешейке также продолжали стремительно развиваться. Части 50-го корпуса под командованием комкора Ф. Д. Гореленко в трудных условиях, двигаясь по глубокому снегу, вышли 2 марта к тыловой оборонительной полосе финских войск северо-восточнее Выборга, перерезав железную дорогу, связывавшую Выборг с Антреа, где находился штаб армии «Перешеек»[261]. Одновременно 34-й корпус комдива К. П. Пядышева

Советские командиры в Выборге

Военный регулировщик на улице Выборга. Начало 1940 г.

Бойцы и командиры 123-й стрелковой дивизии. Март 1940 г.

достиг южных окраин Выборга[262]. В течение 2–6 марта дивизии обоих корпусов развернули ожесточенные бои на ближних подступах к городу, медленно охватывая его с северо-востока. Однако советскому командованию становилось ясно, что с ходу взять Выборг не удастся. Корпусам было приказано подготовиться к штурму города, и эту операцию решили начать 11 марта[263].

Тем временем продолжала свои активные операции 13-я армия. 28 февраля после мощной артиллерийской подготовки ее части перешли в наступление по всей линии фронта. Преодолевая сопротивление противника, армия сумела на своем направлении прорвать главную полосу оборону, выйдя к 29 февраля на линию Пааккола (Шлюз Гремучий) — Ристсеппя (Житково) — Хейнйоки (Вещево). В результате финские войска были вынуждены быстро отходить на север и северо-запад. В итоге 3 марта части 15-го корпуса достигли реку Вуокса и форсировали ее. Разгорелись ожесточенные бои. Об их характере дает представление доклад командира 2-й пехотной дивизии полковника Э. Р. Коскимиеса командиру корпуса генералу П. Талвела: «Сегодня еще живы, завтра — на грани гибели, а послезавтра 2-й дивизии больше не будет, если не получим помощи от III армейского корпуса»[264]. В целом, преодолевая ожесточенное сопротивление, части 13-й армии медленно продвигались в направлении Антреа. Потери советских войск также были весьма значительными. Особенно в 15-м корпусе[265].

В ночь на 4 марта войска 28-го корпуса 7-й армии сумели форсировать Выборгский залив и оказались в тылу укрепленного района. Эта операция носила крайне важный и сложный характер. Снежный покров на льду, по которому продвигались войска, достигал полуметра, высокие торосы преграждали путь наступающим, но тем не менее советские части сумели выполнить поставленную задачу[266]. Западнее Выборга в тылу финской группировки был создан плацдарм, где в последующие дни развернулись тяжелые бои. В конечном итоге соединения 7-й армии смогли овладеть 40-километровой прибрежной полосой западного побережья залива и закрепиться на достигнутом рубеже. В результате финское командование вынуждено было срочно создавать дополнительный заслон в виде особой группы «Хамина» под командованием генерал-майора Э. Ф. Ханелля. Ей придавались части, находившиеся к западу от Выборгского залива, а также войска, составлявшие береговую оборону города Котка. В то же время в район Выборга подтягивались значительные силы с других участков фронта[267]. Но руководство финской армии не видело возможности стабилизировать положение. В докладе командующего войсками на Карельском перешейке генерала А. Хейнрикса К.-Г. Маннергейму делался вывод о невозможности продолжать войну[268].

В этих условиях финскому руководству ничего не оставалось, как направить свою делегацию в Москву для ведения переговоров о заключении мира. Расчет на помощь Запада был призрачным. Более того, в Хельсинки стали замечать неконкретность и противоречивость в сведениях «относительно крупной помощи»[269]. В результате в правительстве начали раздаваться твердые голоса о том, что «помощь западных держав является блефом», поскольку, как отмечалось на его заседании 3 марта: «Они не помогали Польше, хотя обещали. И Чехословакию они побуждали к капитуляции»[270].

В итоге 7 марта мирные переговоры начались. Делегация Финляндии была представлена премьер-министром Р. Рюти, министром Ю. К. Паасикиви, председателем парламентской комиссии по иностранным делам В. Войонмаа и генералом Р. Вальденом. С советской стороны в переговорах участвовали А. М. Молотов, А. А. Жданов и комбриг М. В. Василевский.

Но пока шли переговоры, напряженная обстановка на фронте сохранялась. Осложнялась и политическая ситуация. Последняя неделя войны (с 7 по 13 марта) оказалась для финского руководства самой трудной в противоборстве сторонников и противников заключения мирного договора. «Союзники» препятствовали прекращению войны. По словам финского министра иностранных дел В. Таннера, ему со всей категоричностью заявляли, что

«Финляндии суждено сыграть роль важной шахматной фигуры» и финны должны понять, что «помощь предложена» им «не за голубые глаза»[271]. Финское правительство заверяли, что Англия и Франция готовы направить свои войска в Северную Европу. Все это продолжало влиять на поведение финляндской делегации, которая, ссылаясь на необходимость консультаций с Хельсинки, не давала ответа на советские предложения и готова была даже прекратить переговоры и покинуть СССР[272].

Учитывая характер переговоров, перед 7-й армией была поставлена задача в максимально короткий срок взломать третью (тыловую) оборонительную полосу и овладеть Выборгским укрепленным районом. Облегчало решение этой задачи то, что советские войска продолжали расширять прибрежный плацдарм южнее Выборга. В эти дни Маннергейм сообщал своему правительству: «Положение тяжелое. Новые [советские. — *Авт.*] войска перебрасываются через Выборгский залив... Мы не можем отбросить их назад... Это последняя наша линия...»[273] Финский маршал также считал, что обещанная западная помощь, если она случится, «не даст желаемого облегчения». Маннергейм опасался, что западная помощь приведет «к включению Германии в войну» против войск западных союзников уже на финской территории и «в действительности не будет способствовать обретению мира»[274].

С другой стороны, в Хельсинки знали, что в Германии, наоборот, видели для Финляндии важную перспективу в скорейшем окончании войны. 22 февраля 1940 г. Г. Геринг, встречаясь с Т. Кивимяки, заявил, что «мир надо заключить даже на тяжелых условиях» и «потери можно будет возвратить в будущем»[275]. Уже тогда для многих становилось очевидным, что для Германии наиболее выгодно окончание советско-финляндского конфликта. Так, собственно, считали и в финляндском руководстве, все чаще выражая надежды на будущий реванш.

Тем временем положение у Выборга для финских войск становилось критическим. Советское командование начало подтягивать дополнительные части, и 11 марта войска перешли в наступление. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки части 7-й армии начали штурм финских укреплений. 70-я стрелковая дивизия под командованием комдива М. П. Кирпоноса, входившая в 28-й корпус, с захваченного плацдарма западнее Выборга устремилась вперед и прорвалась к шоссе Выборг — Хельсинки, перерезав его. Эта успешно проведенная боевая операция могла «привести к окружению всей карельской группировки противника»[276]. В результате обстановка на фронте достигла кульминации. Именно в тот день финляндская делегация получила из Хельсинки указание подписывать мирный договор.

Боевые действия тем временем продолжались. Пока в Москве согласовывались последние условия, 123-я дивизия начала обход Выборга с севера, 100-я и 95-я дивизии прорвались на северо-восточные и восточные его окраины, а 7-я дивизия — в южную часть города. Части Красной армии, однако, вынуждены были буквально штурмовать каждую улицу, двигаясь к центру города. Особенно серьезной проблемой для наступающих было большое количество снайперов, которые, используя тактику уличных боев, препятствовали быстрому продвижению советских войск[277]. Даже в последний день войны в 7-й дивизии были выведены из строя сразу два командира полка[278].

Именно во время продолжающегося штурма 12 марта в 22 часа был подписан мирный договор, согласно которому 13 марта в 12 часов военные действия между Советским Союзом и Финляндией прекращались.

Прорыв линии Маннергейма, который закончился штурмом Выборга, стал значительным событием в истории военного искусства. Эта операция являлась примером того, как войска, которые до этого специально не готовились, смогли решить весьма сложную задачу штурма мощнейших укреплений, выполняя его при крайне неблагоприятных погодных условиях и при первоначально неудачно разработанном оперативном плане. Этот положительный итог в выполнении проведенной операции был во многом достигнут благодаря мужеству и

героизму войск, а также при активном применению артиллерии, танков и авиации. В итоге советские войска смогли прорвать хорошо спланированную и глубоко эшелонированную линию укреплений. Это был редчайший пример в истории войн. Цена проведенной наступательной операции оказалась чрезвычайно высокой. Потери 7-й и 13-й армий в ходе боев на Карельском перешейке составили более 33 тыс. человек[279].

В целом же финская война стоила больших жертв обеим странам. Безвозвратные потери советских войск составили 126 тыс. 875 человек[280]. Финская армия потеряла 21 тыс. 396 человек убитыми. Общие потери финских войск составили до 20 % всего их личного состава[281].

Согласно заключенному договору СССР смог существенным образом укрепить безопасность Ленинграда. Новая граница на Карельском перешейке была отодвинута более чем на 150 км и установлена по линии севернее Выборга и Сортавала, там, где в 1721 г. ее провел Петр I по итогам Северной войны. Кроме того, Советский Союз получил право на создание на полуострове Ханко своей военно-морской базы, а также брал под свой контроль стратегически важные острова в восточной части Финского залива. В результате в Москве добились не только разрешения острой проблемы военной безопасности Ленинграда, но и одновременно серьезно усилили геополитические позиции страны, связанные с защитой северо-западной части своей территории. Условия советско-финляндского мирного договора содержали важное обязательство: «Не заключать каких-либо союзов или не участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон»[282]. Тем не менее через год и три месяца Финляндия нарушила это обязательство и вступила во Вторую мировую войну на стороне Германии.

Решение вопроса о Бессарабии и Северной Буковине

В течение многих лет советско-румынские отношения были отягощены наличием так называемого «бессарабского вопроса», возникшего в 1918 г., когда Румыния в условиях распада Российской империи оккупировала и аннексировала Бессарабию. Россия (СССР) никогда не признавала румынских прав на эту территорию, да и самой Румынии не удалось добиться полноценного юридического признания аннексии со стороны великих держав. Советский Союз постоянно и настойчиво подчеркивал необходимость возвращения утраченных земель, а при восстановлении дипломатических отношений с Румынией специально оговорил, что не признает Бессарабию ее частью. С осени 1939 г. советская печать, отражая официальную позицию, стала особенно настойчиво поднимать «бессарабский вопрос».

1939–1940 гг. стали кульминационными в развязке этого территориального спора. Решающую роль здесь сыграл внешний фактор — коренное изменение международной ситуации. Заключение советско-германского договора о ненападении создало условия для практического решения вопроса. Как уже отмечалось, в секретном дополнительном протоколе было зафиксировано разграничение сфер «обоюдных интересов» в Восточной Европе. Пункт 3-й этого документа гласил: «Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии». В свою очередь, Германия заявила о своей «полной политической незаинтересованности в этих областях»[283].

В Бухаресте о секретном протоколе не знали. Однако из самого факта заключения договора между СССР и Германией был сделан вывод, что Россия, как писал впоследствии министр иностранных дел Г. Гафенку, «хочет вернуться к своим границам, существовавшим до 1914 г., а Германия не имеет ни права, ни желания помешать ей в этом»[284].

Тем не менее румынские власти надеялись, что, пока русские и немцы заняты в Польше, Румыния сможет укрепить отношения с Германией и под ее защитой сохранить территориальную целостность. В стране активизировались правые силы, группировавшиеся вокруг короля Кароля II. В январе 1940 г. во время посещения Кишинёва король выступил с во-

инственными речами, обосновывая права Румынии на Бессарабию. Монарху вторил глава его правительства Г. Татареску. В прессе появились многочисленные статьи антисоветской направленности.

Реакция советского правительства была довольно резкой: в беседе с румынским посланником Г. Давидеску нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов заявил, что «по имеющимся у него сведениям, последнее время румынская печать публикует много материала, враждебного СССР. Часто это делается под предлогом освещения событий, не имеющих прямого отношения к советско-румынским отношениям, например событий в Финляндии». Вероятно, имея в виду короля и премьер-министра, Молотов подчеркнул: «Официальные лица также манифестировали свое отношение к СССР, и нельзя истолковать эти манифестации как подчеркивающие хорошее отношение к СССР»[285]. Румыния заявляла о своем нежелании идти на обострение отношений с Советским Союзом и всячески подчеркивала свой нейтралитет.

Из румынских миссий за границей в Бухарест поступали многочисленные сообщения со ссылкой на западных дипломатов о намерениях восточного соседа в скором времени воссоединить Бессарабию с СССР[286], но и в 1939 г., и в начале 1940 г. практическое решение вопроса советское руководство считало преждевременным.

Ситуация начала меняться весной 1940 г., после окончания войны с Финляндией. 29 марта Молотов заявил на сессии Верховного Совета СССР: «У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса, — вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя никогда и не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем»[287].

Подстегиваемое немецкими успехами на Западном фронте, с одной стороны, и советскими политическими намеками — с другой, румынское правительство активизировало политику сближения с Германией. Королевский Коронный совет принял решение предложить дружбу Германии и добиваться союза с ней[288].

В мае 1940 г. с Германией был заключен «нефтяной пакт», и вермахт приобрел важную сырьевую базу. Румыния также отказалась от англо-французских гарантий собственной безопасности, которые ей были предоставлены в апреле 1939 г., и вышла из Лиги Наций. В официальной декларации было объявлено о том, что Румыния «будет проводить политику искреннего включения в систему, созданную осью Берлин — Рим, и это является не только выражением политического реализма, но и логическим следствием идеологии членов правительства»[289].

Велись и военные приготовления. Из советского полпредства в Бухаресте с начала 1940 г. поступали сообщения о концентрации румынских войск на границе с СССР[290] и об ускоренном строительстве укреплений (преимущественно по реке Прут, то есть за пределами Бессарабии). «Видно, генштаб Румынии, — говорилось в одном из таких сообщений, — решил не драться за Бессарабию, так как она все равно должна будет отойти к СССР»[291].

На советско-румынской границе была развернута крупная группировка румынских войск. В полосе от Валя-Вишеуляй до Сокиряны располагались части и соединения 3-й армии, а по р. Прут от Сокиряны до Черного моря — 4-й армии (всего 20 пехотных, три кавалерийские дивизии и две горнопехотные бригады). Обе армии насчитывали около 450 тыс. человек, что составляло более половины общей численности сухопутных войск Румынии[292].

Весной и летом 1940 г. на советско-румынской границе происходили многочисленные инциденты. 9 апреля 1940 г. Молотов вручил Давидеску меморандум «о случаях обстрела с румынской стороны охраны левого берега Днестра, жителей и территории СССР». В ответ румынский посланник заверил Молотова, что «эти инциденты не связаны с той линией, которой придерживается правительство в вопросе советско-румынских отношений дружбы и доброго соседства», и заявил, что улучшение отношений между СССР и Румынией зависит от советского правительства[293].

Однако такого рода заявления не могли ничего изменить. Москва демонстрировала свое недовольство: в Кремле решили не торопиться с назначением своего полпреда в Бухарест, игнорируя неоднократные обращения румынского посланника по этому поводу, что было явно недобрым предзнаменованием для Румынии. Советское правительство также уклонялось от румынских предложений об интенсификации торгового обмена между двумя странами. Многочисленные запросы на этот счет оставались без внимания[294].

23 июня 1940 г., в ходе встречи с немецким послом Ф.-В. Шуленбургом В. М. Молотов задал ему вопрос: «Подтверждает ли Риббентроп то, что было сказано во время переговоров осенью прошлого года о Бессарабии, и остается ли сказанное в силе на сегодняшний день?» В ответ немецкая сторона, не отрицая права СССР на возвращение Бессарабии, согласилась содействовать этому при выполнении ряда экономических и политических условий. В их числе соблюдение хозяйственных интересов Германии, прежде всего гарантии бесперебойных поставок румынских нефтепродуктов и продовольствия. Германия, заявил Шуленбург, «не имеет политических интересов в Бессарабии, но имеет там хозяйственные интересы, которые теперь увеличились в связи с войной»[295].

Принципиально важным было другое требование: не допустить ни при каких обстоятельствах открытия военных действий против Румынии, которые, как не без оснований опасались в Берлине, повлекли бы за собой вовлечение в военный конфликт с Румынией Венгрии, а возможно, и Болгарии. Третье условие в подаче посла звучало так: «СССР заявит о своих претензиях на Бессарабию только в том случае, если какая-либо третья страна (Венгрия, Болгария) предъявит свои территориальные претензии к Румынии и приступит к их разрешению. СССР же не возьмет на себя инициативу в этом вопросе». Это последнее условие Молотов оставил без ответа.

Далее в беседе последовал неожиданный для немецкой стороны поворот, касавшийся Буковины, которая, как подчеркнул Молотов, является последней недостающей частью единой Украины, и что по этой причине советское правительство считает необходимым разрешение этого вопроса одновременно с бессарабским. «Буковина, — заявил Молотов, — как область, населенная украинцами, тоже включается в разрешение бессарабского вопроса. Румыния поступит разумно, если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем... Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой»[296]. Шуленбург сообщил в Берлин о советской позиции. Ответ, полученный 25 июня из Берлина, сводился к следующему:

«1. Германское правительство в полной мере признает права Советского Союза на Бессарабию и своевременность постановки этого вопроса перед Румынией.

2. Германия, имея в Румынии большие хозяйственные интересы, чрезвычайно заинтересована в разрешении бессарабского вопроса мирным путем и готова поддержать советское правительство на этом пути, оказав со своей стороны воздействие на Румынию.

3. Вопрос о Буковине является новым, и Германия считает, что без постановки этого вопроса сильно облегчилось бы мирное разрешение вопроса о Бессарабии.

4. Германское правительство, будучи заинтересованным в многочисленных немцах, проживающих в Бессарабии и Буковине, надеется, что вопрос об их переселении будет решен советским правительством в духе соглашения о переселении немцев с Волыни».

Просьбу отнестись благожелательно к буковинским немцам в Москве расценили как фактическое согласие с советским заявлением о Буковине. Молотов, демонстрируя внимание к высказанной немцами позиции, ответил, что советское руководство, идя навстречу пожеланиям германской стороны, ограничится присоединением лишь Северной Буковины[297].

Используя обстановку, сложившуюся после поражения англо-французских войск, советское правительство 26 июня 1940 г. предъявило Румынии ультиматум[298]. В 10 часов вечера Молотов вручил румынскому посланнику в Москве ноту советского правительства, в которой содержались следующие требования:

1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу.

2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте.

«Советский Союз, — говорилось в документе, — никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрейшего решения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов... Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу... Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии тесно связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава...»[299] В ноте также говорилось, что «такой акт был бы тем более справедливым, что передача северной части Буковины Советскому Союзу могла бы представить лишь в незначительной степени средство возмещения того громадного ущерба, который был нанесен Советскому Союзу и населению Бессарабии 22-летним господством Румынии в Бессарабии»[300].

В прилагаемой к тексту карте от Румынии отделялись не только Бессарабия и Северная Буковина, но и северные районы румынской Молдовы, в том числе г. Герца (позже Г. Гафенку обратился к Молотову с просьбой пересмотреть вопрос об этой территории, считая предполагаемое присоединение ее к СССР «недоразумением», но получил отказ)[301]. В жесткой тональности Молотов заявил, что на принятие решения румынскому правительству отводится 24 часа.

С утра 27 июня в Румынии была объявлена мобилизация, и весь день в Бухаресте прошел в лихорадочных поисках выхода из создавшегося положения. Большие надежды возлагались на помощь Германии, Италии и стран Балканской Антанты[302], но они оказались тщетными.

Утром 27 июня Риббентроп направил германскому посланнику в Бухаресте телефонограмму следующего содержания: «Вы немедленно нанесете визит министру иностранных дел в Бухаресте и сообщите ему следующее: советское правительство информировало нас, что оно потребовало передачи Бессарабии и Северной Буковины. Во избежание войны между Румынией и Советским Союзом мы можем лишь посоветовать румынскому правительству уступить требованиям советского правительства»[303]. Италия и страны Балканской Антанты дали аналогичные рекомендации.

Время истекало, надо было срочно решать: уступить или воевать? Дважды собирался Коронный совет. На первом заседании 11 его членов проголосовали «против» принятия советского ультиматума, 10 — «за», четверо высказались за дальнейшее обсуждение и один (премьер Татареску) воздержался. В результате второго голосования только шесть человек голосовали за сопротивление[304].

В 11 часов 28 июня Давидеску сообщил Молотову, что румынское правительство принимает требования Советского Союза. Посланнику вручили конкретные требования по передаче спорных областей: в течение четырех дней, начиная с 2 часов дня по московскому времени 28 июня, очистить территорию Бессарабии и северной части Буковины от румынских войск. Ответственность за сохранность и недопущение порчи железных дорог, паровозного и вагонного парка, мостов, складов, аэродромов, промышленных предприятий, электростанций, телеграфа возлагалась на правительство Румынии. Советское правительство также потребовало «принять все меры, чтобы сделать возможным возвращение в Бессарабию всех солдат, уроженцев Бессарабии, которые желают этого»[305]. Первоначально отклонив просьбу об увеличении сроков румынской эвакуации с территории Бессарабии и Северной Буковины, правительство СССР все же согласилось «продлить эти сроки до 2 часов дня (по

московскому времени) 3-го июня с тем, чтобы в распоряжении румынского правительства осталось 5 дней»[306].

При рассмотрении военной стороны решения бессарабского вопроса следует выделить ряд аспектов.

10 июня 1940 г. Военные советы Киевского Особого военного округа (КОВО) и Одесского военного округа (ОдВО) получили шифротелеграммы начальника Генерального штаба, а затем и директивы наркома обороны ОУ/583 и ОУ/584, в которых им была поставлена задача привести войска в боевую готовность и сосредоточить их на границе с Румынией[307].

На базе КОВО был создан Южный фронт (командующий — генерал армии Г. К. Жуков, член Военного совета — корпусной комиссар В. Н. Борисов, начальник штаба — генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин). В состав фронта вошли 5-я и 12-я армии КОВО, а также 9-я армия из состава ОдВО, имевшие 32 стрелковые, две мотострелковые, шесть кавалерийских дивизий, 11 танковых и три воздушно-десантные бригады, отдельные артиллерийские части. Общая численность группировки превышала 600 тыс. человек. Она располагала примерно 9,5 тыс. орудий и минометов, 3 тыс. танков и бронемашин, 2 тыс. самолетов[308].

Существовало два возможных варианта развития событий, которые учитывали при оперативном планировании. Первый (основной) вариант строился на том предположении, что Румыния не пойдет на мирное урегулирование территориального вопроса и потребуется ведение полномасштабных боевых действий. На этот случай предполагалось нанесение охватывающих ударов войсками 12-й армии из района севернее Черновиц вдоль реки Прут на Яссы и 9-й армии из района Тирасполя южнее Кишинёва на Хуши в целях окружения румынских войск в районе Бельцы — Яссы. Для завершения окружения и дезорганизации тылов противника предусматривалось использовать воздушно-десантные войска. Задачи по борьбе с румынским флотом возлагались на Черноморский флот.

Второй вариант оперативного плана основывался на мирном сценарии разрешения конфликта. В этом случае отход румынских войск на реку Прут должен был сопровождаться быстрым занятием освобождаемых территорий с выходом Красной армии на новую границу.

21 июня 1940 г. начальник Политуправления РККА армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис направил Военным советам и начальникам политуправлений КОВО и ОдВО директиву № 5285сс о политработе в период Бессарабской кампании, в которой действия СССР объяснялись «воровским» характером захвата Бессарабии в 1918 г. и необходимостью помощи братским народам, которые живут «в ужасающей нищете и влачат жалкое существование»[309]. В документе указывалось, что румынские власти угнетают и дискриминируют русское, украинское и молдавское население, жестоко подавляют его протесты. Если оставить в стороне пропагандистскую сторону вопроса, то надо признать, что в своей основе эта оценка была правдивой. Бессарабские тюрьмы были переполнены политическими заключенными.

До тех пор пока сохранялась неопределенность ситуации, войска Южного фронта вели приготовления к операции по основному сценарию. В 16.00 27 июня начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников передал по телефону Г. К. Жукову указание: быть готовым к действиям к утру следующего дня, и уточнил, что «действия могут быть с выстрелом и без»[310].

В 11.00 28 июня румынское правительство заявило, что, стремясь «избежать серьезных последствий, которые повлекли бы применение силы и открытие военных действий в этой части Европы, видит себя обязанным принять условия эвакуации, предусмотренные в советском ответе».

Поскольку советско-румынский конфликт был разрешен мирным путем, войска Южного фронта получили приказ осуществить операцию по второму варианту плана. Командование фронта отдало войскам директиву № А00149, в которой ставилась задача «быстрым выдвижением к р. Прут закрепить за СССР территорию Буковины и Бессарабии»[311]. На территорию этих областей вводилась лишь часть сил фронта: от 12-й армии — 4-й кавкорпус с 23-й танковой бригадой, 2-й кавкорпус с 5-й танковой бригадой, 60, 58, 131-я стрелковые и 192-я гор-

Дети г. Кишинёва дарят цветы советским воинам. 1940 г.

нострелковая дивизии. От 5-й армии — 36-я, 49-я танковые бригады, 80-я, 169-я стрелковые дивизии. От 9-й армии — 5-й кавкорпус, 4-я танковая бригада, 15-я мотострелковая дивизия, 95, 25, 74, 140-я стрелковые дивизии. Предусматривалось также применение двух воздушно-десантных бригад, подчиненных непосредственно командованию фронта. Войскам предписывалось входить в населенные пункты с музыкой и песнями, особое внимание обращалось на опрятный внешний вид личного состава.

В 14.00 28 июня части и соединения Красной армии перешли границу и в тот же день заняли Аккерман, Бендеры, Бельцы, Кишинёв, Хотин, Черновицы и ряд других населенных пунктов. В Бендерах произошел примечательный инцидент: при передаче города жители стали выкрикивать оскорбления в адрес румынского генерала и призывать советских солдат расстрелять его, так что тот счел за благо быстро уехать, не дожидаясь завершения церемонии[312]. Данный случай показателен. Население освобождаемых областей в подавляющей массе радостно встречало Красную армию, повсеместно проходили праздничные митинги и манифестации. Это известно не только по советским источникам, но и по румынским документам: «Встреча с цветами в руках, с флагами, оркестрами и угощением не является беглой выдуманной информацией, а представляет собой грандиозную и стихийную манифестацию радости по случаю прихода освободителей, которых желали и ожидали в течение многих лет»[313]. Левые силы и широкие слои нерумынского населения, подвергавшиеся в Румынии репрессиям и дискриминации, приветствовали воссоединение с Советским Союзом[314]. В то

же время румынских государственных служащих, сотрудников силовых структур, коммерсантов, землевладельцев охватила паника, и они спешно уходили к новой границе.

Советские войска продвигались практически вслед за румынскими арьергардами, а подвижные соединения даже обгоняли их. Определенная задержка на юго-западе Бессарабии и поступившие сведения о мародерстве румынских частей привели к решению командования высадить десанты около г. Болград (29 июня) и г. Измаила (30 июня). По-видимому, также имело место желание командования оценить эффективность применения воздушно-десантных бригад (вдб) и произвести впечатление как на местных жителей, так и на румын. У Болграда были десантированы 1372 бойца 204 вдб, а в Измаиле высажены 240 и десантированы еще 509 человек 201 вдб[315].

В ходе проведения операции имели место незначительные вооруженные столкновения между румынскими и советскими войсками, в результате которых было убито несколько красноармейцев. Имелись и небоевые потери в результате несчастных случаев.

29 июня части Красной армии вышли на реку Прут, где заняли переправы и установили порядок осмотра отходящих румынских частей в целях изъятия захваченного имущества местного населения. К исходу 1 июля новая граница была полностью занята, а с 14.00 3 июля закрыта.

Операция успешно завершилась. 3–4 июля прошли военные парады и праздничные демонстрации в Кишинёве, Бендерах, Аккермане, Хотине, Бельцах и других городах. 7 июля управление Южного фронта было расформировано. С 21.00 8 июля охрану государственной границы стали осуществлять пограничные войска НКВД.

Депутаты Верховного Совета СССР 2 августа 1940 г., заслушав «делегацию трудящихся Бессарабии и Северной Буковины», приняли закон «Об образовании Молдавской Советской Социалистической Республики», в соответствии с которым центральные уезды Бессарабии и шесть районов Молдавской автономной ССР объединялись в новую союзную республику — Молдавскую ССР (остальные районы бывшей Молдавской АССР передавались в состав Одесской области). Северная Буковина, а также Хотинский, Аккерманский и Измаильский уезды Бессарабии были включены в состав Украинской ССР.

При решении проблемы Бессарабии и Северной Буковины, как и ранее — применительно к Западной Белоруссии и Западной Украине, Прибалтике, Финляндии, приоритетными в советской политике были стратегические интересы. С территории Бессарабии советская авиация могла держать под угрозой нефтяные промыслы Румынии — главного поставщика нефти для Германии. Через территорию Северной Буковины, никогда ранее не принадлежавшей России[316], проходила рокадная железная дорога стратегического значения от Одессы через Кишинёв, Черновицы (Черновцы) на Львов. Европейская колея, которую она имела, позволяла использовать подвижной состав для передвижения по железным дорогам Европы. И главное — к Советскому Союзу перешла территория площадью 50 762 км^2 с населением 3 млн 776 тыс. человек, а граница была перенесена на запад более чем на 200 км.

Своеобразной была реакция на происходящие события со стороны политического руководства Великобритании. Так, в беседе с советским послом И. М. Майским 3 июля У. Черчилль спросил: «Что это означает: возврат к империализму царских времен?» и добавил: «Может быть, вы и правы. Но если ваши действия даже продиктованы не старым царем, а новым советским империализмом — что с того? У меня нет возражений». Многозначительным был вывод британского премьера: «Должно быть, в Берлине не очень довольны вашей экскурсией в Румынию»[317].

С потерей Бессарабии и Северной Буковины проблемы Румынии не закончились: в июле 1940 г. Германия и Италия, а также СССР и Великобритания поддержали территориальные претензии к ней со стороны Болгарии. В августе состоялись румыно-болгарские переговоры, по результатам которых было подписано соглашение о передаче Болгарии территории Южной Добруджи площадью 5672 км^2 с населением 386 тыс. человек.

Венгрия, в свою очередь, потребовала пересмотреть вопрос о территориальной принадлежности Трансильвании и готовилась к войне[318]. 2 июля 1940 г. Кароль II в послании Гитлеру запросил германские гарантии неприкосновенности для своей страны. Румыны пытались задобрить Гитлера обещанием дополнительных поставок нефти, мадьяры — зерновых. Германии же нужно было иметь и то и другое, поэтому она, не заинтересованная в возникновении очага войны на юго-востоке Европы, стремилась склонить румын к уступчивости, а мадьяр — к миролюбию. Немцы настойчиво проводили политику включения Румынии в орбиту своего влияния, используя в этих целях и советский фактор, и обострившиеся румыно-венгерские противоречия. 30 августа 1940 г. в результате Второго Венского арбитража государств «оси» Румыния лишилась северных и северо-восточных областей Трансильвании площадью 43 492 км^2 с населением в 2 млн 667 тыс. человек, которые были переданы Венгрии. Одновременно ей были предоставлены гарантии территориальной неприкосновенности, что имело главной целью остановить распространение советского влияния на Балканах и в конечном счете служило задачам подготовки войны против СССР. Надо сказать, что это не прошло незамеченным для Москвы. Советское правительство, несмотря на успокоительные заверения Риббентропа насчет «импровизированной встречи в Вене», официально выразило свое недовольство германскому правительству в связи с тем, что оно не консультировалось с СССР по вопросу о гарантиях Румынии[319].

6 сентября 1940 г. король Кароль II отрекся от престола в пользу своего сына Михая I, а главой румынского правительства стал генерал И. Антонеску, не скрывавший своих профашистских симпатий. Новое румынское руководство решило форсировать сближение с Германией. В первой декаде октября в Румынию прибыли немецкие войска общей численностью 22,4 тыс. человек[320], что существенно изменило баланс сил в Юго-Восточной Европе в пользу Германии. Бухарест получил от Берлина заверения в скором возвращении Бессарабии и Северной Буковины[321]. Кроме того, Гитлер делал многообещающие намеки правительству Румынии на возможность новых территориальных приобретений. Взамен требовались верность Третьему рейху и все более прочная привязка к фашистскому блоку. 16 октября Румыния согласилась примкнуть к Тройственному пакту.

Пакт о нейтралитете с Японией

К началу Второй мировой войны международная ситуация сложилась не в пользу Японии. Китай продолжал упорное сопротивление; японские войска потерпели сокрушительное поражение на Халхин-Голе; Германия, как тогда считалось, «изменила» Японии, заключив с Советским Союзом пакт о ненападении; напряженными оставались японо-американские отношения. Среди японских историков распространены утверждения о том, что после номонханского (халхин-гольского) фиаско в Японии якобы отказались от конфронтации с СССР, а Москва, одержав победу, обеспечила безопасность своих дальневосточных границ. Японские авторы пишут: «Антикоминтерновский пакт, заключенный в 1936 г. между Японией и Германией, посеял семена беспокойства у Советского Союза, который шел по пути строительства коммунизма. В 1938 г. произошло локальное столкновение японских и советских войск у небольшой сопки Чжанкуфэн (Заозерная) в зоне государственной границы между Восточной Маньчжурией и Советским Союзом. А летом следующего года произошло также столкновение в зоне государственной границы между Западной Маньчжурией и Монголией в районе Номонхан (у реки Халхин-Гол) между японскими и советскими войсками. Монголия тогда была государством-сателлитом СССР, и на ее территории дислоцировались советские войска. Само столкновение произошло в районе, в котором отсутствовала четкая демаркация государственной границы. В результате Квантунская армия потерпела серьезное поражение, а СССР одержал победу и тем самым выполнил трудную задачу по обороне Сибири и Дальнего Востока»[322]. Основываясь на

этой версии, большинство японских официальных историков утверждают, что поражение на Халхин-Голе окончательно убедило японское военно-политическое руководство в необходимости прекратить конфронтацию с Советским Союзом и с этой целью заключить с Москвой соглашение о ненападении, от которого японское правительство до тех пор упорно отказывалось.

Однако в действительности японские стратеги — как военные, так и политики — продолжали рассматривать Советский Союз в качестве одного из основных потенциальных противников. После халхин-гольских событий было решено «максимально ограничить военные действия в Китае, сократить число находящихся там войск, мобилизовать бюджетные и материальные ресурсы и расширить подготовку к войне против СССР»[323]. В декабре 1939 г. был принят «Пересмотренный план наращивания мощи сухопутных войск». Для высвобождения необходимых для будущей войны сил планировалось резко сократить число японских войск в Китае (с 850 тыс. до 500 тыс. человек). Одновременно было принято решение довести число дивизий сухопутных войск до 65, авиаэскадрилий до 160, увеличить количество бронетанковых частей. На китайском фронте должны были действовать 20 дивизий, остальные надлежало разместить главным образом в Маньчжурии. Был определен срок завершения подготовки — середина 1941 г.[324]

Чтобы обеспечить благоприятные международные условия для осуществления этой программы, было признано целесообразным предпринять дипломатические шаги, призванные нормализовать на определенный период японо-советские отношения. Стало высказываться мнение о целесообразности заключить с СССР пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому. При этом японское руководство, убедившись во время хасанских и халхин-гольских событий в стремлении СССР избежать вовлечения в войну с Японией, не опасалось советского нападения. Как и прежде, ставилась цель попытаться в обмен на пакт о ненападении добиться прекращения советской помощи Китаю. В согласованном 28 декабря 1939 г. документе японского правительства «Основные принципы политического курса в отношении иностранных государств» по поводу Советского Союза говорилось: «Необходимым предварительным условием заключения пакта о ненападении должно быть официальное признание прекращения советской помощи Китаю»[325].

Заключить пакт о ненападении побуждала японцев и Германия. При этом германские лидеры были готовы выступить в роли посредника между СССР и Японией. В ходе советско-германских переговоров о заключении пакта о ненападении нарком иностранных дел В. М. Молотов поставил вопрос: готова ли Германия оказать воздействие на Японию ради улучшения советско-японских отношений и разрешения пограничных конфликтов? На встрече с И. В. Сталиным министр иностранных дел Германии И. Риббентроп заверил его, что германо-японские связи «не имеют антирусской основы, и Германия, конечно же, внесет ценный вклад в разрешение дальневосточных проблем». Сталин предупредил собеседника: «Мы желаем улучшения отношений с Японией. Однако есть предел нашему терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она ее получит. Советский Союз этого не боится. Он к такой войне готов. Но, если Япония хочет мира, это было бы хорошо. Мы подумаем, как Германия могла бы помочь нормализации советско-японских отношений. Однако мы не хотели бы, чтобы у Японии сложилось впечатление, что это инициатива советской стороны»[326].

Обсуждение данного вопроса было продолжено уже после достигнутого перемирия в боях на Халхин-Голе во время беседы Риббентропа со Сталиным и Молотовым в Москве 28 сентября 1939 г. Из германской записи беседы: «Г-н министр (Риббентроп) предложил Сталину, чтобы после окончания переговоров было опубликовано совместное заявление Молотова и немецкого имперского министра иностранных дел, в котором бы указывалось на подписанные договоры и под конец содержался какой-то жест в сторону Японии в пользу компромисса между Советским Союзом и Японией. Г-н министр обосновал свое предложение, сославшись на недавно полученную от немецкого посла в Токио телеграмму,

в которой указывается, что определенные, преимущественно военные, круги в Японии хотели бы компромисса с Советским Союзом. В этом они наталкиваются на сопротивление со стороны определенных придворных, экономических и политических кругов и нуждаются в поддержке с нашей стороны в их устремлениях.

Г-н Сталин ответил, что он полностью одобряет намерения г-на министра, однако считает непригодным предложенный им путь из следующих соображений: премьер-министр Абэ до сих пор не проявил никакого желания достичь компромисса между Советским Союзом и Японией. Каждый шаг Советского Союза в этом направлении с японской стороны истолковывается как признак слабости и попрошайничества. Он попросил бы господина имперского министра иностранных дел не обижаться на него, если он скажет, что он, Сталин, лучше знает азиатов, чем г-н фон Риббентроп. У этих людей особая ментальность, на них можно действовать только силой...»[327]

Из этих высказываний Сталина ясно, что он был готов к переговорам с японцами по вопросу пакта о ненападении и заинтересован в подобном соглашении, но ждал, когда об этом попросит японское правительство. Понимая это, германское руководство продолжило работу с японцами в этом направлении. Однако Германия при этом была отнюдь не бескорыстна.

Временная нормализация советско-японских отношений на период войны с западными державами была выгодна Германии. В этом случае Японию легче было подтолкнуть к действиям против Великобритании на Дальнем Востоке. По расчетам Гитлера, нападение японцев на дальневосточные владения Англии могло бы нейтрализовать Лондон. «Оказавшись в сложной обстановке в Западной Европе, в Средиземноморье и на Дальнем Востоке, Великобритания не будет воевать», — заявлял он[328]. На встречах с японским послом в Берлине Осимой Хироси Риббентроп говорил: «Я думаю, лучшей политикой для нас было бы заключить японо-германо-советский пакт о ненападении и затем выступить против Великобритании. Если это удастся, Япония сможет беспрепятственно распространить свою мощь в Восточной Азии, двигаться в южном направлении, где находятся ее жизненные интересы». Осима поддерживал такую политику[329].

Однако японское правительство продолжало колебаться, небезосновательно опасаясь, что заключение японо-советского пакта о ненападении вызовет осложнение отношений Японии с западными державами. В то же время в Токио понимали значение посредничества Германии в урегулировании японо-советских отношений. Японская газета писала: «Если будет необходимо, Япония заключит с СССР договор о ненападении и будет иметь возможность двигаться на юг, не чувствуя стеснений со стороны других государств»[330]. При этом учитывалось и то, что такой пакт давал Японии выигрыш во времени для тщательной подготовки к войне против СССР. В сентябре 1939 г. занимавший ранее пост премьер-министра князь Коноэ Фумимаро сообщил германскому послу в Токио О. Отту: «Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, продемонстрированного Красной армией в боях в районе Номонхана»[331].

Для демонстрации своего намерения нормализовать отношения с СССР японское правительство сочло целесообразным сначала начать переговоры о заключении между двумя государствами торгового договора.

Перспектива советско-японского урегулирования уменьшала надежды западных держав на столкновение Японии с Советским Союзом. Правительство США в декабре 1939 г. попыталось получить официальное подтверждение японского МИДа о том, что пакт о ненападении не входит в программу переговоров Токио с Москвой. Чтобы успокоить западные державы и побудить их к уступкам Японии в Китае, японское правительство включилось в антисоветскую кампанию, поднятую в США, Великобритании и Франции в связи с Советско-финляндской войной.

Нормализация, даже временная, не устраивала не только западные державы, но и гоминьдановское руководство Китая во главе с Чан Кайши. Тайные замыслы и завуалирован-

ные действия, направленные на обострение советско-японских отношений и развязывание между ними войны, были откровенно высказаны командующим 5-м военным районом Китая генералом Ли Цзунженем в беседе с советским послом в Китае А. С. Панюшкиным. 12 октября 1939 г. он говорил: «Война на Западе является выгодной для СССР... Германия, Англия и Франция завязнут в войне. Им будет не до СССР... Англия может подтолкнуть Японию на войну с СССР с Востока... Если на Западе будет война, то, не беспокоясь за свои западные границы, СССР может нанести решительный удар по Японии. Это повлечет за собой освобождение угнетенной Кореи, даст Китаю возможность возвратить потерянные территории. При условии войны на Западе Англия будет приветствовать войну СССР с Японией, так как в этом случае Англия не будет беспокоиться, что Индия и Австралия будут захвачены Японией». Генерал заявил, что эта точка зрения «поддерживается многими членами правительства, в том числе Чан Кайши»[332].

Для того чтобы не допустить урегулирования советско-японских отношений, китайское правительство в конце 1939 — начале 1940 гг. ставило перед Сталиным и Молотовым вопрос о скорейшем заключении между СССР и Китаем военного союза, по которому Советский Союз обязался бы усилить помощь Китаю. При этом китайцы пытались заинтересовать советское правительство возможностью получения после войны китайских территорий для советских военных баз на Ляодунском и Шаньдунском полуостровах[333]. Перспектива обострения отношений с Японией из-за Китая не устраивала Сталина, основной целью которого было избежать вовлечения в войну, будь то на Западе или на Востоке. В задачу советского руководства входило выиграть время, обеспечить для страны максимально продолжительный мирный период, с тем чтобы успеть подготовиться к отражению агрессии, неизбежность которой в Кремле сознавали.

Успех, как тогда казалось, дипломатического маневра на германском направлении вселял у Сталина надежду на то, что нечто подобное можно осуществить и во взаимоотношениях с Японией. Считалось, что будет нетрудно побудить переживающих «номонханский синдром» японцев хотя бы на время отказаться от враждебных выпадов в отношении Советского Союза. Однако в Японии сохраняли большое влияние сторонники непримиримой политики в отношении СССР, которые выступали против идеи пакта о ненападении, заявляя, что такой договор «подрывает идеологические основы Японии»[334]. 16 января 1940 г. министр иностранных дел Японии Арита Хатиро заявил: «Полное урегулирование пограничных проблем будет равнозначно пакту о ненападении. Заключение же такого пакта — дело отдаленного будущего и не очень полезное»[335]. Заверения о стремлении урегулировать отношения с СССР не означали, что милитаристские круги Японии действительно отказались от агрессивных планов в отношении соседа на севере. Поэтому на сессии Верховного Совета СССР (март — апрель 1940 г.) прозвучало предупреждение: «В Японии должны наконец понять, что Советский Союз ни в коем случае не допустит нарушения его интересов. Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно»[336].

Позиция Японии в отношении СССР изменилась после поражения Франции в мае — июне 1940 г. и разгрома английской армии под Дюнкерком. Японские правящие круги не желали упустить момент, благоприятный для захвата азиатских колоний западных держав. Ради этого надо было обезопасить свой тыл, приняв меры по урегулированию японо-советских отношений. К этому времени советское руководство позитивно ответило на японский зондаж по поводу такого урегулирования. В ходе беседы с японским послом в СССР Того Сигэнори 1 июня 1940 г. Молотов заявил, что он готов «говорить не только о мелких вопросах, считаясь с теми изменениями, которые происходят в международной обстановке и которые могут произойти в будущем»[337].

Эту мысль Молотов в более развернутом виде высказал перед Того через неделю, после того как было достигнуто принципиальное согласие сторон по поводу соглашения между СССР и Японией об уточнении границы.

Из записи беседы 7 июня 1940 г.:

«Тов. Молотов выражает надежду, что это соглашение явится предпосылкой для разрешения других интересующих Японию и СССР вопросов, в том числе и более крупных.

В ответ на это Того заявляет, что он также надеется, что теперь можно будет с успехом продолжать переговоры по рыболовному вопросу и о торговом договоре. «Кроме того, — добавляет Того, — мы одновременно могли бы начать обсуждение коренных вопросов, интересующих обе стороны. Я надеюсь на успех в решении и других вопросов».

Тов. Молотов заявляет, что он также выражает надежду, что Япония и СССР могут и должны договориться, в том числе и по коренным вопросам.

В ответ на это Того говорит, что он лично думает, что между СССР и Японией нет таких вопросов, которые нельзя было бы не разрешить, особенно если есть понимание друг друга. «Я рад заявлению тов. Молотова, — продолжает Того, — и со своей стороны также надеюсь, что обе стороны договорятся по всем вопросам»[338].

Очевидно, что и Молотов, и Того под используемым ими эвфемизмом «коренные вопросы» подразумевали пакт о ненападении. Однако ни одна из сторон не хотела первой произнести эти слова напрямую. Что касается Молотова, то он, безусловно, действовал по согласованию со Сталиным и получил от него одобрение попытки прозондировать позицию японского посла по поводу возможности заключить между двумя государствами политическое соглашение. Иным было положение посла Того, который был осведомлен о том, что в Токио, как отмечалось выше, бытовали противоречивые мнения относительно договора о ненападении с СССР.

Вот что писал об этом в своих мемуарах Того:

«Поскольку отмена Соединенными Штатами договора о торговле и мореплавании совершенно очевидно преследовала цель оказать давление на Японию, ее надежды на modus vivendi без коренного изменения политики в отношении Китая были абсолютно тщетными. В этот момент мне подумалось, что Японии не остается ничего иного для укрепления своих позиций, кроме заключения пакта с Россией и мирного урегулирования с чунцинским режимом на умеренных и рациональных условиях. Свои соображения я изложил в телеграмме министерству иностранных дел. Что касается методики достижения договоренностей с СССР, то я рекомендовал министерству сформулировать политику, ориентированную на заключение пакта о ненападении и торгового соглашения...

После заключения перемирия в Номонханском районе в сентябре предыдущего года отношение Москвы к Японии стало дружественным, и различные проблемы решались в атмосфере исключительной сердечности. Поэтому и переговоры о заключении торгового соглашения продвигались чрезвычайно гладко.

В связи со вторым вопросом, а именно пактом о ненападении, инструкция нашего министерства иностранных дел предусматривала, что этот документ должен быть подписан в форме пакта о нейтралитете, и именно на основе этой инструкции я начал переговоры с Молотовым»[339].

17 июня Молотов заявил Того, что надеется параллельно рыболовным и торговым вести переговоры и по другим коренным проблемам. Это было уже почти прямое предложение приступить к обсуждению договора о ненападении. И такие переговоры начались 2 июля 1940 г.

В Кремле понимали, что сам факт подобных переговоров может создать для СССР немалые сложности во взаимоотношениях с другими государствами, в первую очередь с Китаем, руководство которого весьма бдительно следило за намечавшимся политическим сближением СССР с Японией. Поэтому всем документам, касавшимся переговоров с Того о пакте о ненападении или нейтралитете, был присвоен гриф высшей секретности — «особая папка». Документы с таким грифом предназначались лишь для высших советских партийных и государственных деятелей.

2 июля 1940 г. состоялась первая беседа Молотова с послом Того, на которой стороны приступили к обсуждению конкретных вопросов, касавшихся проекта будущего соглашения.

Ниже приводится сделанная советской стороной запись этой беседы:

«Того: ...За последние 2–3 года, даже в такие периоды, когда отношения между СССР и Японией были наихудшими, нам удалось разрешить различные вопросы, не прибегая к войне. Поэтому Того думает, что все вопросы могут быть урегулированы мирным путем. Безусловно, в некоторой части мира имеются элементы, которые желают столкновения между СССР и Японией в своих интересах, однако мы такой глупости не допускаем и не желаем удовлетворять пожелания этих стран о столкновении СССР и Японии... С другой стороны, в связи с возникновением войны в Европе общая ситуация осложнилась. Япония, так же как и СССР, старается не быть втянутой в орбиту войны, то есть она придерживается политики строгого невмешательства в войну. Однако, если, несмотря на миролюбивые стремления Японии, она подвергнется нападению со стороны третьих держав, то она вынуждена будет предпринять меры против этого нападения.

Япония, находящаяся в соседстве с СССР, желает поддерживать с последним мирные, дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность. Если же одна из стран, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению со стороны третьих держав, то в этом случае другая сторона не должна помогать нападающей стране. Если будут установлены такого рода отношения, то отношения между СССР и Японией будут стабилизированы и их ничем нельзя будет поколебать. Если советское правительство придерживается такого же мнения, говорит Того, то далее он хотел бы сделать конкретное предложение...

Молотов: ...Общая мысль о том, чтобы стабилизировать отношения между обеими странами, правильна, и он к этому может только присоединиться.

Далее тов. Молотов просит уточнить слова: «не нападать» или «не помогать одной из нападающих стран». Общая мысль, заложенная в высказываниях Того, о том, чтобы не помогать нападающей стороне и не нападать, — правильна. Все сознательные люди, как в нашей стране, так и в Японии, не могут не согласиться с этим.

Того излагает содержание проекта японской стороны. При этом он оговаривается, что дух проекта согласован с японским правительством, а текст составлен им самим, и он просит наркома иметь это в виду.

Далее Того излагает существо своего предложения, которое сводится к следующему: СССР и Япония заключают между собой следующее соглашение о нейтралитете.

Статья I

1. Обе договаривающиеся стороны подтверждают, что основой взаимоотношений между обеими странами остается Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Японией и СССР, подписанная 20 января 1925 г. в Пекине.

2. Обе договаривающиеся стороны должны поддерживать мирные и дружественные отношения и уважать взаимную территориальную целостность.

Статья II

Если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья III

Настоящее соглашение заключается на пять лет.

Того отметил, что проект составлен как копия соглашения о нейтралитете, заключенного в 1926 г. между СССР и Германией.

Того: Если Япония и СССР войдут в дружественные отношения и между ними будет заключено соглашение о нейтралитете, то Япония хочет, чтобы советская сторона по своей воле отказалась от предоставления помощи чунцинскому правительству.

Молотов ответил, что сможет дать ответ на японские предложения после того, как этот вопрос будет обсужден советским правительством. Основная мысль, высказанная Того, будет встречена советским правительством положительно...

Касаясь вопроса о Китае, тов. Молотов говорит, что он знаком по печати с теми предложениями, которые были сделаны Японским правительством Франции и Англии по вопросу о помощи Китаю, и благодарит Того за подтверждение наличия таких предложений. Что же касается СССР, продолжает тов. Молотов, то сейчас этот вопрос для СССР не является актуальным, поскольку в данный момент все разговоры о помощи Китаю не имеют под собой почвы. Если бы СССР помогал Китаю, то Китай не находился бы в таком положении, в каком он находится сейчас. У СССР имеются свои нужды, и сейчас он занят обеспечением своих нужд по обороне страны.

Того говорит, что он с удовлетворением выслушал заявление тов. Молотова о том, что сейчас вопрос о помощи Китаю не является актуальным и что советская сторона не оказывает помощи чунцинскому правительству... Если советская сторона сейчас не оказывает помощь и не будет оказывать такую помощь в будущем, то Японское правительство желало бы, чтобы советское правительство сообщило об этом нотой.

Молотов по своей инициативе вновь заявляет, что он не может отрицать того факта, что раньше СССР оказывал Китаю помощь людьми, оружием и самолетами. Другое положение сейчас. Тов. Молотов говорит, что сейчас он не может сказать, что СССР в настоящее время оказывает помощь чунцинскому правительству. Наша страна расширилась [имелось в виду присоединение к СССР польских восточных районов, населенных украинцами и белорусами], и у нас есть свои нужды по укреплению обороны собственной страны.

Молотов указывает, что если отношения между СССР и Японией будут стабилизированы, то и Америка будет более серьезно считаться как с интересами СССР, так и с интересами Японии.

В заключение Того говорит о своем желании как можно скорее договориться относительно заключения соглашения о нейтралитете»[340].

Фактическое согласие прекратить помощь Китаю ради заключения с Японией пакта о ненападении или нейтралитете явилось серьезным внешнеполитическим маневром советского руководства. Было очевидно, что Сталин и Молотов решили повторить и на японском направлении поразивший мир прошлогодний дипломатический разворот в отношениях с Германией. Задача обеспечения безопасности своего государства как с запада, так и с востока стала рассматриваться в Кремле как главная цель советской дипломатии. По сравнению с этой задачей все остальные рассматривались как второстепенные[341].

Однако дипломатический «блиц» на японском направлении не состоялся. Пришедший в июле 1940 г. к власти второй кабинет Коноэ не стал форсировать заключение политического соглашения с СССР, предпочтя сначала укрепить военно-политический союз с Германией и Италией. В Японии полагали, что, имея такой союз с фашистскими государствами Европы, будет легче побудить советское руководство подписать пакт о ненападении с Японией на японских условиях.

27 июля новый японский кабинет, министром иностранных дел в котором стал Мацуока Ёсукэ, одобрил «Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении». В этом документе в качестве важнейшей задачи определялось «установление нового порядка в Великой Восточной Азии», для чего предусматривалось «применение в удобный момент военной силы». Программой намечалось:

1. Укрепить союз Японии, Германии, Италии.

2. Заключить с СССР соглашение о ненападении, с тем чтобы провести подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение.

3. Осуществить активные меры по включению колоний Англии, Франции, Голландии и Португалии в сферу японского нового порядка в Восточной Азии.

4. Иметь твердую решимость устранить вооруженное вмешательство США в процесс создания «нового порядка» в Восточной Азии[342].

В соответствии с этими политическими установками командование вооруженными силами стало разрабатывать возможные варианты вступления Японии во Вторую мировую войну: «южный» — против США и западноевропейских государств и «северный» — против СССР. Предпочтение было отдано «южному». Решение же «северной проблемы» откладывалось до вовлечения Советского Союза в войну в Европе. Так как в «Программе» выдвигалось требование «избежать войны на два фронта», заключение с СССР пакта о нейтралитете оставалось одной из приоритетных задач японской дипломатии. «Отношения с СССР должны быть урегулированы на базе советско-германского пакта о ненападении, — писала японская газета. — Таким путем Япония может достичь безопасности своей северной границы, что даст ей возможность осуществить ее политику экспансии на юг. Это также позволит ей подготовиться к войне против США»[343]. При этом японские лидеры сочли выгодным приступить к конкретным переговорам с Москвой после заключения военно-политического союза с Германией, что должно было усилить позиции Токио. Хотя с приходом к власти второго кабинета Коноэ японцы активно готовились к заключению союза с Германией, в Токио было признано целесообразным сохранить дипломатические контакты с Москвой по вопросу о выработке политического соглашения.

Убедившись в том, что новое правительство Японии готово продолжать переговоры о заключении пакта о нейтралитете, советское правительство 14 августа 1940 г. дало ответ на предложенный Того вариант договора. В нем говорилось: «Настоящим советское правительство подтверждает свое положительное отношение к идее заключения предложенного японским правительством соглашения о нейтралитете между СССР и Японией... Советское правительство понимает настоящее предложение японского правительства в том смысле, что предложенное соглашение, как это видно из его содержания, будет не только договором о нейтралитете, но, по сути дела, это будет договор о ненападении и о невступлении во враждебные коалиции».

Вместе с тем советское правительство заявило, что интересы СССР и Японии требуют еще до подписания договора «урегулировать некоторые существенные вопросы советско-японских отношений, наличие которых в неразрешенном состоянии является и будет являться серьезным препятствием на пути к желательному улучшению взаимоотношений между обеими странами»[344].

Принимая 2 и 3 статьи японского проекта, советское правительство выступило против того, чтобы соглашение основывалось на Пекинской конвенции 1925 г., оставлявшей в силе Портсмутский договор 1905 г., по которому Россия вследствие поражения в Русско-японской войне вынуждена была уступить Японии Южный Сахалин. К тому же Портсмутский договор был нарушен Японией, захватившей вопреки его положениям Северо-Восточный Китай. Наконец, советское правительство продолжало настаивать на ликвидации японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине.

К этому времени в ходе так называемой «чистки Мацуоки» были заменены японские послы в основных мировых державах. Отзывался на родину и посол в СССР Того.

Укрепляя военные связи с Германией и Италией, японское правительство в то же время не отказывалось от намерения оторвать СССР от Китая. Вскоре после заключения Тройственного пакта министерство иностранных дел Японии разработало предложения об условиях заключения соглашения с СССР. Чтобы облегчить переговоры, предлагалось подписать пакт, аналогичный советско-германскому, а урегулирование спорных вопросов провести после его заключения. Смысл этого маневра состоял в том, чтобы, уже имея подписанным договор о ненападении или нейтралитете, добиться от СССР заключения на выгодных Японии условиях рыболовного соглашения, прекращения оказания помощи Китаю, а также попытаться вынудить СССР на территориальные уступки. Имелось в виду «мирным путем» получить Северный Сахалин и установить влияние Японии в Приморье. Взамен предлагалось поделить

сферы влияния в Китае и в Азии в целом[345]. Это, по расчетам японских стратегов, помогло бы вовлечь его в четырехстороннюю коалицию (Япония, Германия, Италия, СССР), что облегчило бы вооруженную борьбу с западными державами. Политика «превращения врага на севере в друга» должна была исключить весьма беспокоившую Японию и Германию перспективу образования в ходе войны союза СССР, США и Великобритании. Накануне подписания Тройственного пакта Мацуока объяснял Тайному совету: «Пока мы строим новый порядок, мы не можем позволить себе, чтобы Советский Союз видел в нас своих врагов». В то же время участники Тройственного пакта подчеркивали, что избранный в отношении СССР курс имеет временный характер.

Назначенный в сентябре 1940 г. новым послом в СССР Татэкава Ёсицугу 30 октября в беседе с Молотовым сообщил, что его правительство прекращает переговоры с СССР о заключении соглашения о нейтралитете и выдвигает предложение о подписании пакта о ненападении.

Посол заявил, что после прихода к власти кабинета Коноэ внешняя политика Японии в корне изменилась. Это нашло свое выражение, по словам Татэкава, в заключении военного союза с Германией и Италией. В связи с этим японское правительство предлагает советскому правительству заключить пакт о ненападении, а не пакт о нейтралитете, который-де недостаточен.

Посол передал текст пакта о ненападении, аналогичный советско-германскому пакту о ненападении, заключенному в августе 1939 г. Японский проект пакта гласил: «Обе договаривающиеся стороны обязуются взаимно уважать их территориальные права и не предпринимать никакого агрессивного действия в отношении другой стороны ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами. В случае если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эти третьи державы. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны. Срок действия пакта определяется в десять лет».

Посол сделал два добавления:

— Прежние переговоры Того о заключении соглашения о нейтралитете прекращаются.

— Японское правительство предлагает все прочие спорные вопросы разрешить после заключения пакта о ненападении.

На вопрос Молотова, в чем заключается разница между прежним и новым предложениями японского правительства, Татэкава повторил, что соглашение о нейтралитете было признано недостаточным, ибо в нем неясно отражен вопрос о ненападении. И потому после заключения Тройственного военного союза было найдено целесообразным заключить пакт о ненападении. При этом он добавил, что прежний кабинет вел переговоры осторожно, а новый кабинет хочет сделать прыжок для улучшения отношений. Заключение политического соглашения с Советским Союзом позволяло Токио устранить опасность ведения войны на два фронта. К этому времени Япония уже фактически приступила к осуществлению южного варианта распространения агрессии. 23 сентября 1940 г. японские войска вторглись на территорию Индокитая. Пакт о ненападении с СССР позволял рассчитывать на невмешательство Москвы в случае вооруженного столкновения Японии с Великобританией и США.

18 ноября во время очередной беседы с Татэкава Молотов по согласованию со Сталиным изложил суть сделанного ранее предложения о желательности для советской стороны «получить компенсации» в случае заключения с Японией политического соглашения. Было указано, что общественное мнение в СССР заключение пакта о ненападении с Японией будет связывать с вопросом о возвращении утраченных ранее территорий — Южного Сахалина и Курильских островов. Было заявлено, что если Япония не готова к постановке этих вопросов, то было бы целесообразно говорить о заключении пакта не о ненападении, а о

нейтралитете, не предусматривающего разрешения территориальных проблем. Советское руководство настаивало также на подписании протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине.

Из телеграммы Молотова послу СССР в Японии К. А. Сметанину от 19 ноября 1940 г.: «Я заявил, что последнее предложение японского правительства о пакте о ненападении может вызвать известные затруднения со стороны самой же Японии. Дело в том, что, как известно, заключение пакта о ненападении с Германией в 1939 году привело к тому, что СССР вернул ряд территорий, ранее утерянных нашей страной, а потому общественное мнение нашей страны заключение пакта о ненападении с Японией также, естественно, будет связывать с вопросом о возвращении Советскому Союзу таких утерянных ранее территорий, как Южный Сахалин, Курильские острова и, уже во всяком случае, на первый раз, как минимум, встанет вопрос о продаже некоторой группы северной части Курильских островов. Если Япония считает целесообразным поднимать эти территориальные вопросы, то тогда можно будет говорить относительно заключения пакта о ненападении. Но так как я не уверен, что Япония будет считать это целесообразным, то со своей стороны считаю возможным сейчас не будоражить много вопросов, а заключить вместо пакта о ненападении пакт о нейтралитете и подписать отдельно протокол о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий...

Татэкава, не возражая против предложения о заключении пакта о нейтралитете, заявил, что, по его мнению, этот пакт также может улучшить советско-японские отношения. На мой вопрос, считает ли Татэкава мои предложения о пакте и о протоколе приемлемыми в качестве базы для переговоров, Татэкава ответил, что лично он считает эти предложения базой для переговоров и сообщит об этих предложениях в Токио»[346].

Выполняя директиву МИД, Татэкава заявил Молотову: «Так как продажа Россией Аляски США уменьшила споры и конфликты между двумя странами, то он твердо уверен, что и продажа Северного Сахалина положила бы конец спорам и конфликтам между обеими странами и способствовала бы установлению длительного мира между Японией и СССР».

22 ноября 1940 г. Молотов телеграфировал в Токио послу Сметанину: «21 ноября имел беседу с Татэкава. Беседа показала, что пока с нашими переговорами ничего не выходит. Мы, во всяком случае, подождем, ускорять события не имеем желания»[347].

25 февраля 1941 г. японский посол в Германии Осима сообщил в Токио о возможном резком ухудшении германо-советских отношений. Такое впечатление он вынес из состоявшейся накануне беседы с Риббентропом, который не скрывал, что на восточных границах рейха сосредоточено «от восьмидесяти до ста немецких дивизий». Содержание этой дипломатической депеши было доложено императору Японии Хирохито. Новость взволновала японского монарха. Он заявил лорду-хранителю печати Кидо Коити: «Если Германия в ближайшем будущем начнет войну с СССР, союзнические обязательства заставят нас готовиться к выступлению на севере... Так как у нас связаны руки на юге, мы окажемся перед серьезной проблемой»[348]. Было принято решение направить Мацуоку в Европу с тем, чтобы на переговорах в Москве, Берлине и Риме получить необходимую информацию.

12 марта 1941 г. Мацуока выехал в Европу. Отправляясь в Москву, он имел полномочия заключить с советским руководством пакт о ненападении, но на японских условиях. 3 февраля Координационным советом правительства и императорской ставки был одобрен документ «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». Документом в обмен на согласие Японии заключить пакт о ненападении предусматривалось вынудить советское руководство на серьезные уступки, а именно — продать Японии Северный Сахалин и прекратить помощь Китаю.

В Берлине Мацуока говорил с германскими руководителями и об отношениях Японии с Советским Союзом. Он сообщил, что имеет поручение заключить японо-советский пакт о ненападении или нейтралитете. Реакция немцев на это сообщение должна была пока-

Подписание Пакта о нейтралитете между СССР и Японией

зать, насколько далеко зашла подготовка Германии к нападению на Советский Союз. Если бы руководители рейха решительно воспротивились такому пакту, это было бы сигналом того, что решение о войне на востоке принято окончательно. Однако Гитлер и Риббентроп реагировали довольно прохладно. Риббентроп лишь предупредил Мацуоку «не заходить слишком далеко в сближении с Россией». Зная о японских планах оккупации восточноазиатских колоний западных держав, германские лидеры убеждали Мацуоку решительно двигаться на юг, в частности захватить Сингапур. Впоследствии Гитлер заявил, что японцы заключили пакт с СССР «с одобрения Германии». Вместе с тем собеседники Мацуоки приняли к сведению сделанное японским министром заявление о том, что «никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете»[349]. При этом было дано заверение в том, что «Япония будет всегда лояльным союзником, который посвятит себя общим усилиям и не займет пассивной позиции».

Хотя руководители рейха не настаивали на участии японских вооруженных сил в войне против СССР, в ходе такой войны могло создаться положение, когда правительство Германии потребовало бы от своего союзника выполнения обязательств по Тройственному пакту. В этом случае выступление Японии против СССР должно было состояться не тогда, когда японское правительство и командование сочтут момент наиболее благоприятным, а когда это будет необходимо Германии. Это не устраивало Японию, не желавшую играть подчиненную роль в германской войне против СССР, выполняя вспомогательные задачи. С другой стороны, японское руководство не могло не волновать то, что в результате быстрого разгрома

Германией Советского Союза Япония не будет допущена к дележу «русского пирога» или же получит лишь небольшие куски. Поэтому для обеспечения империи свободы действий как на южном, так и на северном направлениях считалось целесообразным иметь пакт о ненападении или нейтралитете с Советским Союзом. Главные же цели пакта для Японии оставались прежними: добиться от СССР его отказа от помощи Китаю и обеспечить прочный тыл на севере на случай начала войны против США и Великобритании на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

По мнению японцев, пакт с СССР должен был, кроме всего прочего, затруднить образование союза между Вашингтоном, Лондоном и Москвой. Японский военно-морской министр Оикава Косиро с нескрываемой тревогой говорил: «Флот уверен в своих силах в случае войны только с Соединенными Штатами и Британией, но выражает опасения по поводу столкновения одновременно с Соединенными Штатами, Британией и Советским Союзом».

Мацуока не мог не учитывать эти опасения. К тому же провал порученных самим императором переговоров в Москве серьезно подорвал бы авторитет японского министра иностранных дел, поставив вопрос о его дальнейшем пребывании на занимаемом посту. Поэтому он решил продолжить переговоры с советским руководством о подписании соглашения с СССР.

Готовясь к встрече с Мацуокой, советское руководство из сообщений резидента советской военной разведки Рихарда Зорге знало, что император и ближайшее окружение японского премьер-министра Коноэ хотят заключить пакт о ненападении с Советским Союзом. 10 марта 1941 г. Зорге доносил в Москву: «Что касается СССР, то Мацуока имеет больше полномочий для самостоятельных действий. Коноэ не верит, что Мацуока сможет заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, но он все же надеется, что кое-что в этом направлении Мацуока сможет сделать. Коноэ надеется также получить от советского правительства разрешение на пропуск через Сибирь немецких военных материалов, заказанных Японией. Наконец, он надеется достигнуть с СССР соглашения о прекращении сотрудничества с чунцинским правительством»[350].

Как уже отмечалось, советскому правительству было непросто принять решение о заключении пакта с милитаристской Японией. В Кремле хорошо помнили реакцию Запада на подписание советско-германского пакта о ненападении, расцененного как «предательство идеи антигитлеровской коалиции». Заключение аналогичного соглашения еще с одним членом Пакта трех держав неизбежно создавало новые проблемы во взаимоотношениях с западными государствами, которые могли расценить действия СССР как провоцирующие Японию на расширение экспансии в Восточной Азии и на Тихом океане. Продолжало беспокоить советское руководство и то, что, идя на подписание пакта с Японией, оно рисковало ухудшить свои отношения с Китаем. Однако, с другой стороны, как и в случае с Германией, пакт с японцами отвечал государственным интересам Советского Союза, ибо создавал, хотя и ненадежные и явно временные, но все же гарантии, снижал опасность одновременного нападения на СССР с запада и востока.

Вернувшись из Берлина в Москву, Мацуока 7 апреля 1941 г. в беседе с Молотовым попытался выдвинуть японские условия подписания пакта с СССР, в частности официально предложил продать Японии Северный Сахалин. Это предложение, как и ранее в беседах Молотова с японскими послами Того и Татэкава, было решительно отвергнуто. При этом советская сторона продолжала настаивать на ликвидации одновременно с подписанием пакта японских концессий на Северном Сахалине. Было ясно, что советское правительство не отступит от своих позиций.

В довольно сумрачном настроении Мацуока посетил Ленинград, где осмотрел сокровища Эрмитажа и присутствовал на балетном спектакле. Возвратившись 12 апреля в Москву, он телеграфировал в Токио, что Молотов «не проявляет симпатии и шансы заключения соглашения с Россией близки к нулю». Неожиданно в гостиничном номере японского министра

позвонили из секретариата Сталина. Мацуоку приглашали в Кремль на беседу с советским лидером.

После традиционных приветствий Мацуока начал пространно излагать Сталину значение японского лозунга «хакко итиу» (восемь углов под одной крышей), под которым японская империя намеревалась создавать «новый мировой порядок». Он убеждал, что этот древний лозунг не означает стремления Японии к переделу мира, что цель Японии объединить все народы земли «под единой крышей взаимного уважения и комфорта».

Сталин терпеливо слушал, а затем, прервав собеседника, предложил перейти к делу. Отвергнув претензии Японии на Северный Сахалин, он заявил о желании вернуть в состав территории Советского Союза южную часть этого острова, отторгнутую от России в результате Русско-японской войны 1904–1905 гг. Мацуока возражал, ссылаясь на то, что южная часть Сахалина заселена японцами, и России лучше обратить внимание на расширение своих территорий за счет арабских стран вместо того, чтобы претендовать на территории, соседствующие с японской метрополией.

Это была «домашняя заготовка» Мацуоки. Готовясь к переговорам с Советским Союзом, министерство иностранных дел Японии разработало программу заключения с СССР пакта о ненападении. Одним из пунктов этой программы предусматривалось: «В подходящий момент включить в сферу влияния Японии (в результате покупки или обмена территориями) Северный Сахалин и Приморье»[351]. Для того чтобы побудить советское правительство пересмотреть свою политику в отношении Японо-китайской войны, в документе намечалось предложить Советскому Союзу следующее: «СССР признает интересы Японии во Внутренней Монголии и в трех провинциях Северного Китая. Япония признает традиционные интересы Советского Союза во Внешней Монголии и Синьцзяне. СССР соглашается с продвижением Японии в направлении Французского Индокитая и Голландской Индии. Япония соглашается с будущим продвижением Советского Союза в направлении Афганистана, Персии (впоследствии сюда включается и Индия)»[352].

Попытка Мацуоки изложить этот «план» Сталину реакции последнего не вызвала. Было ясно, что целью вовлечения Советского Союза в подобный сговор было желание не допустить его сближения с западными странами и все же попытаться привлечь к сотрудничеству с участниками Тройственного пакта.

Проигнорировав геополитические прожекты Мацуоки, Сталин выложил на стол проект советско-японского пакта о нейтралитете, который состоял из четырех статей. Статья 1 предусматривала обязательство обеих сторон поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны. В статье 2 говорилось, что в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта. Статья 3 предусматривала, что пакт сохраняет силу в течение пяти лет.

Предложенный Сталиным вариант соглашения не требовал от Токио никаких уступок, кроме согласия на ликвидацию на приемлемых условиях концессий на Северном Сахалине. К тому же откровенность и примирительный дружественный тон Сталина убеждали Мацуоку, что советский лидер искренне стремится на продолжительный срок избежать новых конфликтов с Японией.

Связавшись с Токио, Мацуока получил согласие на подписание предложенного советской стороной документа. Вместе с тем в инструкциях японского правительства было подчеркнуто, что «Тройственный пакт не должен быть ослаблен».

13 апреля 1941 г. в Кремле был подписан Пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом. Одновременно была подписана Декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го. Была достигнута и договоренность о разрешении в течение нескольких

месяцев вопроса о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Однако по просьбе японской стороны об этой договоренности в печати не сообщалось.

На состоявшемся затем банкете в Кремле царила атмосфера удовлетворения успешно завершившимся «дипломатическим блицкригом». По свидетельству очевидцев, стремясь подчеркнуть свое гостеприимство, Сталин лично подвигал гостям тарелки с яствами и разливал вино. Однако обилие комплиментов не могло скрыть от наблюдателя, что за столом сидели не друзья, а противники.

Участники банкета с японской стороны, в частности личный секретарь Мацуока Т. Касэ, рассказывали о состоявшемся за столом диалоге.

Подняв свой бокал, Мацуока сказал: «Соглашение подписано. Я не лгу. Если я лгу, моя голова будет Ваша. Если Вы лжете, я приду за Вашей головой».

Сталин поморщился, а затем со всей серьезностью произнес: «Моя голова важна для моей страны. Так же, как Ваша для Вашей страны. Давайте позаботимся, чтобы наши головы остались на наших плечах».

Предложив затем тост за японскую делегацию, Сталин отметил вклад в заключение соглашения ее членов из числа военных.

«Эти представляющие армию и флот люди заключили пакт о нейтралитете, исходя из общей ситуации, — заметил в ответ Мацуока. — На самом деле они всегда думают о том, как бы сокрушить Советский Союз».

Сталин тут же парировал: «Хотелось бы напомнить всем японским военным, что сегодняшняя Советская Россия — это не прогнившая царская Российская империя, над которой вы однажды одержали победу».

Хотя Сталин попрощался с японским министром в Кремле, затем неожиданно он появился на вокзале, чтобы лично проводить Мацуоку. Это был беспрецедентный и единственный в своем роде случай, когда советский лидер счел необходимым таким необычным жестом подчеркнуть важность советско-японской договоренности. Причем подчеркнуть не только японцам, но и немцам.

Зная, что среди провожающих Мацуоки был и германский посол в Москве Шуленбург, Сталин демонстративно обнимал на перроне японского министра, заявляя: «Вы азиат, и я азиат... Если мы будем вместе, все проблемы Азии могут быть решены». Мацуока отвечал: «Проблемы всего мира могут быть разрешены».

В целом негативно относящиеся к каким-либо договоренностям с Советским Союзом военные круги Японии, в отличие от политиков, не придавали пакту о нейтралитете особого значения. В «Секретном дневнике войны» японского генерального штаба армии 14 апреля 1941 г. была сделана следующая запись: «Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов»[353]. Еще более определенно высказался в апреле 1941 г. военный министр Тодзио Хидэки: «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР»[354].

Советская разведка своевременно и объективно информировала Москву об этих настроениях в японской армии. 18 апреля 1941 г. Рихард Зорге сообщил, что «Отто (Одзаки Хоцуми. — *Авт.*) посетил Коноэ как раз в тот момент, когда Коноэ получил от Мацуоки телеграмму о заключении пакта о нейтралитете. Коноэ и все присутствовавшие были чрезвычайно рады заключению пакта. Коноэ сразу по телефону сообщил об этом военному министру Тодзио, который не высказал ни удивления, ни гнева, ни радости, но согласился с мнением Коноэ о том, что ни армия, ни флот, ни Квантунская армия не должны опубликовывать какое-либо заявление относительно этого пакта. Во время обсуждения вопроса о последствиях пакта вопрос о Сингапуре не поднимался. Основное внимание всех присутствующих было сосредоточено на вопросе использования пакта для ликвидации войны с Китаем...»

28 апреля советский военный атташе в Корее телеграфировал: «22 апреля начальник штаба Корейской армии (японской армии в Корее. — *Авт.*) Такахаси заявил журналистам: «СССР, признавая мощь Японии, заключил с ней пакт о нейтралитете с тем, чтобы сконцентрировать свои войска на западе. Только военная сила может обеспечить эффективность пакта, и поэтому новое формирование ни Квантунской, ни Корейской армии ослаблено не будет, и они со своих позиций не уйдут. Такахаси привел исторические примеры, когда Китай, будучи в военном отношении слабее Японии, шел на заключение выгодных для Японии договоров. Сейчас основной задачей Японии, как он заявил, является завершение китайской войны».

Хотя в Токио имели информацию о вероятности начала войны между Германией и Советским Союзом и разрабатывали политическую линию Японии на этот случай, главным на момент заключения пакта о нейтралитете было обеспечить безопасность на севере на период движения на юг. Как показали последующие события, Япония эффективно использовала нейтралитет Москвы. Этот фактор учитывался при принятии японским военно-политическим руководством решения о начале войны в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане. Немаловажное значение имело и то, что СССР сначала ослабил, а после германского нападения прекратил военно-техническую помощь Китаю. С другой стороны, наличие пакта о нейтралитете в известной степени удерживало Токио от нападения на Советский Союз, что позволяло советскому руководству частично перебрасывать дальневосточные и сибирские войска в европейскую часть страны для организации отпора врагу, в частности при обороне Москвы.

Переговоры с США и Великобританией

Несмотря на советско-германские договоренности, в Москве ясно понимали, что нападение Германии остается опаснейшей угрозой, и стремились, далеко не всегда лучшими решениями и заявлениями, выиграть максимум времени для укрепления обороны страны. Вектор советской политики, направленный на создание коалиции государств и народов в борьбе с агрессорами, приобретал в этих условиях особое значение. Основания имелись: для СССР, Великобритании и США германско-японская военная угроза была общей, и это понимали многие влиятельные деятели по обе стороны океана.

В середине 1930-х гг. правительство США, учитывая изоляционистские настроения американской общественности, не торопилось активно вмешиваться в международные конфликты, уже потрясавшие мир. Оно внешне строго придерживалось закона о нейтралитете, принятого в 1935 г. в США, и его последующих модификаций. Положение резко изменилось, когда гитлеровская Германия необоснованно и нагло нарушила Мюнхенское соглашение 1938 г. и оккупировала 15 марта 1939 г. Чехию, установив также марионеточный режим в Словакии. Нарком иностранных дел М. М. Литвинов направил Германии ноту от 18 марта 1939 г., в которой охарактеризовал действия германского правительства по ликвидации Чехословакии «произвольными, насильственными и агрессивными». Они не только не устраняют «опасность всеобщему миру», но и наносят «новый удар чувству безопасности народов»[355].

В тот же день полпред СССР в Лондоне И. М. Майский сообщил в Москву: президент США Ф. Рузвельт уведомил правительства Англии и Франции, что он больше не находит возможным продолжать политику «умиротворения» и всякие переговоры с Германией «бесполезны и недопустимы». 21 марта США в ответной ноте Германии на сообщение о расчленении Чехословакии заявили, что они не признают «каких-либо законных оснований для вышеуказанного статуса»[356].

14 апреля 1939 г. Рузвельт обратился к Гитлеру и Муссолини с посланием, в котором призвал к решению существовавших проблем за столом переговоров, т. е. мирным путем.

В послании Рузвельт запрашивал Гитлера и Муссолини, согласны ли они дать заверения в том, что их вооруженные силы в течение 10 или 25 лет не совершат нападения на перечисленные им в этом послании 30 стран Европы и Ближнего Востока. Заявив о готовности США принять участие в переговорах о разоружении и расширении международной торговли, если Гитлер и Муссолини дадут положительный ответ, Рузвельт предложил услуги «доброго посредника»[357]. Это его послание было направлено главам ряда других государств, в том числе и СССР. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин в ответном послании Рузвельту от 16 апреля выразил «глубокое сочувствие вместе с сердечными поздравлениями по поводу благородного призыва... Можете быть уверены, что Ваша инициатива находит самый горячий отклик в сердцах народов СССР, искренне заинтересованных в сохранении всеобщего мира»[358]. Реакция в США на эту акцию Рузвельта была неоднозначной. Изоляционисты всех мастей, не говоря уж об откровенных сторонниках нацистов в США, обрушились на президента. Выступая не для печати в клубе «Гридарой» в присутствии всего правительства, писал полпред СССР К. А. Уманский в Москву, Рузвельт приравнял к государственной измене поведение крайних изоляционистов из обеих американских партий, «людей, мечтающих, что им воздвигнут памятник не в Вашингтоне, а в Берлине и Риме». «Он заявил, что речь идет о спасении США как части мира от экономической катастрофы в случае дальнейшей агрессии, а не о посылке армии за океан, которая к тому же опоздала бы, ибо современная агрессия молниеносна. Главное сейчас выиграть время, работающее на мирные страны»[359].

В этом отношении Рузвельт оказался прав. Еще 7 апреля 1939 г. Италия захватила Албанию. Поэтому Муссолини в своей речи 20 апреля, а Гитлер в выступлении 28 апреля 1939 г. отвергли вышеупомянутые предложения президента. Одновременно Гитлер в той же речи заявил об аннулировании морского соглашения с Англией 1935 г. и пакта о ненападении между Германией и Польшей 1934 г. Глава советского правительства В. М. Молотов в докладе о международном положении и внешней политике СССР 31 мая 1939 г. отметил: «Таков был ответ Германии на проникнутые духом миролюбия предложения президента США Рузвельта»[360]. Советский Союз был заинтересован в развитии дружественных отношений с США и Великобританией и многое делал в этом направлении.

В начале марта 1939 г. в США прибыла советская делегация во главе с заместителем наркома военно-морского флота И. С. Исаковым. Она имела целью осуществить крупные военные заказы на поставку в СССР различного военно-морского оборудования вплоть до строительства линкоров и эсминцев[361]. Однако уже в июне Исаков в докладе И. В. Сталину вынужден был сообщить об отказе США от работ по проектированию эсминцев и других кораблей. Тем не менее он полагал, что «ухудшение отношений с СССР не входит в планы рузвельтовского руководства»[362].

Это вроде бы находило подтверждение в словах американского посла в СССР Л. Штейнгардта, сказанных полпреду Уманскому 13 июня: президент Рузвельт настроен «по-прежнему благожелательно» в отношении строительства военных кораблей для СССР[363]. Однако все оказалось сложнее. Фирмы имели соответствующие указания морского министерства США и предлагали не новейшее оборудование и корабли, а проекты 5-летней давности, что не соответствовало интересам СССР.

В то же время в США внимательно следили за развитием событий на Тихом океане, где Япония осторожно стала теснить американский капитал в Китае, а также в колониальных владениях Англии, Франции и Голландии на Дальнем Востоке. Поэтому США заняли довольно лояльную позицию в отношении СССР в период японских провокаций в Монголии летом 1939 г. на реке Халхин-Гол. «Трезвая оценка событий американской прессой, указывающей, в частности, на их связь с положением в Европе, — писал в НКИД полпред К. А. Уманский, — выгодно отличается от тенденциозных комментариев в период хасанских боев»[364].

Сообщая в НКИД о внимании американских правительственных кругов к событиям на Халхин-Голе 27 июня 1939 г., полпред писал, что в дальневосточном отделе госдепартамента

«для ориентации» заявили следующее: «1. События не следует истолковывать как предвестник серьезного советско-японского столкновения. 2. Японцы проверяют на практике, действительно ли СССР готов защитить границы МНР как свои. 3. Нападение японцев свидетельствует о согласованности действий агрессоров и является средством давления на ход англо-франко-советских переговоров. 4. Японцы стремятся затруднить помощь СССР Китаю»[365].

Но следует отметить, что агрессия против МНР, а тем самым и против СССР имела также целью усилить дипломатические позиции Японии в ее стремлении добиться от Англии благожелательного нейтралитета в отношении продолжавшейся Японо-китайской войны. Успешные действия японцев против Красной армии создавали бы более выгодную для Японии позицию на переговорах с Великобританией. Эта тактика себя оправдала. 24 июня 1939 г., в разгар боев на Халхин-Голе, было подписано англо-японское соглашение Арита — Крейги о признании законности японской власти на оккупированной территории Китая[366]. Это соглашение получило название «дальневосточного Мюнхена», отмечает академик В. С. Мясников[367].

Но главным вопросом советско-американских отношений в этот период оставалось дальнейшее развитие советско-американских торговых отношений. В беседе с министром финансов США Г. Моргентау 1 июля 1939 г. полпред К. А. Уманский заявил, что развитие советско-американской торговли зависит от рогаток при реализации советских оборонных заказов в результате расширения правительством США списков засекреченных объектов. Моргентау выразил готовность разрешить в ходе переговоров вопросы о советских оборонных заказах, подчеркнув при этом политические аспекты этого вопроса и указав, что его урегулирование укрепит в США идею сотрудничества с СССР[368].

В тот же день, 1 июля 1939 г., государственный секретарь США К. Хэлл в беседе с Уманским отметил, что его правительство заинтересовано в расширении торговли с СССР «больше, чем с любой другой страной мира» как по политическим соображениям, так и ввиду общности миролюбивой политики. «Лучше увеличить торговлю с Вами как фактором мира, чем распылять ее по мелким странам, которые не сегодня-завтра могут стать колониями фашизма»[369]. Советская сторона, заинтересованная в дальнейшем расширении советско-американского сотрудничества, предпринимала различные шаги, чтобы обозначить свое присутствие в США и привлечь внимание к СССР широких слоев американской общественности.

30 апреля открылась международная промышленная выставка в Нью-Йорке. Советский павильон по своему оформлению и содержанию завоевал первое место среди 58 государств. Его посетили свыше 16,5 млн человек. Американская печать отметила успех выставки. Этому способствовал арктический павильон, в работе которого участвовали советские полярники[370].

В мае летчики В. К. Коккинаки и М. Х. Гордиенко совершили по приглашению губернатора штата Нью-Йорк и администрации выставки перелет на двухмоторном самолете «Москва» из СССР в Америку. С большим успехом выступили в период работы выставки Краснознаменный ансамбль песни и пляски Красной армии под руководством профессора А. В. Александрова, а также другие видные советские исполнители музыкальной культуры[371]. Все это вызвало большой интерес американской общественности к успехам и достижениям в СССР.

Однако на настроения американской общественности большое влияние оказывали печать и американский Конгресс, в котором было немало ненавистников Советской России. Президенту Рузвельту приходилось это учитывать. 19 апреля вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о назначении К. А. Уманского полпредом СССР в США[372]. Официально об этом было объявлено 11 мая. Уманский находился в США с 1936 г. сначала в качестве советника, а затем с 1938 г. — временного поверенного в делах СССР в США. 6 июня 1939 г. он вручил верительные грамоты президенту США Ф. Д. Рузвельту. В состоявшейся беседе

президент сказал: «Если имеются две страны, которые могут взирать на мелкие дипломатические интриги с философским спокойствием, то это ваша страна и наша. В конце концов, Европа не так уж велика. У нас с вами другие масштабы»[373]. Однако прошел месяц и развитие событий в Европе вызвало его беспокойство. В беседе с полпредом 30 июня он нашел положение уже в Европе крайне опасным: «Сроки новой агрессии исчисляются неделями. С закабалением прибалтов едва ли примирится СССР, с закабалением Англии и Франции не могут примириться США»[374].

16 августа нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов принял нового американского посла Л. Штейнгардта, который поднял вопрос о ведущихся англо-франко-советских переговорах в Москве по поводу совместных действий в борьбе против возможной германской агрессии.

Молотов заявил, что советское правительство относится со всей серьезностью к положению в Европе и к своим переговорам с Англией и Францией, но «дело зависит не только от нас, но также от Англии и Франции»[375]. Британское правительство, внешнюю политику которого определяли Н. Чемберлен и Э. Галифакс, ревностные сторонники соглашения с Гитлером, затягивало под различными предлогами эти переговоры о взаимопомощи. Более того, 16 августа 1939 г. сотрудник британского министерства авиации де Ропп дал понять руководителю внешнеполитического отдела нацистской партии А. Розенбергу, что, «когда Германия быстро покончит с Польшей, и, хотя к этому времени война будет объявлена... она будет вестись как оборонительная... Из-за государства, которое практически уже перестало бы существовать... ни Британская империя, ни Германия не поставили бы на карту свое собственное существование»[376].

Договор с Германией о ненападении и совместные действия СССР в Польше вызвали в странах Западной Европы и США яростную антисоветскую кампанию. Она приняла особо острые формы в связи с советско-финским конфликтом.

2 декабря 1939 г. Рузвельт объявил о введении «морального эмбарго» на торговлю с СССР, которым запрещался ввоз в СССР самолетов, различного рода авиационного оборудования, а также алюминия, молибдена и других стратегических материалов, что привело к еще большему сокращению и так небольшой советско-американской торговли.

По инициативе дипломатов ряда западных стран было созвано заседание Совета Лиги Наций, на котором 14 декабря СССР был исключен из этой организации.

В октябре 1939 г. США поставили Финляндии самолеты и другое военное оборудование на сумму 850 тыс. долларов. 11 декабря США предоставили Финляндии финансовый кредит на сумму в 10 млн долларов, а в феврале 1940 г. — еще 20 млн долларов, которые финны использовали только частично, т. к. война к тому времени уже заканчивалась[377].

Важно отметить, что Рузвельт, несмотря на оказываемое на него давление, не пошел на разрыв дипломатических отношений с СССР. Это объяснялось, как сообщал советник полпредства СССР в США А. А. Громыко, важностью информации об СССР от своего посольства в Москве, надеждой, что СССР останется силой, противодействующей Японии на Дальнем Востоке, заинтересованностью отдельных групп американских деловых кругов в торговле с СССР, стремлением сохранить престиж Рузвельта перед избирательной кампанией по выборам президента в ноябре 1940 г. как инициатора установления в 1933 г. дипломатических отношений с СССР[378].

Видимо, чтобы пресечь всякие разговоры о дальнейшем ужесточении позиции США, Рузвельт, выступая на конгрессе американской молодежи 10 февраля 1940 г., заявил: «То, что Советский Союз объявит войну США, является наиболее абсурдной мыслью, какую я когда-либо слышал за 58 лет своей жизни. То, что мы собираемся воевать с Советским Союзом, является столь же глупым предположением»[379].

Мирный договор, подписанный 12 марта 1940 г. советским правительством с Финляндией, казалось, внес мало изменений в политику Англии, Франции и США. Но на самом деле в их политике наметились определенные сдвиги.

Еще 12 февраля министр внутренних дел США Г. Икес в беседе с полпредом Уманским высказал мысль о неизбежности весной активизации военных действий со стороны Германии[380].

Рузвельт предпринял в этой связи внешнеполитическую инициативу с целью выяснить планы Гитлера и Муссолини на ближайшую перспективу, направив в Европу заместителя госсекретаря США С. Уэллеса. Его интересовали прежде всего планы Гитлера, в том числе их антисоветская направленность. Однако беседы Уэллеса с Чиано и Муссолини в Риме, с Гитлером, Герингом и Риббентропом в Берлине, с Даладье и Рейно во Франции, с Чемберленом, Галифаксом и Черчиллем в Лондоне выявили совершенно противоположные интересы сторон. Так, Гитлер потребовал признания со стороны Англии и Франции уже совершенных им захватов, а также разоружения английских военных баз в Гибралтаре, на Мальте и в Сингапуре. В беседе с Уэллесом 2 марта 1940 г. Гитлер дал понять, что Германия намерена продолжать войну до полной победы.

29 марта 1940 г., выступая на шестой сессии Верховного Совета СССР, председатель СНК и нарком иностранных дел В. М. Молотов заявил: «Что касается наших отношений с Соединенными Штатами Америки, то они за последнее время не улучшились и, пожалуй, не ухудшились, если не считать так называемого «морального эмбарго» против СССР, лишенного какого-либо смысла, особенно после заключения мира между СССР и Финляндией»[381].

3 апреля полпред Уманский изложил госсекретарю США Хэллу упомянутое заявление Молотова. Далее полпред заявил: «Мы исходим из того, что США так же, как и СССР, проводят политику нейтралитета, однако отношения между двумя великими нейтральными державами оставляют желать лучшего и страдают от проводимой американским правительством дискриминационной линии в торговле с СССР». Полпред привел конкретные факты. «Хотя Хэлл ничего не обещал, — сообщал полпред, — но он взял новый тон и впервые заговорил о возможности улучшения отношений»[382].

31 мая 1940 г. посетивший Уманского американский посол в Москве Л. Штейнгардт, находившийся в США, пытался убедить полпреда, что реквизиция станков будет продолжаться, ибо продиктована срочными нуждами обороны США. Он уверял полпреда, что будто даже английские и французские «и, во всяком случае японские», заказы подвергнутся той же участи. Штейнгардт заявил: «Мы реквизируем станки не для союзников, а для самих себя, ибо можем полагаться сейчас только на самих себя, а не на союзников, которые в качестве нашей первой линии обороны потерпели крушение»[383]. Переключившись на общие вопросы, Штейнгардт продолжал: «Судьба Британской империи и поражение Франции предрешены. Германия стремится к всеевропейской гегемонии. США отныне могут полагаться только на себя. В случае бегства английского флота в Канаду США возьмут на себя “бремя” покровительства Канады и английских владений в Западном полушарии, то есть неизбежно вступят в войну». Он, как и ряд других видных американцев, «пытался внушить мне мысль о “неизбежности” движения Германии на Восток против нас».

На замечание полпреда, что правительство США исключительно по собственной инициативе вступило на путь подрыва экономических отношений с СССР, Штейнгардт рекомендовал «не отчаиваться» и вместе работать над «спасением остатков наших отношений, с тем чтобы перейти к более конструктивной работе, когда в США схлынет военная истерия»[384].

7 июля 1940 г. нарком В. М. Молотов писал полпреду, что если госсекретарь Хэлл или его заместитель С. Уэллес поставят вопросы о дальнейшей политике СССР, то можете заявить: «СССР продолжает стоять на позиции своей мирной политики, остается вне войны и стремится поддерживать нормальные экономические и политические отношения со всеми державами, в том числе и с великими. Отношения СССР с Китаем сохраняют свой добрососедский характер, вытекающий из советско-китайского договора о ненападении»[385].

Это заявление советского правительства заинтересовало США. 20 сентября 1940 г. министр финансов Моргентау в беседе с Уманским поставил вопрос об увеличении американских закупок в СССР стратегических товаров, в первую очередь марганца, с оплатой наличными, с тем чтобы СССР усилил свое снабжение Китая, при этом Моргентау подчеркнул, что речь идет о закупке не фирмами, а самим правительством[386].

На это сообщение полпреда Молотов поручил ему 25 сентября передать Моргентау, что советское правительство согласно поставлять США марганец, хром, асбест и платину, использовав для ввоза этого сырья трансиранскую железную дорогу. Однако советское правительство не связывало поставки этого сырья в США с советско-китайской торговлей[387].

Оценивая зондаж Моргентау, полпред писал в НКИД: «Рузвельт явно стремится этим предложением "сразу убить нескольких зайцев". Во-первых, нашими руками усилить сопротивление Китая, за блокаду которого США и их английские друзья несут всю ответственность; во-вторых, сорвать улучшение японо-советских отношений, т. к. правительство США опасается, что спокойный советский тыл ускорит темпы японской экспансии в районе Тихого океана»[388].

США действительно разными путями стремились помешать нормализации советско-японских отношений. В июле 1940 г. американская газета «Дейли Ньюс» распространила слух «о секретном соглашении между США и СССР против Японии на Дальнем Востоке». 6 июля 1940 г. ТАСС опроверг это измышление американской газеты[389], имевшее целью посеять подозрения у японского правительства.

Советское правительство, учитывая сложную обстановку на Дальнем Востоке и продолжавшуюся войну в Европе, стремилось укрепить безопасность советских границ. 13 апреля 1941 г. был подписан пакт о нейтралитете между СССР и Японией[390], который сыграл важную роль в начавшейся через несколько недель Великой Отечественной войне.

Дипломатия США не делала каких-либо представлений СССР в связи с мирным воссоединением в июле 1940 г. Бессарабии и Северной Буковины с Советским Союзом.

Но в вопросе вхождения Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР проявила непоследовательность. В ноте итальянскому послу от 10 августа 1920 г. государственный секретарь США Б. Кольби заявлял о «постоянном отказе признать Балтийские государства как отдельные нации, не зависимые от России»[391]. Эта же мысль проводилась в письме госсекретаря США Ч. Юза от 25 июля 1922 г. уполномоченному США в Риге О. Юнгу[392].

15 июля 1940 г. президент Рузвельт издал приказ, запрещавший производить операции, затрагивающие собственность Прибалтийских республик. Ссылаясь на этот приказ, Федеральный резервный банк в Нью-Йорке не выполнил телеграфных распоряжений банков Литвы, Латвии и Эстонии от 13 июля о перечислении в депозит Госбанка СССР золота, купленного последним у банков Прибалтийских республик.

20 июля 1940 г. заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовский вызвал американского поверенного в делах В. Торстона и заявил ему протест «против незаконных действий американских властей»[393].

Но военная угроза нарастала, и 3 июля министр внутренних дел США Г. Икес в беседе с Уманским предпринял зондаж относительно улучшения советско-американских отношений. Икес предложил выделить уполномоченных для таких встреч в Вашингтоне или в Москве, чтобы выяснить имеющиеся точки соприкосновения в политических вопросах, несмотря на нынешние расхождения между обеими сторонами.

Уманский поддержал это предложение, подчеркнув при этом самостоятельность советской внешней политики и ее полную независимость от Германии[394].

27 июля заместитель госсекретаря США С. Уэллес в беседе с Уманским сделал явно порученное ему Рузвельтом заявление о советско-американских отношениях. «Пора обеим сторонам подумать, — сказал он, — не только о нынешних отношениях, но и о будущих месяцах и годах, которые, быть может, для обеих держав будут чреваты новыми опасностями. Не пора ли устранить источники трений, которых и без того достаточно во всем мире, и лик-

видировать остроту, создавшуюся в отношениях между нашими странами». Таким образом, Уэллес уже официально поставил вопрос, который затрагивал Икес.

Уманский ответил Уэллесу, что имеются две предпосылки для ликвидации остроты в советско-американских отношениях: «Во-первых, очищение отношений от актов дискриминации и нарушения прав и интересов СССР органами американского правительства и, во-вторых, подход к отношениям между США и СССР как к отношениям между двумя великими, политически самодовлеющими и экономически независимыми державами». Уманский указал в этой связи на заявление самого Уэллеса от 24 июля 1940 г. по вопросу о Прибалтике, «которое по существу и по форме абсолютно несовместимо с нормальными отношениями».

Уэллес, сославшись на то, что это заявление он сделал по поручению правительства США, предложил полпреду приступить на следующей неделе к работе по «ликвидации взаимных претензий»[395].

Оценивая эту инициативу правительства США, нарком В. М. Молотов писал Уманскому 31 июля 1940 г.: «Своим демаршем Уэллес, несомненно, пытался преуменьшить перед нами обострение американо-японских отношений и все усиливающуюся борьбу между США и Японией»[396]. Но еще раньше инициативу нормализации отношений с СССР проявила Великобритания, которая уже вела войну с Германией.

Переговоры с Англией возобновились вскоре после подписания 28 сентября 1939 г. советско-германского договора о дружбе и границе. Инициативу проявил Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр). 6 октября он пригласил советского посла И. М. Майского и заявил, что политика британского правительства направлена на то, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании, разъяснил свою позицию последовательной борьбы с гитлеризмом. Советское правительство положительно отнеслось к инициативе Черчилля. Так возобновились англо-советские переговоры, в ходе которых Англия стремилась «навести мосты», а СССР — не сжигать их.

Угроза вторжения на Британские острова, «битва за Англию», возрастающее итало-немецкое давление на Балканах усилили стремление Великобритании добиться сближения с СССР и если не разрыва, то ослабления советско-германских отношений, начиная с торговли, которую, впрочем, оценивали в Форин-офисе как неудовлетворяющую запросы Германии.

Прилет 14 мая 1941 г. в Великобританию Р. Гесса — заместителя Гитлера по партийному руководству, вызвал настороженность в Москве относительно целей британской политики[397].

В апреле 1940 г. начались регулярные встречи, по существу переговоры между США и СССР, которые с американской стороны преимущественно вел заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, а с советской стороны — К. А. Уманский. Камнем преткновения оставалась прибалтийская проблема.

Переговоры Уманского с Уэллесом длились девять месяцев. Состоялись 22 встречи. В их начале Уэллес заявил полпреду, что, «как и в прошлые десятилетия и века, между СССР и США нет ни одного противоречия, кроме идеологического, которое не должно, по мнению американского правительства, мешать нормализации и улучшению отношений между обеими странами»[398].

Нормализация советско-американских отношений и являлась главной целью переговоров. В основном шло обсуждение экономических вопросов, снятие многочисленных ограничений на выполнение промышленностью США советских заказов. Полпред заявил Уэллесу, что американское правительство как бы «премирует участвовавших в войне и «наказывает» тех, кто успешно оградил свою страну от агрессии»[399], имея в виду все еще действовавшее «моральное эмбарго». В начале января 1941 г. был согласован текст нот об отмене эмбарго[400]. 22 января сообщение об отмене «морального эмбарго» было опубликовано в американской печати.

В последней, 22-й, беседе с Уманским 9 апреля 1941 г. Уэллес заявил, что военное положение на Балканах представляется ему крайне тяжелым. Однако полной картины пока нет, связь нарушена. «Договор СССР с Югославией свидетельствует, что по ряду важнейших вопросов точки зрения СССР и США сближаются, в чем он-де никогда не сомневался. Ему лично кажется, что ввиду приближения военного театра к районам жизненных интересов СССР эта общность взглядов будет усиливаться». Уманский поддержал его мнение о сближении взглядов СССР и США по ряду вопросов[401].

Следует выделить предупреждения США о подготовке Германии к нападению на СССР. В январе 1941 г. коммерческий атташе США в Берлине С. Вудс, который имел связи с влиятельными нацистскими чиновниками, сообщил госсекретарю США К. Хэллу о готовившемся вторжении гитлеровской Германии в Советский Союз. При этом Вудс указывал, что продолжающиеся налеты германской авиации на Англию являются попыткой отвлечь внимание от готовящегося нападения на СССР[402].

После консультации с Рузвельтом и Гувером Хэлл поручил Уэллесу сообщить эту информацию Уманскому. 1 марта 1941 г. в 18-й беседе с полпредом Уэллес в доверительном порядке сообщил, что «по конфиденциальным сведениям, имеющимся в распоряжении американского правительства, германские военные планы заключаются в том, чтобы *после достижения победы над Англией* (курсив *наш*), несмотря на поддержку последней Соединенными Штатами, напасть на СССР. Американское правительство учитывает, что советское правительство, возможно, отнесется к этой информации с недоверием и будет рассматривать ее как пропаганду, интригу или неправду. Однако американское правительство подчеркивает, что располагает не подлежащими сомнению доказательствами правдивости этой информации, которую он передает советскому правительству лишь потому, что считает, что те страны, которые отстаивают свою целостность и независимость перед лицом германских планов неограниченной агрессии, имеют моральное право на получение подобной информации и дружественное предупреждение». Уманский обещал передать эту информацию советскому правительству[403]. Реакции Москвы на эту информацию не последовало.

Тогда правительство США поручило своему послу в Москве Л. Штейнгардту довести эти сведения непосредственно до советского правительства. 15 апреля 1941 г. посол сообщил заместителю наркома С. А. Лозовскому, «что по полученным посольством из Берлина достоверным сведениям», Германия готовит нападение на Украину и сконцентрировала против Молдавии восемь дивизий. Эта информация приходит не только от тех 250 американцев, которые живут в Германии, но и от многочисленных немцев-полуамериканцев, занимающих очень высокие и ответственные посты в Германии. Штейнгардт просил довести эти факты до В. М. Молотова.

Лозовский заметил, что он сомневается, чтобы Германия напала на СССР, но во всяком случае, СССР всегда готов и не даст захватить себя врасплох[404].

Произошли изменения на англо-советских переговорах. 13 июня 1941 г. А. Иден сообщил И. Майскому о готовности Великобритании оказать СССР помощь своей авиацией на Ближнем Востоке, направить военную миссию в Москву в случае нападения Германии и немедленно сделать об этом заявление правительства[405].

Рассматривать такого рода предложения в Москве приходилось в контексте настойчивых усилий британской дипломатии ускорить столкновение СССР с Германией. Очевидным являлось и то, что «германский рейх всеми средствами пытается спровоцировать Советский Союз на такие действия, которые дали бы возможность скомпрометировать его в глазах мировой общественности как виновника агрессии, лишить тем самым союзников в борьбе с истинными захватчиками»[406]. Именно в эти дни требование «не дать никакого повода для войны» было возведено в ранг одной из первостепенных задач политики и дипломатии государства[407].

15 июня 1941 г. У. Черчилль сообщил Рузвельту о готовности Великобритании оказать России всемерную помощь в случае нападения Германии и получил поддержку Рузвельта. Но ни Черчилль, ни Рузвельт не сообщили Сталину об этом решении.

Битва за союзников была выиграна дорогой ценой. Время с 10 по 15 июня являлось, по оценкам специалистов, последним критическим рубежом, когда советские войска приграничных округов успевали, получив на то приказ, перейти в состояние полной боевой готовности с отмобилизованием и развертыванием на театре военных действий.

Расчеты советского руководства долговременно уберечь страну от войны с нацистской Германией не оправдались. Но между СССР, Великобританией и США была в конечном счете достигнута договоренность о совместной борьбе против фашистской агрессии, что стало важнейшим дипломатическим прорывом того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Клопов В. Я., Ордин А. Г.* Великий Освободительный поход Красной армии. Воронеж, 1940. С. 10.

[2] В действительности во многих хозяйствах крестьяне, работавшие на польских помещиков, получали за свой труд еще меньше.

[3] *Coates Z. K.* Six centuries of russo-polish relations. London, 1948. P. 127.

[4] В. М. Молотов направил по этому поводу поздравительную телеграмму в Берлин. Это было не только преждевременным шагом (Варшава сражалась до 28 сентября), но и неудачным дипломатическим решением.

[5] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 1. М., 1968. С. 121.

[6] Правда. 14 сентября 1939 г.

[7] СССР — Германия. 1939–1941. Т. 1. Вильнюс, 1989. С. 92–93.

[8] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Кн. 1. М., 2000. С. 28.

[9] *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 355–356.

[10] Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 2. М., 1992. С. 95–96.

[11] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. М., 1973. С. 178.

[12] Цит. по: Военно-исторический журнал. 1990. № 10. С. 22.

[13] *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 290.

[14] Формально по состоянию на 17 сентября фронтов и управлений фронтами еще не существовало, а использовались наименования БОВО и КОВО. Переименование произошло в соответствии с приказом наркома обороны № 0053 от 26.09.1939 г. Армейские группы, имевшиеся в составе КОВО и БОВО, были переименованы в армии уже в ходе операции.

[15] Военная энциклопедия. Т. 6. М., 2002. С. 555–557.

[16] *Антосяк А. В.* Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 54.

[17] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 165.

[18] В ходе операции численность войск менялась за счет дополнительных сил из внутренних округов. К началу октября в составе обоих фронтов насчитывалось более 2,4 млн человек, около 5,5 тыс. орудий, 6 тыс. танков, 4 тыс. самолетов (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 1–3). Значительная часть этих войск оставалась на территории СССР.

[19] *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 298–299.

[20] Цит. по: *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 301.

[21] Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы. М., 1997. С. 65.

[22] Цит. по: *Kozlowski E.* Koncowy okres wojny obronnej Polski. WPH. 1989. № 3. S. 202.

[23] *Kowalski W. T.* Ostatni rok. Ewropy (1939). Warszawa, 1989. S. 647.

[24] *Павлов М. В., Желтов И. Г., Павлов И. В.* Танки БТ. М., 2001. С. 165.

[25] РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 22. Л. 62. В последующем данные по потерям были уточнены.

[26] Польская административная единица, часть воеводства.

[27] *Пыхалов И. В.* Великая оболганная война. М., 2011. С. 133–137.

[28] РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 394. Л. 200–207.

[29] Там же. Ф. 34980. Оп. 14. Д. 84. Л. 130–205. (Цит. по: Источник. 1993. № 3. С. 30).

[30] *Еременко А. И.* В начале войны. М., 1965. С. 24.

[31] *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 337.

[32] Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 2. М., 1992. С. 98.

[33] *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 326–327.

[34] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 1. М., 1968. С. 125.

[35] Правда. 23 сентября 1939 г.

[36] РГВА. Ф. 37977. Оп. 3. Д. 1226. Л. 124.

[37] Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 331 (Цит. по: Родина. 2009. № 8. С. 37).

[38] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Книга 1. Т. 1–2. М., 1991. С. 205.

[39] Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1992. Документ № 152.

[40] В октябре 1940 г. эта территория также была передана Литве после ее вступления в состав СССР.

[41] *Молотов В. М.* О внешней политике Советского Союза. М., 1939. С. 3.

[42] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 165.

[43] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 323.

[44] Там же. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 22. Л. 21; Д. 24. Л. 103; Д. 25. Л. 44.

[45] Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М., 1999. С. 275–276.

[46] Правда. 25 октября 1939 г.

[47] *Клопов В. Я., Ордин А. Г.* Указ. соч. С. 35.

[48] *Purkl A.* Die Lettlandpolitik der Weimarer Republik. Studium zu den deutsch-lettischen Beziehungen der Zwischenkriegszeit. Münster, 1996. S. 256.

[49] См.: *Петренко А. И.* Влияние переворота К. Улманиса 15 мая 1934 г. на шведско-латвийские отношения // Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 185–189.

[50] *Кен О., Рупасов А.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. М., 2000. Кн. 1. С. 107, ссылка 129.

[51] Там же. С. 104.

[52] Там же. С. 106.

[53] *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. С. 33.

[54] См., например: 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. 582. lpp.

[55] Aizsargs. 1934. Nr. 6.

[56] *Perna V.* Itālija un Latvija. Diplomātisko attiecību vēsture. Rīga, 2002. 14. lpp.

[57] *Stranga A.* Ebreji un diktatūras Baltijā (1926 — 1940). Rīga, 2002. 164, 165. lpp.

[58] Правда. 1936. 5 марта.

[59] *Kangeris K.* Latviešu ub ebreju attiecības Trešā reiha skatijumā. 1933–1939. gads // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sēj.). Rīga, 2003. 56. lpp.

[60] *Ilmjärv M.* Silent submission. Tallinn, 2010. P. 285.

[61] См.: *Ковалев С. Н.* СССР и Прибалтика: нейтралитет и договоры о взаимопомощи 1939 года // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 33–34.

[62] Akten zur deutschen auswartigen Politik, Serie D. Bd. V. Baden-Baden, 1953. S. 384.

[63] Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-1883. Оп. 1. Д. 67. Л. 3, 38. Цит. по: *Ковалев С. Н.* СССР и Прибалтика... С. 34.

[64] См.: *Feldmanis I., Stranga A., Virsis M.* Latvijas ārpolitika un starptautiskais stāvoklis (30. gadu otrā puse). Rīga, 1993. 21. lpp.; *Zunda A.* Latvijas un Lielbritānijas attiecības 1930–1940. Realitāte un ilūzijas. Rīga, 1998. 9, 10. lpp.

[65] *Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Странга А., Фелдманис И.* История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 169.

[66] См.: *Ilmjärv M.* Hääletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsioni kujunemine ja iseseisvuse kaotus 1920. Aastate keskpaigast anneksioonini. Tallinn, 2004.

[67] *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: ТОО «Гея», 1996. С. 114–117; *Он же.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 114; *Он же.* Победа в тайной войне. 1941–1945 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 106–115.

[68] Латвийский государственный исторический архив (LVVA). Ф. 2574. Оп. 4. Д. 7679. Л. 186. Цит. по: *Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A.* Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945). Rīga, 2008. 17. lpp.

[69] *Ильмярв М.* Балтийские страны в 1939–1940 гг.: замыслы и возможности // Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 276.

[70] Политический архив иностранных дел Германии (PA AA), R 104627, 421272. Цит. по: *Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A.* Latvija Otrajā pasaules karā... 17. lpp.

[71] *Наумов А. О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса версальской системы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 370.

[72] *Вульфсон М.* 100 дней, которые разрушили мир: Из истории тайной дипломатии. 1939–1940. Рига, 2001. С. 69.

[73] Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. С. 453–459.

[74] *Дюков А. Р.* «Пакт Молотова — Риббентропа» в вопросах и ответах / Фонд «Историческая память». М., 2009. С. 48.

[75] См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. С. 368–369; Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1998. С. 87.

[76] *Ilmjärv M.* Hääletu alistumine... lk. 558.

[77] В опубликованных материалах из ведомственного архива советской разведки содержатся различные фрагментарные сведения о германском влиянии в правящих кругах Латвии, контактах с немцами, усилении экономической зависимости этой страны от Германии, однако данных, подтверждающих знакомство Москвы с деталями пактов Риббентропа — Мунтерса и Риббентропа — Сельтера от 7 июня 1939 г., представлено не было. См.: Прибалтика и геополитика 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2009. С. 90–106.

[78] *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1997. Т. 1. С. 181.

[79] *Дюков А. Р.* «Пакт Молотова — Риббентропа» в вопросах и ответах / Фонд «Историческая память». М., 2009. С. 47–52, 133–138.

[80] *Барков Л.* В дебрях абвера. Таллин, 1971. С. 26–27, 31–32, 48.

[81] *Кен О., Рупасов А.* Москва и страны Балтии: Опыт взаимоотношений, 1917–1939 гг. // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002. С. 86.

[82] Международная жизнь. 1989. № 9.

[83] Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 — август 1940 г. М.: Международные отношения, 1990. С. 52.

[84] *Ковалев С. Н.* СССР и Прибалтика: нейтралитет и договоры о взаимопомощи 1939 года // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 35.

[85] *Чирва Е. В.* Подводная война на Балтике. 1939–1945. М., 2009. С. 7–8.

[86] См.: *Мельтюхов М. И.* Наращивание советского военного присутствия в Прибалтике в 1939–1941 гг. // Отечественная история. 1999. № 4. С. 46–70; *Он же.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 176–210; *Он же.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2002. С. 144–153.

[87] *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина... Изд. 2-е. С. 157.

[88] См.: *Гайдук А. А.* Оценка Вооруженных сил Латвии разведотделом КБФ СССР в 1939 году // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2010. № 2. С. 60–71; *Гайдук А. А.* Оценка Вооруженных сил Эстонии разведотделом КБФ СССР в 1939 году // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 46–62.

[89] *Ковалев С. Н.* СССР и Прибалтика... С. 35.

[90] На чаше весов: Эстония и Советский Союз. 1940 год и его последствия. Таллин: Евроуниверситет, 1999. С. 25.

[91] См.: От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллин: Периодика, 1989. С. 135, 137–140.

[92] См.: Полпреды сообщают... С. 62–69, 84–88, 92–98.

[93] *Ковалев С. Н.* СССР и Прибалтика... С. 36.

[94] СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Вильнюс, 2006. Т. 1. С. 364.

[95] Там же. С. 339, 341.

[96] См., например: *Кабанов Н. Н.* Генерал и его план. Можно ли было защитить Ригу от удара с моря в 1939 году? // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 34–38.

[97] От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. Таллин, 1990. С. 184.

[98] *Rislaki J.* Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonena. Rīga, 2004. 129, 131. lpp.

[99] Там же. 138. lpp.

[100] *Ščerbinskis V.* Ziemas karš un Latvija 1939–1940 // Militārais apskats. 1999. N. 2. 92–94. lpp.

[101] См., например: *Strods H.* PSRS politiskā cenzūra Latvijā 1940–1990. Rīga, 2010. 14. lpp.

[102] Полпреды сообщают... С. 115, 161.

[103] *Мялксоо Л.* Советская аннексия и государственный континуитет. Международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г.: Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Тарту, 2005. С. 123.

[104] Русский архив. Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13. М.: Терра, 1994. С. 123.

[105] *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль... С. 77.

[106] Полпреды сообщают... С. 339–340.

[107] *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина... С. 200.

[108] См., например: *Донгаров А. Г.* СССР и Прибалтика (1939–1940). Дипломатические хроники и размышления. М., 2010. С. 139–141.

[109] *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина... Изд. 2-е. С. 169.

[110] *Воробьева Л. М.* История Латвии: От Российской империи к СССР. Кн. 2. / Фонд «Историческая память»; РИСИ. М., 2010. С. 77.

[111] См.: *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль... С. 80.

[112] *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина... Изд. 2-е. С. 170.

[113] Известия. 1940. 2 августа.

[114] См., например: *Урбанович Я., Юргенс И., Пайдерс Ю.* Черновики будущего. Латвия 1934–1941. Рига: Балтийский форум, 2011. С. 365–453.

[115] Полпреды сообщают... С. 505.

[116] *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина... Изд. 2-е. С. 171.

[117] См. например: *Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И., Седунов А. В., Тотров Ю. Х.* Иностранные разведки в Прибалтике и их взаимодействие со спецслужбами лимитрофных государств, направленное против СССР: 1918–1941 // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М.: Кучково поле, 2008. С. 241–250.

[118] См.: Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 404–406.

[119] Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 352. Л. 15, 16–17. Записка о составе, численности, мобилизации и развертывании морских сил вероятных противников на Балтийском театре, 31.5.1937.

[120] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 404–405.

[121] Там же. Д. 303. Л. 92. Оперативная сводка штаба ЛВО, 1.11.1939.

[122] Там же. Ф. 25888. Оп. 14. Д. 1–14; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000. С. 53–61.

[123] Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. С. 55.

[124] РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 28. Л. 75–77. Шифровка Мерецкова и Вашугина, 11.11.1939.

[125] Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 252. Л. 8. Телеграмма ГШ начальнику штаба ЛВО, 15.11.1939.

[126] Там же. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 28. Л. 90. Шифровка Чибисова и Виноградова Шапошникову, 16.11.1939.

[127] Talvisodan historia. Os. 2. Porvoo; Hels.; Juva, 1978. S. 18; Kansakunta sodassa. Os. 1. Hels., 1989. S. 137; Uusi tietosanakirja. Os. 19. Hels., 1965. S. 591.

[128] Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. С. 76.

[129] РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 232. Л. 19. Приказ НКО 15.11.1939.

[130] Там же. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 17. Л. 201.

[131] Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 252. Л. 11. Телеграмма ГШ начальнику штаба ЛВО, 21.11.1939.

[132] Там же. Оп. 4. Д. 251. Л. 59. Сообщение по прямому проводу из ГШ командованию войск ЛВО, 16.11.1939.

[133] Там же. Д. 252. Л. 16. Справка Генерального штаба РККА о наличии топографических карт Карелии и Финляндии, 28.11.1939.

[134] Там же. В момент подготовки операции оказались также практически не использованы накопленные материалы разведки, связанные с анализом финской системы обороны на Карельском перешейке, крайне поверхностно были подготовлены для штабов наступающих частей Красной армии описания маршрутов предполагаемого продвижения войск по территории Финляндии (См.: Альбом укреплений Кар. перешейка (Финляндия). Л., 1937; Финляндия. Описание маршрутов. Ч. I, II. М., 1939; *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1968. С. 182; Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. М., 1999. С. 149; *Uitto A.* Armeijan marssiopas Suomeen. Hämeenlinna, 2011).

[135] РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 233. Л. 1, 4. Приказ НКО. 17.11.1939; Д. 363. Л. 3. Журнал боевых действий частей РККА.

[136] Там же. Оп. 1. Д. 722. Л. 414.

[137] См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. СПб., 1997. С. 265–266.

[138] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 236. Л. 1–6.

[139] Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. М., 1946. С. 462.

[140] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 18; Пограничные войска СССР. М., 1970. С. 48; Зимняя война 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. М., 2009. С. 168–169; Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 109, A 8. Jäljennös suomennetusta pöytäkirjasta, 15.10.1939.

[141] Краснознаменный Северо-Западный пограничный округ. Л., 1973. С. 125.

[142] Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 462–463; UM. 109. B 2a. Neuvosolliiton Suomen hallitukselle, 26.11.1939.

[143] РГВА. Ф. 25888. Оп. 1. Д. 17. Л. 280. Приказ командующего ЛВО К. А. Мерецкова, 27.11.1939.

[144] Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 464–465. С. 465.

[145] Там же. С. 464–465; UM. 109. B 2a. Neuvostoliiton nootti Suomen hallitukselle, 28.11.1939.

[146] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 120–122. Информация Л. П. Берия, 28.11.1939. Зимняя война 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 203–204. Более подробно доложил им об этом затем и командующий войсками ЛВО К. А. Мерецков (см.: Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 449. Л. 130. Информация командующего ЛВО К. А. Мерецкова, 28.11.1939).

[147] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 363. Л. 10. Донесение штаба ЛВО. 29.11.1939; РГА ВМФ. Ф. Р-970. Оп. 2. Д. 152. Л. 31. Шифровка начальника штаба СФ, 28.11.1939; Там же. Ф. Р-92. Оп. 2 Д. 507. Л. 7. Дневник боевых действий КБФ, 28.11.1939 (2200).

[148] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 188. Л. 26; Зимняя война // Международная жизнь. 1989. № 12. С. 216.

[149] Известия. 1939. 30 ноября.

[150] Там же.

[151] См.: Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. С. 115.

[152] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 7. Дневник боевых действий КБФ, 29.11.1939, Ф. Р-970. Оп. 2. Д. 152. Л. 51. Переписка штаба СФ с командованием 14-й армии; РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 20. Л. 482. Телеграмма-«молния» ВС 7-й армии, 29.11.1939 (21^{25}).

[153] Архив штаба Ленинградского военного округа (АШ ЛВО). Ф. 352. Оп. 3. Кор. 141. Д. 13. Л. 5, 17; *Мерецков К. А.* На службе народу. С. 183.

[154] Talvisodan historia. Osa 2. Porvoo, Hels., Juva, 1978. S. 40; Taide ja Ase. 1969. № 27. S. 125.
[155] Taide ja Ase. 1969. № 27. S. 125.
[156] Talvisodan historia. Osa 2. S. 50.
[157] Ibid. S. 44.
[158] Ibid. S. 40, 47.
[159] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1376. Л. 3, 9.
[160] Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 235. Л. 11.
[161] Там же. Д. 251. Л. 93.
[162] Там же. Д. 232. Л. 32; Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1376. Л. 14.
[163] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 60.
[164] Там же. Л. 66.
[165] АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 12; РГВА. Ф. 34980. Оп. 1.
[166] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 233. Л. 8; РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 670. Л. 156.
[167] Там же. Д. 252. Л. 62.
[168] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 71–96.
[169] АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 14.
[170] Там же.
[171] Talvisodan historia. Osa 2. S. 20–25.
[172] *Балашов Е. А.* Линия Маннергейма. Оборонительный щит Финляндии: от идеи до воплощения. СПб., 2010. С. 91–117.
[173] АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 14.
[174] Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 78.
[175] Talvisodan historia. Osa 2. S. 91–92.
[176] АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 14.
[177] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 118.
[178] Talvisodan historia. Osa 2. S. 59.
[179] АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 17.
[180] Там же. Ф. 352. Оп. 3. Кор. 141. Д. 13. Л. 24.
[181] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 253. Л. 54.
[182] Talvisodan historia. Osa 2. S. 71; Tuntematon sota. Hels., Porvoo. 1991. S. 20.
[183] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 253. Л. 64. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 161.
[184] Talvisodan historia. Osa 2. S. 82; Tuntematon sota. S. 23.
[185] *Барышников Н., Барышников В.* «Зимняя война» // Аврора. 1990. № 2. С. 43.
[186] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 237. Л. 269; АШ ЛВО. Ф. 352. Оп. 3. Кор. 141. Д. 13. Л. 25.
[187] Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. С. 215. РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 403. Л. 43; Там же. Ф. 34980. Оп. 6. Д. 107. Л. 8.
[188] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 253. Л. 69.
[189] Там же. Л. 64.
[190] Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. С. 99.
[191] Kansakunta sodassa. Os. 1. Hels., 1989. S. 136.
[192] См.: Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. С. 99.
[193] Там же. С. 97.
[194] *Vuorentmaa A.* Defensive strategy and basis operational decisions in the Finland — Soviet Winter War 1939–1940 // Revue Internationale d'Histoire Militeture. 1985. № 62. P. 81.
[195] Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. С. 163.
[196] РГА ВМФ. Ф. Р-2045. Оп. 1. Д. 69. Л. 5.
[197] Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. С. 164; Talvisodan pikkujättiläinen. Hels., 2002. S. 550–551; 556–557.
[198] *Кузьмин Н. Ф.* На страже мирного труда. М., 1959. С. 238.
[199] РГВА. Ф. 34980. Оп. 5. Д. 46. Л. 5.
[200] Там же. Л. 1, 11.

[201] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1386. Л. 124.

[202] Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 232. Л. 73; Ф. 34980. Оп. 5. Д. 47. Л. 137.

[203] Там же. Ф. 25888. Оп. 14. Д. 2. Л. 3; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 55.

[204] Talvisodan pikkujättiläinen. S. 505.

[205] *Talvela P.* Sotilaan e1ämä. Muistelmat. Os. I. Jyväskylä, 1976. S. 170, 177.

[206] Talvisodan pikkujättiläinen. S. 505–506.

[207] Ibid. S. 166; *Mannerheim G.* Muistelmat. Os. II. Hels., 1952. S. 162.

[208] *Vuorenmaa A.* Defensive strategy and basis operational decisions in the Finland-Soviet Winter War 1939–1940. S. 80; *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 165–170.

[209] РГВА. Ф. 24980. Оп. 4. Д. 197. Л. 4.

[210] Правда. 1939. 30 ноября.

[211] См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940). С. 277–284.

[212] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 232. Л. 19, 21; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 74–75; В исторической литературе существуют также ошибочные представления, что первый приказ был отдан либо 25 октября 1939 г. («ровно за месяц до провокации в Майниле». (*Соколов Б. В.* Тайны финской войны. М., 2000. С. 63) или же 19 ноября 1939 г. (*Веригин С. Г.* // Общественно-политическая история Карелии XX века. Очерки и статьи. Петрозаводск, 1995. С. 98; *Он же.* Советская Карелия в «зимней войне» 1939–1940 гг. // 105 дней «зимней войны». СПб., 2000. С. 82; *Он же.* Советская пропаганда на Финляндию в период зимней войны 1939–1940 гг. // Вторая мировая война и Карелия 1939–1945. Петрозаводск, 2001. С. 27).

[213] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1380. Л. 3; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 141.

[214] См.: Известия. 1939. 3 декабря.

[215] *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. I. Talvisota. Porvoo-Hels., 1958. S. 124.

[216] Правда. 1939. 5 декабря.

[217] *Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. Hels., 1972. S. 71.

[218] *Kivimäki T. M.* Suomalaisen poliitikon muistelmat. Porvoo-Hels., 1965. S. 124.

[219] Ibid.

[220] *Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupaallikkonaja hallituksen asiamiehena. Hels., 1974. S. 84; *Nevakivi J.* Apu, jota ei pyydetty. S. 105.

[221] UM. 109. C 2e. Телеграмма в Лондон и Париж из МИДа, 22.12.1939.

[222] Ibid. C 2a. Телеграмма Холма и Паасонена в МИД, 23.12.1939.

[223] *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. Porvoo-Hels., 1951. S. 168–172, 194–195.

[224] Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. С. 199.

[225] Государственный архив Великобритании. CAB., 80/4 p. 294–297.

[226] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974. С. 48.

[227] См.: Зимняя война 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 408–410, 418–419, 431–458.

[228] *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Hels., 1951. S. 201–202; *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Hels., 1970. S. 246–247.

[229] *Wuolijoki H.* Luottamukselliset neuvottelut Suomen ja Neuvostoliiton välillä. Hels., 1945. S. 9; UM. 109 G 1. Yksityinen ja salainen kirjelmä Erkolta V. Tannerille Tukholmasta 16.01.1940.

[230] АВП РФ. Ф. 521. Оп. 2. П. 3. Д. 13. Л. 39; *Донгаров А. Г.* Война, которой могло не быть // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 42.

[231] «Правительство» О. В. Куусинена, однако, просуществовало до самого окончания «зимней войны», и только затем в Москве было объявлено о том, что оно «самораспустилось» (см.: Шестая сессия Верховного Совета СССР. Стеногр. отчет. М., 1940. С. 36).

[232] *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники 1922–1940. Т. 2. М., 2001. С. 491–492.

[233] UM. 109 G 1. E. Erkon raportti V. Tannerille Tukholmasta 2.02.1940.

[234] Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. С. 275.

[235] Там же.

[236] *Liddel Hart B. H.* History of the Second World War. London, 1973. P. 55.

[237] Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. С. 275.

[238] Там же.

[239] *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Os. II. Hels.; Keuruu, 1959. S. 156.

[240] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 233. Л. 105; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 260.

[241] Там же. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 10. Л. 5; Там же. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1380. Л. 223.

[242] См.: *Будко А. А., Иванькович Ф. А.* Военная медицина СССР и Финляндии в Советско-финляндской (зимней) войне 1939–1940 гг. СПб., 2005. С. 130, 139.

[243] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 156.

[244] См.: *Журавлев Д. А.* Школа фронтовой медицины // Советско-финляндская война 1939–1940. Т. 1. СПб., 2002. С. 524.

[245] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 233. Л. 138–139; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 289; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 156.

[246] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 158.

[247] РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 10. Л. 106–109.

[248] *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 201–202.

[249] АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 44.

[250] *Halsti W. H.* Suomen sota 1939–1945. Osa 1. Hels. 1957. S. 163.

[251] РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 59. Л. 39.

[252] Там же. Л. 46; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 367.

[253] *Martola A. E.* Sodassa ja rauhassa. Muistelmia. Keuruu, 1973. S. 133.

[254] UM. 109 G 1. E. Erkon raportti R. Rytille Tukholmasta 12.02.1940; *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. Hels., 2002. S. 364.

[255] UM. 109 B 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 1940, 23.02.

[256] РГВА. Ф. 34980. Оп. 3. Д. 230. Л. 25.

[257] Там же; АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 2. Приложение 5.

[258] UM. 109 B 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 1940, 29.02 (23.15).

[259] РГВА. Ф. 34980. Оп. 8. Д. 32. Л. 1.

[260] Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. С. 317.

[261] РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 134. Л. 73.

[262] Там же.

[263] Там же.

[264] *Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa 1. Jyväskylää, 1976. S. 202–203.

[265] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 526. Л. 40.

[266] Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Боевые действия на море. СПб., 2002. С. 91–96.

[267] *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989. С. 119.

[268] Там же.

[269] *UM.* 109. C2e. Телеграмма Маннергейма в МИД, 3.03.1940.

[270] Ibid. B6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto, 2.03.1940.

[271] *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. S. 311.

[272] *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 276.

[273] *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. S. 351.

[274] *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. S. 180.

[275] *Kivimäki T.* M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. S. 128 (См. также: *Peltovuori R.* Saksa ja Suomen talvisota. Keeruu, 1975. S. 110; *Ylikangas H.* Tulkintani talvisodasta. Hels., 2001. S. 148).

[276] Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 367.

[277] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 527. Л. 1, 5.

[278] Там же. Д. 526. Л. 162.

[279] Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 108, 110.

[280] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 186.

[281] Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. С. 325.

[282] Документы внешней политики: в 24 т. Т. 23. Кн. 1. С. 140–143.

[283] *Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы / Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 1996. С. 334–335.

[284] *Gafenco G.* Préliminaires de la querre à l'Est. De l'accord de Moscou (23 aout 1939) a hostilitiés en Russie (22 juin 1941). Paris, 1944. P. 307.

[285] Советско-румынские отношения (далее — СРО.) Т. II. М., 2000. С. 281–282.

[286] Arhiva Ministerului afacerilor externe (далее — AMAE). Fond 71/1939. Vol. 200. F. 277.

[287] Известия. 30 марта 1940 г.

[288] *Виноградов В. Н.* и др. Указ. соч. С. 322–323.

[289] АВП РФ. Ф. 6. Оп. 2. П. 22. Д. 273. Л. 19.

[290] См. подробнее: *Мельтюхов М. И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. М., 2010. С. 210.

[291] *Виноградов В. Н.* и др. Бессарабия на перекрестке... С. 339.

[292] Данные приводятся по работе *Мельтюхова М. И.* (см. указ. соч. С. 287–288).

[293] *Виноградов В. Н.* и др. Указ. соч. С. 341.

[294] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 24. П. 118. Д. 3. Л. 8–10.

[295] Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. С. 365–366, 374–376.

[296] Там же.

[297] ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 225. С. 374, 376.

[298] См.: *Виноградов В. Н.* и др. Указ. соч. С. 329; *Ерещенко М. Д.* Румыния между Германией и Советским Союзом: политика без иллюзий // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М.: Индрик, 1999. С. 353–356.

[299] Советско-румынские отношения. Т. II. 1935–1941. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 2000. С. 310–315.

[300] ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 232. С. 386.

[301] СРО. Т. II. С. 373.

[302] Этот военно-политический союз Греции, Югославии, Турции и Румынии был создан в 1934 г., но с началом Второй мировой войны фактически прекратил свое существование.

[303] Оглашению подлежит. СССР — Германия 1939–1941. М., 1991. С. 204–205.

[304] См.: *Виноградов В. Н.* и др. Указ. соч. С. 357–361.

[305] СРО. Т. II. С. 337–338.

[306] Там же. С. 370–372.

[307] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 659. Л. 3–4, 8–11.

[308] Там же. Д. 653. Л. 12–25; Д. 666. Л. 85–98; Д. 684. Л. 186–193; Ф. 31983. Оп. 2. Д. 474. Л. 76.; Ф. 29. Оп. 34. Д. 548. Л. 9–11.

[309] Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 540. Л. 21–35.

[310] Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 697. Л. 16.

[311] Там же. Д. 664. Л. 19–22.

[312] *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 312.

[313] *Лазарев А. М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинёв, 1974. С. 466.

[314] См. подробнее: *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 364.

[315] По мнению генерал-лейтенанта В. Н. Курдюмова, начальника Управления боевой подготовки РККА, эта операция была выполнена плохо, так как проводилась практически без подготовки. В своем докладе наркому обороны 24 июля 1940 г. (РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 474. Л. 62–64) он подробно обосновал этот вывод.

[316] Буковина находилась в составе Молдавского княжества Османской империи, а затем Габсбургской империи, в 1776 г. была присоединена к австро-венгерской империи Габсбургов.

[317] ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 244. С. 409.

[318] *Покивайлова Т. А.* К истории Второго Венского арбитража // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — 21 июня 1941). М., 1992. С. 64.

[319] *Волков В. К.* Балканские проблемы в отношениях Советского Союза с Германией в 1940 г. // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 273.

[320] Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. М., 2000. С. 359–361. В последующий период численность немецких войск многократно выросла.

[321] AMAE. Fond 71/1939. Vol. 200. F. 277.

[322] Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией / Пер. с яп. М., 2000. С. 59.

[323] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. 20. Дайхонъэй рикугун бу 2 (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Т. 20. Секция сухопутных сил императорской ставки. Ч. 2). Токио, 1968. С. 4.

[324] Нихон рэкиси (История Японии). Т. 20. Токио, 1977. С. 8.

[325] Дайхонъэй рикугун бу 2. С. 9.

[326] *Кудо Митихиро.* Ниссо тюрицу дзёяку но кёко (Фиктивный характер японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 2011. С. 80.

[327] Документы внешней политики (далее — ДВП). 1939 год. Т. 22. Кн. 2. М., 1992. С. 616.

[328] *Presseisen E. L.* Germany and Japan. The Hague, 1958. P. 219.

[329] *Montgomery M.* Imperialist Japan. The Yen to Dominate. London, 1987. P. 436.

[330] Мияко. 13 декабря 1939 г.

[331] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 3. М., 1974. С. 182.

[332] ДВП. 1939 год. С. 267.

[333] Там же. 1940 — 22 июня 1941. Т. 23. Кн. 1. 1 января — 31 октября 1940. М., 1995. С. 29.

[334] *Lensen G. A.* The Strange Neutrality: Soviet — Japanese Relations during the Second World War 1941–1945. Florida, 1972. P. 6.

[335] Асахи. 17 января 1940 г.

[336] Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта — 4 апреля 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940. С. 41.

[337] ДВП. Т. 23. С. 304.

[338] Там же. С. 120–121.

[339] *Того Сигэнори.* Воспоминания японского дипломата / Пер. с англ. М., 1996. С. 207–208.

[340] ДВП. Т. 23. С. 400–406.

[341] О реакции китайского руководства на информацию о начале советско-японских переговоров см.: *Кошкин А. А.* Японский фронт маршала Сталина. Тень Цусимы длиной в век. М., 2004. С. 74–81.

[342] Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Т. 3. Токио, 1972. С. 316.

[343] Токио нити-нити. 16 июля 1940 г.

[344] *Тихвинский С. Л.* Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. / Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 26.

[345] *Кудо Митихиро.* Ниссо тюрицу дзёяку но кэнкю (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 80.

[346] ДВП. Т. 23. 1940 — 22 июня 1941 г. Кн. 2. Ч. 1. М., 1998. С. 111–113.

[347] Там же. С. 126.

[348] *Montgomery M.* Imperialist Japan. P. 461.

[349] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7876. Оп. 2. Д. 272. Л. 12–14.

[350] Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 173.

[351] *Кудо Митихиро.* Указ. соч. С. 80.

[352] Там же.

[353] Тайхэйё сэнсо э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов). Токио, 1963. С. 300.

[354] Тайхэйё сэнсо си. Т. 4. Токио, 1972. С. 66.
[355] Документы внешней политики (далее — ДВП). 1939 год. Т. 22. Кн. 1. М., 1992. С. 202–204.
[356] Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 63. Д. 189. Л. 35.
[357] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1939. Washington. 1950. P. 201–205.
[358] Известия. 17.04.1939 г.
[359] АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 190. Л. 64.
[360] СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 425.
[361] Москва — Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1941. Т. 3. М., 2009. С. 635.
[362] Там же. С. 639.
[363] Там же. С. 650.
[364] Архив внешней политики РФ (далее — АВП). Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 214. Л. 180.
[365] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 296. Д. 2049. Л. 38.
[366] *Кошкин А. А.* Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010. С. 169–170.
[367] Новая и новейшая история. 2011. № 5. С. 150.
[368] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 296. Д. 2049. Л. 46.
[369] Там же. Л. 40.
[370] Там же. Ф. 05. Оп. 17. П. 116. Д. 96. Л. 3.
[371] Там же. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 214. Л. 160.
[372] Москва — Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля. Сборник документов. Т. 3. 1939–1941. М., 2009. С. 636.
[373] Документы внешней политики. 1939 год. Т. 22. Кн. 1. М., 1992. С. 430.
[374] Там же. С. 524.
[375] Советско-американские отношения. 1934–1939. Документы. М., 2003. С. 734–735.
[376] Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 2. С. 251.
[377] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 214. Л. 212; Ф. 0129. Оп. 24. П. 138-а. Д. 468. Л. 39–40.
[378] Там же. Л. 213–218.
[379] Там же. Ф. 013. Оп. 3-в. П. 19. Д. 17. Л. 127.
[380] Там же. Ф. 0129. Оп. 24. П. 138-а. Д. 468. Л. 35.
[381] Известия. 30 марта 1940 г.
[382] АВП РФ. Ф. 959. Оп. 1. П. 320. Д. 2198. Л. 150–160.
[383] Там же. Л. 9.
[384] Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2199. Л. 12–15.
[385] Там же. Д. 2202. Л. 112.
[386] Там же. Д. 2200. Л. 5–7.
[387] Там же. Д. 2202. Л. 52.
[388] Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2200. Л. 18–20.
[389] Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. С. 518.
[390] ДВП. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. М., 1998. С. 565–566.
[391] Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 1. М., 1944. С. 498–502.
[392] АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 24. П. 138-а. Д. 471. Л. 26.
[393] Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2202. Л. 84–87.
[394] Там же. Д. 2199. Л. 113.
[395] Там же. Л. 203–206.
[396] Там же. Д. 2201. Л. 172.
[397] См. подробнее Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1. М., 2011. С. 13–30.
[398] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2199. Л. 248–250.
[399] Там же. П. 345. Д. 2361. Л. 92.
[400] Там же. Л. 60.
[401] Там же. Д. 2362. Л. 75.
[402] The Memoirs of C. Hull. P. 967–968.

[403] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2361. Л. 246.

[404] Там же. Ф. 0129. Оп. 25-а. П. 235. Д. 3. Л. 45–46.

[405] *Майский И.* Дневник дипломата. Т. 2. Кн. 1. С. 407–408.

[406] Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март — июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ. М., 1995. С. 17.

[407] *Кондрашов В.* Знать все о противнике. Военные разведки СССР и фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны с фашистской Германией (историческая хроника). М., 2010. С. 90–93.

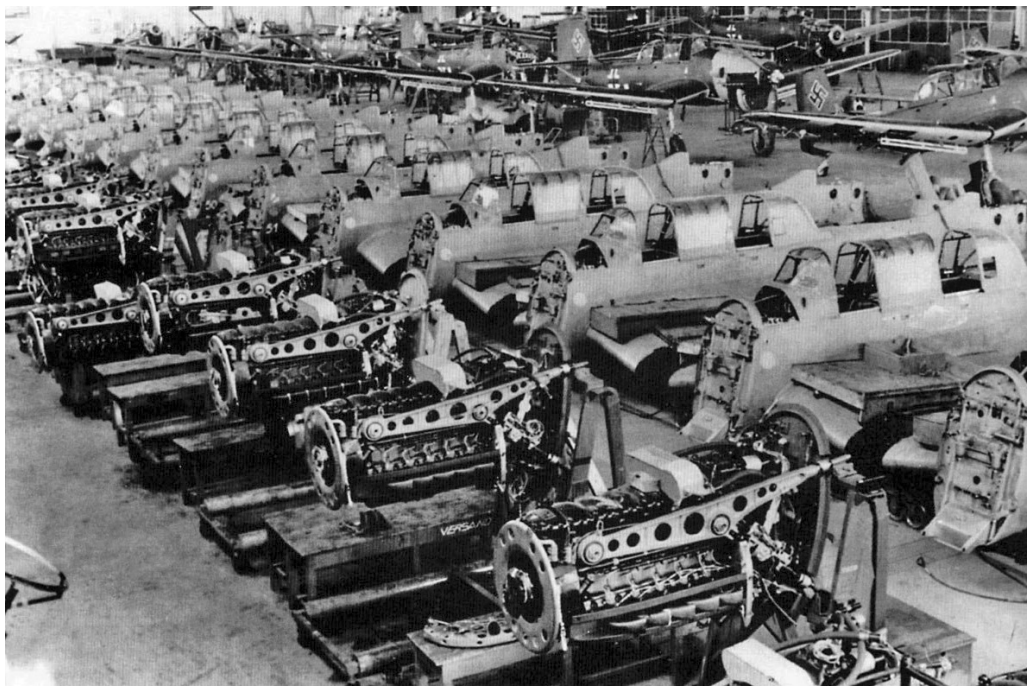
Подготовка Германии и ее союзников в Европе к нападению на СССР

Военно-экономический потенциал агрессии

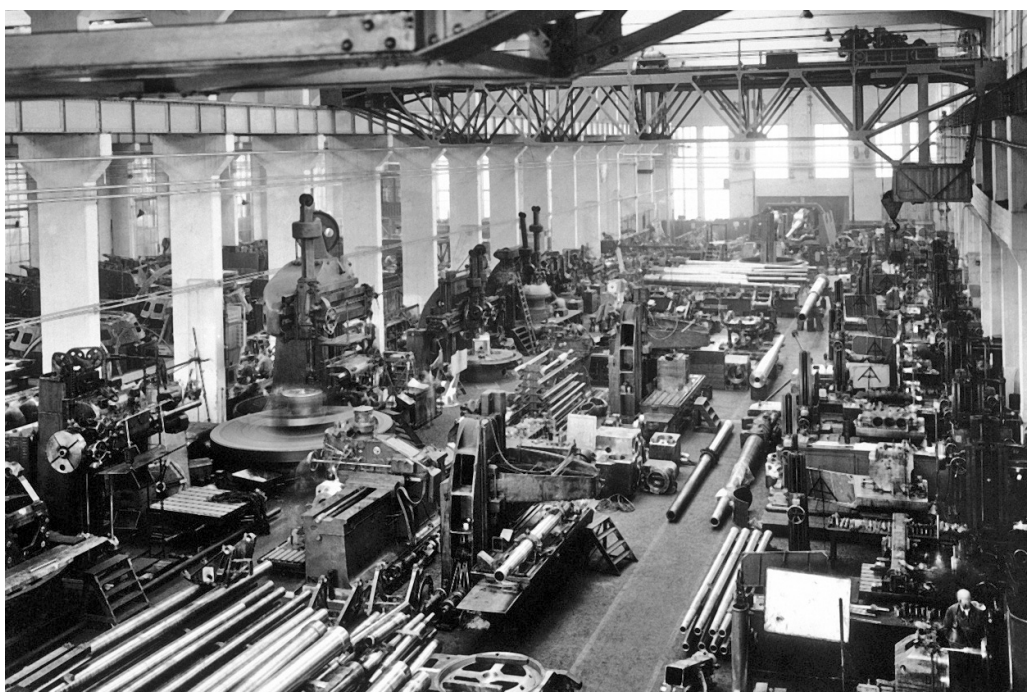
С приходом Гитлера к власти политика германского правительства была направлена на перестройку хозяйства страны для подготовки к войне и, прежде всего, укрепление с этой целью позиций крупных трестов и концернов, которые были наиболее заинтересованы в развитии военного производства. Так, в мае 1933 г. гитлеровское правительство с одобрения руководства Имперского союза германской промышленности объединило всех работодателей, рабочих и служащих в так называемое Имперское сословие германской промышленности, которое в соответствии с принципом «фюрерства» возглавил Г. Крупп, владевший одним из наиболее мощных военно-промышленных концернов. 15 июля 1933 г. был создан Генеральный совет германского хозяйства, в состав которого вошли пять представителей от нацистской партии и 12 крупных предпринимателей, в том числе Ф. Тиссен и Г. Фогелен (Объединенные сталелитейные заводы), А. Дин (Калийный синдикат) Р. Бош (ИГ Фарбениндустри), К. Ф. Сименс и Ф. Рейнхардт (Коммерческий и приватный банк) и др. Этот избранный круг стал консультативным органом при правительстве по вопросам экономической политики. В тот же день правительство издало закон о принудительном картелировании «диких», т. е. не монополизированных предприятий, который способствовал ускорению процесса их поглощения крупными промышленными фирмами[1]. К концу 1935 г. крупные компании контролировали более 85 % акционерного капитала[2].

27 февраля 1934 г. нацистское правительство приняло «Закон о подготовке органического построения германской экономики». В соответствии с этим законом на основе существующих картелей и предпринимательских союзов было образовано шесть отраслевых «имперских хозяйственных групп»: промышленности, торговли, банков, энергохозяйства, страхового дела и ремесла. Имперские группы возглавили крупные предприниматели. Каждая подчиненная им отрасль хозяйства в интересах облегчения управления делилась на несколько «хозяйственных групп», которые контролировали деятельность подчиненных им предприятий. Одновременно наряду с отраслевыми были созданы и территориальные органы управления промышленностью и торговлей. Головной организацией «имперских хозяйственных групп» была «имперская хозяйственная палата», которая контролировала и направляла работу примерно ста промышленных палат в германских землях и провинциях[3].

Меры по централизации управления всей промышленностью и общий подъем хозяйственной деятельности, начавшийся еще в конце 1932 г., способствовали быстрому росту промышленного потенциала Германии. Нацистское руководство в это время приступило к изысканию средств для развития военного сектора экономики. Уже через два с половиной

Пикирующие бомбардировщики Ю-87 на сборочной линии
завода фирмы Везер в Темпельгофе

Цех по производству орудийных стволов немецкого завода Рейнметалл-Борзиг
накануне войны

месяца после захвата им власти был издан «Закон о народных, профессиональных платежах и платежах предприятий», предназначенный для сбора средств на экономическую подготовку войны[4].

В мае 1933 г. Имперский банк взял на себя финансирование вооружений. Для этого применялись так называемые векселя «Мефо», «чтобы из ничего, и при этом сначала тайно, наладить вооружение»[5]. Четыре крупнейшие немецкие фирмы создали «Металлургическое исследовательское общество» («Мефо») с капиталом 1 млн марок. На него предприятия, выполнявшие военные заказы, могли выписывать векселя, гарантировавшиеся государством и учитывавшиеся Имперским банком. Уже в 1933 г. рейхсвер смог осуществить первые платежи с помощью векселей «Мефо». Рейхсбанк учитывал предъявляемые ему векселя путем эмиссии бумажных денег так, что их количество на рынке увеличивалось, но товарами они не обеспечивались. Если рассматривать чисто военные расходы, то векселя «Мефо» с 1934 по 1936 г. обеспечили 50 % закупок вооружения[6]. Их использование для тайного вооружения привело к тому, что уже в его начале на финансовую систему Германии началось давление массы необеспеченных денег.

Осенью 1934 г. гитлеровским правительством при содействии Имперской группы промышленности и Имперской группы торговли был разработан так называемый «новый план», главная цель которого состояла в мобилизации всех средств страны для приобретения за границей стратегического сырья и иностранной валюты на вооружение. Германский импорт также был подчинен задачам подготовки к войне[7]. В ходе выполнения этого тайного плана был достигнут значительный успех в создании основ военной экономики. Капиталовложения в германскую экономику в целом в 1935 г. по сравнению с 1932 г. увеличились примерно в 3,5 раза, а военное производство — в 8,3 раза. В строй было введено 300 военных предприятий, в том числе 60 авиационных, 45 автомобильных и бронетанковых, 70 военно-химических, 80 артиллерийских и 15 военно-судостроительных[8].

Не менее важное место в подготовке к войне нацистское руководство отводило сельскому хозяйству. Оно помнило, как в войне 1914–1918 гг. английскому флоту в 1916 г. удалось блокировать поставки продовольствия в Германию, в результате чего в ее тылу самым надежным союзником Антанты стал «генерал голод», нанесший ей изнутри мощный удар во время «брюквенной зимы» 1917/1918 гг.

Имперский нацистский фюрер крестьян Р. В. Дарре в памятной записке, адресованной Гитлеру, писал: «Вся работа в области аграрной политики уже с момента захвата власти будет проводиться под знаком подготовки к возможной войне»[9]. Гитлер в правительственном заявлении от 2 февраля 1933 г. провозгласил, что главной целью крестьян является борьба за самообеспечение Германии продуктами сельского хозяйства с тем, чтобы обеспечить в случае войны защиту от блокады, и отнес крестьянство к первой профессиональной группе, которую следовало бы «приобщить к господствующей идеологии»[10].

Подчинение сельского хозяйства потребностям военной экономики на первом этапе осуществлялось в форме унификации крестьянских объединений. Весной 1933 г. было начато объединение всех их в единое «Имперское аграрное объединение» — рейхсландбунд, действовавшее под эгидой гитлеровской Национал-социалистической рабочей партии (НСДАП). Его возглавил уже упоминавшийся Дарре, сразу же заявивший «о безусловном подчинении правительству национального пробуждения и его поддержке»[11]. Вскоре Дарре был назначен имперским министром продовольствия и сельского хозяйства. 15 сентября 1933 г. правительство издало закон, по которому различные отрасли сельского хозяйства (к ним были причислены также лесное хозяйство, садоводство, рыболовство, охота, сельскохозяйственные товарищества, сельская торговля, переработка и обработка сельскохозяйственного сырья) принудительно объединялись в Имперское продовольственное сословие как центральное объединение, подчиненное имперскому министерству продовольствия и сельского хозяйства и аграрному отделу НСДАП, а также подотчетное Имперской счетной палате. Новый представительский орган функционировал не только в качестве постоянного представительства. С его созданием нацистский режим получил инструмент, посредством

Цех по сборке немецких средних танков Т-III

которого стало возможно «твердо управлять людьми и их дворами, словно хорошо организованной и дисциплинированной армией»[12]. Имперское продовольственное сословие функционировало как учрежденная государством принудительная организация для управления всем продовольственным хозяйством. Прежде всего, ему в обязанность в 1934–1935 гг. было вменено создание рыночного порядка, предваряющего установление в дальнейшем военного продовольственного порядка.

Впредь рыночные объединения не только должны были удерживать твердые цены на сельскохозяйственные продукты, но и регулировать их распределение, а также обеспечивать выполнение введенных государством квот на поставки. Таким образом «рыночный порядок» уже в мирное время создавал основы, на которые могло опираться все распределение сельскохозяйственных продуктов в военное время. Последовательно поддерживавшийся и проводившийся рыночный порядок казался нацистскому правительству совершенно необходимым для решения задач по подготовке к войне в области сельского хозяйства, особенно в качестве надежной основы обеспечения продовольствием. Он считался гарантией того, что явления дефицита и возможные трудности можно будет преодолеть или исключить за счет упорядоченного создания запасов и что можно будет в случае необходимости действовать против тенденций к росту цен. С системой гарантированных закупок и твердых цен связывалось намерение в течение долгого срока удерживать низкими потребительские цены и косвенно «стабилизировать зарплату в промышленности как важнейший фактор расходов на вооружения»[13].

Закон о наследственных дворах от 29 сентября 1933 г. также следует рассматривать как один из законов, относящихся к созданию военной экономики. Согласно этому закону на принадлежность к крестьянскому сословию могли претендовать лишь собственники земельных наделов от 7,5 до 125 га (на практике верхней границы не существовало), которые не подлежали разделу и продаже за долги. Впредь они должны были переходить по наследству от отца к старшему сыну, который должен был заботиться о содержании младших братьев и сестер до достижения ими совершеннолетия. Таким образом, крестьяне оказались привязанными к своей земле. Они представляли практически постоянный потенциал сельскохозяйственной рабочей силы, которая включала в себя, кроме формального владельца земли, и его семью. Под действие этого закона подпало 730 тыс. юнкерских и крестьянских хозяйств, в которых насчитывалось 17 млн человек и на долю которых приходилась половина пахотных земель. Крестьяне, владевшие участками менее 7,5 га и оказавшиеся вне крестьянского сословия, страдали от произвола нацистских чиновников. Началось их разорение. До начала Второй мировой войны разорилось 1,5 млн мелких и средних крестьянских хозяйств[14]. Их владельцы уходили из сел в города, где в основном восполняли недостаток рабочей силы в военной промышленности. Вместе с тем закон способствовал процессу концентрации земельных угодий в руках владельцев более крепких хозяйств. До 1939 г. средний размер обрабатываемой земли сельскохозяйственных предприятий вырос с 13,6 до 18,5 га, то есть более чем на 35 %, что отвечало стремлению правительства к механизации и устранению чересполосицы.

Из-за некомпетентности новых нацистских управленцев и низкого урожая в 1934 г. разразился кризис в снабжении продовольствием городского населения. Г. Шахт, возглавлявший имперское министерство экономики, чуть было не ввел карточки на хлеб, муку и жиры. Но затем цены на сельскохозяйственные продукты снизились до уровня 1928–1929 гг. Аграрные политики с удовлетворением констатировали, что установление твердых цен на важнейшие продукты питания способствовало стабилизации отношения между зарплатами рабочих и ценами «на благоприятном уровне для крупного капитала и промышленности вооружений»[15].

31 мая 1935 г. гитлеровское правительство приняло закон «Об обороне империи», в соответствии с которым была учреждена должность «генерального уполномоченного по военной экономике». Эту должность до 1938 г. занимал Шахт. На него была возложена ответственность за руководство экономической подготовкой к войне в мирное время и мобилизацией «всех

экономических сил» страны в случае войны. Вопросы по непосредственной мобилизации экономики должны были решаться Г. Шахтом «в тесном взаимодействии» с имперским военным министром фон В. Бломбергом.

По взглядам военных, для функционирования военной экономики требовалась организация, которая определяла бы потребности видов вооруженных сил, скоординированные со стратегическими целями, и удовлетворяла бы растущие потребности вермахта. Вермахт был готов принять на себя такую задачу. Еще во времена Веймарской республики при сухопутных войсках и военно-морском флоте существовали экономические штабы. Однако эти инстанции были не в силах подготовить и провести планомерную мобилизацию экономики. Для выполнения этой задачи была создана служебная инстанция, предназначенная для решения вопросов военной экономики и вооружения. В октябре 1935 г. она получила название «военно-экономический штаб» в имперском военном министерстве [с февраля 1938 г. — в верховном командовании вермахта (OKB)]. Этому новому учреждению не было дано командных полномочий, распространяющихся на вооружение вермахта в целом. Ему редко удавалось скоординировать планы и заказы на вооружение, поступавшие от видов вооруженных сил. Поэтому его влияние на развитие военной экономики в целом было ограниченным[16].

Ведущая роль в экономической подготовке Германии к войне принадлежала генеральному уполномоченному по военной экономике Шахту. Он непосредственно курировал работу более 30 тыс. промышленных предприятий, которые были отнесены нацистским руководством к категории «жизненно важных». Около 4 тыс. предприятий, выпускавших оружие и боевую технику для вермахта, остались под контролем военного министерства, а точнее его военно-экономического штаба во главе с полковником (позднее генералом) Г. Томасом[17]. В его подчинении находились также инспекции военной промышленности в военных округах и военно-промышленные управления в административных округах.

Таким образом, гитлеровское руководство в 1933–1935 гг. приняло первые важные меры по государственному регулированию экономики в интересах наращивания военно-экономического потенциала страны и создания органов, предназначенных для управления экономикой в период подготовки к войнам, с целью установления германского господства в Европе, а затем и в мировом масштабе.

В ходе выполнения «нового плана» военного производства наряду с ростом экспорта сырья была форсирована добыча важных видов сырья в самой Германии. В частности велись разведка и разработка новых месторождений нефти. В результате добыча нефти в 1935 г. хотя и возросла, но в таком малом количестве, что нельзя было и думать о ведении войны моторизованными армиями. В 1934 г. с участием ИГ Фарбениндустри и концерна Флика было создано акционерное общество Брабаг, наладившее производство синтетического горючего из бурого угля. Годом позже возникло акционерное общество Рур-Берлин, благодаря чему производство бензина из нефти и синтетического бензина возросло с 577 тыс. тонн в 1935 г. до 877 тыс. тонн в 1936 г. Однако на рубеже 1935–1936 гг. из-за недостатка валюты политика «нового плана», направленная на обеспечение вооружения сырьем главным образом за счет увеличения экспорта промышленной продукции, себя уже не оправдывала[18].

Руководители сталелитейной промышленности и министр экономики Шахт предлагали временно притормозить форсирование военного производства, расширить выпуск экспортных товаров, имеющих спрос на мировом рынке, значительно пополнить запасы валюты, с тем чтобы обеспечить себя заранее большим количеством сырья для продолжения военного производства. Этой же цели должны были бы послужить и займы у западных держав. Шахт, кроме того, выступил за заключение соглашения с СССР, по которому Германия предоставила бы ему кредит на 1 млрд марок в обмен на обязательство покрыть его в течение 20 лет поставками различных видов сырья[19].

Предложения Шахта преследовали цель подвести солидную глубокую базу под экономическую подготовку к войне. Но они были рассчитаны на длительное время и поэтому не устраивали нацистскую верхушку. Более привлекательной для нее была позиция химического

треста ИГ Фарбениндустри, электрохимических и авиастроительных кампаний. Они выступили за «создание новой экономической организации, которая поставит на службу военному производству всех мужчин и женщин, все производственные мощности, всё сырье»[20], а также за переход к политике автаркии, т. е. ослабления зависимости от импорта сырья путем организации производства различных синтетических материалов из собственных весьма скудных полезных ископаемых.

В апреле 1936 г. Гитлер назначил рейхсмаршала Г. Геринга комиссаром по распределению сырья и валюты. В созданном Герингом сырьевом и валютном штабе ведущую роль заняли представители ИГ Фарбениндустри. Ими были подготовлены предложения по налаживанию выпуска продукции из местного сырья: железа из бедной железной руды, залежи которой располагались в Средней Германии, синтетического бензина (гидрогенизация угля), искусственного каучука (буна), искусственного волокна и кожи, пластмасс в качестве заменителей цветных металлов, синтетических жиров и т. п.

Основываясь на этих предложениях, Гитлер принял решение продолжать экономическую политику, которая позволила бы в обозримом будущем создать боеспособную, многочисленную, современно вооруженную мощную армию, способную вести успешные действия, ограниченные по времени и пространству[21]. Такая политика позволяла провести вооружение на основе ограниченных ресурсов и, чередуя военную агрессию с дипломатическим нажимом, последовательно расширять экономический базис рейха путем территориальных приращений. Впредь военная экономика в связи со сложившимися условиями должна была обеспечивать потребности такого способа ведения военных действий, который будет назван позже «блицкригом». Конкретно это выражалось в концентрации на материальном вооружении войск, пренебрежении «глубоким вооружением» в пользу «широкого вооружения». Это означало сосредоточение экономических усилий на обеспечении вермахта, что достигалось предоставлением широких полномочий военно-экономической администрации.

Но объявление примата вооружения не могло не оказать влияние на сокращение производства товаров народного потребления. Такие ожидания, возлагавшиеся на экономику, и ограничение потребностей населения могли быть осуществлены только после необходимой пропагандистской подготовки при тщательном выборе благоприятного момента или повода с тем, чтобы не возникла угроза социально-политической стабильности. В качестве такого повода был избран проводившийся в конце сентября 1936 г. в Нюрнберге «партийный съезд чести». На этом съезде Гитлер провозгласил принятие так называемого четырехлетнего плана. Цель его заключалась в том, чтобы «улучшить жизненные стандарты широких народных масс» и одновременно, что всегда подчеркивалось нацистским режимом, предпринять усилия по наращиванию военного производства якобы для «обеспечения безопасности от угрожающего извне большевизма»[22]. На самом деле, четырехлетний план означал введение «военной экономики в чистом виде», то есть усиление экономической подготовки к ведению захватнических войн.

Принятие четырехлетнего плана было одобрено съездом. Это дало повод Гитлеру в дальнейшем утверждать, что немецкий народ был готов «ограничить свои потребности возможностями нашего национального производства», что народ, как и нацистское правительство, якобы «не слишком волнует вопрос, что иногда не хватает масла или стало меньше яиц. И размеры зарплат тоже ничего не решают. Главное — это производство, предназначенное для того, чтобы Германия стала за четыре года полностью независимой в сырьевом секторе». Вместе с тем Гитлер подчеркивал, что ни высокий уровень занятости и ни рост общественного продукта, способствующие возникновению у населения повышенных потребностей, невозможно удовлетворить за счет только внутреннего немецкого хозяйства, что меры, предпринимаемые в смысле автаркии, найдут свое «окончательное решение» лишь военным путем, за счет «расширения жизненного пространства, а именно сырьевого и продовольственного базиса» Германии. Подводя итоги своих рассуждений, он выдвинул следующие задачи:

Танки T-III сходят с конвейера

Производство снарядов на немецком заводе

Осуществление новой экономической концепции представляло собой попытку за счет краткого чрезвычайного экономического напряжения вооружиться для военной агрессии в целях постепенного расширения экономического базиса, который бы дал достаточно материала для нового вооружения, чтобы в качестве конечной цели создать автаркичное жизненное пространство. Был провозглашен лозунг: «Достичь как можно более высокого уровня вооружения с военно-политической и военно-экономической точек зрения в качестве условия для принятия Германией внешнеполитического руководства над Европой».

Конкретно Гитлер предлагал решительную целенаправленную мобилизацию экономики, особенно в секторе сырьевого производства в целях экономии валюты, которая будет в любых случаях предназначаться для закупки таких товаров, которые можно получить только по импорту, как, например, продовольствие (зависимость от ввоза которого составляла 15–20 %)[23].

Опережающими темпами должно было расти производство сырья и заменителей, в отношении которого меморандум Гитлера определял следующие направления:

1. Развитие добычи нефти в Германии в таких темпах, которые позволили бы покрывать потребности вермахта в течение 18 месяцев;
2. Массовое производство синтетического каучука и получение целлюлозного волокна из древесины;
3. Покрытие потребностей Германии в промышленных смазочных материалах за счет соответствующей переработки угля;
4. Наращивание добычи железной руды без учета содержания железа в ней.

При этом, как и вообще при всем производстве заменителей и сырья, вопрос затрат и рентабельности в качестве производственного фактора оставался за скобками.

Четырехлетний план был введен в действие 1 октября 1936 г. Начался новый этап нацистской экономической политики, который должен был завершиться развертыванием территориальной экспансии.

Гитлер не допускал никаких возражений программе наращивания военного производства со стороны тех, кто ссылался на недостаток производственных мощностей и отсутствие необходимого технического обеспечения. Он называл их задачей индустрии, которая должна устранить возможные препятствия. Если она не оправдает возложенных на нее надежд, говорил фюрер, то «национал-социалистическое государство сможет само решить эту задачу, и ему больше не понадобится никакая частная экономика»[24]. Это выражение звучало как угроза. Над существующими органами управления экономикой уже был создан третий — Организация четырехлетнего плана. Уполномоченным по четырехлетнему плану был назначен главнокомандующий ВВС Г. Геринг. Он получил право издавать приказы и директивы относительно военной экономики, обязательные для выполнения всеми государственными и политическими инстанциями. Наряду со штабом он создал так называемые деловые группы, часто дублировавшие уже существующие инстанции. Шахт, критиковавший политику автаркии, вскоре лишился своих постов. В 1938 г. имперское министерство экономики возглавил В. Функ. Ему же было поручено курировать часть наиболее важных с точки зрения подготовки к войне промышленных предприятий в качестве генерального уполномоченного по экономике. В 1939 г. он сменил Шахта и на посту президента Имперского банка.

С этих пор и до начала войны поле частного предпринимательства, не связанного напрямую с подготовкой к войне, постоянно сужалось. Но параллельно с этим нарастало политико-экономическое влияние крупных промышленников. Особенно это касалось химической промышленности, возглавляемой концерном ИГ Фарбениндустри — одной из ведущих сил установления автаркии и мобилизации. Руководство ИГ Фарбен считало, что «все промышленное производство, ремесла, промыслы и сельское хозяйство, будучи важными для войны, должны войти в единое военное хозяйство»[25]. Оно располагало патентами важнейших производств для промышленности вооружения — синтетического каучука, синтетического горючего. Руководство концерна было заинтересовано в автаркии и военном производстве, так как наращивание массового производства синтетических материалов и

заменителей требовало новых капиталовложений и обещало высокую прибыль. Его доходы от производства вооружений с 1932 по 1939 г. возросли с 48 млн до 363 млн марок[26].

Особое внимание в ходе выполнения четырехлетнего плана уделялось тяжелой промышленности. С 1932 по 1939 г. производство средств производства почти утроилось[27].

Таблица 1

Развитие промышленности Германии в 1937–1939 гг. (в границах 1937 г.)[28]

	1937 г.	1939 г.
Каменный уголь (млн т)	184,5	189,9
Бурый уголь (млн т)	184,7	233,7
Чугун (млн т)	16,0	18,3
Сталь (млн т)	19,2	22,3
Электроэнергия (млрд кВт/ч)	49,0	61,4

Германия в 1939 г. производила вдвое больше важнейших стратегических материалов, чем Англия и Франция вместе взятые, а по выплавке алюминия значительно опередила США и Канаду и заняла первое место в мире[29].

К июню 1939 г. в военной промышленности Германии (вместе с Австрией и Судетской областью) было занято 2,4 млн человек, то есть 21,9 % общего числа промышленных рабочих. По данным германского Института экономических исследований, с 1933 по 1939 г. включительно военное производство в стране увеличилось в 10 раз, самолетостроение — почти в 23 раза[30].

Таблица 2

Доля военной продукции в промышленном производстве Германии (в процентах)[31]

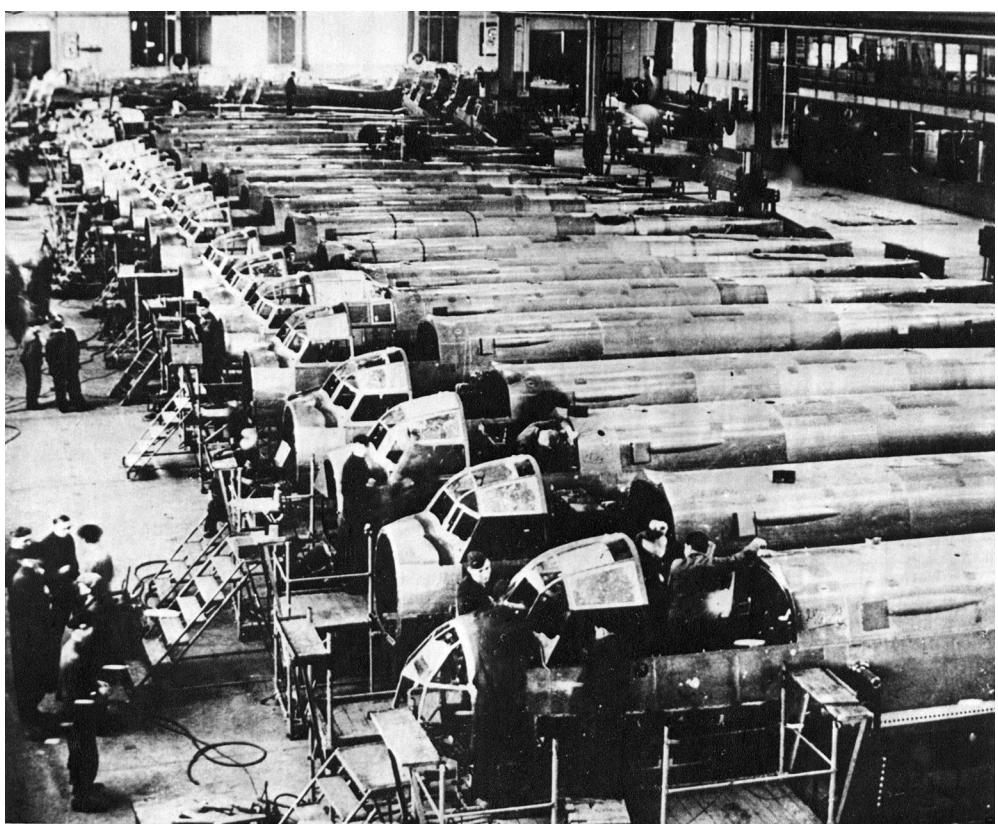
	1936 г.	1939 г.
По всей промышленности	8	23
В металлургической	6	29
В металлообрабатывающей	11	45
В машиностроительной	13	43
В оптико-механической	20	51
В электротехнической	5	32

По общему объему промышленной продукции Германия к началу Второй мировой войны заняла третье место в мире. Ее доля в мировом промышленном производстве достигла 13,3 %, уступая доле США (28,7 %) и СССР (17,6 %), и лишь немного уступала доле Англии (9,2 %) и Франции (4,5 %) вместе взятых[32]. Несмотря на политику автаркии, германская промышленность, как и прежде, испытывала большую зависимость от экспорта сырья. Эта зависимость составляла по железной руде 45 %, цинку — 25, свинцу — 70, меди — 70, олову — 90, никелю — 95, бокситам — 99, нефти — 66, каучуку — 80, сырью для текстильной промышленности — 65 %[33].

Сельскохозяйственное производство было полностью подчинено интересам ведения войны. Руководство Имперским продовольственным сословием было поставлено осенью 1936 г. под контроль ведомства «четырехлетнего плана» подготовки к войне. Государство стало оказывать сельским хозяевам, особенно крупным землевладельцам, финансовую поддержку. В то же время оно взяло на себя контроль за производством и распределением минеральных удобрений, следило, чтобы крестьянами экономно расходовались хлебные ресурсы, устанавливало размеры обязательных сельхозпоставок для удовлетворения спроса

Заготовка мяса для немецкой армии

Цех по производству бомбардировщиков Ю-88

промышленных центров в продовольствии и сырье. Государство присвоило себе право использовать сельскохозяйственные строения, а также спортивные и танцевальные залы в сельской местности в качестве складов резервных запасов зерна и другой сельскохозяйственной продукции[34].

По сравнению с докризисным 1928 г. к началу войны степень самообеспечения Германии хлебным зерном увеличилась с 79 до 115 %, картофелем — с 96 до 100, сахаром — со 100 до 101, мясом — с 91 до 97, пищевым жиром с 44 до 57 %[35]. Но этот успех не был столь заметным, чтобы отказаться от импорта продовольствия.

К началу войны за счет народного потребления были созданы резервы продовольствия. Запасы зерна составляли около 6,5 млн тонн, жиров — 500–600 тыс. тонн. Были созданы запасы и других видов продовольствия, а также фуража. Картофелем и отчасти хлебом население могло быть обеспечено до урожая следующего года. Запасы жиров составляли половину, а сахара — треть годового потребления. По мобилизационному плану предполагалось значительно сократить нормы снабжения населения продовольствием, в том числе мясом — на 68 %, жирами — на 57 %[36].

До сих пор не совсем ясен вопрос, в какую точно сумму обошлась Германии подготовка экономики к войне в 1933–1939 гг.

Гитлер в выступлении в рейхстаге 1 сентября 1939 г. заявил, что «свыше шести лет он занимался строительством вермахта», что «в это время свыше 90 миллиардов марок было израсходовано на строительство нашего вермахта»[37].

После 1945 г. бывшие министры гитлеровского правительства Г. Шахт и фон Крозик объявили, что непосредственные расходы на строительство вермахта составили почти 60,9 млрд марок. Их подсчеты хранятся в Федеральном архиве ФРГ. Но в эту сумму не входят расходы на вооружение по гражданским отраслям (министерств внутренних дел, транспорта, труда). Неучтенными оставались также частные инвестиции[38].

Известный исследователь германской экономики периода Второй мировой войны Д. Айххольтц подсчитал бюджетные расходы на строительство вермахта и гражданские учреждения с февраля 1933 г. до конца августа 1939 г. и представил результат, согласно которому на непосредственную подготовку к войне был истрачен 71 млрд марок[39]. Вместе с тем Айххольтц отметил, что в статью расходов на вооружение и подготовку к войне следует включить также вооружение и обучение полувоенных нацистских организаций СС и СА, организацию Тодта, различные нацистские технические объединения, тайный фонд рейхсвера, который пошел на вооружение в 1933–1934 гг., и т. д. Сюда можно было бы добавить и формирование эсэсовских частей «особого назначения», которые после начала Второй мировой войны влились в войска СС. Айххольтц из этого сделал вывод, что сумма 90 млрд марок, потраченных Германией на подготовку к войне, не может считаться завышенной.

Между тем германское руководство и после принятия четырехлетнего плана подготовки к войне продолжало использовать в качестве платежного средства ничем не обеспеченные векселя «Мефо». Руководство Третьего рейха рассматривало проблему финансирования вооружения как кратко- и среднесрочную, то есть до достижения определенного уровня вооружения, который затем позволил бы решить эту проблему за счет имущественных и территориальных захватов. Поэтому оно не останавливалось и перед взваливанием на государство большой внутренней долговой нагрузки, которая выросла с 1933 по 1939 г. с 4 до 44,5 млрд марок[40].

В 1938 г. государственные расходы составляли около 30 млрд марок, из которых поступления от налогов составляли только 17,7 млрд. Государственные расходы в том же году составляли 35 % от ВНП. Таким образом, расходы на вооружение могли производиться только за счет государственной задолженности. До марта 1938 г. было выдано векселей «Мефо» на 12 млрд марок, из которых половина была заложена в рейхсбанке, а половина покрыта деньгами. Таким образом, в обращение поступили 6 млрд марок. Если рассматривать чисто военные расходы, то векселя «Мефо» с 1934 по 1939 г. обеспечили закупку почти 20 % вооружения[41]. В связи с их влиянием на инфляцию президент рейхсбанка в 1937 г. отказался от

дальнейшего учета векселей «Мефо», но все же был вынужден одобрить покрытие кредита на сумму 3 млрд марок при условии, что с весны 1938 г. система «Мефо» прекратит существование. В действительности выпуск этих векселей был прекращен с марта 1938 г.

Еще одним средством финансирования программы вооружений стали беспроцентные «Имперские ценные поручения» и «Переводные ценные поручения», которые были запущены в оборот в 1938–1939 гг. С мая по октябрь 1939 г. на основе «Нового финансового плана» выпускались «НФ-налоговые льготные чеки». Ими покрывались поставки и услуги рейху на 40 % от соответствующей суммы по счету. Наряду с этим еще с 1933 г. были выпущены долгосрочные процентные займы и ценные поручения[42].

Однако к 1936 г. сырьевая база, валютные запасы и возможности финансирования широкой программы вооружений сокращались, а в промышленности нарастали кризисные явления. Поскольку доходы от внешней торговли продолжали сокращаться, военно-экономическая организация не видела для себя другого выхода, кроме как шире использовать внутренние запасы сырья. Для этого были открыты разработки бедных руд, а также химическое производство дефицитного сырья и топлива. Но министерство экономики не располагало средствами для инвестиций в дорогостоящие программы, а за счет расширения занятости, как это было в 1933–1934 гг., эти задачи уже выполнить было нельзя.

С 1934 г. Третий рейх начал внешнеэкономическую экспансию. Так, например, была предпринята успешная попытка «сделать немецкий рынок неотъемлемым для югославского экспорта»[43]. При этом немецкий рынок открывался для аграрной и сырьевой продукции Югославии, а взамен Германия обеспечивала форсированную эксплуатацию источников этой балканской страны путем инвестирования средств и поставок добывающего оборудования. До 1939 г. германскому рейху удалось стать ее крупнейшим торговым партнером. Из нее в Германию ввозилось намного больше товаров, чем вывозилось из Германии. В результате наблюдался рост определенного рода зависимости Югославии, так как в соответствии с клиринговыми соглашениями она должна была осуществлять закупки только в рейхе и довольствоваться только тем, что он мог и хотел экспортировать. Такая политика Германии была замечена югославским правительством, которое хотело бы сохранить доминирующее положение в югославской экономике капитала других держав. Однако вовлечение югославской экономики в торговые отношения с Германией было настолько велико, что перед началом Второй мировой войны правительство Югославии вынуждено было констатировать, что изменить торговую политику в отношении Германии без потрясений для себя югославская экономика уже не может[44].

Решительно придерживаясь экспансионистского курса по расширению своего «экономического пространства», Третий рейх вынужден был заботиться не только о своей готовности к войне, но и о готовности своих потенциальных союзников в Европе. При этом учитывалось, что необходимо сохранять их военно-экономическую зависимость от Германии во всех сферах[45]. Экономически обеспечить это Германии было не под силу. В связи с этим она приступила к реализации плана «от экономических договоров к экономическому союзу». Организация четырехлетнего плана предусматривала в этом отношении следующие меры: создание единого экономического блока антикоминтерновских стран, в который должны войти Югославия и Болгария; наладить внутри этого союза государств военную экономику; распространить его влияние на Румынию, Турцию и Иран[46].

Из преимущественно сельскохозяйственных стран следовало получать мясные продукты, пищевое и фуражное зерно для создания продовольственных запасов на случай войны. Кроме того, страны Юго-Восточной Европы располагали запасами марганцевых, медных, свинцовых руд и бокситов. Венгрия и Словакия имели запасы сурьмяной руды (шла на сплавы, использовалась в типографическом, подшипниковом и резиновом производствах). В Венгрии и Румынии в значительных количествах добывали нефть. Большое значение для немецкого производства легированных сталей имели месторождения хромовых руд в Югославии.

В начале 1939 г. от венгерского правительства почти ультимативно потребовали сильнее, чем прежде, приспособить венгерское сельское хозяйство к нуждам рейха. Одновременно

было обещано оказать помощь в строительстве венгерской промышленности, но венгерская промышленная продукция должна была при этом соответствовать потребностям немецкого экспорта. С 1938 по 1939 г. и так небольшой венгерский экспорт в Великобританию и Францию продолжал сокращаться. В отношении США он сократился на 50 % — с 6 до 3 % общего объема экспорта. С 1939 г. Третий рейх стал главным потребителем венгерских товаров. Вместе с инвестициями доля Германии в иностранном капитале промышленных и горнодобывающих компаний Венгрии составила 50 %. В 100 крупных предприятиях доля немецких акций превышала 51 %. Тогда же были начаты торговые переговоры с Венгрией с целью создания «немецко-венгерского экономического сообщества». Таким образом, Германия контролировала всю хозяйственную жизнь Венгрии.

Не менее активную деятельность по вовлечению в экономическую зависимость нацисты вели в отношении Болгарии. В обмен на поставки вооружения Болгария обязалась поставлять в Германию минеральное сырье и продовольствие. Для расширения добычи полезных ископаемых Болгария вынуждена была допустить к их разработке немецкие фирмы. Несмотря на растущую собственную потребность, вермахт полностью удовлетворял потребности болгарской стороны в вооружении и боеприпасах за счет старых запасов.

В марте 1939 г. были заключены экономические соглашения между Германией и Румынией. В соответствии с ними был принят совместный пятилетний план экономического сотрудничества, предусматривавший развитие и управление румынским сельским хозяйством в направлении расширения производства фуража, масличных культур и растительного волокна, интенсификацию румынского лесного хозяйства, форсированную добычу полезных ископаемых немецко-румынскими компаниями, реализацию большой программы в области нефтедобычи немецко-румынской компанией, взаимодействие немецкой и румынской промышленности в целях координации взаимных поставок, немецкое участие в румынских банках, расширение румынской транспортной сети, вооружение румынской армии немецким оружием в расчет поставок нефти[47].

Таким образом, уже в 1937 г. на долю Германии приходилось 47 % болгарского, 41 % венгерского, 35 % югославского, 32 % греческого и 27 % румынского экспорта[48].

Такие же принципы были применены и в торговле с Прибалтийскими странами. В обмен на промышленное оборудование они поставляли в Германию мясо-молочную продукцию, фосфориты и другое сырье. Клиринговая задолженность Германии (безналичные расчеты) по взаимным поставкам постоянно росла. Нацистскому руководству успехи такой торговли давали повод говорить о завоевании «большого немецкого экономического пространства» мирными экономическими средствами[49].

После гражданской войны в Испании нацистам удалось привязать эту страну к германской экономике. Испания располагала ценными месторождениями железной руды с большим содержанием железа (более 60 %) и малым содержанием серы. После Швеции и Франции Испания занимала третье место по поставкам железной руды в Германию и поставляла 50 % серного колчедана — важнейшего вещества для производства синтетических продуктов химической промышленности.

Значительные приращения экономика Германии получила за счет аннексированных и зависимых территорий.

Присоединение Австрии способствовало улучшению экономической ситуации в Германии. Производство молочных продуктов в Австрии превышало собственные потребности, и это могло восполнить их дефицит в Германии. Австрия располагала достаточными сырьевыми ресурсами: древесиной, железной, свинцовой и цинковой рудами, богатыми энергетическими ресурсами. Альпийская республика имела развитую промышленность, мощности которой были недостаточно загружены в связи со спадом производства. В стране насчитывалось 400 тыс. безработных, большую часть которых составляли квалифицированные рабочие[50].

Вся экономика Австрии немедленно была вовлечена в нацистский военно-экономический процесс и подчинена четырехлетнему плану. Особое внимание при этом уделялось добыче железной руды и нефти (см. табл. 3).

Таблица 3

Рост добычи железной руды и нефти в Австрии (в тыс. тонн)[51]

	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Железная руда	1880	2660	2971
Нефть	32,9	56,7	144,3

Подавляющее число австрийских банков и предприятий было захвачено немецким капиталом. Одновременно фирма «Герман Герингверке» распространила свою экспансию на Австрию, в ходе которой в Линце был построен крупнейший металлургический завод и взяты под контроль уже имевшиеся многочисленные предприятия. Концерн ИГ Фарбениндустри установил контроль над химической промышленностью и заводами по производству пороха. К началу войны около 245 австрийских предприятий считались военными, на них изготовлялись обмундирование и снаряжение, инженерные заграждения, бронетранспортеры, карабины. Осваивался выпуск деталей танков, самолетов, производство орудий и боеприпасов[52]. Поскольку даже в условиях военной экономики австрийская промышленность не смогла поглотить всех безработных, специальным распоряжением от 22 июня 1938 г. около 100 тыс. австрийских рабочих было отправлено на работу в Германию.

Нацисты получили в свое распоряжение золотовалютные ценности Австрийского национального банка на сумму 418 млн рейхсмарок, что полностью обеспечило выполнение плана 1938 г.[53] Присоединение Австрии значительно улучшило транспортно-географическое положение рейха, ему открылись дополнительные пути в Юго-Восточную и Южную Европу.

После присоединения Судетской области к Германии перешли важнейшие предприятия с недогруженными мощностями и достаточно высоким числом безработных, создававших благоприятные предпосылки для разгрузки немецкой промышленности, большие сырьевые ресурсы — лесные запасы, месторождения вольфрамовых и урановых руд, которыми Германия до сих пор не располагала. В дополнение к этому — месторождения бурого угля, обращенные в собственность рейха. На этом основании уже в начале октября 1938 г. промышленность Судетской области была включена в четырехлетний план. С другой стороны, Судетская область не обеспечивала себя сельскохозяйственными продуктами, что еще больше ухудшало ситуацию на общенемецком продовольственном рынке.

Аннексия Судетской области с экономической точки зрения привела к усилению экономической зависимости оставшейся части Чехословакии от рейха и облегчила ему доступ к Юго-Восточной Европе. В среднем уровень индустриализации Судетской области был выше, чем в Германии и Великобритании. В горнорудной и обрабатывающей промышленности был занят 51 % населения области (в Германии — 40,7 %, в Великобритании — 46 %). Вместе с Судетской областью Чехословакия потеряла 69,6 % стекольной, 40 % химической, 89,9 % керамической, 98 % фарфоровой, 60,5 % целлюлозно-бумажной и 53,8 % лесной промышленности. Всего Чехословакия потеряла 2317 промышленных предприятий, в том числе 443 текстильных[54].

С захватом остальной части Чехии (переименованной нацистами в Протекторат Богемия и Моравия) значительно пополнился арсенал вермахта. По оценке немецкого командования, с получением вооружения чехословацкой армии «произошел огромный прирост сил»[55]. Военная экономическая организация Германии в Чехословакии впервые опробовала свою концепцию исполнения немецких военно-экономических интересов на захваченной территории. Она действовала настолько эффективно, что еще во время агрессии в Германию было отправлено большое количество трофейного имущества, которое могло бы срочно потребоваться вермахту в случае внезапного обострения международных отношений. Гитлер настоял на строгом учете всего захваченного военного имущества. Его было достаточно для вооружения 20 дивизий (см. табл. 4).

Таблица 4

Боевая техника и вооружение, захваченные вермахтом у чехословацкой армии в 1939 г.[56]

Боевая техника и вооружение	По данным, представленным Гитлеру	По чехословацким данным
Самолеты	1582	1231
Зенитные орудия	501	
Противотанковые пушки		1966
Орудия полевой артиллерии	2175	2253
Минометы	785	
Танки	469	810
Пулеметы	43 876	57 000
Винтовки	1 090 000	630 000
Пистолеты	114 000	
Боеприпасы к стрелковому вооружению	Более 1 млрд шт.	
Боеприпасы к артиллерийскому вооружению (в т. ч. химические)	Более 3 млн шт.	

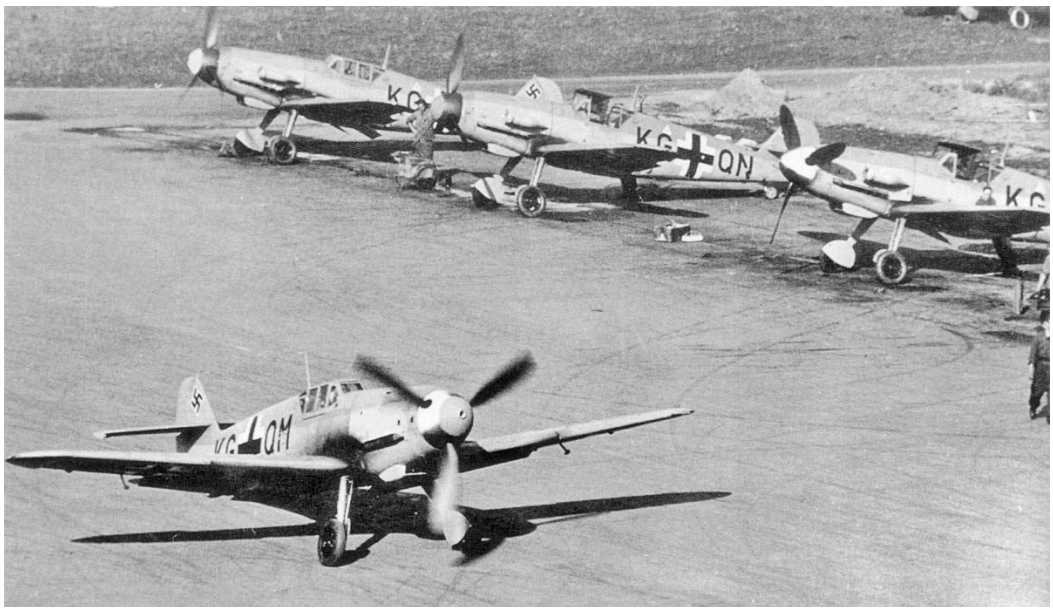
Представители вермахта вскоре провели инспекцию всех военных предприятий и составили обзор производимой продукции и производственных мощностей. При этом в немецкие руки попали более 200 тыс. чертежей и патентов, многие из которых представляли значительную ценность для немецкой военной промышленности, так как Чехословакия располагала высокоразвитой и мощной военной промышленностью. В 1937 г. она занимала четвертое место в мире по экспорту вооружения. Большинство промышленных предприятий находились в прекрасном состоянии. Производственные мощности металлургических, машиностроительных и военных предприятий не были полностью загружены, что было немедленно использовано для снятия нагрузки с немецких предприятий, поэтому имевшиеся запасы сырья в Германию не вывозились. В то же время промышленность Чехословакии, также как и Германии, целиком зависела от импортного сырья. Чехословакия полностью обеспечивала себя продуктами питания и даже экспортировала их. В стране было зарегистрировано 108 тыс. безработных, из них к сентябрю 1939 г. 70 тыс. были вывезены для трудоустройства в Германию.

«Экономическая автономия» Богемии и Моравии была уничтожена уже к октябрю 1940 г. после заключения таможенного союза. Вся экономика Чехословакии была включена в четырехлетний и в «новый военно-экономический производственный» планы.

Как и при присоединении Австрии, при захвате Праги нацистский режим стремился прежде всего прибрать к рукам чехословацкие золотовалютные резервы. Под давлением военных властей Национальный чехословацкий банк летом 1939 г. вопреки британскому эмбарго перевел 809 984 унции золота из Лондона в Берлин. Годом позже находившийся в Праге золотой запас был взят «на хранение» рейхсбанком[57].

В результате присоединения Судетской области и образования Протектората Богемии и Моравии развитие «немецкого большого экономического пространства» сделало шаг от «дополняющей экономики», суть которой — заключение торговых договоров с соседними государствами, к политике установления над ними экономической гегемонии.

Формально независимой Словакии отводилась роль союзника национал-социалистического государства, своеобразной «визитной карточки», которую нацисты предъявляли южноевропейским государствам и особенно славянским народам, как бы показывая, насколько самостоятельно может жить малое государство, не выступающее против «нового экономического порядка в Европе под немецким господством»[58]. Поскольку у Германии не хватало военных и политических средств давления, то с частью государств она заклю-

Немецкие истребители «Мессершмитт-109» на заводском аэродроме

Испытания немецкого 37-мм зенитного орудия в баротоннеле

чала валютные и экономические союзы, с другими — союзные договоры, третьи попадали в экономическую зависимость от рейха без валютных договоров. Словакия подписала 23 марта 1939 г. «Договор о защите» с Германией, в соответствии с которым ее экономика становилась придатком немецкого военного хозяйства. Заключать торговые соглашения с другими странами Словакия могла только после выполнения договоров с Германией и после консультации с ней. Она рассматривалась, прежде всего, как поставщик продовольственных и сырьевых ресурсов.

Особый интерес Германия проявляла к запасам полезных ископаемых этой страны, которые исследовались и оценивались с помощью немецких советников и немецкой техники в целях включения их разработки в четырехлетний план. Добывающие предприятия Словакии, которые, по немецким оценкам, не использовали оптимально свои возможности, теряли права на разработку. Уже в конце марта 1939 г. Германия установила полный контроль над финансами Словакии, обязав ее образовать национальный банк, в создании которого принял участие рейхсбанк, а в его директорат был направлен советник с правом решающего голоса. Без его санкции не могли приниматься ни государственный бюджет, ни решения о кредитах. В целом, союз со Словакией в большой мере служил укреплению военно-экономического потенциала Германии.

Достигнутое экономикой Германии к 1939 г. доминирование по отношению к сопредельным странам стало существенным шагом на пути к запланированному созданию «большого германского экономического пространства».

Состояние германской экономики к сентябрю 1939 г. свидетельствовало о том, что Германия в то время была еще не готова к ведению длительной войны, хотя в этом направлении и проводилась большая работа. Это определило и выбор военной стратегии. Германское военно-политическое руководство исходило из того, что противников следует громить поодиночке, последовательно одного за другим, в ходе скоротечных военных кампаний. Концепция скоротечной войны (блицкрига) нашла свое выражение как в общей стратегии войны, так и в организации, снабжении, боевой и идеологической подготовке вооруженных сил. По мнению нацистского руководства, блицкриг давал Германии возможность успешно достигать военных целей, экономически обеспечивать нужды вермахта и в то же время сохранять на необходимом уровне гражданские отрасли промышленности.

Первоначально блицкриг был опробован на Польше. Гитлер считал безусловно необходимым захват Польши для «обеспечения польских поставок сельскохозяйственных продуктов и каменного угля для Германии». И если это удастся, то, по мнению Гитлера, «Германия станет непобедимой и сможет раз и навсегда рассчитаться с бедной рудой Францией»[59].

Накануне нападения на Польшу и сразу после него ответственные политические, военные и экономические сотрудники еще раз проверяли экономические возможности Германии, ее ресурсы и ресурсы зависимых от нее стран на предмет устойчивости к возможной блокаде. По самым оптимистичным прогнозам, в случае войны Германия могла обеспечить себя продовольствием на 83–84 %, а вместе с Польшей и государствами так называемого «немецкого экономического блока» — на 87 %[60]. Только при условии, что так называемый «великогерманский экономический блок» образует единство со «среднеевропейским экономическим блоком» обеспечивалось 90-процентное, а с включением пространства Советского Союза — 96-процентное самообеспечение продовольствием. Кроме того, считалось, что сохранятся поставки продовольствия из североевропейских и южноевропейских стран, что могло обеспечить продовольственную безопасность Германии в случае блокады.

Опасение разрастания польской кампании в войну общеевропейского масштаба существенно повлияло на решение о привлечении ресурсов СССР до нападения на Польшу. Если Берлин в отношении СССР, также как и Франции, с 1933 г. вел политику, направленную на сокращение торговли, как с потенциальными противниками, то с 1939 г. произошло заметное оживление германо-советского торгового обмена, особенно касательно расширения немецкого импорта (см. табл. 5).

Таблица 5

Импорт Германии из СССР[61]

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.
Общая сумма импорта из СССР (млн рейхсмарок)	194	210	215	93	65	53	30	391
Доля в общем импорте Германии (в процентах)	4,6	4,7	5,2	2,2	1,2	0,9	0,6	7,8
Место СССР среди других экспортеров в Германию	4	3	3	19	30	28	32	
Общая сумма немецкого экспорта в СССР	282	63	39	126	117	34	31	216
Доля от общего немецкого экспорта (в процентах)	5,8	1,5	0,9	2,7	2,0	0,6	0,6	4,4
Место СССР среди других импортеров из Германии	5	20	27	13	19	35	35	

Уже в феврале 1939 г., как раз в то время, когда принимались первые предварительные решения о кампании против Польши, с Советским Союзом обсуждались условия расширения товарообмена. Хотя СССР соглашался поставить не более 50 % от желаемого сырья, по экономическим и политическим причинам Германия и в этом случае готова была подписать заключительное соглашение. Когда 19 августа 1939 г. было заключено торговое и кредитное соглашение, немецкая военная экономика в течение следующих 12 месяцев должна была получить сырье на сумму 100 млн рейхсмарок. Поэтому Гитлер был убежден, что больше можно не бояться вмешательства Франции и Англии в польский конфликт и установления блокады, так как «Восток поставит зерно, скот, уголь, свинец»[62].

В соответствии с договором об экономическом сотрудничестве, заключенным в феврале 1940 г., Германия в течение следующих 12 месяцев должна была получить сырье на 350 млн рейхсмарок, что позволяло ослабить экономическую блокаду со стороны Великобритании. В 1940 г. советский сырьевой экспорт в Германию составлял 49 процентов ее общего импорта фосфатов, 77,7 — асбеста, 62,4 — хромовой руды, 40,7 — марганцевой руды, 75,2 — минеральных масел, 66,0 — процентов хлопка-сырца[63] (см. табл. 6, 7).

Таблица 6

Импорт в Германию сельскохозяйственного сырья и продуктов лесной промышленности (в тыс. тонн)[64]

Товар	1939 г.		1940 г.		1 полугодие 1941 г.	
	Всего	Из СССР	Всего	Из СССР	Всего	Из СССР
Рожь	133	-	159	82	78	78
Пшеница	900	-	672	4	365	189
Ячмень	382	-	728	697	133	96
Овес	33	-	121	118	190	184
Кукуруза	586	-	507	14	-	-
Бобовые	180	11	162	47	-	35
Хлопок-сырец	259	2	120	71	46	30
Лен и льняное волокно	238	4	112	14	-	7
Строительная и деловая древесина	2153	103	3156	696	1537	246
Древесина для механической и химической переработки	1496	66	1182	462	523	120

Таблица 7

Импорт в Германию некоторых видов минерального сырья (в тыс. тонн)[65]

Товар	1939 г.		1940 г.		I полугодие 1941 г.	
	Всего	Из СССР	Всего	Из СССР	Всего	Из СССР
Фосфорнокислый калий	1025	31	174	129	127	55
Асбест	18	1	12	8	12	7
Хромовая руда	193	-	40	26	4	-
Марганцевая руда	235	6	119	65	116	75
Нефть и нефтепродукты	4694	5	1806	617	816	248
Платина и платиновые металлы (кг)	3320	1	2290	1474	1546	1262
Олово	9	-	7	1	1	0
Никель (файнштейн)	3	-	5	2	2	1
Медь	144	-	105	7	52	7

Получившая распространение на Западе, а затем и в нашей стране пропагандистская версия некоторых «историков» о том, что «фашистский меч ковался в СССР», далека от действительности. Советский экспорт в Германию в 1938–1940 гг. составлял от 0,6 % до 4,4 % суммы общего немецкого импорта. Что касается правительства рейха, то оно различными путями тормозило выполнение Германией договорных поставок в СССР металлопроката, станков, электрооборудования, различных видов вооружений и других согласованных заказов, которые ко времени нападения Германии на СССР были по разным данным выполнены только на 57–67 %[66].

Однако вернемся к 1939 г. Экономика Третьего рейха если и была в целом готова к войне, то только ограниченной по территории и времени. Считалось, что были созданы достаточные запасы хлеба, но потребление жиров предполагалось снизить по сравнению с мирным временем на 57 %, а мяса — на 68 %. При оценке запасов минерального сырья исходили из того, что, учитывая возможность дополнительных поставок из-за границы, в случае длительной войны с Польшей их хватит на 9–12 месяцев[67].

В частности, запасов каучука хватало на 5–6 месяцев при его 30-процентной замене буной, долю которой предполагалось увеличить, поскольку запасов валюты на приобретение сырого каучука не хватало, а в случае блокады необходимо было считаться с полным прекращением его поставок. Что касается алюминия, то, несмотря на рост производства на базе бокситов из Юго-Восточной Европы, наблюдалась его значительная нехватка для обеспечения потребностей вермахта. Несмотря на расширение производства, закрепленные четырехлетним планом цели по обеспечению синтетическим горючим оказались недостигнутыми. Потребление горючего, вызванное военными приготовлениями, росло значительно быстрее производства. Тем не менее считалось, что вермахт достаточно обеспечен горючим для скоротечной войны против Польши, так как были созданы значительные запасы[68].

В связи с нехваткой валюты в первом полугодии 1939 г. квоты цветных металлов для промышленности по сравнению с 1938 г. были снижены на 50 %. Валюта была выделена только на второй квартал этого года на закупку цветных металлов для строительства флота.

К началу польской кампании угледобывающая промышленность уже не имела производственных резервов. В случае длительной войны, которая потребовала бы призыва горняков в армию, создавалась угроза нехватки каменного угля для промышленности и домашних хозяйств уже зимой 1939 г. Призыв горняков и перенапряжение транспортной системы повлекли за собой в сентябре 1939 г. сокращение добычи каменного угля на 10 %, а к концу года — на 15 %. В энергетике в середине 1939 г. запасы каменного угля настолько сократились, что в июле — августе возникли перебои в электро- и газоснабжении, электростанции вынуждены были перейти на бурый уголь, что приводило к ускоренному износу оборудования[69].

Попытки в короткий срок закупить недостающие продовольствие, фураж и сырье натолкнулись на главную проблему — отсутствие финансовых средств. Сокращенный экспорт привел к тому, что импорт из СССР и других стран не мог быть компенсирован только клирингом. И без того незначительные валютные запасы резко сократились с конца 1938 г. и приблизились к нулевому уровню. Политика экспансии привела к тому, что ряд зарубежных клиентов Германии отказался от заказов. Кривая немецкого экспорта с 1938 г. постоянно снижалась и после незначительного повышения на рубеже 1938–1939 гг. продолжила свое быстрое падение. К началу войны практически все золотовалютные запасы иссякли. Включая секретные фонды, они составляли около 500 млн рейхсмарок — столько, сколько было необходимо для финансирования десятой доли немецкого импорта в мирное время[70]. Путь финансирования за счет иностранных кредитов вряд ли являлся возможным, так как именно богатые капиталами державы считались потенциальными врагами Германии, и ее клиринговая задолженность приняла такие размеры, что нейтральные государства воздерживались от выдачи Германии даже краткосрочных кредитов.

Несмотря на подготовку к войне, проблема разграничения компетенций в сфере управления экономикой в Германии решена не была. Не обращая внимания на приоритеты в политике вооружения, партийные и государственные инстанции продолжали делать огромные по объемам заказы, как, например, проекты генерального инспектора по градостроительству Шпеера по превращению Берлина в огромную помпезную столицу рейха. Три вида вооруженных сил конкурировали друг с другом в выдаче заказов и блокировали ими работу военных предприятий. Для организации планового управления работой промышленности и выявления второстепенных задач Геринг в качестве генерального уполномоченного по четырехлетнему плану в середине года приказал перепроверить все крупные заказы на их государственно-политическую необходимость. Однако до начала войны это сделать не удалось.

В промышленности наблюдалась нехватка рабочей силы, составившая в 1939 г. около миллиона человек. Только на предприятии «Герман-Герингверке» требовалось дополнительно 5 тыс. рабочих[71]. Сельское хозяйство также не могло больше работать без привлечения иностранных рабочих. В середине 1939 г. в нем было занято около 37 тыс. итальянцев, 15 тыс. югославов, 12 тыс. венгров, 5 тыс. болгар, 4 тыс. голландцев, 40 тыс. словаков[72]. Несмотря на строгую практику призыва в вермахт, с этого времени практиковалась отправка военнослужащих в отпуск с сохранением денежного содержания для работ в родительских или собственных хозяйствах, иногда с выделением лошадей и автотранспорта вместе с обслуживающим персоналом.

Накануне польской кампании в немецкой экономике наблюдались явления усталости и стагнации, большое несоответствие между объемом заказов и производственными возможностями. Перегрузка предприятий в зависимости от их связи с производством вооружения составляла от 10 до 20 %. Для разгрузки было необходимо проводить расширение производства, ремонт и обновление станочного парка, введение конвейерного производства. Но программы вооружения не предусматривали обеспечения этого ни сырьем, ни рабочей силой, ни временем. Следствием были нарастающее затягивание выполнения заказов, переносы сроков поставок, в связи с чем нарушалось плановое вооружение. Отставание подрывало также конкурентоспособность немецкой экспортной промышленности на мировом рынке, нарушало поступление валюты в немецкую экономику, а вместе с этим — импорт сырья и продовольствия.

В транспортной отрасли не хватало 4500 паровозов и 100 тыс. товарных вагонов[73].

Оценивая такое положение, руководство рейха пришло к выводу, что немецкая экономика в 1939 г. находилась на пике своих производственных возможностей, но существенного повышения экономического потенциала добиться больше не представлялось возможным, скорее, наоборот. Как говорил Гитлер перед командованием вермахта, «наше экономическое положение в связи с нашими ограниченными возможностями таково, что мы сможем продержаться лишь несколько лет»[74]. Время для развязывания военного конфликта для достижения «конечной цели» — захвата мирового господства путем расширения жизненного

пространства еще не пришло. Но Гитлер настаивал на создании экономических предпосылок для этого, так как положение с сырьем и продовольствием для ведения скоротечной войны было обеспечено, но для длительной войны его было недостаточно[75].

Этот вопрос, казалось бы, удалось решить после осуществления ряда успешных быстротечных военных кампаний сначала против Польши, а затем на Западе. В отношении оккупированных государств Европы нацистское руководство немедленно приступило к проведению политики открытого экономического грабежа. Особенно бесцеремонной и наглой она была в Польше. Уже 27 сентября 1939 г. немецкие военные власти издали декрет о секвестре и конфискации польской собственности на территории, присоединенной к Германии. В конце 1940 г. Главное опекунское восточное бюро по Польше захватило и передало в немецкую собственность 294 крупных, 9 тыс. средних и 76 тыс. мелких промышленных предприятий, а также 9120 крупных и 112 тыс. мелких торговых фирм. Концерн «Г. Геринг» присвоил себе верхнесилезские угольные рудники, металлургические заводы «Кенигсхютте» и «Лаурхютте», бывшие польские государственные Островицкие машиностроительные и вагоностроительные заводы и другие предприятия. Монополист Г. Хенкель завладел частью польских месторождений цинка, а граф Н. Баллестрем вместе с Г. Круппом — рядом металлургических заводов и горнодобывающих предприятий[76]. Собственностью «И. Г. Фарбен» стали польские фирмы по производству красителей — «Борута», «Воля» и «Винница». В руки германских монополий перешли, кроме того, крупные трубопрокатные и металлургические заводы в Сосновице, горнопромышленный концерн «Банска Гутня». Польский промышленный район в Верхней Силезии был объединен с созданными новыми хозяевами промышленными районами Германии и Чехословакии, что привело к образованию в центре Европы нового мощного промышленного конгломерата, менее уязвимого от возможных бомбардировок, как с запада, так и с востока. Польша сыграла также важную роль в покрытии продовольственного дефицита Германии. В 1941 г. здесь было собрано только зерновых культур свыше 4,8 млн т, что составило 20,5 % общего сбора зерновых того года в Германии в довоенных границах.

На оккупированной Германией летом 1940 г. территории Северной Франции было сосредоточено 97 % производства чугуна, 93 % проката, 55 % цинка, 40 % свинца, 80 % добычи угля и около 100 % железной руды, калия и фосфатов. Здесь было сосредоточено также 89 % французских моторостроительных заводов, 82 % станкостроительных, 80 % авиастроительных. В этой зоне выращивали 70 % зерна, содержали 65 % крупного рогатого скота[77]. Немецкие концерны поделили между собой крупнейшие промышленные предприятия Франции, как это уже было сделано в Польше и Чехословакии. К концерну «Г. Геринг» отошли многие горнопромышленные и металлургические заводы, к концерну Клекнера — металлургические заводы в Кнутанже[78]. До конца 1940 г. у Франции были конфискованы большие запасы металлов: 135 тыс. т меди, 20 тыс. т свинца, 9,5 тыс. т олова, 9 тыс. т никеля и 9 тыс. т алюминия. В Германию было вывезено много железной руды, бензина, дизельного топлива, керосина, машинного и смазочного масла, сала, текстильного сырья и многое, многое другое[79].

Разнообразное сырье и продовольствие было захвачено в Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании и Люксембурге. Немецкая промышленность незамедлительно использовала производственные мощности и сырье этих стран. Из Бельгии только в 1940 г. в качестве трофеев было вывезено 78,6 тыс. т цветных металлов, реквизировано 1,3 млн т чугуна и 1,2 млн т стали. В Голландии Германия захватила 3,5 млн т каменного угля и кокса, 221 тыс. т железного лома, 61,6 тыс. т медной руды, 58,4 тыс. т жидкого горючего, 14,8 тыс. т меди, 2,4 тыс. т олова и другие материалы[80]. Только в 1941 г. из Северной Франции и Бельгии было получено товаров на сумму около 2 млрд рейхсмарок. Германия почти полностью реквизировала голландский флот общим водоизмещением в 1,5 млн регистровых брутто-тонн[81].

В Норвегии Германия захватила заводы по производству алюминия, легированной стали и молибдена, пиритов, титана, никеля и железной руды. Под ширмой так называемого «центрального бюро запасов» Германия присвоила 70 % ферросплавов, свыше 34 % алюминия и почти 30 % никеля. Норвежская промышленность поставляла Германии ежегодно 200–250 тыс. т меди и примерно 200 тыс. т серы, являясь единственным ее поставщиком в

Европе. Норвежские заводы «Кристанне спигерверк» и «Кнабергруппене» покрывали потребность Германии в молибдене (75 %) и ванадии[82]. За 1940–1941 гг. немецкие оккупационные власти вывезли из Норвегии и использовали для нужд оккупационной армии продовольствия, сырья, полуфабрикатов и готовой военной продукции на сумму свыше 3 млн марок[83]. Кроме того, немецкие оккупанты захватили большую часть норвежского торгового флота и рыболовных судов.

Другие оккупированные страны в принудительном порядке стали поставщиками сельскохозяйственной продукции Германии. Так, Данию, несмотря на формальный отказ от термина оккупации в отношении этой страны, нацистское руководство рассматривало как свой «продовольственный склад». В Германию вывозилось мясо, масло, крупный рогатый скот, свиньи, яйца, сыр, рыба. Датский торговый флот широко привлекался для перевозки железной руды из Швеции в Германию. В результате этих действий уже в декабре 1940 г. формальный долг Германии Дании составил 420 млн крон[84].

Югославия покрывала значительную часть потребности Германии в цветных металлах — медной, хромовой, сурьмяной рудах. С 1939 по 1941 г. в Германию было вывезено: 734 тыс. т бокситов, 76 тыс. т свинцовой руды, свыше 13 тыс. т хромовой руды, 46,7 тыс. т меди[85]. За счет Греции Германия восполняла запасы в хромовой и никелевой руде, серном колчедане, бокситах.

Германская военная экономика, таким образом, в значительной мере строилась на использовании военно-экономических потенциалов оккупированных стран. Из них она получала, например, свыше 40 % всей железной руды, ввозимой из-за границы. Поступления легирующих элементов, необходимых для получения качественных сталей, — хрома, никеля, различных ферросплавов — составляли от 1/2 до 3/4 всего германского импорта важных видов стратегических материалов; почти 1/3 бокситов поступала из Франции, Югославии и Греции, импорт же алюминия из Франции и Норвегии составлял 4/5 всего германского ввоза. В 1941 г. на импорт из оккупированных стран приходилось 3/4 общего ввоза медной руды, 4/5 меди и свинца, 1/2 олова и почти весь импортируемый цинк.

Таблица 8

Вывоз Германией сырья и готовой продукции из оккупированных стран Европы в период до 1941 г. (в тыс. т)[86]

Виды сырья и продукции	Количество вывезенного сырья и продукции
Цветные металлы	365,4
Металлический лом	1860
Чугун	272
Химические продукты	164
Каучук и изделия из него	12,2
Асбест	4,2
Технические масла	92,2
Сырая кожа	51,9
Выделанная кожа	1070 тыс. шт.
Текстильные материалы	245
Сапоги	6200 тыс. пар

Анализ данных таблицы свидетельствует о том, что вывоз сырья и готовой продукции осуществлялся по тем ее видам, в которых Германия ощущала наибольшую нужду. Например, по кожевенным товарам и сапогам поставки полностью покрывали потребность в них вермахта.

Германия помимо этого продолжала использовать военно-экономические ресурсы союзных, зависимых и некоторых нейтральных стран, так как руководство военной экономики рассматривало их как экономический придаток Германии, как базу стратегического

сырья и продовольствия. Ему удалось получить в свое распоряжение все или часть ресурсов этих государств и, включив производственные мощности в систему «большого германского экономического пространства», поставить их на службу захватническим планам. Правда, нацистское руководство применяло здесь несколько иные методы, чем в оккупированных странах Европы: использовался «индивидуальный» подход и более замаскированные формы грабежа.

Так, несмотря на тяжелое положение экономики Италии, Германия все же получала из этой страны бокситы, химическую продукцию — серную, азотную и борную кислоты, синтетический азот, глицерин. За период 1940–1941 гг. Германия импортировала из Италии свыше 2 млн т продовольствия и 1174 тыс. т различного стратегического сырья, в т. ч. 284,5 тыс. т бокситов, 168 тыс. т железо-марганцевой окалины, 122,5 тыс. т цинковой руды. Всего за это время итальянский экспорт в Германию составил более 1445,7 млн марок[87]. Итальянская промышленность всё в большей степени попадала под контроль германских монополий.

Особый интерес с точки зрения военной экономики для Германии представляли союзные государства Юго-Восточной Европы — Румыния, Венгрия, Болгария. Германские монополии рассматривали эти страны как базу стратегического и сельскохозяйственного сырья. Важное место среди них занимала Румыния как главный поставщик нефти и нефтепродуктов. Увеличение ежемесячных поставок нефти с 170 тыс. т в июле 1940 г. до 250 тыс. т в сентябре 1940 г. означало, что Румыния покрывала более 60 % среднемесячной потребности Германии в этом виде сырья[88]. На совещании инспекторов 13 сентября 1940 г. генерал Томас так охарактеризовал это положение: «В вопросе горючего, пока мы имеем Румынию, а если нужно будет — мы будем ее иметь и в дальнейшем, — вместе с немецкими предприятиями она в состоянии покрывать в нем нашу потребность»[89]. К этому времени немецкие фирмы осуществляли контроль над нефтяной, металлургической и военной промышленностью страны, а также над добычей золота, бокситов, хромовой и марганцевой руд. В 1940 г. доля Германии в румынском экспорте составляла: по хлебным злакам — 77 %, масличным культурам — 96 %, овощам — 100 %, скоту — 80 %. В целом же свыше 46 % всего румынского экспорта приходилось на Германию[90].

На долю союзных стран в 1940–1941 гг. приходилось почти треть всего германского импорта. За это время Германия (включая прямые поставки вермахту) получила отсюда стратегического сырья, продовольствия, полуфабрикатов, готовой промышленной продукции, вооружения и снаряжения, а также различных услуг на сумму 6018,8 млн марок[91]. Это свидетельствует о том, что союзники своими поставками не только укрепили военно-экономический потенциал Германии, но в значительной степени и финансировали ее военные усилия.

Из нейтральных стран особое значение для Германии имела Швеция. Оттуда в Германию поступало большое количество железной руды. На германо-шведских торговых переговорах, состоявшихся в декабре 1939 г., на шведов было оказано экономическое и политическое давление. Они вынуждены были согласиться поставлять в Германию почти всю массу предназначенной для экспорта железной руды, а также некоторые легирующие металлы[92]. В соответствии с соглашением о товарообороте на 1940 г., подписанным 22 декабря 1939 г., Швеция обязалась поставить Германии 10 млн т железной руды, 20 тыс. т. чугуна, 4500 т ферросилиция, 1000 т силикомарганца[93]. Из Швеции Германия получала железную руду с высоким содержанием железа, а также шарикоподшипники, качественные стали, станки, электрооборудование, инструменты, целлюлозу для производства взрывчатых веществ, морские суда.

Германия умело использовала нейтралитет Швейцарии, являясь основным покупателем продукции швейцарской машиностроительной, электротехнической, химической, алюминиевой, текстильной и часовой промышленности. 9 августа 1940 г. было подписано немецко-швейцарское платежное соглашение, по которому Швейцария предоставляла Германии кредит на сумму в 150 млн швейцарских франков. В 1941 г. швейцарский экспорт в Германию увеличился по сравнению с 1938 г. более чем в три раза.

Главным предметом вывоза из Турции была продукция горнорудной промышленности: хромовая и медная руды, свинец, марганец, сурьма и ртуть. В соответствии с немецко-ту-

рецким торговым соглашением от 19 января 1939 г. Турция обязывалась поставить Германии 120 тыс. т хромовой руды, 11 тыс. т шерсти. Немецко-турецкие торговые связи расширились после подписания 18 июня 1941 г. договора о дружбе и ненападении, по которому обе стороны обязались «содействовать во всех отношениях возможно большему объему товарооборота между обеими странами»[94].

Стабильными были внешнеторговые связи Германии с Японией. Последняя, в соответствии с договоренностью, достигнутой 19 сентября 1940 г. на заседании комитета по координации взаимных действий с Германией и Италией, взяла на себя обязательство предоставить этим странам различное сырье, имеющееся в странах Восточной Азии и в районах южных морей. Предусматривалось снабжение Германии таким важным стратегическим сырьем как каучук даже в случае вступления Японии в войну[95].

Приняв в июле 1940 г. решение о нападении на СССР, нацистское руководство предприняло ряд мер военно-экономического характера. По указанию начальника штаба ОКВ Кейтеля управление военной экономики и вооружений ОКВ разработало программу наращивания вооружений для «восточного похода». 13 и 14 сентября 1940 г. генерал Томас провел совещание с инспекторами военных округов, чтобы вскрыть резервы для осуществления этой программы. Открывая совещание, Томас сказал: «Очень важно, чтобы в имеющихся в нашем распоряжении 6–7 месяцах при наличном сырье, производственных мощностях и рабочей силе был достигнут возможно более высокий уровень в производстве вооружений... Производство многих видов боеприпасов... должно значительно возрасти. Наряду с этим останется в силе приказ об оснащении сухопутной армии оружием и техникой в соответствии с полученным боевым опытом, а также увеличении подвижных войск и наращивании производства танков»[96]. Нацистское руководство исходило из предположения, что скоротечный характер войны против Советского Союза позволит ему ограничиться плановым выпуском военной продукции без тотальной мобилизации всей экономики.

Основываясь на замысле «восточного похода» и предложениях специалистов по экономике, нацистское военное руководство в сентябре 1940 г. приняло так называемую программу «Б» по производству оружия и военной техники для войны против СССР. Этой программой предусматривалось обеспечить к 1 апреля 1941 г. оснащение всем необходимым 200 дивизий сухопутных войск, а также пополнение арсеналов ВВС и ВМС более совершенными видами военной техники[97].

Одной из мер, призванных способствовать выполнению программы «Б», было введение новой классификации степени срочности производства тех или других видов вооружения. Секретным указом Геринга о «срочности программ производства для вермахта» от 20 сентября 1940 г. принятая в июле 1940 г. градация приоритетов была отменена и заменена новой: особая степень срочности, степень срочности 1а, 1б и 2. Для производства вооружения по особой степени срочности предприятия обеспечивались в полном объеме и в кратчайшие сроки рабочей силой, средствами производства, сырьем, энергией и транспортом. К этой категории было отнесено для сухопутных войск производство средних танков типа III и IV, командирских танков, противотанковых орудий новых образцов; для ВВС — самолетов типа Ме-109, Ме-110, Ю-87, Ю-88, До-217, Хе-111, Ю-52 и ДФС-230 и ФВ-190; для ВМС — подводных лодок. По степени срочности 1а и 1б проводилось оснащение подвижных войск танками типа II, бронированными и обычными автомашинами[98].

В соответствии с разработанной программой со второй половины 1940 г. произошли определенные изменения в структуре германского военного производства. Если до 1940 г. на производство боеприпасов падало 40,9 % общей стоимости производимого вооружения (первое место, на втором стояло производство самолетов — 38,5 % всех средств), то, основываясь на опыте Западной кампании, в которой расход боеприпасов был невелик, было решено сократить их производство: артиллерийских — наполовину, пехотных — на одну треть. В 1941 г. их доля в общей стоимости производимого вооружения стала составлять только 25,2 %, а доля самолетостроения поднялась до 40,8 %[99]. Авиационная промышленность Германии и присоединенных территорий выпустила в 1940 г. 10 250 единиц, а в 1941 г. — 11 030 военных

самолетов всех типов (прирост — 7,6 %)[100]. Основное внимание во время подготовки к нападению на СССР обращалось на ускоренное производство истребителей, но их выпуск все еще отставал от выпуска бомбардировщиков.

Самой приоритетной программой военного производства со второй половины 1940 г. стало производство бронетанковой техники, выросшее за год в два раза. Если за весь 1940 г. было выпущено 1643 легких и средних танков, то лишь за первую половину 1941 г. их выпуск составил 1621 единицу[101]. В январе 1941 г. ОКВ потребовало, чтобы в ближайшее время ежемесячное производство танков и бронетранспортеров было доведено до 1250 машин. Кроме танков создавались колесные и полугусеничные бронеавтомобили и бронетранспортеры с 7,62 и 7,92-мм пулеметами, 20-мм зенитными и 47-мм противотанковыми пушками и огнеметами. Их выпуск вырос с 511 в 1940 г. до 1332 в 1941 г.

Много внимания уделялось производству артиллерийского и стрелкового вооружения. В 1941 г. было произведено 7092 орудия калибра свыше 75 мм. Особенно быстро увеличивалось число тяжелых пехотных орудий, 210-мм мортир, 150-мм полевых гаубиц[102]. Если выпуск карабинов образца К 98 оставался на уровне 1940 г., то пулеметов МГ-34 и пистолетов-пулеметов почти удвоился. Наращивалось производство взрывчатых веществ, пороха, снарядов для зенитных орудий, авиабомб.

Продолжала выполняться программа строительства военно-морских сил. В период с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. были спущены на воду один линейный корабль и два тяжелых крейсера. Однако главная ставка делалась на создание подводного флота. Если за пять предвоенных лет было построено 57 подводных лодок, то с начала войны по июнь 1941 г. — 147[103].

В первые месяцы 1941 г. рост германских вооружений достиг наивысшего уровня. Месячное производство, например, танков составляло во втором квартале 1941 г. 306 машин по сравнению со 109 на тот же период 1940 г. По сравнению с вооружением сухопутной армии на 1 апреля 1940 г. его рост к 1 июня 1941 г. выражался в следующих цифрах: по легким 75-мм пехотным орудиям — в 1,26 раза, по боеприпасам к ним — в 21 раз; по тяжелым 149,1-мм пехотным орудиям — в 1,86 раза по боеприпасам к ним — в 15 раз; по легким 105-мм полевым гаубицам — в 1,31 раза, по боеприпасам к ним — в 18 раз; по тяжелым 150-мм полевым гаубицам — в 1,33 раза, по боеприпасам к ним — в 10 раз; по 210-мм мортирам — в 3,13 раза, по боеприпасам к ним — в 29 раз[104]. Как видно, в связи с подготовкой к войне против СССР выпуск боеприпасов был значительно увеличен, что позволило полностью обеспечить войска вермахта. Только для осуществления начальной стадии операции «Барбаросса» было выделено около 300 тыс. т боеприпасов[105].

Германское руководство стремилось повысить качественные показатели немецкого оружия и военной техники. Этим целям служило улучшение структуры станочного оборудования в военной промышленности. Туда направлялась большая часть новых станков. На 30 станкостроительных заводах Германии были разработаны и запущены в производство 140 новых типов станков специального назначения, а также кузнечно-прессового оборудования, автоматических и полуавтоматических станков. В стоимостном выражении производство оружия и снаряжения увеличилось с 700 млн марок в 1939 г. до 2 млрд марок в 1941 г. Доля военной продукции по отношению к общей промышленной продукции возросла с 9 % в 1939 г. до 19 % в 1941 г.[106]

Производимое Германией накануне войны вооружение по своим тактико-техническим данным в основном отвечало требованиям времени. Руководству вермахта удалось значительно уменьшить существовавшую в период Западной кампании 1940 г. неоднородность в материально-техническом оснащении войск. Вооружение стало более стандартным, а его распределение — более равномерным. Ряд образцов вооружения вермахта превосходил соответствующее вооружение Красной армии по тактико-техническим данным и эффективности боевого применения. Это в первую очередь относилось к авиации, автоматическому стрелковому оружию.

Начиная с осени 1940 г. германское руководство военной экономикой предприняло конкретные шаги для использования промышленного потенциала оккупированных и зависимых

стран в своих милитаристских целях. Прежде всего, нуждам вермахта была подчинена военная промышленность Чехословакии. Заводы «Шкода» выпускали для вермахта артиллерийские системы: 240-мм пушки М-16, 170-мм и 210-мм пушки, 210-мм мортиры. Авиационная промышленность Чехословакии производила до 1500 самолетов в год. Для вермахта было налажено также производство оптических приборов, средств связи, химического, инженерного и другого снаряжения. За счет Чехословакии военно-промышленная база Германии увеличилась по производству артиллерии, стрелкового оружия и боеприпасов примерно на 20–25, по производству самолетов, танков и тягачей — на 15–20 %[107].

Военно-экономическая организация вермахта максимально использовала производственные мощности авиационной и автомобильной промышленности Франции. На основе немецких заказов на 1941 г. французские авиастроительные предприятия поставили Германии самолетов и авиамоторов на сумму 5420 млн франков. Заказы вермахта были размещены на 14 тыс. французских предприятиях, где было занято около 3 млн человек, или более 60 % всех промышленных рабочих. Объем немецких заказов во Франции только на 1941 г. превысил 49,3 млрд франков[108]. В Бельгии германская военная администрация взяла под свой контроль все отрасли промышленности, необходимые для военного производства, и координировала поставки Германии самолетов, различного вооружения, боеприпасов, средств связи, приборов, автомашин, судов. В Голландии для вермахта производилаись аппаратура связи, различное электротехническое оборудование. В первой половине 1941 г. 70 % всех производственных мощностей голландской промышленности работало на Германию и ее вермахт. С начала оккупации и до конца 1941 г. сумма немецких военных заказов, размещенных в различных отраслях промышленности Голландии, повысилась до 2430 млн марок[109]. Даже в Дании, не располагавшей мощной военной промышленностью, с мая 1940 по 1941 г. были размещены заказы на вооружение и боеприпасы стоимостью 101 млн марок. За это же время из текущего производства Дании для нужд вермахта было поставлено различного вооружения, судов, средств связи на сумму 64 млн марок. В Норвегии на германскую армию работал концерн «Норвежское акционерное общество взрывчатых веществ».

Таблица 9

Заказы вермахта на вооружение в оккупированных странах Европы на 1 апреля 1941 г.[110]

Наименование страны (территории)	Количество предприятий, привлеченных к выполнению заказов	Стоимость заказов (в тыс. рейхсмарок)
Генерал-губернаторство (Польша)	271	263 250
Дания	268	51 523
Норвегия	275	59 005
Голландия	640	759 296
Бельгия — Северная Франция	1980	485 350
Франция (оккупированная зона)	1442	1 699 032
ИТОГО:	4876	3 317 456

Накоплению вермахтом вооружений способствовало и то, что в течение почти десяти месяцев (с июля 1940 по апрель 1941 г.) он не вел боевых действий на сухопутных театрах. Кроме того, к собственным запасам оружия, военной техники и боеприпасов прибавилось огромное количество трофеев. В распоряжение вермахта перешло вооружение 30 чехословацких, 34 польских, 92 французских, 12 английских, 22 бельгийских и 9 голландских дивизий, а также огромные запасы различного снаряжения и боеприпасов.

Заказы вермахта выполняли также предприятия союзников Германии и некоторых нейтральных стран. Из Италии для вермахта поставлялись электромашины для подводных

лодок, моторы, боеприпасы, отдельные виды вооружения. Крупные машиностроительные предприятия Венгрии — «Манфред Вайс», «Маваг», «Ганц», «Данубия» и другие были переключены на производство для германской армии орудий, минометов, стрелкового оружия. По германским заказам Швеция поставляла для вермахта артиллерийские орудия и другую военную технику. Стоимость поставок вооружения, боеприпасов, а также стратегических материалов из Швейцарии превысила в 1941 г. 541,3 млн швейцарских франков[111].

К началу нападения на Советский Союз управление военной экономики и вооружений ОКВ располагало почти во всех странах Европы сетью представительств, в задачу которых входило организовать использование экономических потенциалов и ресурсов союзных или оккупированных территорий в интересах Германии. Кроме того, в Протекторате Богемии и Моравии, Польше, Бельгии, Нидерландах находились инспекции этого управления по вопросам вооружения. В Дании и Норвегии действовали военно-экономические штабы. Разветвленный аппарат ограбления имелся и во Франции. Там существовали три инспекции по вопросам вооружений, к которым в свою очередь примыкали еще девять инстанций. В Югославии действовал военно-экономический штаб Сербии с представителем этой службы для Хорватии. В Греции вопросами экономики занималось специальное германское командование[112]. В таких странах, как Италия, Румыния, Болгария, Венгрия, Словакия, Финляндия, Швеция и Швейцария, вермахт содержал специальные военно-экономические организации. Широкую деятельность развили многочисленные уполномоченные различных ведомств Германии, а также представители крупнейших фирм.

Рассматривая динамику развития военного производства Германии в период непосредственной подготовки нападения на Советский Союз, можно констатировать непрерывный рост производства вооружения и военных материалов в конце 1940 — первой половине 1941 г. Если в сентябре — декабре 1939 г. среднемесячный выпуск военной продукции составлял в стоимостном выражении 583 млн марок, то во втором квартале 1941 г. он почти удвоился и был равен 1099,8 млн марок[113]. Об обеспечении «восточного похода» необходимым оружием, военной техникой и боеприпасами свидетельствуют данные таблицы 10.

Таблица 10

Производство вооружения, военной техники и боеприпасов для сухопутных войск в период с 01.09.1940 г. по 01.04.1941 г. по программе вооружений «Б»[114]

Вооружение и боевая техника	Достигнутый уровень производства по сравнению с плановым	Количество по состоянию на 1 апреля 1941 г.	Соответствующие виды боеприпасов	
			Уровень производства по сравнению с плановым (в %)	Количество по состоянию на 1 апреля 1941 г.
Пистолеты	95	716 300	-	-
Автоматы	163	144 460	115	302 800 000
Карабины «маузер» обр. 1898 г.	106	4 198 800	-	-
Пулеметы	123	192 600		9 552 000 000
Противотанковые ружья обр. 38/39	86	18 101	22	2 043 700
Тяжелые противотанковые ружья обр. 1941 г.	9	130	16	188 500
20-мм зенитные пушки	100	1933	-	32 778 000
20-мм счетверенные зенитные установки	75	69	-	
20-мм танковые пушки	188	2711	-	14 300 900
37-мм танковые пушки*	-	1459	-	2 778 600
50-мм танковые пушки	80	1138	46	66 800

75-мм танковые пушки и штурмовые орудия	10	1151	83	2 219 400
37-мм противотанковые пушки	80	148	51	18 680 800
50-мм противотанковые пушки обр. 1938 г.		719	-	713 100
Легкие минометы обр. 1936 г.	110	14 913	104	31 982 200
Тяжелые минометы обр. 1934 г.	114	10 549	104	12 436 000
100-мм химические минометы	96	459	-	1 523 000
Химические минометы «Д»	77	411	50	199 500
Легкие пехотные орудия обр. 1918 г.	84	3951	-	7 953 600
Тяжелые пехотные орудия обр. 1933 г.	91	797	79	1 153 300
Горные пушки обр. 1936 г.	169	96	-	858 400
Легкие полевые пушки обр. 1918 г.	29	106	-	151 500
Легкие полевые гаубицы	94	6854	139	25 051 000
Тяжелые 100-мм пушки обр. 1918 г.	98	730	97	2 323 600
Тяжелые полевые гаубицы обр. 1918 г.	110	2750	82	5 540 700
210-мм минометы	95	346	64	433 100
37-мм самоходные пушки (чешск.)	-	-	78	2 542 100
Тяжелые полевые гаубицы 25 (чешск.)	-	-	72	187 400
Тяжелые 240-мм пушки	-	-	65	941
Тяжелые 240-мм гаубицы	-	-	22	2148

* Выпуск приостановлен, так как производились танки типа III с 50-мм пушкой.

Примечание. Незаполненные места означают виды боеприпасов, производство которых было определено заранее в связи с имевшимися достаточными запасами этих боеприпасов.

Предпринятые нацистским руководством меры позволили ему обеспечить вермахт всем необходимым вооружением и боеприпасами для войны против СССР. Но расчеты делались из краткосрочного, молниеносного характера предстоящей кампании. Предполагалось, что по расходу оружия и боеприпасов она принципиально не будет отличаться от прежних кампаний вермахта.

Весной 1939 г. завершилось составление плана военно-экономической мобилизации страны. 11 мая Кейтель подписал «Основные указания о единой подготовке обороны империи», предусматривавшие проведение мобилизационных мероприятий по всей стране. Были изданы указания об укреплении сотрудничества генерального уполномоченного по военной экономике с управлением военной экономики и вооружений ОКВ. Им вменялась в обязанность разработка совместного военно-экономического мобилизационного плана, для чего создавался комитет центрального планирования. Все предприятия по производству вооружения отныне подчинялись управлению военной экономики и вооружений ОКВ. При дирекциях имперских железных дорог назначался представитель этого управления.

Летом 1939 г. в области экономики были предприняты новые меры: использование сырья разрешалось только в соответствии с мобилизационным планом, строго регламентировалось потребление электроэнергии, нефти, железа, легирующих металлов, каучука, цемента текстиля, целлюлозы. В это же время было закончено составление мобилизационных планов всех предприятий. Был издан закон «О государственных повинностях», по которому военные органы получили право реквизировать у населения для нужд армии лошадей, повозки и другое имущество[115].

Одним из важнейших документов по дальнейшей мобилизации промышленности явился декрет о военной экономике от 4 сентября 1939 г.

На его основании имперский министр хозяйства имел право в случае необходимости, при нехватке сырья и рабочей силы, объединять предприятия в интересах создания лучших производственных условий. Разрешались консервация или сокращение производства на мелких и технически устаревших предприятиях[116].

Все эти и другие мероприятия по мобилизации экономики позволили обеспечить материальную подготовку вермахта к осуществлению молниеносных кампаний на Западе. С их помощью были также заложены основы экономической готовности фашистской Германии к длительной, тотальной войне за достижение мирового господства. Однако в расчетах на длительную войну ставка делалась не только на форсирование собственных усилий, но еще в большей мере на использование экономики захваченных стран. За их счет предполагалось постоянно увеличивать военно-экономический потенциал Германии, добиваться преобладания над своими противниками в этой области. С этой целью многочисленные государственно-монополистические организации разрабатывали планы экономического ограбления оккупированных территорий и с помощью вермахта осуществляли захват промышленных и сырьевых ресурсов европейских стран.

В мае 1940 г. отделом хозяйственной политики министерства иностранных дел Германии были разработаны предложения по созданию «германского колониального рейха». Они предусматривали, в частности, образование «великого экономического пространства», которое включало бы Словакию, Протекторат Богемии и Моравии, Польшу, Голландию, Бельгию, Люксембург, Данию и Норвегию. В последующем предполагалось присоединить к нему всю Скандинавию и дунайские страны, а также Прибалтику. Предусматривалось дальнейшее расширение германской колониальной империи за счет бывших немецких колоний в Африке, Бельгийского Конго, Французской Экваториальной Африки, Британской Нигерии. В перспективе планировалось расширить область экономической экспансии на страны Ближнего Востока и Южную Америку. 2 августа 1940 г. директивой Геринга определялась необходимость использовать во время войны интересующие хозяйственные объекты оккупированных стран[117].

Перед нападением на Советский Союз в германской экономике был разработан и осуществлен на практике ряд новых организационных мер для пополнения запасов стратегического сырья и форсирования производства вооружения. Для мобилизации всех энергетических ресурсов в начале 1941 г. были созданы имперские производственные объединения «Нефть» и «Уголь», ведущую роль в которых играли представители крупнейших германских концернов[118]. Военно-экономические учреждения Германии развернули бурную деятельность по обеспечению плана «Барбаросса». Особое внимание уделялось выполнению мобилизационных планов производства танков, самолетов, артиллерийско-стрелкового вооружения. При этом предусматривалось в дальнейшем использование производственных мощностей на захваченных территориях СССР. В этих целях 9 июня 1941 г. при государственном уполномоченном по четырехлетнему плану был создан военно-экономический штаб «Восток», которому подчинялись четыре хозяйственные инспекции[119].

С другой стороны, под влиянием военных успехов на Западе, Гитлер считал, что экономическая жизнь не нуждается в столь большой перестройке, как это предусматривалось мобилизационными планами[120]. В то же время германское руководство видело и слабые стороны мобилизационных планов и мероприятий, связанных в первую очередь с трудностями в обеспечении экономики сырьем и рабочей силой. Но уверенность в успехе новой скоротечной войны позволяла правящим кругам Германии делать расчеты на то, что можно будет обеспечить экономические потребности вермахта, сохранив на необходимом уровне гражданские отрасли промышленности для обеспечения внутренней стабильности и социального спокойствия.

Важным элементом в осуществлении стратегии блицкрига был пошаговый захват экономических потенциалов других стран, что позволяло за их счет преодолевать трудности

собственной экономики. Немецкий историк Р.-Д. Мюллер пишет, что «Гитлер вкладывал в понятие блицкрига такую целеустремленную военную стратегию, которая имела своей целью получение необходимых средств для ведения длительной войны». Отсюда следует и одна из формул агрессии: «Война кормит войну»[121].

Анализ состояния предвоенной германской экономики показывает, что гитлеровская Германия не была обеспечена необходимыми сырьевыми ресурсами для ведения длительной войны. Немецкая промышленность в высокой степени зависела от импорта. Выход из создавшегося положения германское руководство видело в проведении последовательных «молниеносных» кампаний против соседних государств и захвате их экономических ресурсов. Эта концепция предусматривала внешнеполитическую изоляцию противников и их быстрый разгром поодиночке. Она допускала нарушение международного права, применение преступных способов и методов ведения войны, проведение широкого террора в захваченных странах для полного подчинения. Так, планы захвата Голландии, Бельгии, Северной Франции предусматривали в первую очередь захват и использование экономических ресурсов этих стран. Те же цели ставились при захватах соседних государств на севере Европы и на Балканах.

В целом германские теоретики, ориентировавшиеся на развитую военную экономику, высказывали требование, чтобы: 1) военные операции согласовывались с ведением экономической войны, 2) военная экономика стояла на службе военных операций и 3) планы военных операций проводились в жизнь при четком согласовании с экономическими задачами[122]. В действиях вооруженных сил они видели важнейшее средство ведения экономической войны. «Целью должно быть не только уничтожение вооруженных сил противника, — писал Томас, — но и захват его военного потенциала, в особенности, его экономики. И только если будут обеспечены военные и экономические цели, в будущем может быть достигнута и политическая цель войны»[123]. Эти требования стали доктринальными, хотя в различной степени учитывались разными видами вооруженных сил Германии. Для военно-воздушных сил, например, главная задача состояла в разрушении экономического потенциала противника. ВМС главную цель видели в «торговой войне», а поэтому их основной задачей был контроль за морскими коммуникациями. Сухопутные войска должны были осуществлять непосредственный захват территории с находящимися на ней сырьевыми ресурсами и промышленными объектами[124].

Используя такие преимущества, как отмобилизованность вооруженных сил, наличие современного оружия и военной техники, ее проверку в западных кампаниях, немецкое руководство считало, что и в войне против Советского Союза Германии также удастся осуществить блицкриг. Экономический штаб ОКВ рассчитывал захватить около 75 % всей советской промышленности, а также необходимые сырье и продовольствие[125]. Руководители германской экономики провели специальные исследования по вопросам взаимодействия в решении оперативных задач и военной экономики. Они рассчитывали на быструю «оккупацию пшеничных полей Украины и кавказских нефтяных месторождений», захват богатых трофеев[126].

По указанию Гитлера в оперативных планах вермахта большое внимание обращалось на удаленные регионы Советского Союза (Кавказ, Урал), а также окраинные зоны (Балтийское и Черное моря). В этом смысле учет военно-экономических причин и экономических целей войны явно довлел над оперативным планированием[127]. Управлению военной экономики и вооружений ОКВ были даны указания подготовить информацию о советской военной промышленности, энергетической и дорожно-транспортной сети, источниках сырья, месторождениях нефти, а также представить общие сведения о гражданской экономике СССР.

Экономическая подготовка Германии к войне осуществлялась в двух направлениях. Создавалась необходимая хозяйственная база для ведения длительной тотальной войны и достижения конечной цели германского империализма и фашизма — завоевания мирового господства. Одновременно просматривалось создание таких экономических предпосылок,

которые позволили бы, максимально сохраняя гражданские отрасли народного хозяйства, экономически обеспечивать условия для успешного проведения отдельных молниеносных кампаний. Если к началу войны развитие первого направления не достигло необходимого уровня, то процесс расширенного вооружения в применении к стратегии молниеносной войны получил в экономической области необходимую базу, способную определенное время выдержать нагрузки скоротечных военных кампаний. Узким местом военной экономики Германии оставалась ее нестабильная обеспеченность стратегическим сырьем, а также недостаток людских ресурсов.

Таким образом, в экономическом отношении Германия была подготовлена к ведению ограниченных по времени войн, что выражалось, прежде всего, в превосходстве над противником в вооружении. Успех гитлеровцев в кампаниях против Польши, Франции, других стран создал у командования вермахта и руководства военной экономикой уверенность, что и война против СССР может быть выиграна в ходе одной скоротечной кампании и без полного мобилизационного напряжения экономики. В недооценке возможности длительное время противостоять коалиции более сильных в военном и экономическом отношении держав проявились недальновидность и авантюризм германского политического и военного руководства.

Начиная войну против СССР, Германия также надеялась, что ей не придется вести войну на два фронта, за исключением морских и воздушных операций на Западе. Немецкое военное командование вместе с представителями германской промышленности строило планы быстрого захвата и освоения природных ресурсов, промышленных предприятий и рабочей силы Советского Союза. На этой основе руководство Третьего рейха считало возможным в короткие сроки увеличить свой военно-экономический потенциал и предпринять дальнейшие шаги к достижению мирового господства.

Планирование агрессии и мобилизация сил фашистского блока

18 декабря 1940 г. А. Гитлер подписал директиву № 21, в которой под грифом «Совершенно секретно. Только для командования!» содержался план нападения на Советский Союз. Плану было дано условное название «Барбаросса» — прозвище воинственного средневекового германского короля Фридриха I, императора Священной Римской империи.

Директива начиналась словами: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии...

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.»[128].

Появление директивы как бы подтвердило итог первого этапа подготовки агрессии против СССР, которая активно велась с лета 1940 г., и начало ее завершающего этапа. К этому времени жертвами германской агрессии уже стали Австрия, Чехословакия, Польша, Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Люксембург и Франция. Последним оборонительным бастионом на Европейском континенте оставался СССР.

С призывами уничтожить СССР Гитлер выступал с начала своей политической карьеры. В его книге «Моя борьба», неоднократно переиздававшейся со второй половины 1920-х годов вплоть до нападения Германии на СССР в 1941 г., утверждалось, что немцам якобы катастрофически не хватает «жизненного пространства», что решить эту проблему можно только путем завоевания и заселения немцами «земель России и подвластных ей окраинных государств», что только таким образом можно будет обеспечить Германии статус «мировой державы», способной вести борьбу за мировое господство[129].

Это преступное намерение нацисты пытались обосновать, исходя из своего расистского мировоззрения. Гитлер утверждал, что громадная Российская империя якобы существовала исключительно благодаря наличию в ней «государствообразующих германских элементов среди неполноценной расы», что без «германского ядра», утраченного в ходе революционных событий в конце Первой мировой войны, она уже созрела для распада[130]. Русских и славян в целом нацисты относили к неполноценной расе, недостойной иметь своей государственности. «У славян вообще, — заявлял Гитлер, — отсутствует всякая способность в какой-либо организаторской деятельности. Они не обладают никакой государствообразующей и созидательной силой»[131]. А. Розенберг и другие идеологи нацистского движения распространяли расистские измышления, утверждая, что большевизм в России — это не что иное, как «восстание монголоидов против нордической культуры», поставивших перед собой цель «присвоить себе всю Европу»[132]. Одновременно для оправдания замышлявшегося «похода на Восток» Гитлер использовал широко распространенный в то время тезис антисоветской пропаганды о стремлении большевиков к «порабощению мира».

Гитлер незадолго до своего назначения 30 января 1933 г. рейхсканцлером при обсуждении со своими ближайшими соратниками вопросов, связанных с будущим захватом и разделом СССР, заявил: «Вся Россия должна быть расчленена на составные части. Эти компоненты являются естественной имперской территорией Германии»[133].

Через несколько дней после назначения рейхсканцлером на первом же совещании с высшим командованием вооруженных сил Германии Гитлер объявил, что его программной целью является «захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация»[134].

Придавая «решающее значение» реализации планов расширения германского «жизненного пространства» за счет Советского Союза, Гитлер и Розенберг уделяли много внимания изложению своих взглядов на отношения с другими государствами. В предстоящей войне против СССР в одних они еще до установления нацистского господства в Германии усматривали своих противников, а в других — союзников. Для того чтобы перед нападением на СССР обеспечить Германии свободу тыла на Западе, Гитлер и Розенберг намеривались разгромить Францию. Они причисляли ее к числу «самых смертельных врагов немецкого народа», утверждая при этом, что французы из-за смешения с африканцами «выродились в расовом отношении» и потому стали представлять «угрозу для существования белой расы в Европе». Себя же они пытались представить борцами за «очищение Европейского материка от распространяемых Францией болезнетворных микробов из Африки и Сирии»[135].

К числу своих противников нацисты относили и связанные договорами о союзе с Францией страны Малой Антанты и Польшу.

В первые годы после войны 1914–1918 гг. руководство нацистской партии к числу «абсолютных врагов» Германии относило и Англию. Захват Англией большей части германских колоний оно расценивало как «невосполнимую утрату»[136]. Однако вскоре нацисты убедились, что в Англии есть политики, которые не хотели бы дальнейшего усиления Франции и на этом основании сочувственно относятся к побежденной Германии. Это стало очевидно, когда в 1923 г. Англия совместно с Италией и США решительно выступила против Франции, которая в ответ на саботаж Германией репарационных платежей оккупировала ключевые промышленные районы Рура. Под их давлением Франция в 1924 г. вывела свои войска из Рура. После этого нацисты постепенно свернули свою антианглийскую пропаганду, преследуя при этом цель углубить выявившуюся разницу в подходе Англии и Франции к вопросу о политике в отношении побежденной Германии. С середины 1920-х годов нацистское руководство, учитывая недружественную (если не враждебную) политику Англии по отношению к СССР, воспринимало ее как вероятного союзника. Сделать Англию своей союзницей в борьбе против СССР Гитлер надеялся путем временного отказа от укрепления морской мощи Германии и претензий на возвращение Германии отнятых у нее заморских владений[137]. В своих публичных заявлениях Гитлер стал подчеркивать, что он является сторонником установления дружественных отношений с Англией, но с условием,

Военный парад немецких войск в Берлине у Бранденбургских ворот

Пока они еще красуются на парадах...

чтобы она не чинила ему препятствий в борьбе за установление германского господства в континентальной Европе.

Фашистскую Италию, считал Гитлер, следует рассматривать «как союзницу в самую первую очередь», поскольку она является антиподом демократии, врагом большевизма и руководствуется империалистической политикой «вечного Рима»[138].

К числу вероятных союзников Германии нацисты до прихода к власти причисляли также хортистскую Венгрию, проявлявшую враждебность к Югославии, и Испанию, в силу ее «антипатий» к колониальной деятельности Франции в североафриканских колониях. С одобрением они отзывались о действиях Японии в конце 1920-х гг., направленных на подрыв статуса-кво в Азии[139], а также о превращении ею в 1931–1932 гг. Маньчжурии в военный плацдарм у дальневосточных границ СССР.

Созданное 30 января 1933 г. правительство «национальной концентрации» во главе с Гитлером в первую очередь сосредоточило внимание на ликвидации своих политических противников и тех демократических порядков, которые были установлены в Германии в ходе Ноябрьской революции 1918 г. Достижению этих целей способствовало то, что из всех политических партий Германии против допуска нацистов к власти выступила лишь одна Коммунистическая партия Германии, 30 января 1933 г. она обратилась ко всем рабочим организациям ответить на назначение Гитлера рейхсканцлером проведением генеральной забастовки. Но этот призыв не был поддержан правлением Социал-демократической партии Германии (СДПГ). 31 января оно призвало членов своей партии оставаться «на почве конституции», утверждая, что «предпринятые самовольно на свой страх и риск» выступления против гитлеровского правительства нанесут «тяжелейший ущерб всему рабочему классу»[140].

Руководители буржуазных партий далеко не все довольные тем, что руководство страной оказалось в руках нацистов, еще более чем лидеры СДПГ опасались генеральной забастовки, которая могла привести к обострению мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Поэтому коммунисты в своем противостоянии нацистам оказались в одиночестве.

Гитлеровское правительство немедленно воспользовалось этой благоприятной для него ситуацией для ликвидации своих политических оппонентов. Первый удар оно нанесло по германским коммунистам, лживо обвинив их в организации пожара, возникшего вечером 27 февраля 1933 г. в здании рейхстага, и в заговоре против государства. На следующий день по настоянию Гитлера и других членов правительства рейхспрезидент П. Гинденбург издал декрет «О защите народа и государства», по которому были отменены все конституционные гарантии прав и свобод граждан. Против КПГ и других противников нацистов был развернут пропагандистский и уличный террор. В течение марта 20 тыс. функционеров КПГ и профессиональных союзов были брошены в созданные нацистами концентрационные лагеря[141]. Сотни их были убиты. Несмотря на это, в марте 1933 г. за коммунистов на выборах в рейхстаг проголосовало 5 млн немцев. Тогда гитлеровское правительство объявило КПГ вне закона. 24 марта рейхстаг большинством голосов депутатов от буржуазных партий принял «Закон о преодолении бедственного положения народа рейха», давший гитлеровскому правительству право в течение четырех лет принимать законы без участия рейхстага, рейхсрата и президента. В дальнейшем этот закон неоднократно продлевался. Пользуясь им, гитлеровское правительство в мае 1933 г. запретило «свободные профсоюзы», в начале июля запретило деятельность СДПГ и добилось самороспуска буржуазных партий, а также издало законы, по которым нацистская партия (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия — НСДАП) была объявлена единственной «носительницей немецкой государственности», а попытки восстановить или создать новые партии карались заключением в каторжную тюрьму сроком до трех лет[142].

Такое начало правления нацистов во многом объяснялось тем, что подавляющее большинство немцев во время мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. разуверилось в прежней форме правления страной, ее способности преодолеть обрушившиеся на них тяжелые испытания. Оно не встало на защиту демократических свобод от посягательств на них

нацистами, не прислушалось к голосам тех сограждан, которые предупреждали, что Гитлер втянет страну в войну, где ее ожидает новая катастрофа.

После роспуска всех буржуазных партий их бывшие члены начали в массовом порядке вступать в НСДАП. Формально вступление в нацистскую партию было добровольным, но принимали в ее ряды не всех немцев. НСДАП, по замыслам ее руководства, должна была представлять «элиту народа», хранительницу основанного на «родстве крови» и «общности судьбы» немецкого «народного сообщества». Для вступления в нее кандидат должен был доказать, что его предки, начиная с 1800 года, не состояли в браках с «неполноценными» в расовом отношении людьми. Таких чистокровных немцев в Германии оказалось не более 11 %. К началу Второй мировой войны численность членов НСДАП возросла с 849 тыс. до 5 млн человек[143].

Деятельность НСДАП в 1933–1945 гг. направлялась фюрером партии Гитлером, рейхслейтерами НСДАП, занимавшими высшие руководящие посты в одной из сфер партийной деятельности (например, Р. Гесс — до мая 1941 г. заместитель фюрера по партии, М. Борман — с мая 1941 г. заместитель фюрера по партии и руководитель партийной канцелярии, Г. Гиммлер — рейхсфюрер СС, В. Лутце — начальник штаба СА (штурмовых отрядов), А. Розенберг — руководитель внешнеполитического управления НСДАП и т. д.), а также многочисленными местными партийными функционерами, начиная с гаулейтеров, руководивших партийными организациями областей, до блоклейтеров в жилых кварталах. Общая численность этих сотен тысяч партийных функционеров увеличивалась по мере роста рядов партии[144]. Они насаждали в стране культ Гитлера, воспитывали немецкий народ в духе воинственного расистского национал-социалистического мировоззрения, следили за беспрекословным выполнением на местах всех распоряжений высшего политического руководства страны.

На основе законов от 28 февраля и 24 марта 1933 г. была проведена «унификация», то есть создание единообразной системы управления государства и общества. В ходе унификации были распущены демократические органы власти — ландтаги, суверенные права земель были переданы рейху, правительства земель подчинены имперскому кабинету. Поставленные в земли Берлином имперские наместники из числа нацистских гаулейтеров могли назначать и смещать по своему усмотрению чиновников, а также судей, издавать местные законы[145].

Одновременно гитлеровское правительство большое внимание уделяло укреплению аппарата террора для подавления и уничтожения политических и идейных противников НСДАП. Его основу составили созданные еще до прихода Гитлера к власти такие подразделения НСДАП, как СА (Sturmabteilungen — SA) — штурмовые отряды, СС (Schutzstaffeln; SS) — охранные отряды, СД (Sicherheitsdienst des Reichsführer SS; SD) — служба безапасности, подчиненная рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру политическая полиция, которая получила официальное название Тайная государственная полиция — гестапо (Geheime Staatspolizei), чрезвычайные суды, созданные по приказу Гитлера от 21 марта 1933 г. для быстрого вынесения приговоров без предварительного следствия и доказательства вины подсудимых, концлагеря, которыми с лета 1934 г. управлял также Гиммлер, и, наконец, созданная по приказу Гитлера 24 апреля 1934 г. вместо прежнего Имперского суда так называемая Народная судебная палата — трибунал, выносивший смертные приговоры по обвинению в государственной измене. Поводом для создания этого трибунала явилось то, что во время Лейпцигского процесса над видным коммунистом Г. Димитровым, состоявшегося после поджога рейхстага, имперский суд, вопреки расчетам нацистской верхушки, не подтвердил ее мнимую версию о якобы существующем коммунистическом антигосударственном заговоре.

По приказу Гиммлера от 27 сентября 1939 г. главное управление гестапо, главное управление уголовной полиции и два главных управления СД, одно из которых занималось политическим шпионажем в своей стране, а другое за рубежом, были включены в состав нового эсэсовского органа — Главного управления имперской безопасности (РСХА). Непосредственное руководство РСХА было возложено на руководителя СД Р. Гейдриха. Террористическая деятельность этого органа в годы войны распространилась далеко за пределы Германии, на все народы Европы, оказавшиеся под властью немецких оккупантов[146].

Опираясь на широко разветвленный и вездесущий аппарат политического террора, нацистская верхушка добилась того, что немцы накануне и во время Второй мировой войны могли чувствовать себя в относительной безопасности лишь в случае беспрекословного повиновения установленному в стране диктаторскому режиму. Вместе с тем нацистская верхушка понимала, что для удержания власти в своих руках недостаточно требовать от немцев лишь основанной на страхе лояльности, что необходимо достичь практически полного одобрения ими ее внутренней и внешней политики. Поэтому гитлеровское правительство уделяло немало внимания решению доставшихся в наследство от мирового экономического кризиса социальных проблем. Ему удалось до начала Второй мировой войны почти полностью ликвидировать в стране безработицу. На создание новых рабочих мест было израсходовано от 7 до 8 млрд марок[147]. На эти средства было развернуто строительство шоссейных и железных дорог, сооружение водных путей, общественных и жилых зданий и т. д. Ликвидации массовой безработицы способствовали введение в марте 1935 г. всеобщей воинской повинности, строительство и ввод в строй новых военных предприятий, создание военных укреплений, в том числе так называемой «линии Зигфрида», которая прикрывала границу Германии с Бельгией и Францией. По сравнению с кризисным 1932 г. реальная почасовая оплата труда рабочих в 1939 г. возросла на 7 % при увеличении за этот же период рабочей недели в среднем с 41,7 до 48,5 часов[148]. Материальное положение рабочих и служащих в целом в основном благодаря ликвидации массовой безработицы несколько улучшилось.

Перед войной нацистскому режиму удалось создать себе достаточно прочную социальную базу и среди сельского населения. Крупным землевладельцам и зажиточным крестьянам предоставлялись кредиты, в их интересах проводилась таможенная и тарифная политика. По некоторым данным, на эти цели было израсходовано более 1 млрд марок[149].

Одновременно нацистская верхушка вела массированную идеологическую обработку немцев. Ею руководил рейхслейтер Й. Геббельс, возглавивший в марте 1933 г. имперское министерство народного просвещения и пропаганды. Из сознания немцев систематически искоренялись демократические и гуманистические идеи, каждодневно насаждались культ Гитлера как «гениального» «народного вождя», презрение и ненависть к евреям, славянам, французам и другим народам как представителям низшей расы, которые должны либо исчезнуть, либо стать рабами немцев — представителей арийской «расы господ»; а также идея о том, что для «обеспечения существования и размножения» немцев якобы не хватает земли. Реакционные «расовая теория» и «теория жизненного пространства», служившие обоснованием подготовки и ведения захватнических войн, зародились в Германии задолго до прихода нацистов к власти. Но только при них они получили статус государственной идеологии, охватившей широкие слои населения.

Повсеместное распространение получила идея «Volksgemeinschaft», что в переводе на русский язык звучит как «народное сообщество». Суть этой идеи сводилась к тому, что «социальное единство» всех немцев, как в Германии, так и за рубежом, независимо от их гражданства, принадлежности к тому или иному сословию или профессиональной группе, определяется биологическим фактором, а именно «общностью крови», унаследованной от древних «арийцев»[150]. Эта идея использовалась нацистской верхушкой для оправдания ликвидации в Германии политического плюрализма, установления в стране однопартийной системы, а также распространения своего влияния на германоязычное население других стран.

Опираясь на партию, СА и СС, нацистская верхушка, насаждала свое мировоззрение всему населению страны. Для этого были созданы три массовые организации: Немецкий трудовой фронт (сокр. ДАФ от Deutsche Arbeitsfront), Имперское продовольственное сословие (сокр. RN от Reichsnährstand) и Имперская палата культуры (сокр. RKK от Reichskulturkammer). В ДАФ были включены немцы, занятые в сфере промышленного производства (предприниматели, рабочие и служащие), в RN — немцы, занятые в агропромышленном комплексе (крупные землевладельцы, крестьяне, владельцы предприятий по переработке и сбыту сельскохозяйственной продукции), в PKK — часть населения, занятая различными

Бойцы Гитлерюгенда

видами искусств или работающая в культурных и культурно-хозяйственных учреждениях (владельцы театров, кинотеатров, киностудий, актеры, художники, писатели и т. д.).

Самой крупной из этих массовых организаций был примыкающий к НСДАП Немецкий трудовой фронт (ДАФ). Он был создан 10 мая 1933 г. вместо ликвидированных ранее существовавших профсоюзных организаций.

Во главе ДАФ вплоть до 1945 г. стоял рейхслейтер Р. Лей. Члены ДАФ, занятые в отдельных крупных отраслях промышленности, были объединены в «Имперские производственные сообщества», а предприниматели и рабочие, занятые на предприятиях, — в «производственные сообщества». По закону «Об организации национального труда» от 20 января 1934 г. владельцы предприятий были возведены в ранг «фюреров предприятий», а рабочие и служащие, были объявлены их «последователями». Производственные советы предприятий, которые опирались раньше на профсоюзы, были ликвидированы[151]. Трудовому фронту предназначалась ведущая роль в «духовном и физическом» сообществе немцев, занятых в промышленности, борьба за повышение производительности труда и обеспечение таких условий работы на предприятиях, при которых «фюреры с пониманием относятся к справедливым требованиям их последователей, а последователи с пониманием относятся к положению и возможностям их предприятия»[152]. Руководящий состав ДАФ занимался перевоспитанием рабочих в нацистском духе, поддерживал на предприятиях трудовую дисциплину, способствовал расширению и укреплению массовой базы нацистского режима и обеспечению благоприятных условий для перевода промышленности на военные рельсы. Большое внимание в связи с этим он уделял контролируемой им организации «Сила через радость», занимавшейся вопросами отдыха рабочих и служащих во время отпусков. В 1938 г. в ДАФ насчитывалось 23 млн рабочих и служащих[153].

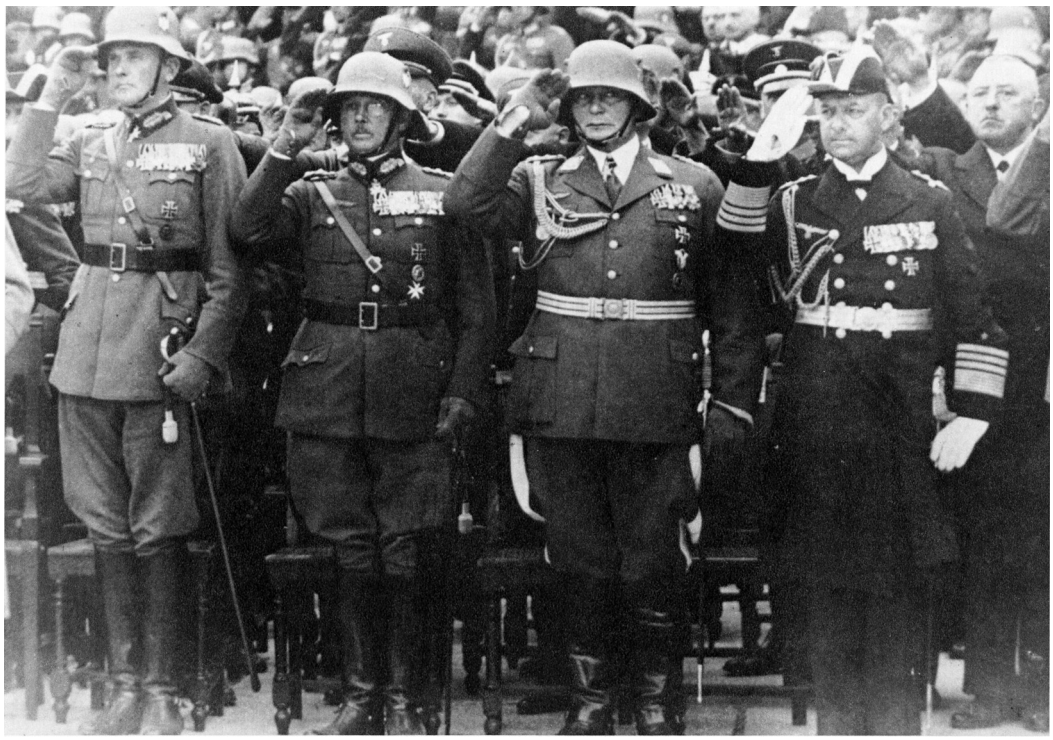
С начала Второй мировой войны ДАФ оказывал шефскую помощь вермахту. Деятельность его организации «Сила через радость» на 80 % была посвящена обеспечению отдыха военнослужащих. В то же время он следил, чтобы как можно больше инвалидов и гражданских лиц было вовлечено в военное производство. Кроме того, ДАФ занимался организацией и управлением трудовых лагерей для иностранных рабочих[154].

На подготовку «физически и духовно» к участию в предстоящих захватнических войнах были направлены такие нацистские молодежные организации, как Гитлерюгенд (Hitlerjugend — «Молодые гитлеровцы»), в которой в началу войны насчитывалось 8 млн членов, а также нацистская Имперская служба труда (Reichsarbeitsdienst), в которой в 1939 г. приобретали трудовые и военные навыки 300 тыс. человек[155].

Возведя расизм в ранг государственной политики, гитлеровское правительство создало невыносимые условия жизни в Германии для «неарийской» части населения. В первую очередь гонениям стали подвергаться евреи. Они были объявлены «паразитической» расой, виновной в поражении Германии в Первой мировой войне, «ответственной за большевизм» и т. д. Евреи по «Закону о восстановлении профессионального чиновничества» были изгнаны сначала из государственных органов, а затем и из общественных организаций[156].

15 сентября 1935 г. гитлеровское правительство издало так называемые Нюрнбергские законы. Согласно первому «Закону об имперском гражданстве» гражданами рейха объявлялись только немцы, а евреи были отнесены к второсортным «имперским подданным». По второму Нюрнбергскому «Закону об охране немецкой крови и немецкой чести» немцам было запрещено заключать браки и вступать во внебрачные связи с евреями[157]. После этого началось их постоянное преследование, вылившееся в еврейские погромы. Гонения на евреев по существу были репетицией того террора, которую нацистская верхушка намеривалась обрушить на народы других стран в ходе войны.

По мнению нацистов, немецкая «высшая раса» могла обеспечить себе успех в борьбе с другими расами за господство над миром только при условии, если она сможет очистить себя от «наследственно слабых и несостоятельных соплеменников». По «Закону о недопущении наследственно больного потомства» от 14 июля 1934 г. было стерилизовано от 350 до 400 тыс. немцев, страдавших наследственными болезнями, «врожденным слабоумием», «моральным

Командные кадры вермахта готовились в рейхсвере

Занятия в немецкой школе офицеров

слабоумием» или шизофренией[158]. С весны 1939 г. в Германии началось уничтожение неизлечимо больных детей. В ходе этой акции врачи-сотрудники отдела здравоохранения имперского министерства внутренних дел уморили ядами и голодом не менее 5200 детей[159]. С начала Второй мировой войны до августа 1941 г. по указу Гитлера ядами и в газовых камерах было умерщвлено по одним данным 70 тыс., по другим от 80 до100 тыс. страдающих различными заболеваниями — в основном престарелых немцев и немок[160]. Позднее жертвами эвтаназии стали еще около 100 тыс. человек[161].

Нацистскому режиму в ходе проведенной им «унификации» государственной системы управления, общества и его идеологической обработки в духе национал-социалистического мировоззрения удалось подчинить своей воле подавляющую часть немецкого населения. На это указывают в своих работах немецкие историки. Так, Х. Шульце пишет: «Преследование и насилие были одной стороной режима, а другой — совращение, ослепление и обольщение. Едва ли существовали социальные группы, чьи политические интересы и коллективные надежды национал-социализм не поддерживал бы и не подпитывал. На рабочий класс оказало большое впечатление предоставление работы (например, строительство автобанов), снижение уровня безработицы, улучшение социальных показателей на предприятиях и массовые акции под девизом «Сила через радость». Ремесленники и мелкие торговцы выигрывали от увеличения налогообложения ненавистных им универмагов и ужесточения практики выдачи разрешений на открытие мастерских, крестьяне — от протекционистских пошлин на сельхозпродукцию и повышения внутренних цен на сельскохозяйственные товары, промышленники — от прекращения участия рабочих в управлении предприятиями, отсутствия конфликтов из-за тарифов и роста госзаказов, прежде всего в военной промышленности. Также обстояли дела и в отношении других профессий, сословий и организаций: в какой-то мере выиграл почти каждый соотечественник — член народного сообщества, причем не только материально, но, что еще важнее, морально»[162].

Германия под нацистским руководством к началу Второй мировой войны превратилась в агрессивное государство, опиравшееся не только на террор, но и на поддержку большинства населения. Такое положение сохранялось и крепло в начальный период войны, когда Германия в ходе молниеносных войн быстро оккупировала и распространила свое господство на 11 стран Европы, понеся при этом легко восполнимые потери. Гитлеровское правительство перед нападением на СССР не сомневалось в надежности и прочности своего «внутреннего фронта».

Основными направлениями в области внутренней политики гитлеровского правительства при подготовке и ведении захватнических войн являлись расширение военно-экономического потенциала страны, строительство мощных вооруженных сил, а в области внешней политики — создание агрессивной военной коалиции. Союзникам отводилась роль помощников Германии в установлении германского господства в Европе, которое рассматривалось необходимой предпосылкой для продолжения борьбы за мировое господство.

Первым шагом гитлеровского правительства на пути к достижению этих целей явилось его решение ликвидировать ограничения в области строительства вооруженных сил, наложенных на Германию Версальским мирным договором. В октябре 1933 г. оно заявило о выходе Германии из Лиги Наций и отозвало свою делегацию с работавшей в Женеве Всеобщей конференции по сокращению и ограничению вооружений. В связи с этим глава военного концерна Г. Крупп направил телеграмму Гитлеру, в которой от имени «германской промышленности» выразил ему благодарность за решение, открывшее Германии прямой путь к вооружению[163]. Эта акция Гитлера была одобрена и командованием рейхсвера, мечтавшего о возрождении военной мощи Германии. Оно уже в 1932 г. подготовило план «А» (от нем. Aufbau — строительство), предусматривавший формирование к 1937 г. двадцати дивизий, которые должны были составить костяк 300-тысячной сухопутной армии мирного времени. План «А» был выполнен досрочно — осенью 1934 г.[164] Одновременно было развернуто строительство военно-воздушных и военно-морских сил.

2 августа 1934 г. после долгой болезни умер рейхспрезидент Гинденбург. По закону, принятому правительством днем раньше, его полномочия, в том числе и верховного главноко-

мандующего, перешли к «фюреру и рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру». Некоторые офицеры выражали недовольство таким поворотом дела. Однако министр рейхсвера В. Бломберг быстро поставил их на место. В день смерти Гинденбурга по приказу Бломберга все военнослужащие были приведены к «освященной Богом» присяге на «беспрекословное повиновение» Гитлеру как верховному главнокомандующему. Гитлер в ответ на это в письме Бломбергу от 20 августа взял на себя обязательство «укреплять армию как единственную носительницу оружия в нашем государстве»[165]. Однако одновременно в Германии по инициативе рейхсфюрера СС Г. Гиммлера начали формироваться особо преданные фюреру кадровые воинские части, которые в ходе Второй мировой войны стали именоваться войсками СС.

В начале 1935 г. истек установленный в Версале 15-летний срок пребывания Саара под управлением администрации Лиги Наций. 13 января там был проведен плебисцит: население принимало решение — должна ли Саарская область возвратиться рейху, остаться автономной или отойти Франции. Более 90 % саарцев высказались за присоединение к нацистской Германии. Противники нацистов были вынуждены бежать из Саара. Гитлеровское правительство воспользовалось этим для того, чтобы утвердить свой курс на ремилитаризацию Германии. 16 марта 1935 г. был принят закон, по которому в Германии вводилась всеобщая воинская обязанность, число дивизий должно было возрасти до 36, а общая численность сухопутных войск достичь почти 550 тыс. человек. Германские вооруженные силы получили новое название — вермахт (нем. Wehrmacht, от Wehr — оборона, Macht — сила). Для управления сухопутными войсками было создано главное командование сухопутных войск (ОКХ от нем. Oberkommando des Heeres). В состав ОКХ был включен легализованный 1 июля 1935 г. генеральный штаб сухопутных войск, сформированный на основе управления сухопутных войск рейхсвера. Главнокомандующим сухопутными войсками вермахта стал генерал-полковник В. Фрич.

1 марта 1935 г. заново были официально созданы ранее нелегально развивавшиеся германские ВВС (нем. Luftwaffe) и главное командование военно-воздушных сил (ОКЛ от нем. Oberkommando der Luftwaffe). Главнокомандующим ВВС стал Г. Геринг, одновременно занимавший пост имперского министра авиации и другие важные посты в системе управления нацистского режима. С 1 июня 1935 г. имперский морской флот официально стал называться военно-морскими силами (Kriegsmarine), их прежнее морское командование — главным командованием военно-морских сил (ОКМ от нем. Oberkommando der Kriegsmarine), а командующий военным флотом гросс-адмирал Э. Редер стал называться главнокомандующим ВМС. Министр рейхсвера генерал-фельдмаршал В. Бломберг стал военным министром. В его функцию входило непосредственное руководство вермахтом в качестве его главнокомандующего, подчиняясь лишь Гитлеру как верховному главнокомандующему[166].

Уже с апреля 1935 г. в германских военных штабах началась разработка планов агрессии против соседних государств. Первоначально главное внимание командования вермахта было сосредоточено на Чехословакии. 2 мая Бломберг подписал директиву «Шулунг» на подготовку нападения на эту страну. В директиве просматривались некоторые положения, ставшие типичными для германского стратегического планирования второй половины 1930-х гг. и пресловутой концепции «молниеносной войны»: нападение и развитие успеха наступления в форме стремительного удара основной массой самых боеспособных соединений против слабого противника (в данном случае против Чехословакии) на одном стратегическом фронте и ведение, если в этом возникнет необходимость, «чисто оборонительных боев» минимальным количеством войск против сильного противника (в данном случае против Франции)[167]. Эти положения в дальнейшем уточнялись. Во время военной игры в конце ноября 1936 г. наряду с массированным применением танков, моторизованных и других соединений сухопутных войск предусматривалось нанесение по Чехословакии удара с воздуха силами авиации. Однако немецкое командование, в распоряжении которого на рубеже 1935–1936 гг. имелось ограниченное число дивизий, решило из-за недостатка сил отложить на время осуществление этого агрессивного плана.

26 августа 1936 г. Гитлер в секретном «Меморандуме о задачах четырехлетнего плана» поставил задачу: «I. Немецкая армия через четыре года должна быть боеготовой. II. Не-

мецкая экономика через четыре года должна быть готовой к войне»[168]. В этом меморандуме принятие четырехлетнего плана подготовки к войне объяснялось необходимостью защитить Европу от якобы нависшей угрозы большевизма. Гитлер хотел таким образом замаскировать свои агрессивные замыслы против СССР. Геринг, занимавший тогда пост «комиссара по распределению сырья и валюты», ознакомив с содержанием меморандума Гитлера членов правительства, подчеркнул, что «война с Россией неизбежна»[169].

На состоявшемся в сентябре 1936 г. съезде нацистской партии, который одобрил четырехлетний план подготовки к войне, Гитлер заявил: «Если бы Урал со своими многочисленными сырьевыми запасами, Сибирь с ее богатыми лесами и Украина с ее неизмеримыми площадями под зерновыми культурами находились в подчинении Германии, под руководством национал-социалистов, то немцы жили бы в изобилии. Мы стали бы производить столько, что каждый немец имел бы для жизни более чем достаточно»[170]. С этого времени нацистская пропаганда стала внушать немцам, что только завладев советскими землями, они смогут обеспечить себе и своим детям безбедное существование.

Вскоре после установления своей власти в Германии нацистское руководство приступило к внешнеполитической подготовке к войне. Основное место в ней отводилось созданию агрессивной военно-политической коалиции. Принцип отбора союзников состоял не только в том, что нацисты видели в них таких же, как они сами, врагов марксизма, буржуазного демократизма и либерализма и т. д., а прежде всего в том, чтобы они, независимо от политической ориентации и расовой принадлежности, выступали за ревизию Версальской системы и были готовы поддержать Германию в предстоящей войне против СССР.

Одним из первых шагов Гитлера в этом направлении было подписание, по совету Муссолини, 26 января 1934 г. германо-польской «Декларации о необращении к силе»[171]. Декларация, содержавшая утверждения о желании гитлеровского правительства способствовать установлению «всеобщего мира в Европе», в действительности рассматривалась в Берлине в контексте подготовки к нападению на СССР. У Розенберга и ряда других представителей нацистской верхушки в то время вызревали замыслы привлечения Польши к агрессии на Востоке с целью раздела территории СССР и других стран, расположенных к северу от Черного моря[172]. Эти замыслы одобрялись руководством Италии. Один из активных функционеров Комитета действий за универсализацию Рима (организации, претендовавшей на создание фашистского интернационала), Э. Инзаботто, выступил в роли посредника в германо-польских переговорах. От него в Берлине узнали о желании правительства Ю. Пилсудского проложить Польше коридор к Черному морю и установить совместную границу с Венгрией, объединить под эгидой Польши территории от Финляндии до Турции. Инзаботто рекомендовал гитлеровскому правительству заключить союз с Польшей, направленный против СССР, намекая на возможность присоединения к нему впоследствии Италии[173]. В Варшаве планы раздела европейской части СССР выглядели следующим образом: Польша должна была получить Украину, а северо-западные районы России — стать немецкой колонией»[174].

Гитлер, однако, в то время не собирался начинать вместе с Польшей поход против СССР. Польшу он рассматривал лишь как «временную попутчицу» в борьбе против предпринимавшихся попыток СССР и Франции создать «Восточный пакт» — региональное соглашение между государствами Восточной Европы и Германией, участники которого должны были взаимно гарантировать нерушимость границ и оказывать друг другу помощь в отражении агрессии. Гитлер и польский министр иностранных дел Ю. Бек разделяли мнение, что «Восточный пакт» преследует цель «окружить Германию» и «изолировать Польшу». Оба заявляли о своей решимости «не допустить обесценивания германо-польского протокола от 26 января 1934 г. коллективными договорами»[175] и совместно торпедировали идею создания «Восточного пакта».

Итальянское правительство в то время поддерживало нацистскую идею о расширении германского «жизненного пространства» на Востоке, прежде всего, потому что опасалось развертывания германской экспансии в южном направлении. Оно рассматривало Австрию, за присоединение которой к Германии нацисты выступали еще до прихода к власти, как

барьер на пути проникновения Германии в «свою сферу» влияния — бассейн Средиземного моря и Балканы[176]. Кроме того, оно не исключало, что, присоединив Австрию, гитлеровское правительство предъявит права и на входивший ранее в ее состав Южный Тироль. Позицию Италии в отношении «австрийской проблемы» поддержало и руководство хортистской Венгрии, надеявшееся на поддержку итальянскими фашистами планов создания «Великой Венгрии» за счет присоединения части земель соседних стран — Чехословакии, Румынии, Югославии. Хортисты выражали опасения, что подрывная деятельность нацистов в Австрии подтолкнет ее в руки Малой Антанты, стоявшей на пути к осуществлению их захватнических замыслов[177]. 17 марта 1933 г. по инициативе Муссолини в Риме был подписан ряд соглашений о политическом и экономическом сотрудничестве Австрии, Венгрии и Италии (так называемые «Римские протоколы») с целью не допустить усиления германского влияния в странах Дунайского бассейна[178].

19 июня 1933 г. австрийское правительство запретило деятельность нацистской партии и уволило ее членов из австрийских вооруженных сил. Часть австрийских нацистов после этого укрылась в Германии. Там эти «беженцы» с помощью германских властей объединились в воинские формирования и вошли в состав германских СС[179]. Оставшиеся в Австрии нацисты продолжали вести подрывную деятельность, получая из Германии литературу и оружие. В связи с этим в начале 1934 г. итальянское правительство предупредило гитлеровское правительство, что если оно не изменит свою политику в отношении Австрии, то Италия встанет на путь сотрудничества с Францией[180]. По указанию Муссолини была развернута антигерманская пропаганда, в которой Германия обвинялась в проведении «кастовой, шовинистической и империалистической политики»[181].

Гитлер решил сгладить противоречия с Италией. Он обратился к Муссолини с просьбой о встрече, которая состоялась в Венеции 14–15 июня 1934 г. Гитлер предложил убрать с поста австрийского канцлера Э. Дольфуса, отменить в Австрии запрет нацистской партии и заверил Муссолини в том, что «аншлюс не является неотложным делом»[182]. Муссолини выслушал Гитлера, но не одобрил, а лишь обещал принять к сведению его мнение.

Однако Гитлер, вернувшись в Берлин, заявил, что переговоры с Муссолини прошли с «большим успехом» и «из-за Австрии с Италией не возникнет нового конфликта»[183].

По указанию из Берлина 25 июня эсэсовцы сформированной в Германии воинской части захватили в Вене правительственное здание и убили Дольфуса. Однако австрийские власти сумели остаться хозяевами положения. Муссолини же, получив известие о путче в Вене, направил войска к границе с Австрией, на Бреннерский перевал. Итальянская пропаганда заклеймила гитлеровское правительство как «клику убийц»[184]. В ответ в Германии была развернута пропаганда против итальянского фашизма, которому напоминалось о его кровавых преступлениях на пути к захвату власти, выдвигались обвинения в попытках превратить Австрию в вассальное государство[185].

Итальянское руководство понимало, что гитлеровцы не откажутся от захвата Австрии и сделают это, как только создадут мощные вооруженные силы. По расчетам итальянского посольства в Берлине, на это должно было уйти около двух лет. Муссолини решил использовать это время для осуществления давно задуманного захвата Эфиопии (Абиссинии).

В Париже и Лондоне знали об этом замысле Муссолини. Но не собирались защищать Эфиопию. Правительство Франции заверило его в своей «незаинтересованности в Эфиопии»[186]. Это был подтверждено в ходе состоявшихся 4–7 января 1935 г. итало-французских переговоров.

Во время спора с Гитлером из-за Австрии Муссолини удалось склонить на свою сторону и правительство Англии, которое было озадачено введением в марте 1935 г. всеобщей воинской обязанности в Германии. В Стрезе 11–14 апреля 1935 г. состоялись англо-франко-итальянские переговоры, в ходе которых представители трех держав заявили о своем согласии «противодействовать одностороннему расторжению договоров, которые могли бы поставить под угрозу мир в Европе». Так называемый «фронт Стрезы» должен был бы воспрепятствовать захвату Германией Австрии и ремилитаризации Рейнской зоны. Вместе с тем, этот «фронт»

не предусматривал предотвращения итальянской агрессии в Северо-Восточной Африке. 3 октября 1935 г. итальянские войска вторглись в Эфиопию. Но только СССР последовательно выступил с осуждением агрессора. Открыто поддержали итальянскую агрессию в Африке Германия, Австрия, Венгрия и Албания.

В мае 1935 г. длившиеся долгое время советско-французские переговоры о «Восточном пакте» были прекращены. Вместо этого было заключено советско-французское соглашение о взаимной помощи. Вслед за Францией такой же договор с СССР подписало правительство Чехословакии. Однако ни эти договоры, ратификация которых под разными предлогами затягивалась французским парламентом, ни «Римские протоколы», ни «фронт Стрезы» не были эффективными из-за непоследовательной позиции правительств Англии и Франции, не говоря уже об Италии и Венгрии.

Английское правительство вопреки взятому на себя в Стрезе обязательству противодействовать нарушению Германией международных договоров подписало 6 июня 1935 г. англо-германское морское соглашение, согласно которому Великобритания в нарушение Версальского мирного договора предоставила Германии право иметь флот, тоннаж которого должен был ставить 35 % английского военно-морского флота. Вслед за этим соглашением германские верфи были обеспечены заказами на строительство боевых кораблей по меньшей мере на 10 лет.

Во время итальянской агрессии против Эфиопии началось итало-германское сближение. 6 января 1936 г. в ответ на «благожелательный нейтралитет» гитлеровского правительства Муссолини объявил «фронт Стрезы раз и навсегда утратившим свое значение»[187], а 22 февраля сообщил германскому послу в Риме, что Италия не будет выполнять заключенный в 1925 г. в Локарно гарантийный Рейнский пакт, по которому она вместе с Англией взяла на себя обязательство не допускать нарушения установленной в Версале демилитаризованной Рейнской зоны[188]. 7 марта эта зона, территория которой могла быть использована в качестве плацдарма для нападения на Францию, была занята немецкими войсками. Правительство Франции отказалось от принятия к Германии «мер чисто военного порядка» и обратилось в Совет Лиги Наций с просьбой оказать на нее «коллективное международное воздействие» как на нарушительницу договоров. Совет Лиги под влиянием позиции Англии, выступившей против применения каких-либо санкций к Германии, ограничился констатацией нарушения Германией своих договорных обязательств[189].

Только после ремилитаризации Рейнской зоны французский сенат 27 марта завершил процесс ратификации советско-французского договора о взаимопомощи. Однако этот договор оказался пустым. Ни одно из французских правительств, менявшихся до начала Второй мировой войны, не приняло предложение советского правительства дополнить его военной конвенцией, в которой были бы четко определены действия вооруженных сил двух стран в случае нападения на одну из них Германии и ее союзников.

Безнаказанно ликвидировав демилитаризованный статус Рейнской зоны, гитлеровское правительство почувствовало себя более уверенно. К тому времени оно уже взяло курс на сближение с японскими милитаристами, вынашивавшими, как было известно нацистам, планы захвата советской территории. В апреле 1934 г. японский посол в Берлине Нагаи в разговоре с германским министром иностранных дел фон Нейратом заявил: «Германия и Япония являются бастионом против большевизма, и на этой основе уже оформилась общность германо-японских интересов»[190]. Подтверждением тому были донесения в Берлин германского посла в Токио Г. Дирксена о том, что в случае войны Германии с СССР Япония непременно нанесет Советскому Союзу удар в спину[191].

Однако на пути к установлению тесного военно-политического сотрудничества Германии и Японии препятствием являлось столкновение их империалистических интересов в Азии и на Тихом океане. Гитлеровское правительство не могло так просто смириться с тем, что Япония, участвуя вместе с другими державами Антанты после Первой мировой войны в дележе заморских владений Германии, захватила сферу ее влияния в Китае и принадлежавшие ранее ей Маршалловы, Марианские и Каролинские острова. К тому же германские

концерны вновь включились в конкурентную борьбу в Китае. В начале 1930-х годов там уже действовало 350 немецких фирм. Еще ранее, в конце 1920-х, сложилось сотрудничество Германии с режимом Чан Кайши. Германия стала главным поставщиком оружия и военных советников для гоминдановской армии. Это сотрудничество продолжалось и после установления нацистского режима в Германии. К 1936 г. по объему экспорта в Китай Германия среди европейских стран перешла с седьмого на третье[192].

Стремление японских милитаристов к господству в Китае не отвечало интересам захвативших там прочные экономические позиции германских монополий. Тем не менее именно Япония явилась той державой, с которой германское руководство начало активную деятельность по вербовке союзников. Подготовить почву для заключения германо-японского союза Гитлер осенью 1934 г. поручил своему советнику Г. Риббентропу, присвоив при этом ему ранг «уполномоченного по внешнеполитическим вопросам при штабе заместителя фюрера Р. Гесса» и «чрезвычайного и полномочного посла Третьего рейха». Однако в ходе тайных, в обход обычных дипломатических каналов, переговоров выяснилось, что для подписания договора о военном союзе в его классической форме время еще не пришло. Германия и Япония не были тогда готовы вступить в войну против СССР. Поэтому по предложению немецкой стороны в мае 1935 г. было решено сначала зафиксировать солидарность Германии и Японии против СССР в форме соглашения против Коммунистического интернационала[193].

Так было положено начало заговору против СССР германских нацистов с японскими милитаристами.

17 июля 1936 г. вспыхнул профашистский военный мятеж в Испании, целью которого была ликвидация в стране республиканского строя. Мятежники во главе с генералом Ф. Франко обратились за помощью к Германии и Италии. Эта просьба была удовлетворена. Замысел Гитлера, по его словам, состоял в том, чтобы после окончания гражданской войны на внешнюю политику Испании не оказывали бы воздействие ни Париж, ни Лондон, ни Москва, чтобы «в неизбежной и окончательной борьбе за новый порядок Испания оказалась бы не на стороне врагов Германии, а только ее друзей»[194]. Совместные преступления германских и итальянских интервентов в Испании способствовали дальнейшему сближению нацистской Германии и фашистской Италии.

Летом 1936 г. продвинулись вперед и германо-японские переговоры. По предложению японской стороны было принято решение о дополнении соглашения о борьбе против Коминтерна секретной военной конвенцией.

Взяв курс на сближение с Италией и Японией, враждебно настроенными не только к СССР, но и к Великобритании, Гитлер, видимо, сожалел, что ему не удалось вовлечь и ее в русло своей политики. 11 августа 1936 г. он направил послом в Лондон Риббентропа, поставив ему «сверхзадачу». «Риббентроп, — заявил он,— привезите мне союз с Англией»[195]. Но компромисс был возможен только с частью тех влиятельных кругов, которые, закрыв глаза на угрозу расширения германской агрессии в Европе, стремились направить ее против СССР. В правительстве же по этому вопросу единства не было. Сдавать Германии основные позиции в Европе и превращаться в ее сателлита Великобритания не собиралась. Гитлер и сам не верил в успех миссии Риббентропа. В секретном меморандуме об экономической подготовке к войне от 26 августа 1936 г. он среди государств, «устойчивых по отношению к коммунизму», назвал наряду с Германией лишь Италию и Японию. Все прочие капиталистические державы, в том числе и Англию, он отнес к разряду «зараженных марксизмом», неспособных вести успешную борьбу против Советской России и поэтому «обреченных на гибель»[196].

21 сентября 1936 г. в Берлин из Токио поступило сообщение о том, что проекты германо-японских соглашений одобрены японским правительством. Это известие стимулировало принятие Гитлером решения об установлении более тесного взаимодействия также и с Италией. 23 сентября 1936 г. он направил в Рим своего эмиссара Г. Франка для ведения секретных переговоров с Муссолини. Франк передал Муссолини предложение Гитлера впредь строить межгосударственные отношения двух стран на основе признания Германией Средизем-

ного моря итальянской сферой влияния в ответ на признание Италией Балтийского моря германской сферой влияния. Гитлер через Франка передал Муссолини также приглашение посетить Германию. Муссолини был чрезвычайно удовлетворен этими сообщениями. Приняв приглашение посетить Германию, он, однако, предложил, чтобы германское правительство сначала приняло для ведения переговоров его зятя Г. Чиано, недавно занявшего пост министра иностранных дел[197].

Чиано прибыл в Берлин 21 октября 1936 г., где его принял германский министр иностранных дел К. Нейрат. 23 октября они поставили свои подписи под подготовленным ими конфиденциальным «Берлинским протоколом», явившимся первым официальным актом установления германо-итальянского союза. Согласно протоколу, Германия признавала захват Италией Эфиопии при условии, что Италия распространит действие торгово-экономических соглашений с Германией на свои колониальные владения, в том числе и на Эфиопию. Италия обязалась проводить в Лиге Наций выгодную для Германии политику, в частности поддерживать ее «усилия, направленные на получение колоний». Обе стороны согласились расширять военную помощь путчистам в Испании и де-факто признать их правительство, согласовывать политику по отношению к Англии и Франции. В протоколе содержались утверждения об «угрозе коммунизма миру и безопасности в Европе», фиксировалось взаимное обязательство «всеми силами бороться против коммунистической пропаганды»[198].

24 октября Чиано и Нейрат были приняты Гитлером. Гитлер подтвердил, что признает Средиземное море сферой влияния Италии, сообщил о готовности продолжать начатый им курс на сближение с Японией и о расчете начать совместно с Италией через три (1939) года, максимум через пять лет войну против «демократий»[199].

В своем публичном выступлении 1 ноября 1936 г. Муссолини уже говорил о «вертикали Берлин — Рим», подобной оси, вокруг которой должны будут группироваться другие европейские страны[200]. С того времени сотрудничество Германии и Италии стало называться «осью Берлин — Рим», а их участники — державами «оси».

18 ноября Япония признала захват Италией Эфиопии, а Италия и Германия официально признали руководителя мятежников генерала Ф. Франко главой испанского национального правительства. После этого германо-итальянская интервенция в Испании приобрела качественно новый характер: на помощь мятежникам стали направляться крупные формирования регулярных войск.

25 ноября 1936 г. в Берлине были подписаны германо-японское «Соглашение против Коммунистического интернационала» и дополнительный протокол к нему. В этих документах говорилось о «подрывной деятельности Коминтерна, угрожающей не только спокойствию и социальному строю», но и «миру во всем мире». Стороны обязались в течение ближайших пяти лет «поддерживать сотрудничество в деле обмена информацией о деятельности Коммунистического интернационала», принимать «строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей стоящих на службе Коммунистического интернационала». В целях обеспечения такого рода сотрудничества в дополнительном протоколе объявлялось о намерении создать постоянную германо-японскую «антикоминтерновскую комиссию».

Одновременно в Берлине было подписано германо-японское «Дополнительное секретное военное соглашение». В нем договаривающиеся стороны обязались «не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик» в случае его «неспровоцированного нападения» на Германию или Японию, а также «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения»[201].

Так возник «Антикоминтерновский пакт». При его подписании германский МИД заявил, что этот пакт является «оборонительным мероприятием с внутренним защитным характером», «не имеющим никакой союзной направленности». То, что на самом деле этот пакт был направлен на объединение государств, заинтересованных в уничтожении СССР, Риббентроп признал уже после того, как оказался в числе подсудимых на Нюрнбергском

процессе. В мемуарах он писал: «Разумеется, Антикоминтерновский пакт скрывал в себе и политический момент, причем момент этот был антирусским, потому что носителем идеи Коминтерна являлась Москва»[202].

О том, что «Антикоминтерновский пакт» своим острием был направлен именно против СССР, что он предназначался отнюдь не для оборонительных целей, свидетельствуют факты. Известно, что под руководством созданной в Берлине «антикоминтерновской комиссии», в состав которой был включен японский посол в Берлине Х. Осима, было организовано изготовление антисоветских листовок, которые затем с помощью воздушных шаров забрасывались из Польши на территорию СССР, предпринимались также попытки распространения антисоветских пропагандистских материалов в Крыму с территории Румынии. Осима был инициатором переброски в 1937–1938 гг. в СССР десяти террористов-белоэмигрантов с заданием убить Сталина. Однако они были обезврежены органами государственной безопасности СССР[203].

После заключения германо-японского «Антикоминтерновского пакта» итало-фашистское руководство выразило готовность сотрудничать с Германией и Японией в «организации совместной работы в сфере большевизма» и «в смысле раздела Советского Союза»[204]. Тогда гитлеровское правительство приняло решение включить Италию в «Антикоминтерновский пакт» в надежде на то, что это ослабит ее сопротивление аншлюсу Австрии. 6 ноября 1937 г. в Берлине был подписан протокол о присоединении Италии к «Антикоминтерновскому пакту» в качестве одной из сторон, «первоначально его подписавших». Этот протокол был признан Германией и Японией «равноценным подписанию оригинального текста упомянутого Пакта и дополнительного протокола»[205]. Однако от Муссолини было скрыто существование направленного против СССР германо-японского дополнительного секретного военного соглашения.

С объединением Германии, Италии и Японии в рамках «Антикоминтерновского пакта» завершился первый этап формирования блока трех агрессивных держав.

Заключение «Антикоминтерновского пакта» стимулировало расширение японской агрессии. В июле 1937 г. Япония развернула широкомасштабную войну против Китая. Чтобы теснее привязать ее к Германии, Гитлер 20 февраля 1938 г. объявил в рейхстаге о признании правительством марионеточного государства Маньчжоу-Го. Это решение, способствовавшее укреплению позиций Японии в войне против Китая, он пытался обосновать тем, что якобы ее «поражение в Восточной Азии никогда не принесло бы пользы ни Европе, ни Америке, а лишь большевистской России»[206]. Затем в апреле 1938 г. гитлеровское правительство по требованию японского правительства прекратило продажу оружия Китаю и отозвало оттуда своих военных советников. В ответ на это китайское правительство объявило бойкот торговле с Германией, запросило у СССР помощь оружием и военными советниками. Эта просьба, естественно, была удовлетворена.

После заключения «Антикоминтерновского пакта» возросла агрессивность и нацистской верхушки в Германии. Тому же способствовало продолжавшееся наращивание германской военной силы. На рубеже 1937–1938 гг. в Германии были развернуты уже 42 дивизии, в том числе семь танковых и моторизованных, общая численность сухопутных войск достигла 800 тыс. человек. Значительно возросли их подвижность и огневая мощь. На случай войны было предусмотрено формирование еще 25 дивизий и доведение общей численности сухопутных войск до 3 млн человек. В германских ВВС к тому времени было 2 тыс. самолетов[207]. В связи с этим Гитлер все больше склонялся к достижению своих внешнеполитических целей силой. 5 ноября 1937 г. он на созванном им совещании с военным министром В. Бломбергом, главнокомандующими сухопутными войсками, военно-воздушными и военно-морскими силами — В. Фричем, Г. Герингом и Э. Редером, а также с министром иностранных дел К. Нейратом объявил о намерении начать большую войну с нападения на Францию, а до этого в ближайшее время быстро захватить Австрию и Чехословакию, для того чтобы исключить фланговую угрозу во время наступления на Западе. Наряду с Францией Гитлер назвал «заклятым врагом» и Англию. Он указал на ослабление английских позиций в Восточной Азии, на падение престижа Англии в Северной Африке в результате захвата Италией

Эфиопии и выразил уверенность в том, что Германия сумет силой забрать у нее утраченные в годы Первой мировой войны немецкие заморские владения[208].

Такое решение Гитлера было неожиданным для участников совещания, поскольку они знали, что Германии, прежде чем она сможет бросить вызов бывшим своим сильным противникам по Первой мировой войне, предстоит еще много сделать для наращивания военной мощи. Они не хотели повторения поражения Германии в 1918 г. Гитлер же настаивал на своем, называя «нытиками» тех, кто его не поддерживал.

Для того чтобы еще больше укрепить свою власть над вооруженными силами, Гитлер 4 февраля 1938 г. издал указ, в котором объявил, что берет на себя непосредственное командование вермахтом[209]. В соответствии с этим была проведена реорганизация его высших руководящих инстанций. Бломберг был отправлен в отставку, а военное министерство ликвидировано. Вместо него было создано верховное командование вермахта — ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht), которое фактически стало военным штабом Гитлера. Начальником ОКВ Гитлер назначил в ранге министра В. Кейтеля, который оставался на этом посту вплоть до капитуляции Германии в мае 1945 г. Важнейшей частью ОКВ стало управление (с 8 августа 1940 г. — штаб) оперативного руководства (нем. Wehrmachtführungsamt des OKW). Начальником этого штаба вплоть до конца войны в Европе был А. Йодль. Отставку получил Фрич. Вместо него главнокомандующим сухопутными войсками стал В. Браухич. В ходе «чистки» вермахта с февраля по сентябрь 1938 г. Гитлер снял с занимаемых должностей 60 генералов, оставив на местах или повысив в должности только тех, кого в то время не смог заподозрить в нелояльности[210].

За критическое отношение к военным замыслам Гитлера лишился поста имперского министра иностранных дел Нейрат. 4 февраля его место занял И. Риббентроп, который вернулся из Англии, так и не преуспев в попытках выполнить наказ Гитлера сделать ее союзницей Германии.

Практически беспрепятственный ввод немецких войск в Австрию 12 марта 1938 г. и включение ее уже на следующий день в состав рейха укрепили стратегические позиции Германии перед нападением на Чехословакию. Эту акцию Гитлер и его генералы намеревались осуществить при подходящем «внешнем поводе». Такой повод предполагалось создать, организовав убийство своего же немецкого посла в Праге[211]. Однако в эти планы вмешался Муссолини. В ответ на захват (аншлюс — присоединение) Германией вопреки его желанию Австрии он взял курс на сближение с Англией. 16 апреля 1938 г. между правительствами Италии и Англии было заключено соглашение о том, что Англия признает захват Италией Эфиопии сразу после вывода итальянских войск из Испании[212]. Это соглашение должно было вступить в силу после утверждения английским парламентом.

В мае 1938 г., когда в Риме ожидали этого события, туда с визитом прибыл Гитлер со своей свитой. Главная цель этого визита заключалась в том, чтобы склонить Италию к заключению военного союза и тем самым укрепить внешнеполитические позиции Германии перед предстоящим нападением на Чехословакию. Риббентроп вступил в переговоры с Чиано и представил ему подготовленный в Берлине текст договора о союзе, который, однако, был отвергнут. «Муссолини, — как отмечал в своем дневнике статс-секретарь германского МИДа Вайцзеккер, — ответил пощечиной — импровизированным проектом договора, который походил больше на заключение мира с противником, нежели на пакт верности с другом. Мы возвратили этот абсолютно негативный проект и без всякого соглашения снова отправились на север»[213].

Однако это не означало, что визит в Рим был напрасен. Муссолини заявил Гитлеру о своей «незаинтересованности» в Чехословакии, а также о намерении несколько позднее вступить в борьбу с Францией за Тунис[214].

Тем временем германский министр иностранных дел И. Риббентроп совместно с Х. Осимой, назначенным в августе 1938 г. японским послом Берлине, приступили к подготовке проекта договора о заключении сроком на пять лет германо-итало-японского военного союза — «Пакта о консультациях и взаимопомощи», который для краткости стал имено-

ваться Тройственным пактом. Его содержание сводилось к принятию договаривающимися сторонами обязательства оказывать друг другу военную помощь в случае «неспровоцированного» нападения на одну из них одного или нескольких государств[215]. В это время основные события развернулись в связи с подготовкой Германией военного захвата Чехословакии (план «Грюн») и решения Гитлера отложить его выполнение на созванной по инициативе Англии Мюнхенской конференции. Во время этой конференции проект пакта был передан Риббентропом для рассмотрения Муссолини и Чиано.

24 октября 1938 г. Риббентроп прибыл в Рим, рассчитывая заручиться согласием Муссолини на заключение пакта. Но такого согласия он не получил. Муссолини заявил, что с заключением этого пакта следует повременить до тех пор, пока не будут уточнены цели его участников в «изменении политической карты мира», и выразил несогласие с тем, что в проекте договора предусмотрено создание «чисто оборонительного альянса», в то время как ни одному из его участников никто не угрожает нападением[216].

К числу действительных причин, которые побудили Муссолини отклонить проект Тройственного пакта и о которых он умолчал в разговоре с Риббентропом, относилось его нежелание осложнять итало-английские отношения раньше, чем английский парламент ратифицирует итало-английское соглашение о признании Англией захвата Эфиопии. 15 ноября 1938 г. это соглашение было ратифицировано. Тогда итальянские фашисты загорелись желанием продолжить начатую в 1935 г. территориальную экспансию. В конце ноября 1938 г. они открыто выступили с притязаниями на часть земель Франции и ее заморских владений под лозунгом «Тунис! Джибути! Ницца! Корсика!»[217]. Не упускало из виду итальянское руководство и вопросы, связанные с германской восточной политикой. Инзаботто во время состоявшейся в ноябре 1938 г. встречи с Розенбергом поставил вопрос о «разделе Советского Союза на сферы влияния». В ходе обсуждения этого вопроса выяснилось, что «Италия хотела бы защитить свои интересы в районе Черного моря»[218].

2 января 1939 г. Муссолини сообщил в Берлин о готовности Италии заключить с Германией и Японией Тройственный пакт без каких-либо поправок в его тексте в последней декаде текущего месяца[219]. После этого Риббентроп направил курьером проект Тройственного пакта в Токио.

Гитлер к тому времени пришел к убеждению, что уже никто не сможет воспрепятствовать осуществлению его захватнических планов. Выступая 10 февраля 1939 г. перед командованием вермахта, он охарактеризовал конечные цели Германии следующим образом: «а) господство в Европе, б) мировое господство на столетия»[220].

В ожидании ответа из Токио Гитлер и Риббентроп задались целью расширить круг участников «Антикоминтерновского пакта» за счет Польши, Венгрии, Маньчжоу-Го и франкистской Испании. 24 февраля протоколы о вступлении в «Антикоминтерновский пакт» подписали Венгрия и Маньчжоу-Го. 27 марта членом этого пакта стала и франкистская Испания. Что касается присоединения Польши к «Антикоминтерновскому пакту», то здесь возникли сложности. Гитлер и Риббентроп одновременно потребовали, чтобы Польша согласилась с «возвращением» Германии свободного города Данцига, подавляющую часть населения которого составляли немцы, и предоставила Германии право на создание экстерриториальной автомобильной и железнодорожной связи между Германией и Восточной Пруссией. Эти предложения явно выдавали намерение Гитлера и Риббентропа превратить Польшу в своего сателлита. Поэтому польское правительство долгое время только и делало, что уклонялось от внятного ответа на предъявленные Гитлером и Риббентропом условия. В связи с этим в конце марте 1939 г. Гитлер принял решение разгромить Польшу так, чтобы «она уже не могла приниматься в расчет как политический фактор»[221].

В том же месяце в Берлин пришло из Токио сообщение, что японское правительство во главе с К. Хиранумой в принципе одобрило проект союзного договора, но потребовало, чтобы в нем обязательно содержалась оговорка о том, что он направлен только против СССР. Это правительство хотело заручиться помощью Германии и Италии в осуществлении своего плана захвата советской территории от Владивостока до оз. Байкал. Отказ от заключения

договора без внесения в него такой оговорки мотивировался тем, что Япония еще не готова вести эффективную войну на море против США и Англии, а также нежеланием осложнить японо-американские отношения и как следствие лишиться экспорта из США нефти, железного лома и других стратегических материалов в условиях затянувшейся войны с Китаем[222].

Подписание в Москве 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении явилось сильным ударом по антисоветским планам японских милитаристов. Обвинив гитлеровское правительство в нарушении духа «Антикоминтерновского пакта», правительство Хиранумы ушло в отставку. В Токио было образовано новое правительство во главе с генералом Н. Абэ, которое должно было внести коррективы во внешнеполитический курс Японии. Однако ни Хиранума, ни Абэ не поднимали вопроса о выходе из «Антикоминтерновского пакта», связывавшего Японию с Германией на антисоветской основе. Агрессивные планы против СССР, которые вынашивались в японских военных штабах, оставались в силе.

После Мюнхена возросла агрессивность Италии. 7 апреля 1939 г. ее войска высадились в Албании. Она была включена в состав Итальянской империи. После этого Муссолини объявил: «Кто владеет Албанией, тот владеет Балканами»[223]. Албанская территория была превращена в плацдарм для нападения на Грецию и Югославию. Но к войне против таких сильных держав, как Англия и Франция за господство на Средиземном море Италия в то время была не готова из-за большой растраты сил и средств на войну с Эфиопией и военную интервенцию в Испании. Поэтому ее руководство, наблюдая за обострением германо-польских отношений, серьезно опасалось, что нападение Германии на Польшу может привести к втягиванию Италии в войну против Англии и Франции, вести которую она была не в силах. Для того чтобы развеять эти опасения итальянского руководства, способные привести его к отказу от заключения военного союза с Германией, в Рим 16 апреля 1939 г. прибыл Геринг. Во время состоявшейся беседы с Муссолини и Чиано он заявил: «Гитлер велел мне передать вам, что против Польши ничего не планируется»[224]. На самом деле германский вермахт по приказу Гитлера уже с 3 апреля 1939 г. вел подготовку к нападению на Польшу. Далее Геринг заверил Муссолини в своем согласии с тем, что «странам оси нужны еще 2–3 года для того, чтобы они смогли хорошо вооружиться и вступить во всеобщий конфликт с перспективой победы»[225].

5 мая 1939 г. Риббентроп провел переговоры с Чиано в Милане и добился его согласия на заключение двустороннего военного соглашения, но при условии, что германское правительство не пойдет на риск развязывания «большой войны» в течение ближайших 3–5 лет[226].

22 мая 1939 г. в Берлине состоялось подписание «Пакта о дружбе и союзе между Германией и Италией» (так называемого «Стального пакта») сроком на 10 лет. В преамбуле к тексту пакта лживо утверждалось, что его участников объединили стремление к сотрудничеству в «сфере обеспечения мира в Европе», «борьба за сохранение основ европейской культуры» и т. д. Главное же место в содержании этого пакта занимали статьи, в которых говорилось о том, что если одна из договаривающихся сторон «окажется в состоянии войны с одним или несколькими государствами, то другая договаривающаяся сторона немедленно выступит на ее стороне и окажет ей поддержку всеми своими вооруженными силами на суше, на море и в воздухе». Кроме того, обе стороны обязались «в случае совместного ведения войны заключать перемирие или мир только при наличии полного согласия друг с другом»[227].

Заключив с Италией военный союз и тесно привязав ее к своей колеснице, Гитлер и Риббентроп не собирались делиться с ней своими подлинными военными планами. На другой день после заключения «Стального пакта» Гитлер на совещании с высшим командованием вермахта, посвященном предстоящему нападению на Польшу, заявил: «Сохранение тайны — решающая предпосылка успеха. Цель должна сохраняться в тайне даже от Италии и Японии»[228].

После заключения «Стального пакта» итальянское правительство продолжало считать, что нападение на Польшу таит в себе угрозу возникновения общеевропейского конфликта. Муссолини в меморандуме от 30 мая 1939 г. напомнил Гитлеру, что в начале мая во время переговоров с Риббентропом в Риме он сказал ему, что Италия готовится к войне против плутократических наций, но будет готова участвовать в ней только в 1943 г.[229] У нацистской

верхушки было иное мнение. Она была уверена в успехе и безнаказанности предстоящего разгрома Польши. Об этом стало известно Чиано лишь во время его визита в Берлин 11 августа 1939 г. Суть состоявшихся переговоров с Гитлером и Риббентропом четко изложена в дневнике Вайцзеккера. «Как и следовало ожидать, — писал он, — Чиано нажал на все регистры, чтобы удержать нас от войны с Польшей. Ответ, который он получил, был следующий: так как западные державы не вмешаются, то и вас, итальянцев, это не касается. Мы, немцы, выступим»[230]. В день нападения на Польшу, т. е. 1 сентября 1939 г., Гитлер направил Муссолини телеграмму, в которой сообщил, что «военной поддержки Италии не потребуется». Получив эту телеграмму, итальянское правительство официально заявило о «неучастии» Италии в войне[231].

Когда 3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили войну Германии, правительство Италии еще более укрепилось в своем решении не участвовать в вооруженной борьбе, а японское правительство во главе с новым премьер-министром Н. Абэ на следующий день выступило с заявлением о своей «незаинтересованности» в войне в Европе и намерении сосредоточить усилия на «урегулировании конфликта» в Китае[232]. Другие партнеры Германии по «Антикоминтерновскому пакту» (Венгрия, Испания, Маньчжоу-Го) также заняли нейтральную позицию. «Странная война», т. е. фактическое бездействие противостоявших на Западном фронте с 1 сентября 1939 г. до 10 мая 1940 г. друг другу германских и англо-французских войск, порождало у партнеров Германии по «Антикоминтерновскому пакту» иллюзию о возможности примирения Германии с Англией и Францией и последующем объединении Германии с ними на общей антисоветской основе. Венгерский диктатор М. Хорти 3 ноября 1939 г. направил Гитлеру письмо, в котором предложил ему свои услуги в качестве посредника в переговорах с Англией и Францией о мире, призвал его выступить в роли объединителя всех европейских армий для совместного похода на Москву[233]. Враждебность к СССР особенно сильно проявлялась у руководства Италии. Во время Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. оно выражало готовность присоединиться к Англии и Франции, готовившимся под предлогом оказания поддержки Финляндии развязать войну против СССР, призывало Гитлера повернуть оружие против СССР. В январе 1940 г. в Риме уже существовал план отторжения от СССР советской Украины с тем, чтобы лишить его доступа к Черному и Средиземному морям[234]. Сходную позицию в то время заняла и Япония. В ее прессе была развернута пропаганда об угрозе большевизации Европы и необходимости объединения всех капиталистических держав для «крестового похода» на Москву[235].

Гитлеровское правительство не прислушалось к призывам, раздававшимся из Рима и Токио. С начала Второй мировой войны оно упорно добивалось вступления Италии и Японии в войну против западных держав. Достижение этой цели оно связывало с успехами вермахта в расширении агрессии в Европе. Этот расчет стал оправдываться уже во время «битвы за Францию». Намереваясь воспользоваться поражением англо-французской коалиции в целях установления владычества на Средиземном море, итальянское правительство на правах германского союзника 10 июня 1940 г. вступило войну против Англии и Франции. Правящие круги Японии после поражения англо-французской коалиции взяли твердый курс на сближение с Германией в расчете на ее поддержку в расширении своего господства в Азии путем захвата заморских владений западных держав.

22 июля 1940 г. к власти в Японии пришло правительство во главе с принцем Ф. Коноэ. В качестве своей цели оно провозгласило создание так называемой «великой восточноазиатской сферы сопроцветания». Новый японский министр иностранных дел Ё. Мацуока заявил германскому послу в Токио, что Япония рассчитывает на поддержку Германии в борьбе за господство в «восточноазиатском пространстве», и поэтому «сближение с Германией — это ее единственный путь»[236].

В начале сентября 1940 г. возобновились прерванные в августе 1939 г. германо-японские секретные переговоры об усилении «Антикоминтерновского пакта» военным союзом Германии, Италии и Японии. На этот раз переговоры завершились заключением в Берлине 27 сентября 1940 г. трехстороннего военного союза, вошедшего в историю под названием Пакт трех держав. Япония признала «руководство Германии и Италии в деле создания нового

порядка в Европе», а Германия и Италия признали «руководство Японии в деле создания нового порядка в великом восточноазиатском пространстве». Три договаривающиеся стороны обязались всеми средствами поддерживать друг друга в случае «нападения со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в китайско-японском конфликте». При этом было ясно, что речь идет в данном случае об СССР и США. Далее же утверждалось, что «данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом»[237]. Однако эта оговорка служила лишь маскировкой готовившегося Германией нападения на СССР. Оценивая Пакт трех держав, Вайцзеккер на следующий день после его подписания отметил: «Оговорка о России довольно неубедительна. Будь я на месте Сталина и Молотова, то не радовался бы, что снова без предусмотренных в германо-русском соглашении консультаций возник десятилетний германо-японский союз»[238].

Оговорка о России не означала отказ Японии от ранее вынашиваемых антисоветских планов. Они только откладывались на некоторый срок. В ходе германо-японских переговоров 14 сентября бывший японский посол в Риме Т. Сиратори заявил немецкому военному атташе в Токио, что он не оставляет надежды на установление германо-японского сотрудничества в целях уничтожения России[239]. Министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока на заседании исследовательского комитета Тайного совета 16 сентября 1940 г. заявил, что «Япония окажет помощь Германии в случае советско-германской войны, а Германия окажет помощь Японии в случае русско-японской войны»[240].

Германское руководство во время секретных переговоров с японским руководством скрывало свое враждебное отношение к СССР, характеризуя германо-советские отношения как «хорошие». В то же время в переговорах с итальянским руководством оно подчеркивало, что заключение Пакта трех держав поставит СССР перед угрозой войны на два фронта. Риббентроп во время встречи с Муссолини и Чиано в Риме 19 сентября 1940 г., вручив им уже одобренный правительством Японии текст Пакта трех держав, подчеркнул, что военный союз Германии и Италии с Японией «навсегда исключит англо-американскую помощь России в Европе. Если же Россия захотела бы примкнуть к Англии и Америке, то в таком случае ей пришлось бы в полном одиночестве нести всю тяжесть такой политики, ибо как на Западе, так и на Востоке она будет одна противостоять Германии и Японии». Риббентроп при этом хвастливо заявлял, что германский вермахт якобы в «любой момент может уничтожить русскую армию»[241]. Муссолини дал согласие на вступление Италии в этот пакт, выразив удовлетворение тем, что он базируется на «старой антикоминтерновской тенденции».

Заключение Германией и Италией военного союза с Японией, давно вынашивавшей планы захвата советской Сибири вплоть до озера Байкал, уже само по себе создавало для СССР угрозу в какой-то момент оказаться в тисках двух фронтов: с Германией и Италией — на западе и Японией — на востоке. Однако Гитлер и его генералы после разгрома Франции не видели необходимости привлекать к участию в походе против СССР Италию и Японию. Они были полностью уверены в том, что им удастся сокрушить Советский Союз собственными силами в ходе одной молниеносной кампании. Своим союзникам по Пакту трех держав они изначально отводили роль прикрытия Германии в ходе этой кампании с флагов и тыла. Италия создавала угрозу Великобритании и отвлекала на себя ее силы в Средиземноморском бассейне, а Япония — силы Великобритании и США на Тихом океане.

Военная кампания в Польше, сокрушительное поражение Франции и англо-французской коалиции показали, что за шесть предвоенных лет Германия, которой по Версальскому договору запрещалось иметь танки, тяжелую артиллерию, самолеты, противотанковую артиллерию и т. д., превратила свои вооруженные силы в сильнейшую армию мира. Во многом это явилось результатом политики умиротворения, которую проводили Великобритания, Франция и США в предвоенные годы, их финансовой помощи «первоначальному накоплению» Германией военно-промышленного потенциала.

После капитуляции Франции политическое и военное руководство Третьего рейха в качестве своей главной цели поставило уничтожение СССР. При этом оно, опьяненное легкой

победой вермахта на его Западном фронте, не усматривало трудностей в достижении этой цели уже в текущем 1940 г. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер 3 июля 1940 г. по собственной инициативе до получения соответствующего распоряжения Гитлера поручил начальнику своего оперативного отдела полковнику Г. Грейфенбергу приступить к изучению вопроса о «нанесении России военного удара», который «вынудил бы ее признать господствующую роль Германии в Европе»[242].

21 июля на совещании у Гитлера главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. Браухич выступил с докладом о своих соображениях по этому же вопросу. Он заявил, что в Красной армии насчитывается якобы только 50–70 «хороших дивизий» и поэтому для ее разгрома потребуется не более 80–100 немецких дивизий, на сосредоточение и развертывание которых у советской границы уйдет всего 4–6 недель. Гитлер принял этот доклад к сведению и распорядился продолжить планирование[243].

Для ускорения разработки более детального плана нападения на СССР Гальдер прикомандировал к генштабу начальника оперативного отделения 40-го корпуса подполковника Г. Фейерабенда и начальника штаба 18-й армии генерал-майора Э. Маркса, слывшего среди немецких офицеров крупным «специалистом по России». В последние дни июля Грейфенберг, Фейерабенд и Маркс представили Гальдеру свои первые варианты организации наступления. Все они сходись в том, что 80–100 немецких дивизий, развернутых на северном и южном участках Восточного фронта, будет достаточно, чтобы в ходе концентрического наступления в течение нескольких недель разгромить Красную армию. При этом они высказывались за сосредоточение и развертывание основной массы соединений на южном участке фронта для нанесения главного удара в направлении на Киев с последующим поворотом на север с целью овладеть Москвой. Для развертывания немецких войск на главном направлении предлагалось использовать румынскую территорию[244]. Гальдер отверг эти первые наброски плана войны против СССР. По его мнению, планировать нанесение главного удара на южном участке фронта было нецелесообразно по нескольким причинам: из-за того что препятствием для развития успеха в глубину являются такие крупные водные преграды, как Днестр и Днепр, а так же из-за отсутствия политических предпосылок для установления военного сотрудничества с Румынией. А главное, что не устраивало Гальдера, так это слишком длинный обходный путь для овладения Москвой ударом с юга. Он считал, что чем короче будет путь к Москве, тем быстрее удастся захватить ее и одержать победу над СССР. Ему больше импонировала идея развертывания самой мощной стратегической группировки в оккупированной Польше для прямого наступления через Минск на Москву. После захвата Москвы она должна была бы повернуть на юг с тем, чтобы выйти в тыл советским войскам на Украине и заставить их сражаться с перевернутым фронтом[245]. Такие действия вермахта, по мнению Гальдера, должны были бы обеспечить быстрый успех всей кампании против СССР.

В начале июля 1940 г. в планирование войны против Советского Союза включилось также управление (с августа 1940 г. — штаб) оперативного руководства верховного командования вермахта (ОКВ). Его начальник генерал-полковник А. Йодль был не согласен с теми соображениями, которые 21 июля были изложены Браухичем на совещании у Гитлера. Он считал, что для разгрома Красной армии понадобятся не 80–100, а 120 дивизий, что для их сосредоточения и развертывания на Восточном фронте потребуются не 4–6 недель, а примерно четыре месяца, что приведет к задержке с переходом в наступление и возникновению трудностей из-за осенней распутицы и зимних холодов. Йодлю 29 июля удалось переговорить с Гитлером и убедить его перенести начало нападения на СССР на следующий год[246].

Возникшие разногласия среди немецких военачальников были сняты Гитлером на совещании 31 июля, где присутствовали Браухич, Гальдер, Кейтель и Йодль. Гитлером было принято решение о нападении на СССР не в 1940 г., а в мае 1941 г. Им же был установлен срок «уничтожения жизненной силы России» — пять месяцев, т. е. до наступления осенней распутицы. Гитлер ориентировал участников совещания на разгром Красной армии в ходе «одного стремительного удара». Он же сформулировал следующие основные элементы

оперативно-стратегического замысла: «1. Удар на Киев с примыканием фланга к Днепру. Люфтваффе разрушает переправы у Одессы; 2. Удар по окраинным государствам в направлении Москвы. В заключение — массированные удары с севера и юга. Позднее — частная операция по захвату нефтяного района Баку». Вопрос о направлении главного удара — на Москву или Киев — он оставил открытым[247].

Гитлер поставил задачу довести общую численность дивизий в вермахте до 180 и согласился с предложением Йодля выделить из них для нападения на СССР 120 дивизий. Ближайшая цель борьбы за расширение германского «жизненного пространства» на Востоке, по его мнению, должна была заключаться в захвате Украины, Белоруссии и Прибалтики. Привлечь Финляндию к участию в антисоветской агрессии Гитлер хотел обещанием передать ей часть советской территории к северу от Белого моря[248]. На основании этих указаний фюрера началась работа по составлению новых планов войны на Востоке в генеральном штабе сухопутных войск и управлении оперативного руководства ОКВ.

Гальдер поручил Э. Марксу составить такой план, в котором предусматривалось бы нанесение главного удара не на киевском, а на московском направлении. Такой план под условным названием Оперативный проект «Ост» Маркс представил 5 августа 1940 г. Проект начинался с формулировки цели предстоящей кампании — «Разбить русские вооруженные силы и лишить Россию возможности на обозримом отрезке времени выступить в качестве противника Германии»[249]. После разгрома Красной армии намечалось отнять у СССР Украину с ее промышленностью, богатыми продовольственными и сырьевыми ресурсами, Донецкий бассейн и промышленные центры Москвы и Ленинграда. В проекте подчеркивалось особое значение Москвы как «экономического, политического и духовного центра СССР» и на этом основании делался вывод о том, что овладение им «разрушит целостность русской державы»[250].

Конечный рубеж наступления немецких войск устанавливался на линии Дон — Волга — Северная Двина. Этого, по мнению Маркса, было достаточно для того, чтобы поставить советское руководство в безвыходное положение и капитулировать.

В проекте Маркса учитывалось, что западные области СССР, где будут разворачиваться военные действия, разделены неудобными для наступления Припятскими болотами «на два изолированных операционных пространства», и соответственно предлагалось вести наступление в двух направлениях силами двух групп армий. Группа армий «Север» должна была нанести удар из Северной Польши и Восточной Пруссии на Москву, а группа армий «Юг» — из Галиции и Южной Польши на Киев, к среднему течению Днепра. Ударные силы немецких войск намечалось использовать прежде всего на московском направлении. Они должны были, как и настаивал на этом Гальдер, «прямым ударом по Москве разбить и уничтожить главные силы русской северной группы» в Белоруссии, «овладеть Москвой и Северной Россией», затем повернуть фронт на юг, чтобы во взаимодействии с южной немецкой группой занять Украину. В конце победоносной кампании немецкие войска должны были выйти на рубеж Ростов — Горький — Архангельск. Для прикрытия северного фланга войск, участвующих в этой грандиозной операции, Маркс предлагал создать особую группировку, которая должна была наступать в направлении нижнего течения Западной Двины, Пскова и Ленинграда[251].

Продолжительность кампании должна была, по мнению Маркса, составить не более 17 недель. Успех немецких войск в такой короткий срок, исходя из опыта молниеносных войн против Польши и Франции, основывался на достижении внезапности нападения, значительном количественном и качественном превосходстве немецких войск. Маркс исходил из предположения, что советское командование из-за необходимости обеспечивать безопасность границ СССР от Японии, Турции и Финляндии сможет выставить против Германии только 119 стрелковых и кавалерийских дивизий и 28 мотомехбригад. На этом основании он делал вывод, что для их полного разгрома потребуется 147 немецких дивизий, в том числе 24 танковых и моторизованных[252]. Маркс считал, что этих сил будет вполне достаточно для того, чтобы разгромить и уничтожить главные силы Красной армии уже в ходе

первых приграничных сражений в течение трех — максимум семи недель[253]. В варианте плана Э. Маркса красной нитью проходила мысль о неспособности Красной армии выдержать первый концентрированный удар вермахта, а также о полной бесперспективности попыток СССР оказывать сопротивление Германии после утраты промышленных центров в Европе. Советские промышленные регионы, расположенные далее к Востоку, отмечал Э. Маркс, не обладают «достаточно высокой производительностью»[254]. Недооценка Марксом боеспособности Вооруженных сил СССР и их возможностей продолжать войну в случае утраты наиболее развитых областей в Европе была воспринята как аксиома немецкими генералами и офицерами, причастными к дальнейшей разработке плана антисоветской агрессии. Начальник разведывательного отдела ОКХ «Иностранные армии — Восток» полковник Э. Кинцель, например, заявлял, что Красная армия будет разбита уже в приграничных районах, потому что ее «парализует страх перед немецкой армией, и она будет лишена способности принять какое-либо решение»[255].

Параллельно работа над планом войны против СССР велась и в штабе оперативного руководства ОКВ. Непосредственную ответственность за подготовку этого документа Йодль возложил на референта по делам сухопутных войск из отдела «Оборона страны» подполковника Б. Лоссберга. Последний вместе с группой подчиненных ему офицеров 15 сентября 1940 г. завершил свою Оперативную разработку «Ост» и доложил ее Йодлю[256]. В основу варианта Лоссберга, как и варианта Маркса, была положена концепция молниеносной войны. В нем подтверждалась вероятность разгрома основных сил Красной армии в ходе первых же сражений у границы и развала СССР после того, как он лишится большей части своей европейской территории. «Целью кампании против России, — говорилось в варианте Лоссберга, — является: стремительными действиями уничтожить расположенную в Западной России массу сухопутных войск, воспрепятствовать отводу боеспособных сил в глубину русского пространства, а затем, отрезав западную часть России от морей, прорваться до такого рубежа, который, с одной стороны, закрепил бы за нами важнейшие районы России, а с другой — мог бы послужить удобным заслоном от ее азиатской части»[257]. Вместе с тем в варианте Лоссберга содержались и новые идеи. В частности, в нем предусматривалось создание не только двух мощных группировок для наступления на московском и киевском направлениях, но еще и самостоятельной третьей группировки на ленинградском направлении, а также использование для сосредоточения и развертывания немецких войск у границ СССР не только территории Восточной Пруссии и восточной части оккупированной Польши, но и территории Румынии и Финляндии. Правящие круги этих двух стран к тому времени сами взяли курс на сближение с Германией и стали рассматриваться в Берлине как вероятные союзники.

Согласно варианту Лоссберга, две группы армий должны были развернуть наступление севернее Припятских болот, а одна — южнее. При этом две трети сил, выделенных для нападения на СССР, должны были бы войти в состав двух групп армий, действующих севернее этих болот. Одна из них, в состав которой предполагалось включить основную массу танковых и моторизованных соединений, должна была нанести удар на московском направлении из Польши в промежуток между верховьями Днепра и Западной Двины и форсировать эту водную преграду. Восточнее Западной Двины эта группа армий должна была установить взаимодействие с наступавшей севернее на ленинградском направлении из Восточной Пруссии группой армий. Группе армий, наносившей главный удар на Москву, предписывалось время от времени наносить своими подвижными соединениями удары в северном направлении, чтобы отрезать путь к отступлению советским войскам, находящимся в Прибалтике перед фронтом северной группировки немецких войск. Эти удары должны были наноситься во время оперативных пауз, которые возникают при быстром наступлении на большую глубину из-за отставания тыловых служб[258].

В варианте Лоссберга был изложен план использования Финляндии в качестве союзника. Он заключался в том, чтобы финляндская армия вместе с находившейся в то время в Норвегии 21-й группой немецких войск образовали так называемую Северную группу.

Небольшая часть сил этой группы должна была бы захватить Мурманск, а основная масса — перейти в наступление из южной части Финляндии в целях соединения с немецкими войсками северной группы армий в районе Ладожского озера, как только она приблизится к Ленинграду[259].

Группе армий, наступающей южнее Припятских болот, надлежало, нанося сильные удары своими внешними флангами, окружить и уничтожить советские войска на Правобережной Украине, форсировать Днепр и, выйдя на рубеж восточнее Припятских болот, установить непосредственное соприкосновение с войсками, действующими в северной операционной зоне. В дальнейшем предусматривалось объединение обеих главных группировок и их совместное продвижение в глубь России до рубежа, который будет определен ставкой Гитлера. Потеряв свои западные территории и выходы к морям, согласно варианту Лоссберга, СССР не смог бы дальше вести войну даже в том случае, если бы в его руках осталась военная промышленность Урала[260].

Идеи, изложенные в вариантах Маркса и Лоссберга, легли в основу дальнейшей работы по планированию войны против СССР. Ее координация с начала сентября 1940 г. была возложена на 1-го обер-квартирмейстера генерального штаба сухопутных войск генерал-лейтенанта Ф. Паулюса. В ноябре эта работа в основном была завершена. Новым вариантом плана, как и в варианте Лоссберга, предусматривалось создание трех групп армий — «Север», «Центр» и «Юг», которые должны наступать на ленинградском, московском и киевском направлениях. В «восточном походе» намечалось использовать 130–140 дивизий. Считалось, что этих сил будет достаточно, чтобы разгромить Красную армию в течение 6–8 недель[261]. После уточнения в ходе плановых военных игр 29 ноября и 3 декабря этому плану по предложению Лоссберга дали условное название «Фриц»[262].

5 декабря 1940 г. Гальдер представил его Гитлеру. Гитлер одобрил разработку в целом, однако высказал пожелание, суть которого заключалась в том, чтобы после разгрома основных сил Красной армии в приграничных сражениях группа армий «Центр» имела бы «достаточно войск, чтобы быть в состоянии повернуть значительную часть сил на север» и тем самым оказать поддержку группе армий «Север» в окружении и разгроме советских войск в Прибалтике[263], а затем во взаимодействии с группой армий «Юг» продолжить наступление на Москву. Эта поправка противоречила первоначальному замыслу Гальдера нанести «прямой удар на Москву». Однако ни он сам, ни кто-либо из других участников совещания не возразили Гитлеру. Все они были уверены, что результат войны будет предрешен в пользу Германии разгромом Красной армии в течение нескольких недель в приграничных сражениях.

7 декабря 1940 г. «Оперативную разработку для компании на Востоке» представил начальник штаба группы армий «А» (перед нападением на СССР переименована в группу армий «Юг») генерал пехоты Г. Зодернштерн. Он также предполагал, что можно будет разгромить СССР силами трех групп армий, развернутых на северном, центральном и южном участках Восточного фронта. Исход всей кампании, по его замыслу, должен был обеспечить гигантский двойной охват советских войск северной группой армий (67 дивизий, в то числе 21 танковая и моторизованная) через Смоленск, Даугавпилс и южной группой армий (47 дивизий, в том числе 9 танковых и моторизованных) через Киев в общем направлении на Москву. В это время центральная группа армий, развернутая в районе Пинских болот (17 дивизий), должна была сковывать советские войска и тем самым обеспечивать южный фланг северной группы армий и северный фланг южной группы армий[264]. Однако этот вариант не пошел в работу. Решение уже было принято Гитлером в пользу плана кампании, подготовленного ОКВ и ОКХ.

В первой половине декабря работа над планом была завершена. На его основе Лоссберг под руководством Йодля подготовил директиву № 21, которую Гитлер подписал 18 декабря 1940 г. В ней трем группам армий «Север», «Центр» и «Юг», предназначавшимся для наступления на ленинградском, московском и киевском направлениях, была поставлена задача на глубину одной стратегической операции до рубежа рек Днепр — Западная Двина. Группа

армий «Центр» должна была наступать танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее с целью раздробить силы противника в Белоруссии. Затем ей предписывалось передать часть своих подвижных войск группе армий «Север» для успешного решения задачи по полному уничтожению войск противника в Прибалтике и захвату Ленинграда. После этого группы армий «Центр» и «Север» всеми своими силами должны были возобновить наступление на Москву. Раздельное наступление двух групп армий на Ленинград и Москву предусматривалось только в случае неожиданно быстрого развала фронта советских войск.

Группе армий «Юг» была поставлена задача развернуть основные силы на своих северном и южном флангах, а затем посредством нанесения концентрических ударов до выхода к Днепру полностью уничтожить советские войска на Правобережной Украине. Главный удар наносился из района Люблина в общем направлении на Киев. Находившиеся в Румынии немецкие войска должны были форсировать реку Прут в нижнем течении и осуществить глубокий охват противника.

В директиве подчеркивалась важность быстрейшего захвата немецкими войсками Москвы и Донецкого бассейна после форсирования Днепра. Однако вопрос о взаимодействии групп армий «Центр» и «Юг» во время наступления к востоку от Днепра не рассматривался. Авторы директивы считали, что за Днепром боевые действия будут носить характер преследования остатков разгромленных советских войск, что немецкие войска без особого труда выйдут на линию Волга — Архангельск и создадут там «заградительный барьер против Азиатской России».

Германским ВВС по плану «Барбаросса» была поставлена задача направить все силы на борьбу против неприятельской авиации и поддержку с воздуха наступления сухопутных соединений, прежде всего, на решающих направлениях ударов групп армий «Центр» и «Юг», а после завершения ими главных операций приступить к бомбардировке советских промышленных предприятий, в том числе и на Урале. Германские ВМС в это время должны были, соблюдая осторожность, обеспечить безопасность своего побережья путем перекрытия советским кораблям выхода из Балтийского моря. В директиве утверждалось, что с захватом сухопутными войсками Ленинграда советский Балтийский флот лишится последней своей базы и окажется в безвыходном положении. Таким образом, как и для сухопутных войск, действия авиации и флота предусматривались в рамках концепции блицкрига.

В плане «Барбаросса» предусматривалось участие в войне Румынии и Финляндии. Румынские войска должны были «поддержать наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции», а «в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах». Финская армия должна была прикрыть сосредоточение и развертывание у советской границы выдвигавшейся из оккупированной Норвегии группировки германских войск, а затем «вести боевые действие совместно с этими войсками»[265]. В мае 1941 г. к участию в подготовке нападения на СССР была привлечена и Венгрия. Расположенная в центре Европы, она являлась перекрестком важнейших коммуникаций. Без ее участия или даже согласия германское командование не могло осуществлять переброску своих войск в Юго-Восточную Европу.

31 января 1941 г. главное командование сухопутных войск (ОКХ) издало директиву на стратегическое развертывание сухопутных войск по плану «Барбаросса»[266]. Их общая задача, согласно директиве, состояла в том, чтобы «осуществить широкие подготовительные мероприятия, которые позволили бы нанести поражение Советской России в быстротечной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии». Эту задачу намечалось выполнить посредством нанесения быстрых и глубоких ударов мощными подвижными группировками севернее и южнее Припятских болот с целью разобщить и уничтожить главные силы советских войск в западной части СССР, не допустив отступления их боеспособных частей в обширные внутренние районы страны. Выполнению этого замысла, утверждалось в директиве, будут способствовать попытки крупных соединений советских войск «оста-

новить немецкое наступление на линии рек Днепр, Западная Двина». В директиве были указаны районы сосредоточения и ближайшие цели немецких группировок, выделенных для проведения операции «Барбаросса». 3 февраля 1941 г. Браухич и Гальдер представили эту директиву на рассмотрение Гитлеру, который ее одобрил. Затем она была направлена в штабы трех групп армий, военно-воздушных и военно-морских сил. Штабы групп армий разработали оперативные планы своих объединений и 20 февраля представили их Гальдеру. Планы групп армий «Юг» и «Север» Гальдер одобрил, а в план группы армий «Центр» по его требованию были внесены дополнения. Было предусмотрено обеспечить более тесное взаимодействие между танками и пехотой с тем, чтобы в ходе наступления танковых групп не допустить образования брешей на флангах группы армий.

Группы армий и их задачи
по «Директиве на развертывание по плану “Барбаросса”»

Группировка / Командующий	Район сосредоточения и развертывания	Постановка задачи в наступлении до линии Днепр — Двина
Армия «Норвегия» Ген.-полк. фон Фалькенхорст	Норвегия	Захват Мурманска и Петсамо
	Восточная Пруссия	
Группа армий «Север» Ген.-фельд. фон Лееб 16-я армия 18-я армия	Район Варшавы и Сувалки	Уничтожение соединений Красной армии в прибалтийских республиках и захват Ленинграда
Группа армий «Центр» Ген.-фельд. фон Бок Танковая група 2 Танковая группа 3 4-я армия 9-я армия	Район Люблина	Уничтожение соединений Красной армии в Белорусской ССР, захват Смоленска в качестве предпосылки развития наступления на Москву Уничтожение соединений Красной армии западнее Днепра, захват Киева и переправ для дальнейшего наступления на Восток
Группа армий «Юг» Ген.-фельд. фон Рундштедт Танковая группа 1 12-я армия 17-я армия 6-я армия		

Признавалось целесообразным избежать крупного сражения в районе Белостока с тем, чтобы дать его не раньше, чем при захвате Минска. Было предусмотрено использовать в ходе наступления все технические средства для подтягивания резервов за южным крылом группы армий «Центр», чтобы защитить его от фланговых ударов советских войск. Важным также считалось не допускать никаких разрывов во время боевых действий с группой армий «Север»[267].

Параллельно с разработкой плана нападения на СССР, задолго до его утверждения, начались реорганизация, перевооружение и обучение вермахта с учетом поставленной ему новой задачи. Командование вермахта видело в Советском Союзе более сильного противника, чем англо-французская коалиция. Поэтому в августе 1940 г. оно решило довести к весне 1941 г. численность сухопутных войск до 200 дивизий (включая резервы). Начальник штаба ОКВ В. Кейтель 21 августа приказал начальнику управления военной экономики и вооружения генералу Г. Томасу обеспечить к началу войны против СССР выполнение но-

вой программы «Б» производства вооружений и боеприпасов, достаточное для оснащения этого числа соединений[268]. Этой программой предусматривалось ускорить выпуск средних танков, противотанковых орудий и других видов оружия, а также шире использовать промышленный потенциал оккупированных стран для оснащения войск транспортными средствами и оружием. Далее Кейтель 5 сентября 1940 г. издал распоряжение, в котором от имени Гитлера требовалось к весне 1941 г. довести численность действующей армии до 180 дивизий (без учета войск СС). До полной штатной численности надлежало довести 10 моторизованных дивизий, а 20 танковых дивизий должны были временно иметь в своем составе по одному танковому полку. Конечная цель наращивания моторизованных войск заключалась в формировании 12 моторизованных (без учета войск СС) и 24 танковых дивизий. Число горноегерских дивизий надлежало довести до десяти. Кроме того, предусматривалось сформировать 37 новых пехотных дивизий, которые требовались для доведения общего числа дивизий до 180[269].

В целях подготовки Восточного ТВД в июне 1940 г. была принята общегосударственная программа по расширению пропускной способности железных и шоссейных дорог, идущих из Германии к границам СССР (программа «Отто»). Ею предусматривалось завершить работы: в Восточной Пруссии — к концу декабря 1940 г., на территории Польши — к концу апреля 1941 г. На территории Румынии и Словакии к работам предполагалось приступить с сентября 1940 г.[270]

Для пополнения вооруженных сил личным составом был осуществлен призыв резервистов, что позволило увеличить численность вооруженных сил Германии с 5765 тыс. человек в июне 1940 г. до 7329 тыс. в июне 1941 г. Сухопутные войска вместе с войсками СС выросли за это время с 4472 тыс. до 5360 тыс. человек. К началу войны против СССР действующая армия Германии вместе с войсками СС насчитывала 4120 тыс. человек. Количество дивизий в ней возросло со 156 до 210. Кроме того, она имела в своем составе 9 отдельных бригад и полков. Из 210 дивизий было 152 пехотные, 21 танковая, 10 моторизованных, 6 дивизий СС, 6 горнострелковых, 4 легких пехотных, 9 охранных, 1 артиллерийская и 1 воздушно-десантная. Для восполнения потерь действующей армии имелось 300–350 тыс. обученных солдат в армии резерва и примерно 80 тыс. человек — в полевых запасных батальонах действующей армии[271].

В этот период рост численности сухопутных войск осуществлялся за счет формирования новых пехотных соединений и частей, предназначенных для несения оккупационной службы, и увеличения административно-хозяйственных служб в армии резерва, осуществлявших обучение призывников. Если в мае 1940 г. в составе вермахта находилось только 9 дивизий охраны тылов, относившихся к оккупационным войскам, то в июне 1941 г. их было уже 41 дивизия[272].

Немецко-фашистское руководство, принимая меры по увеличению численности живой силы, основную ставку делало на качественное превосходство над СССР. В этих целях были предприняты мероприятия по повышению уровня обучения войск, оснащению их новой техникой, переподготовке командного состава и совершенствованию организационно-штатной структуры войск. Часть наименее боеспособных дивизий была расформирована, оставшиеся дивизии были реорганизованы. Кроме того, было создано много новых дивизий[273].

Исключительно большое значение для качественного совершенствования вооруженных сил Германии имело создание 23 новых подвижных дивизий, к которым в вермахте относились танковые, моторизованные и легкие дивизии. Они предназначались для создания танковых клиньев, призванных обеспечить глубину и быстроту продвижения немецких войск по советской территории. В результате к июню 1941 г. по сравнению с маем 1940 г. общее количество танковых дивизий возросло в 2,1 раза (с 10 до 21), моторизованных (с учетом дивизий и бригад СС) — в 2,2 раза (с 9 до 19)[274].

Сухопутные войска, являясь главным видом вооруженных сил Германии, состояли из пехоты, артиллерии, горнострелковых, танковых, истребительно-противотанковых войск, войск связи, кавалерии, медико-санитарной и ветеринарной служб.

Сухопутные войска делились на действующую армию и армии резерва. Высшим стратегическим объединением действующей армии сухопутных войск на театре или стратегическом направлении считалась группа армий. В ее состав в зависимости от предстоящих задач включались две-три армии и одна-две танковые группы. Последние в зависимости от характера проводимых операций либо непосредственно подчинялись командующему группой армий, либо могли временно передаваться в оперативное подчинение командующим полевыми армиями[275].

Полевая армия, являвшаяся оперативным объединением сухопутных войск, также не имела постоянного состава и в зависимости от выполняемых задач объединяла от трех до пяти армейских корпусов. Танковая группа обычно состояла из двух — трех моторизованных корпусов, а иногда кроме этого включала один — два армейских корпуса[276].

В составе армейских корпусов, которые являлись тактическими соединениями, имелось обычно по три пехотных дивизии, а в отдельных случаях — по четыре — шесть дивизий. Моторизованные корпуса, как правило, имели по две танковых и одной моторизованной дивизии.

Пехотная, моторизованная и танковая дивизии были тактическими соединениями, имевшими точно определенный постоянный состав. Особенностью подготовки пехотных дивизий было их деление на дивизии 1–12-й «волн». Номер определялся состоянием их поэтапного формирования, степенью укомплектованности личным составом, вооружением и военной техникой. Наиболее боеспособными были дивизии 1-й «волны», они являлись кадровыми уже в мирное время[277].

Типовая пехотная дивизия вермахта состояла из трех пехотных полков по три батальона в каждом, артиллерийского полка (три дивизиона 105-мм полевых гаубиц и дивизион 150-мм гаубиц), разведывательного батальона, моторизованного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона, саперного батальона и тыловых служб. По штату пехотная дивизия имела: личного состава — 16,8 тыс. человек, пулеметов — около 500, 50-мм минометов — 84; 81,4-мм минометов — 54; 37-мм противотанковых орудий — 66; 50-мм противотанковых орудий — шесть; 75-мм пехотных орудий — 20; 149,1-мм пехотных орудий — шесть; 105-мм полевых гаубиц — 36; 150-мм полевых гаубиц — 12, а также около 200 велосипедов и более 6 тыс. лошадей.

Моторизованная дивизия состояла из двух моторизованных и одного артиллерийского полков, всего 14 029 человек, 37 бронемашин и 237 орудий и минометов; танковая дивизия — из одного танкового, двух моторизованных и одного артиллерийского полков, всего 16 тыс. человек, 25 бронемашин и 192 орудия и миномета. Количество танков в танковых дивизиях, предназначенных для действий на советско-германском фронте, было неодинаковым. В 11 из них имелось по 135, в восьми — по 209 танков[278].

На пехоту, как основной род сухопутных войск, приходилось две пятых всего личного состава вермахта. В июне 1941 г. они составляли более 73 % численности вермахта, на ВВС приходился 21 %, на ВМС — менее 6 %. Численность вермахта в целом увеличилась с 4,5 млн человек в сентябре 1939 г. до 7,3 млн человек в июне 1941 г. (табл. 1).

Таблица 1

Изменение численности вооруженных сил Германии с сентября 1939 г. по июнь1941 г. (в тыс. чел.)[279]

Виды вооруженных сил	1 сентября 1939 г.	15 июня 1940 г.	15 июня 1941 г.
Сухопутные силы			
Действующая армия	2710	3447	3960
Армия резерва	996	900	1240
ВВС	677	1104	1545
ВМС	122	189	404
Войска СС	23	125	160
Всего личного состава	4528	5765	7329
Вспомогательного состава вермахта	500	550	900

Во главе сухопутных сил стояло верховное командование — ОКХ — высшая командная и управленческая инстанция сухопутных войск Германии. 25 августа 1939 г. с началом проведения мобилизации вступила в силу структура ОКХ военного времени. В ставке ОКХ в Цоссене (под Берлином) был создан штаб оперативного руководства полевыми войсками. Главнокомандующему ОКХ непосредственно подчинялись только начальник генерального штаба сухопутных войск, командующий армией резерва, начальник управления личного состава, а с 1940 г. — созданное управление генерала для особых поручений при главкоме. Остальные органы штаба вместе с командующим армией резерва дислоцировались в Берлине.

К июню 1941 г. была достигнута высшая степень моторизации вермахта. Общее количество автотранспортной техники возросло с 420 тыс. в марте 1940 г. до 610 тыс. в июне 1941 г. Имелось свыше 200 тыс. грузовых автомобилей, 150 тыс. легковых автомашин, 16 тыс. полугусеничных тягачей, большое количество мотоциклов. Но для полной моторизации вооруженных сил этого было недостаточно. По-прежнему широко применялась конная тяга. На начало июня 1941 г. в вермахте имелось 817 тыс. лошадей[280].

Составной частью сухопутных войск являлась армия резерва. Она имела постоянный и переменный состав. В число постоянного состава входили кадровые военнослужащие запасных частей и соединений, учебных заведений, охранные части, территориальные формирования военных округов. Через военные округа армия резерва проводила мобилизацию в масштабе всей страны и удовлетворяла потребность всех видов вооруженных сил в личном составе. Подготовка личного состава, который поступал из армии резерва в ВВС и ВМФ, осуществлялась этими видами вооруженных сил.

Военно-воздушные силы являлись вторым по значению видом германских вооруженных сил. По своему предназначению они подразделялись на собственно авиацию, войска ПВО, войска связи ВВС и воздушно-десантные войска. Кроме того, в их составе имелись строительные и охранные части.

Численность личного состава ВВС летом 1941 г. распределялась следующим образом: на авиацию вместе с воздушно-десантными войсками приходилось 36 %, на войска ПВО — 34 %, на войска связи ВВС — 17 %, на строительные части — 10 %, на охранные части — 3 %[281].

В строительстве ВВС большое внимание уделялось истребительной авиации. Она рассматривалась как главное средство завоевания и удержания господства в воздухе. На нее приходилось около половины всех боевых самолетов Германии.

К июню 1941 г. ВВС Германии насчитывали около 10 тыс. самолетов, из них 6 тыс. боевых (бомбардировщиков — 2642, самолетов морской авиации — 286, истребителей — 2249, разведывательных — 823). Имелось также 719 транспортных самолетов и 133 самолета связи. Остальные самолеты были в основном учебными и в действующей армии не использовались.

Основной организационной единицей ВВС Германии являлась эскадра, включавшая 100–120 самолетов одного типа (бомбардировщиков, пикирующих бомбардировщиков, одномоторных истребителей, тяжелых двухмоторных истребителей). Эскадра состояла из 2–3 авиагрупп по 3 отряда (эскадрильи) в каждой. В отряде имелось 9 боевых и 3 резервных самолета. Эскадры объединялись в авиационные корпуса, состав которых мог изменяться.

Высшим оперативным объединением ВВС являлся воздушный флот, в состав которого входили от 1 до 3 авиационных корпусов, зенитный корпус, а также воздушные и наземные части обеспечения и обслуживания. Структура воздушного флота, включавшая все рода авиации, позволяла ему проводить как самостоятельные воздушные операции, так и обеспечивать поддержку сухопутных войск и военно-морского флота на отдельных стратегических направлениях.

К моменту нападения на СССР германская авиация уступала советской в количественном отношении, но имела значительные преимущества с организационно-штатной точки зрения, а также в тактико-технических характеристиках и уровне профессиональной подготовки личного состава. Во главе ВВС стояло главное командование. Главнокомандующим ВВС почти бессменно был рейхсмаршал Г. Геринг, который с июня 1935 г. одновременно исполнял должность рейхсминистра всего воздушного флота Германии.

Из трех видов вооруженных сил Германии военно-морские силы были самыми малочисленными и значительно уступали флотам США, Англии и Японии. На первом этапе войны ВМС отводилась вспомогательная роль.

В составе германских ВМС к июню 1941 г. имелось 4 линейных корабля, 4 тяжелых и 4 легких крейсера, 15 эсминцев, 18 миноносцев, 40 торпедных катеров, 122 подводные лодки, 6 вспомогательных крейсеров и значительное количество небольших военных кораблей и катеров специального назначения. Береговая артиллерия ВМС Германии включала 25 батарей тяжелых орудий и 99 батарей орудий среднего калибра.

Организационно германские ВМС состояли из командований крейсеров, эсминцев, подводных лодок, торпедных катеров, тральщиков, войск береговой обороны. Имелись два оперативных объединения надводных кораблей: группы «Запад» и «Восток».

Морская авиация организационно входила в состав ВВС и подчинялась командованию ВМС лишь в оперативном отношении.

Кроме основных видов вооруженных сил — сухопутных войск, ВВС и ВМС — к вооруженным формированиям относились специальные войска СС, подчиненные главному управлению СС. Организационно войска СС состояли из отдельных дивизий, полков, батальонов и рот. Они формировались из числа лиц, фанатично преданных фашистскому режиму, активных членов нацистской партии. Эти войска лучше обеспечивались и являлись, по существу, фашистской военной элитой[282].

Понятие «войска СС» как строевые части вошло в обиход впервые в 1939 г. В том же году была сформирована первая дивизия СС «Тотенкопф» («Мертвая голова»). Осенью 1941 г. в войсках СС, предназначенных для действий на фронте (полевые войска СС), насчитывалось свыше 90 тыс. человек.

При формировании новых соединений в качестве основы брались части и подразделения из соединений, имевших боевой опыт. Высокая боеготовность вновь формируемых соединений достигалась путем включения в их состав целых батальонов, дивизионов и даже полков, имеющих боевой опыт[283]. При этом для образования танковых дивизий, например, были использованы наиболее подготовленные пехотные и моторизованные дивизии, личный состав которых имел высокий общеобразовательный уровень и обладал различными техническими навыками. В ходе переукомплектования все дивизии переводились на штаты военного времени.

Немецко-фашистское командование заблаговременно позаботилось также о подготовке обученных контингентов для восполнения потерь действующей армии в будущей войне. В соответствии с проведенными расчетами эти потери должны были быть значительно больше, чем в предшествующих кампаниях Второй мировой войны. Если к июню 1941 г. вермахт потерял убитыми и пропавшими без вести 97 тыс. человек, то предполагаемые потери в ходе двух первых месяцев «Восточного похода», по расчетам немецкого командования, должны были составить 275 тыс. человек, а до конца сентября — еще 200 тыс. человек. На основании этого были вновь созданы полевые запасные батальоны численностью 90 тыс. человек. Кроме того за счет увеличения призыва военнообязанных резко возросла численность армии резерва. В целом контингент обученных военнослужащих, предназначенных для пополнения действующей армии, составил 475 тыс. человек[284].

Укреплению немецкой армии служила боевая подготовка войск, полностью нацеленная на войну против СССР.

Основные направления в обучении войск были объявлены уже в начале июля 1940 г. Обучение рекрутов организовывалось заново, сроки подготовки были увеличены[285]. В составе действующей армии это обучение составляло не менее трех месяцев. Руководящие документы требовали использовать зимнюю учебу таким образом, чтобы боевой опыт западной кампании не переоценивался, а войска готовились бы к «борьбе всеми силами против равного противника». С целью придать обучению войск определенную направленность для борьбы против Красной армии осенью 1940 г. был подготовлен обзор опыта Советско-финляндской войны[286]. В нем обобщалась тактика советских войск в наступлении и обороне, приводились

конкретные примеры их действий, давалась им оценка. Отмечались небольшая глубина обороны, неумелое использование местности, плохая маскировка. Указывались недостатки советского командования в организации наступления, такие как плохая разведка, отсутствие четкого взаимодействия войск[287].

Исключительное внимание уделялось оперативно-тактической подготовке офицерского и генеральского состава. С этой целью были организованы различные курсы, проводились занятия в частях и соединениях. Важнейшей формой непосредственной подготовки к действиям против СССР были многочисленные командно-штабные учения. В ходе их проведения и занятий с офицерами отрабатывались действия по отражению танковых ударов противника. Офицеры учились достижению тактической и оперативной внезапности, организации взаимодействия всех родов сухопутных войск с авиацией, умелому ведению разведки. В документах указывалось на важность быстрого принятия решений командирами, непрерывной заботы о прикрытии флангов и материально-технического обеспечения подчиненных войск. Значительная часть времени уделялась обучению офицеров умелому применению противотанковых средств, заблаговременной подготовке к борьбе с танками противника[288].

Особое место отводилось обучению офицеров службы генерального штаба, которые занимали должности начальников штабов и оперативных отделов соединений и объединений, а также офицеров некоторых других штабных должностей. В 1940 г. были созданы 8–10-недельные курсы по подготовке офицеров службы генерального штаба[289]. К началу войны против СССР на этих курсах было произведено четыре выпуска, которые дали дополнительно около 250 офицеров. Кроме того, было привлечено свыше 100 бывших офицеров генерального штаба, уволенных в запас в 1918 г. Организованы специальные курсы, на которых велась подготовка общевойсковых командиров к выполнению специальных задач квартирмейстерской службы и службы разведки[290].

В феврале — апреле 1941 г. фон Браухич издал ряд директив по вопросам обучения личного состава. В них обращалось внимание на трудности ведения войны на территории СССР в условиях бездорожья и доводилось до командиров всех уровней о необходимости организации всестороннего боевого и материально-технического обеспечения войск. Директивы требовали обучать войска эффективным способам достижения внезапности. От командного состава требовалось умело работать с ограниченным количеством карт и устаревшими данными на них. Большое внимание обращалось на обеспечение гибкости и оперативности управления войсками, готовности командиров принимать самостоятельные решения[291].

Качественного превосходства над советскими войсками планировалось достигнуть созданием нового вооружения, обладавшего более высокими тактико-техническими данными.

В этой связи Германией уделялось также значительное внимание производству танков, штурмовых орудий и бронеавтомобилей. До 1938 г. ставка делалась на легкие танки T-I и T-II. Массовый выпуск средних танков (T-III и T-IV), а также самоходных установок и бронеавтомобилей начал осуществляться лишь в 1938 г. Однако это обстоятельство имело и свою положительную сторону, так как к началу войны, и особенно ко времени нападения на Советский Союз, немецко-фашистские войска получили большое количество наиболее современной бронетанковой техники. В 1938 г. в Германии было выпущено 1600 главным образом средних танков, в 1940 г. — около 2000 танков. В том же году было произведено 2154 штурмовых орудия, бронеавтомобиля и бронетранспортера.

Следует отметить, что бронетанковый парк немецко-фашистских войск к началу войны против Советского Союза значительно увеличился за счет боевой техники, произведенной на заводах оккупированных районов Чехословакии и Франции[292].

В танковых соединениях количество средних танков увеличилось в 2,3 раза (с 627 до 1423). Причем танки T-III вместо 37-мм пушки были в подавляющем большинстве оснащены 50-мм пушкой. Средние танки составили 44 % от общего количества танков вермахта, выделенных для нападения на СССР. Если же учесть 250 штурмовых орудий, которые по своим тактико-

техническим данным приближались к средним танкам, то доля последних возрастет до 50 % (в ходе Западной кампании она равнялась 25 %)[293].

Располагая данными о советском численном превосходстве в танках, немецкое командование уделило первостепенное внимание насыщению своих войск противотанковыми средствами. На вооружение противотанковых частей и подразделений с конца 1940 г. стали поступать новые, 50-мм противотанковые пушки и тяжелые противотанковые ружья калибра 28 мм. Количество противотанковых орудий (без учета трофейных) увеличилось на 21 %, а противотанковых ружей — более чем в 20 раз.

К 22 июня 1941 г. в действующую армию были поставлены счетверенные зенитные орудия калибра 20 мм, шестиствольные минометы калибра 160 мм с дальностью стрельбы до 6,7 км, установки для метания тяжелых реактивных мин калибра 280 мм и 320 мм, штурмовые орудия с 75-мм пушкой (в период Западной кампании имелись лишь отдельные экземпляры).

Качественное совершенствование немецких войск выразилось и в том, что из 84 новых дивизий, сформированных в период с сентября 1940 г. по июнь 1941 г., 23 дивизии относились к числу подвижных (11 танковых, 8 моторизованных и 4 легких пехотных дивизии). Доля танковых и моторизованных соединений в составе действующей армии увеличилась с 12 % в мае 1940 г. до 18 % в июне 1941 г.[294]

С учетом опыта действий танковых войск в Западной кампании были созданы четыре танковые группы, которые приравнивались к армиям.

В штатах нескольких дивизий увеличивалось количество самоходных артиллерийских установок как бронированных средств поддержки пехоты. Для повышения подвижности дивизий при действиях на территории со слаборазвитой дорожной сетью в их составе увеличилось количество лошадей и крестьянских повозок. Были созданы четыре легкие пехотные дивизии для действий на труднопроходимой местности[295].

На базе развитого машиностроения в Германии быстрыми темпами развивалось военное производство, а особенно авиационная промышленность. Так, уже к 1934 г. было выпущено 1968 самолетов, в 1938 г. — 5235, в 1939 г. — 8295[296]. Более половины из них были боевыми. Количество самолетов, произведенных в 1940 г., составило 10 826 шт. При этом не все производственные мощности самолетостроения были задействованы[297].

Необходимо отметить, что по качественным показателям самолеты являлись одними из лучших образцов того времени.

Учитывая предполагаемый маневренный характер войны против СССР, немецко-фашистское командование в декабре 1940 г. приняло решение о создании на базе имевшихся подразделений ВВС эскадрилий ближней разведки. В марте 1941 г. они были переданы в подчинение командующих армиями и танковыми группами. Примечательно, что из 3265 боевых самолетов, выделенных немецким командованием для обеспечения плана «Барбаросса», 781 (24 %) были разведывательными[298].

Сухопутным войскам были подчинены в оперативном отношении многие части зенитной артиллерии, организационно входившей в состав ВВС. Всего армиям и танковым группам было придано 37 смешанных и 14 легких зенитных артдивизионов. Этим обеспечивалась более высокая эффективность противовоздушной обороны сухопутных войск[299].

Планирование гитлеровским руководством войны против Советского Союза основывалось на сложившихся к этому времени военно-теоретических взглядах, состоятельность которых, казалось, была проверена на успешном для Германии опыте кампаний 1939–1941 гг.

Эти взгляды сводились в целом к теориям тотальной и молниеносной войны, которые зародились в умах прусской военной школы, затем эти знания были соответствующим образом усовершенствованы гитлеровскими военными теоретиками и явились краеугольным камнем агрессивной военной доктрины германского фашизма.

Теория молниеносной войны предусматривала достижение быстрой и полной победы над противником в одной кампании. Считалось необходимым всеми средствами добиваться внезапности нападения, иметь во вражеских странах «своих сторонников» и умело использовать их подрывную и агитационную деятельность.

Внезапность должна была достигаться проведением тайной мобилизации, скрытого сосредоточения и развертывания вооруженных сил, дезинформацией, заключением договоров со странами, на которые предполагалось осуществить нападение, и др. Высокие темпы наступления планировалось обеспечить путем массированного применения танков и авиации, которые считались главным средством преодоления сопротивления противника и его разгрома. При этом на авиацию, наряду с непосредственной поддержкой наступающих войск, возлагалась задача осуществлять уничтожение авиации противника, завоевывать господство в воздухе с первых же дней наступления пехоты и танков и, кроме того, наносить удары по экономическим и военно-политическим центрам на территории противника.

Наиболее эффективным и универсальным методом разгрома противника считалось окружение его войск, осуществляемое посредством обхода флангов или прорыва обороны и последующего глубокого вклинения по сходящимся направлениям специально создаваемыми для этой цели сильными ударными группировками танковых и моторизованных войск[300].

Поскольку решающее значение в победоносном исходе войны придавалось сильному первоначальному удару, признавалось целесообразным сосредоточивать основные силы и средства в одном стратегическом эшелоне, не создавая сколько-нибудь значительных стратегических резервов.

В соответствии с этими общими взглядами на ведение войны осуществлялась организация вооруженных сил Германии и разрабатывались методы их боевого использования на театре военных действий.

Основные принципы ведения операций заключались в следующем. Главным видом боевых действий считалось наступление. Основным способом нанесения удара группы армий являлся прорыв обороны на двух участках с последующим его развитием по сходящимся направлениям: армия, как правило, прорывала оборону на одном участке, развивая удар в глубину или в сторону фланга в целях окружения противника во взаимодействии с соседней армией. Танковые группы в зависимости от степени подготовленности обороны противника и характера местности предназначались или для прорыва обороны противника собственными силами и дальнейшего наступления, или для развития тактического успеха в оперативный.

Во всех случаях их основным назначением являлось стремительное продвижение в глубину обороны противника в целях окружения его войск.

Оперативное построение групп армий, армий и танковых групп было, как правило, одноэшелонным с выделением небольших резервов. Оперативные плотности на направлении главного удара в наступательных операциях составляли на одну дивизию 4–6 км фронта.

Практики ведения оборонительных операций у немецко-фашистской армии не было. Теоретически считалось целесообразным в обороне иметь оперативное построение групп армий и армий в один эшелон с выделением незначительных резервов. Считалось наиболее эффективным сосредоточивать основные усилия для обороны в тактической зоне и на промежуточных рубежах, обращая при этом особое внимание на удержание флангов, и силами тактических резервов и соединений с не атакованных участков наносить контрудары под основание группировки прорвавшегося противника.

Тактика немецко-фашистских войск перед войной с Советским Союзом основывалась на том положении, что главная цель боя заключается в уничтожении противостоящих сил и средств противника. Это должно было достигаться, прежде всего, посредством наступательного боя.

Военная разведка осуществлялась управлением разведки и контрразведки (абвер), подчинявшимся ОКВ. Основные усилия были направлены на сбор данных для операций начального периода войны. Для ведения разведывательной, контрразведывательной и диверсионной деятельности против СССР с ноября 1940 г. были привлечены оперативные группы «Кенигсберг», «Варшава», «Краков», «Военная организация Финляндия». В марте — апреле 1941 г. при группах армий и армиях были сформированы диверсионно-разведывательные отделы «абвер-1». Все органы разведки на Востоке с 1 мая 1941 г. были подчинены вновь

созданному единому штабу абвера «Валли». Для диверсионных акций использовались полк особого назначения «Бранденбург-800» и националистические организации Западной Украины и Прибалтики[301].

Стратегическая воздушная разведка осуществлялась специальным авиационным отрядом, имевшим на вооружении самолеты с потолком 10 тыс. м. Воздушная разведка велась с марта 1941 г. В ходе операций предусматривалось ведение разведки силами воздушных флотов, для чего привлекалось до 20 % их самолетного парка[302].

Активная военная разведка позволила немецкому командованию к началу войны довольно точно выявить дислокацию советских войск в приграничных округах, степень их боеспособности, состояние оборонительных рубежей и сооружений, местонахождение советских аэродромов и посадочных площадок. Полученные разведданные помогли немецким войскам успешно решить задачи в первых же операциях войны.

Одновременно с дорогами расширялась сеть связи, строились необходимые для войск полигоны, учебные поля, казармы, склады для боеприпасов и горючего, инженерно-фортификационные сооружения вдоль западной границы СССР. Интенсивно осуществлялись строительство, усовершенствование и расширение аэродромной сети на территории восточной части Германии, Польши и Румынии. С лета 1940 г. по май 1941 г. только на территории Польши было построено или восстановлено около 100 аэродромов и 50 посадочных площадок[303].

Подготовка морского театра военных действий заключалась в создании минных заграждений. На Балтике 16–17 июня 1941 г. были поставлены мины в районах западнее Пиллау, западнее и северо-западнее Мемеля, 19–20 июня — в южной части Балтийского моря и северо-западнее Кольберга. В ночь на 22 июня были установлены минные заграждения на подходах к советским базам и портам: юго-западнее маяка Бенгтшер, на линии Бенгтшер — Тахкуна, севернее мыса Тахкуна, южнее маяка Поркаллан-Каллбода.

Ближайшая и вместе с тем важнейшая стратегическая цель плана «Барбаросса» заключалась в уничтожении основных сил Красной армии, находившихся, как предполагалось, в западной приграничной полосе, путем смелых операций с глубоким продвижением вперед танковых соединений. При этом указывалось на необходимость предотвращения отхода боеспособных советских войск в глубь страны.

«Конечной целью операции в плане «Барбаросса» значилось создание защитительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга, Архангельск. Таким образом, если необходимо, последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, может быть парализован с помощью авиации».

Анализ состояния вооруженных сил Германии к моменту нападения на СССР показывает, что немецкому командованию удалось в значительной мере повысить уровень боевого потенциала вермахта. В количественном и качественном отношении он стал более совершенным, чем в компаниях 1940–1941 гг. в Европе. Правда, германские войска были хорошо подготовлены только для ведения молниеносной войны, которую планировалось завершить максимум в течение пяти месяцев. Значительно вырос уровень их вооружения. Однако следует отметить, что в ходе выполнения программы «Б» выпуск военной продукции постоянно отставал от темпов роста числа дивизий. Так, число танков перед нападением на СССР увеличилось по сравнению с маем 1940 г. на 60 %, однако для того чтобы оснастить все новые танковые дивизии по штатам 1940 г. их было недостаточно. Поэтому количество танков в танковых дивизиях пришлось значительно сократить. Даже в группе армий «Центр», предназначенной для наступления на Москву, в танковых полках, укомплектованных модернизированными танками T-III, вместо трех по штату имелись только два танковых батальона, а в танковых ротах — вместо трех по два танковых взвода[304]. В разросшихся войсках ощущалась нехватка грузовых автомобилей, особенно тягачей для тяжелых артиллерийских орудий. Немецкому командованию пришлось использовать гужевой транспорт[305].

Несмотря на эти недостатки, перед нападением на СССР германский вермахт был самой многочисленной и самой сильной армией мира.

Говоря о материально-технической подготовке вермахта к нападению на СССР следует отметить, что некоторые историки и публицисты пытаются представить дело таким образом, что после заключения советско-германского договора о ненападении СССР сам подрывал свою обороноспособность тем, что до начала Великой Отечественной войны помогал Германии поставками ей сырья и продовольствия, которые он мог бы поставлять в другие страны. Но при этом не учитывается, что в первый период Второй мировой войны, до нападения Германии, СССР в обмен на эти поставки получал из Германии изделия, которые были необходимы для укрепления базовых отраслей промышленности и вооружения, а также доступ к передовым по тому времени германским технологиям. Другой такой возможности у страны просто не было. Ни Англия, ни Франция как до, так и после заключения СССР пакта о ненападении с Германией не допускали даже мысли о том, чтобы установить с СССР торгово-экономические связи, которые отвечали бы интересам укрепления взаимной безопасности. Более того, во время Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. западные союзники планировали и готовились к вторжению в СССР с северо-запада и юга, а нейтральные США объявили эмбарго на торговлю с СССР. Как писал французский журналист А. Кериллис, «дух крестового похода повеял отовсюду... Раздавался только один клич: «Война России!». Те, кто требовал полной неподвижности за линией Мажино, теперь умоляли послать армии сражаться к Северному полюсу...»[306] 21 августа 1939 г. было заключено кредитное соглашение, по которому Германия предоставила СССР выгодный кредит на сумму 200 млн герм. марок для закупки германских промышленных товаров в обмен на поставки из СССР сырья, нефти, железной руды, некоторых редких металлов и продовольствия на 180 млн герм. марок[307]. На этой основе торгово-экономические связи двух стран начали расти. Согласно «Хозяйственному соглашению» от 11 февраля 1940 г. Германия обязалась выполнять советские заказы на 15 различных видов германского вооружения и военной техники на сумму в 94 млн 584 тыс. герм. марок, на 33 вида промышленного оборудования на сумму 41 млн 985 тыс. герм. марок, на 11 наименований различных металлов, в том числе алюминия, металлоизделий и каменного угля. Согласно соглашению, общая сумма немецких поставок в СССР должна была составить 253 млн 726,6 тыс. герм. марок. Для того чтобы обеспечить выполнение этих важных для него заказов СССР обязался поставить Германии продовольствие, сырье, нефть на сумму 353 млн герм. марок. Таким образом общая сумма взаимных поставок должна была составить более 600 млн герм. марок[308].

Советским специалистам был открыт доступ на германские военные предприятия, поэтому они смогли составить представление о выпускаемой там готовой продукции. В счет кредита или за наличные были куплены некоторые образцы вооружения и боевой техники, стоявшие тогда на вооружении германского вермахта, в том числе образцы основных типов самолетов — бомбардировщиков «Юнкерс-88», «Хейнкель-100», «Дорнье До-215», истребителей «Мессершмидт-109», «Мессершмидт ВФ-110», которые были изучены и испытаны в СССР. Это расширило представление советских авиаконструкторов о вероятном противнике. Перед советскими авиастроителями встала задача по созданию таких самолетов, которые по своим летным характеристикам и вооружению не уступали бы, а превосходили немецкие самолеты того времени.

Чтобы обязать немецкую сторону своевременно выполнять взятые ею на себя обязательства, советскому правительству приходилось принимать решительные меры. За шесть недель до начала наступления вермахта на Западном фронте СССР в ответ на задержку с выполнением заказов СССР временно отказался поставлять Германии зерно и нефтепродукты[309], потребовал ликвидировать германскую задолжность по поставкам, которая в начале августа 1940 г. составила 73,3 млн марок[310].

10 января 1941 г. было подписано советско-германское «Соглашение о взаимных товарных поставках на второй период по хозяйственному соглашению от 11 февраля 1940 г.». В нем было предусмотрено, что СССР с 11 февраля 1941 г. до 1 августа 1942 г. поставит товары в Германию на 620–640 млн герм. марок, а Германия поставит в СССР товары на ту же сумму до 1 августа 1942 г. после погашения 11 мая 1941 г. текущей задолжности.

К тому времени Гитлер подписал секретную директиву «Барбаросса», предусматривавшую нападение на СССР 15 мая 1941 г. В результате недовыполнения под разными предлогами заказов задолженность Германии составила примерно одну треть общей суммы поставок. Тем не менее СССР все же удалось с сентября 1939 г. до июня 1941 г. получить от Германии многое из того, что ему было нужно для укрепления обороны страны[311].

С июля 1940 г. началась переброска немецких войск к советским западным границам. Гальдер 1 августа 1940 г. поручил генерал-квартирмейстеру сухопутных войск генералу Э. Вагнеру заняться их обустройством, а также вопросом материально-технического обеспечения немецких войск в предстоящей восточной кампании. Согласно подготовленному Вагнером 15 ноября 1940 г. плану «Материально-техническое обеспечение в ходе восточного похода» предусматривалось, что снабжение следует организовать с учетом, что в этом походе будут задействованы 3 млн военнослужащих, 500 тыс. автомобилей, 300 тыс. лошадей. В соответствии с этим расчетом к началу войны против СССР планировалось создать запасы горючего на 700–800 км для транспортных средств и боевой техники, по два боекомплекта боеприпасов для каждой пехотной дивизии и по три боекомплекта для танковых дивизий. Этого могло хватить на первые 10 дней боевых действий[312]. Более подробно все мероприятия по подготовке тыла к войне против СССР были изложены в приложении № 6 к директиве ОКХ от 31 января 1941 г. Затем они были сведены воедино в «Распоряжении по тыловому обеспечению». Распоряжение требовало использовать транспортные средства «прежде всего для непрерывного снабжения танковых групп, наступающих впереди, не перегружать транспорт, перевозить только то, что необходимо для боя»[313].

Для того чтобы обеспечить беспрерывное снабжение наступающих войск были созданы специальные командные инстанции на уровне групп армий, напрямую подчиненные генерал-квартирмейстеру сухопутных войск, и подчиненные им инстанции в тыловых районах армий. Они должны были полностью обеспечить снабжение войск в течение 14 суток после начала военных действий. Предполагалось, что кампания продлится не более 4–5 месяцев и за это время войска перейдут на самообеспечение. В директиве ОКХ № 21 от 23 марта 1941 г. подчеркивалось, что командующие оккупационными войсками обязаны организовать использование местных ресурсов захваченной страны для снабжения немецких войск имуществом и продовольствием[314].

Были также выделены силы и намечены планы выполнения работ по строительству казарм, организации снабжения войск, налаживанию работы связи и транспорта, строительству аэродромов, складов оружия, боеприпасов, горючесмазочных материалов, ремонтных мастерских, организован контроль за скрытным передвижением и размещением частей и т. д. Объем таких работ постоянно возрастал. К середине февраля 1941 г. на восток к границам СССР прибыли 2 первых эшелона стратегического развертывания. В их состав входили группа армий «Б», 3 штаба армий, несколько корпусов и 34 дивизии, в том числе 6 танковых. С середины февраля до 20 мая 1941 г. на установленную линию развертывания прибыл 3-й эшелон развертывания, включавший 17 дивизий. В 4-й эшелон вошли 9 дивизий, прибывших с запада к началу июня. В 5-й, последний, эшелон, прибывший с 3 по 23 июня 1941 г., входили 12 танковых и 12 моторизованных дивизий, прибывших из рейха, запада и юго-запада. Вместе с этим эшелоном на восток были переброшены 16 тяжелых артиллерийских орудий с побережья пролива Ла-Манш[315].

Чтобы сохранить в тайне цель переброски войск на восток, высшее немецкое командование максимально ограничило круг лиц, знавших о секретном плане «Барбаросса», и уделяло большое внимание дезинформационным мероприятиям. 9 августа 1940 г. согласно приказу ОКВ под условным названием «Aufbau Ost» — «Строительство Восток», началось форсирование строительных работ, предназначавшихся для сосредоточения немецких войск на польской территории. При этом утверждалось, что эти работы производятся в учебных целях вермахта. Боевые войска вермахта, прибывавшие осенью 1941 г. в Румынию, для маскировки назывались «учебными войсками».

В директиве ОКВ «План «Барбаросса» от 18 декабря 1940 г. говорилось: «Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны»,

а также предписывалось, чтобы распоряжения главнокомандующих непосредственно не связывались с заранее принятым решением напасть на СССР, а «исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию по отношению к нам»[316]. Этих предписаний официально придерживались все, кто был причастен к проведению последующих мероприятий по подготовке операции «Барбаросса».

После того как была подготовлена и в середине февраля 1941 г. вступила в силу директива о сосредоточении и развертывании войск по плану «Барбаросса», ОКВ издало директиву на развертывание дезинформационной пропаганды[317]. «Цель дезинформации, — говорилось в этом документе, — заключается в обеспечении скрытности подготовки к операции «Барбаросса». Мероприятия по введению в заблуждение о целях сосредоточения и развертывания войск у границ СССР намечалось осуществить в два этапа. На первом этапе, примерно до середины апреля, ставилась задача «по сохранению неопределенности германского сосредоточения», а на втором этапе, когда сосредоточение немецких войск у границы СССР скрыть было нельзя, изображать его «как мероприятия по дезинформации, направленные на отвлечение внимания от вторжения в Англию».

Для того чтобы достичь желаемого результата на первом этапе, наряду с усилением существовавшего впечатления о предстоящем вторжении в Англию, предписывалось преувеличивать в пропаганде значение второстепенных операций и количество выделяемых на их проведение сил и средств («Марита» — наступление против Греции, «Зонненблюме» («Подсолнечник») — наступление в Северной Африке, переброска в Сицилию немецкого X авиационного корпуса).

Общее руководство дезинформацией было возложено на управление военной разведки и контрразведки «Заграница — абвер» во взаимодействии с ОКВ, а также главными командованиями видов вооруженных сил. Однако дезинформацией занимались не только эти инстанции. Так, командующий группой армий «Б» генерал-фельдмаршал фон Бок 24 марта 1941 г. отдал приказ о сооружении оборонительных укреплений вдоль советской границы, предназначавшихся якобы для отражения наступления советских войск[318]. 22 июня 1941 г. эти укрепления были использованы немецкими войсками в качеств исходных позиций для наступления.

3 марта Кейтель, а 7 апреля 1941 г. Браухич отдали приказы, в которых требовали, чтобы приготовления к нападению «маскировались всеми возможными средствами и преподносились войскам под видом мер для прикрытия тыла со стороны России»[319].

24 апреля 1941 г. Браухич издал приказ о проведении операции под условным названием «Хайфиш» («Акула») на подготовку высадки из Северной Франции на побережье Британских островов. В действительности же речь шла лишь об имитации подготовки к такой операции. Практически одновременно создавалась видимость подготовки вторжения на Британские острова и из Норвегии.

По распоряжению Кейтеля от 12 мая 1941 г. с введением 22 мая 1941 г. графика максимальных переброс немецких войск к западной границе СССР усилия всех ответственных инстанций вермахта были направлены на то, чтобы представить развертывание войск по плану «Барбаросса» в качестве крупного отвлекающего маневра перед высадкой немецких войск на Британские острова. Среди личного состава перебрасываемых соединений должны были распространяться слухи о «прикрытии тыла со стороны России» и «об отвлекающем сосредоточении на Востоке». По возможности большему числу соединений предписывалось отдать ложные приказы об их переброске на Запад. Предстоящая высадка немецкого десанта на остров Крит по распоряжению Кейтеля должна быть представлена пропагандой как «генеральная репетиция высадки в Англии»[320].

Чтобы скрыть правду о своих истинных намерениях в отношении СССР командование вермахта долго держало в неведении о них подавляющую часть личного состава вермахта. По распоряжению ОКВ от 8 мая 1941 г. было решено поставить в известность о предстоящем нападении на СССР за восемь дней до его начала командиров частей, а унтер-офицеров и рядовых — лишь в самые последние дни перед началом боевых действий[321].

В связи с подготовкой к нападению на СССР германское руководство уделяло большое внимание усилению своего влияния на государства Юго-Восточной и Северной Европы, находившиеся вблизи от советских западных границ. При этом особую ставку делало на Румынию и Финляндию. Их соучастие в предстоящем походе на Россию связало бы часть сил Красной армии на юге и севере, что позволило бы немецкому командованию создать большое превосходство в силах над советскими войсками на главных направлениях. Кроме того, германская военная промышленность была крайне заинтересована в расширении поставок румынской нефти и финского никеля.

Привлечение Румынии и Финляндии к участию в войне против СССР облегчалось тем, что они сами охотно шли на сближение с Германией на антисоветской основе. Пришедший к власти в Румынии в начале сентября диктатор И. Антонеску никак не мог смириться с утратой летом 1940 г. Бессарабии и Северной Буковины. По его просьбе 12 октября 1940 г. в стране началось размещение немецких войск, численность которых зимой 1940/41 гг. достигла 600 тыс. человек. Ввод этих войск в Румынию немецкой пропагандой объяснялся как мера обеспечения безопасности находившихся в этой стране нефтеносных районов. Действительная же цель, которую преследовало немецкое командование, состояла в том, чтобы «втянуть Румынию в войну против СССР»[322].

Сближение Германии и Финляндии началось после окончания Советско-финляндской войны. Сначала между ними были заключены торговые соглашения, по которым Германия получала преимущество при закупках финского никеля, меди и лесоматериалов. 12 и 22 сентября были подписаны военные соглашения, по которым Германия обретала возможность доставлять военные материалы и войска в оккупированную Норвегию через финскую территорию. Под прикрытием этих соглашений Финляндия была быстро превращена в военный плацдарм для вторжения с северо-запада на советскую территорию[323].

Одновременно германское руководство принимало меры по установлению более тесных связей с Венгрией, Болгарией и Югославией.

Наиболее склонной к сотрудничеству с Германией на антисоветской основе из числа этих трех стран была Венгрия во главе с диктатором М. Хорти. Венгрия стала первой из ближайших соседних стран СССР, выразивших свою солидарность с «антибольшевистской позицией держав оси» через день после того, как 2 ноября 1938 г. Риббентроп и Чиано осуществили так называемый первый Венский арбитраж, предписав чехословацкому правительству передать Венгрии южные районы Словакии и Закарпатской Украины. 24 февраля 1939 г. венгерское правительство подписало протокол о присоединении к «Антикоминтерновскому пакту». За это Венгрия в марте 1939 г. получила согласие Гитлера на захват всей Закарпатской Украины. Затем Германия и Италия, чтобы еще теснее привязать к себе Венгрию, 30 августа 1940 г. приняли решение (второй Венский арбитраж) о возвращении ей северной части Трансильвании, которая по Трианонскому мирному договору 1920 г. отошла к Румынии. Обострившуюся вследствие этого глубокую вражду между Венгрией, стремившейся полностью завладеть Трансильванией, и Румынией, желавшей добиться пересмотра второго Венского арбитража, германское правительство использовало для того, чтобы еще сильнее подчинить их своему влиянию.

Чтобы теснее привязать к себе германофильское руководство Болгарии, строившее планы создания «Великой Болгарии», гитлеровское правительство поддерживало его территориальные претензии к Румынии, Югославии и Греции. Под давлением Германии Румыния подписала 7 сентября 1940 г. в румынском городе Крайова соглашение о возврате Болгарии Южной Добруджи, которую она получила по Версальскому договору.

В результате такой политики Германии удалось укрепить свои позиции перед нападением на СССР путем расширения числа участников Пакта трех держав: 20 ноября 1940 г. протокол о присоединении к этому пакту подписала Венгрия, 23 ноября — Румыния, 24 ноября — марионеточное государство Словакия, 1 марта 1941 г. — Болгария.

Под давлением Берлина 25 марта 1941 г. подписало протокол о присоединении к пакту и правительство Югославии, что, однако, вызвало бурный протест населения во всей

стране. 27 марта группа оппозиционно настроенных офицеров совершила государственный переворот. Это вызвало болезненную реакцию в Берлине. Несмотря на то что новое правительство Югославии не денонсировало протокол о присоединении к Пакту трех держав и заверило Германию в лояльности, Гитлер подписал 27 марта директиву, которая предусматривала «уничтожение Югославии как военной и политической силы». 6 апреля вермахт начал балканский поход, в ходе которого при поддержке войск Италии, Венгрии и Болгарии 17 апреля была оккупирована Югославия, а 23 апреля 1941 г. — Греция. По воле оккупантов на части территории Югославии было провозглашено так называемое Независимое государство Хорватия с пронацистским правительством во главе с А. Павеличем, которое 15 июня 1941 г. присоединилось к Пакту трех держав. Вступление в него Болгарии, Венгрии и Румынии, Словакии и Хорватии на практике означало официальное признание ими руководящей роли Германии и Италии в Европе, согласие их правителей на роль сателлитов держав «оси».

Вопрос о вступлении в пакт Финляндии Берлин не ставил по тактическим соображениям, так как по германо-советскому секретному дополнительному протоколу от 23 августа 1939 г. Финляндия относилась к советской «сфере интересов». Несмотря на это, связи Германии с Финляндией были настолько тесными, что германское командование нисколько не сомневалось в ее готовности участвовать в нападении на СССР.

В январе — феврале 1941 г. в Берлине утвердилось мнение, что основой для налаживания оперативно-стратегического взаимодействия с Японией должен стать захват ею главной дальневосточной английской военно-морской базы Сингапур[324]. 5 марта 1941 г. Кейтель издал директиву ОКВ № 24 «О сотрудничестве с Японией». В ней требовалось «заставить Японию как можно скорее начать наступление на Сингапур» и тем самым «ослабить английские силы», а также отвлечь внимание США от Европы на Тихий океан[325].

Этой директивой запрещалось сообщать японцам о плане «Барбаросса». Однако немецкие военные и дипломаты в 1941 г. нередко враждебно отзывались об СССР. Об этом стало известно в Токио. В это время японское правительство по совету германского правительства вело переговоры с СССР о заключении договора о нейтралитете. Оно не желало преждевременно нажить в лице СССР сильного противника. В связи с этим японский министр иностранных дел Ё. Мацуока по поручению своего правительства направился в Москву с целью продолжить там переговоры, а затем в Берлин, чтобы получить ответ на вопрос об истинном состоянии германо-советских отношений.

В Москве Мацуока находился 24–26 марта, где вел переговоры со Сталиным и Молотовым, затем, прервав их, направился в Берлин, где 27 и 28 марта и 4 апреля имел ряд бесед с Гитлером и Риббентропом. Последние не скрывали своей враждебности к СССР. Они заявляли, что Германия уже готова нанести Советскому Союзу смертельный удар на тот случай, если он предпримет против нее какие-нибудь враждебные действия, советовали Мацуоке не слишком далеко заходить с ним в переговорах, но скрыли от него, что решение напасть на СССР было принято еще в июле 1940 г. и вот-вот будет приведено в исполнение. Одновременно они настойчиво требовали, чтобы Япония как можно скорее захватила Сингапур и объявила войну Англии. При этом Гитлер гарантировал, что Германия немедленно обрушится всей своей мощью на любую державу, будь то СССР или США, если кто-то из них осмелится воспрепятствовать расширению японских владений в Азии или на Тихом океане[326]. Однако это заявление не произвело ожидаемого Гитлером впечатления на японского министра. Он уклонился от обсуждения этого вопроса, так как в то время в Токио считалось, что наступление на Сингапур может повлечь за собой войну не только против Англии, но и против оказывавших ей поддержку США. К войне с двумя такими сильными державами Япония была еще не готова. Мацуока, покидая Берлин не был уверен, что Германия нападет на СССР. Поэтому 13 апреля 1941 г. он на всякий случай подписал в Москве с советским правительством Пакт о нейтралитете с тем, чтобы обезопасить Японии тыл на севере в случае возникновения войны с США, Великобританией и их союзниками. Вернувшись в Токио после подписания этого пакта, Мацуока 6 мая заявил германскому послу в Токио О. Отту:

«Ни один премьер-министр или министр иностранных дел не будет в состоянии удержать Японию на нейтральной позиции в случае конфликта с Советским Союзом. В этом случае Япония будет вынуждена напасть на Россию на стороне Германии»[327].

5 июня 1941 г. японский посол в Берлине Х. Осима сообщил в Токио, что Гитлер и Риббентроп все же ознакомили его в общих чертах с планом «Барбаросса», подчеркнув, что на проведение операции потребуется не более 2–3-х месяцев, после чего Германия достигнет своей цели и «установит господство на Европейском континенте». Риббентроп при этом утверждал, что создание группировки у советской западной границы уже завершено, хотя дата ее перехода в наступление якобы не установлена. «Однако, — продолжал Риббентроп, — если для Японии в этом случае существует необходимость провести подготовку, то он посоветовал бы завершить ее в как можно более короткий срок»[328]. Получив такое сообщение, японское правительство решило продолжать начатую подготовку к войне против Великобритании и США, но если выяснится, что СССР не сможет дать отпор Германии, то «применить оружие и одним ударом разрешить северную проблему»[329].

Своего итальянского союзника Гитлер, Риббентроп и немецкие генералы до последнего дня перед нападением на СССР держали в неведении о своих планах. Но руководство Италии все же подозревало, что германское командование намерено развернуть наступление на Восточном фронте, и поэтому проявляло нараставшее беспокойство тем, что может остаться в стороне от предстоящей борьбы. В конце мая 1941 г. Италия по собственной инициативе приступила к формированию особого армейского корпуса, предназначавшегося для войны против СССР. 15 июня итальянское правительство заявило германскому руководству о стремлении стать участником «похода на Восток»[330]. 21 июня 1941 г. Гитлер в письме Б. Муссолини сообщил, что Италия оказала бы самую лучшую помощь Германии в начинающейся утром следующего дня войне против СССР тем, что увеличила бы численность итальянских войск в Северной Африке и активизировала боевые действия итальянской авиации и флота на Средиземном море. Но от отправки итальянского корпуса на советско-германский фронт Гитлер все же не отказался[331].

Назначенное на 15 мая нападение на СССР неоднократно откладывалось. В директиве на развертывание войск по плану «Барбаросса» предусматривался перенос даты нападения на 2 июня 1941 г., потому что в то время немецкое командование не исключало вероятности использования части сил Восточного фронта в кампании на Балканах[332]. По этим же соображениям Гитлер 3 апреля 1941 г. распорядился отложить начало операции «Барбаросса» на четыре недели[333]. 30 апреля 1941 г. на совещании Гитлера с командованием сухопутными войсками было принято окончательное решение о начале операции «Барбаросса» 22 июня 1941 г.[334]

Высшие инстанции Третьего рейха заблаговременно разработали также планы ведения против СССР не обычной, а беспощадной войны на уничтожение, его экономической эксплуатации и расчленения, а также план колонизации его европейской части.

Представления о том, как нацистская верхушка представляла себе ведение войны против СССР, содержатся в выступлениях Гитлера перед высшим командным составом вермахта 9 января, 17 и 30 марта 1941 г.

Гитлер заявлял, что война против СССР будет «полной противоположностью нормальной войне на Западе и Севере Европы», что ее конечная цель — «тотальное разрушение» и «уничтожение России как государства». Предстоящая война, провозглашал Гитлер, будет не обычной войной, а «борьбой двух идеологий» с «применением жесточайшего насилия», что в этой войне предстоит разгромить не только Красную армию, но и «механизм управления» СССР, «уничтожить комиссаров и коммунистическую интеллигенцию», партийных функционеров и таким путем разрушить «мировоззренческие узы» русского народа[335].

Представители высшего командного состава вермахта к началу войны против СССР сами руководствовались нацистским мировоззрением, воспринимали Гитлера не только как своего верховного главнокомандующего, но и как идейного вождя. Его указания они облекали в форму приказов войскам.

28 апреля 1941 г. Браухич издал приказ «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск». В приказе подчеркивалось, что войсковые командиры совместно с командирами специальных карательных формирований нацистской службы безопасности (СД) несут ответственность за проведение акций по уничтожению в тыловых прифронтовых районах без суда и следствия коммунистов, евреев и «прочих радикальных элементов».

13 мая 1941 г. начальник штаба ОКВ В. Кейтель издал указ «Об особой подсудности в районе "Барбаросса" и особых полномочиях войск». Согласно указу, с солдат и офицеров вермахта снималась ответственность за будущие уголовные преступления на оккупированной территории СССР. Им предписывалось быть безжалостными, расстреливать на месте без суда и следствия всех, кто окажет хотя бы малейшее сопротивление или будет сочувствовать партизанам.

В «Руководящих указаниях о поведении войск в России», подготовленных в штабе ОКВ, в качестве одного из приложений к особому распоряжению № 1 от 19 мая 1941 г. к директиве «Барбаросса» говорилось: «Эта борьба требует беспощадных и решительных действий против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев и полного подавления любой попытки активного или пассивного сопротивления»[336].

6 июня 1941 г. штаб ОКВ издал «Инструкцию об обращении с политическими комиссарами» («Приказ о комиссарах»). Солдатам и офицерам вермахта предписывалось истреблять на месте попавших в плен всех политических работников Красной армии[337].

При подготовке нападения на СССР нацистская верхушка важнейшее значение придавала разработке планов использования советского экономического потенциала для ведения войны. На совещании с командованием вермахта 9 января 1941 г. Гитлер говорил, что если Германия «заполучит в свои руки неисчислимые богатства огромных русских территорий», то «в будущем она сможет вести борьбу против любых континентов»[338].

Разработкой планов разграбления богатств России занималась созданная в марте 1941 г. хозяйственная организация «Восток». Она во взаимодействии с войсками вермахта должна была ведать всеми вопросами по экономическому использованию оккупированных областей СССР. Общее руководство этой организацией осуществлял генеральный уполномоченный по выполнению четырехлетнего плана Г. Геринг через созданный им в Берлине «Восточный штаб экономического руководства», возглавлявшийся его представителем — статс-секретарем П. Кернером. Этот руководящий штаб с целью маскировки до начала операции «Барбаросса» фигурировал под названием «Ольденбург». Для приведения в исполнение его решений также заблаговременно был создан «Восточный экономический штаб», который во время военных операций должен был находиться рядом и сотрудничать с генерал-квартирмейстером сухопутных войск.

Планы германского руководства по эксплуатации советского промышленного потенциала были изложены в «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупируемых областях»[339], получивших по цвету переплета название «Зеленая папка» Геринга. В этих директивах и других документах Восточного штаба экономического руководства предусматривалось после захвата советской территории восстановить промышленные предприятия, которые производили дефицитную в Германии промышленную продукцию, такую как средства транспорта, стальные конструкции, текстиль и т. д., а также те виды промышленности, которые были необходимы для развития сельского хозяйства, добычи сырья и нефти[340].

При использовании различных отраслей промышленности, отмечалось в директивах, преимущество должно было отдаваться захвату и эксплуатации отраслей военной промышленности[341]. Геринг при этом возлагал немалые надежды на захват «хорошо оборудованных» советских авиационных предприятий. На этих предприятиях, согласно намеченному им плану четырехкратного увеличения германских ВВС, должно было выпускаться две трети боевых самолетов, прежде всего бомбардировщиков, предназначавшихся для борьбы за мировое господство против Великобритании и США[342]. Вопрос о восстановлении предприятий, производящих товары широкого потребления, откладывался на неопределенное время.

Особый интерес Геринг и представители военно-промышленных концернов проявляли к захвату советских нефтеносных районов. В марте 1941 г. было основано нефтяное общество под названием «Континенталь Оль АГ», председателями правления которого стали Э. Фишер от концерна ИГ Фарбен и К. Блессинг, бывший директор Имперского банка[343].

В общих указаниях организации «Восток» от 23 мая 1941 г. по экономической политике в области сельского хозяйства говорилось, что целью военной кампании против СССР является «снабжение немецких вооруженных сил, а также обеспечение на долгие годы продовольствием немецкого гражданского населения». Реализовать эту цель планировалось за счет «уменьшения собственного потребления России» посредством перекрытия каких-либо поставок излишков продуктов из черноземных южных областей в северную нечерноземную зону, в том числе в такие промышленные центры, как Москва и Ленинград[344]. На одном из совещаний штаба «Восток» признавалось: «Если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей будут обречены на голод»[345].

Планами расчленения СССР и установления на его территории германского правления занимались рейхсфюрер СС и полиции Г. Гиммлер, назначенный «рейхскомиссаром по укреплению германской народности», и начальник внешнеполитического управления НСДАП А. Розенберг, которого Гитлер в апреле 1941 г. назначил «уполномоченным по централизованной разработке вопросов восточноевропейского пространства». Они строили планы включения в состав Третьего рейха значительной части территории Советского государства, уничтожения или превращения в рабов его населения. «Сегодня же мы ведем «крестовый поход» против большевизма не для того, чтобы освободить «бедных русских» на все времена от этого большевизма, — заявил 20 июня 1941 г. А. Розенберг, — а для того чтобы проводить германскую мировую политику...»[346]

В начале мая 1941 г. Розенберг в сотрудничестве с МИД Германии подготовил план создания на территории СССР четырех рейхскомиссариатов с целью превращения их в провинции Третьего рейха. До начала нападения на СССР он поставил во главе каждого из них имперских правителей из числа нацистских гаулейтеров. В первый рейхскомиссариат под названием «Остланд» было намечено включить Латвию, Литву, Эстонию и Белоруссию, во второй — под названием «Москва» — должна была войти западная часть России, в третий — под названием «Украина» — планировалось включить большую часть территории советской Украины, в четвертом — под названием «Кавказ» — в рабстве у захватчиков должны были оказаться все кавказские народы. Власть Германии после разгрома СССР должна была простираться на расположенные далеко на востоке области Сибири, на Туркмению, Казахстан, Таджикистан, Киргизию и т. д.[347]

24 июня 1941 г. Г. Гиммлер поручил начальнику планового отдела при рейхскомиссаре по укреплению немецкой народности, оберфюреру СС, директору Института по аграрному делу и аграрной политике Берлинского университета, профессору К. Мейеру-Хетлингу подготовить план изгнания славян и евреев из Центральной и Восточной Европы с тем, чтобы высвободить пространство для заселения немцами. Этот план под названием генеральный план «Ост» был готов уже 15 июля 1941 г. В нем предусматривалось с территории Чехии, Польши, прибалтийских республик, Украины и Белоруссии, где по подсчету Мейера проживало 45 млн человек, выселить за Урал «нежелательных по расовым показателям» 31 млн человек, а остальных «германизировать», т. е. превратить в рабов немецких завоевателей. На очищенных таким образом от «неполноценных» в расовом отношении коренных жителей землях было намечено немедленно по окончания войны поселить 840 тыс. немцев, а затем в течение 25–30 лет еще две волны немцев численностью в 1,1 и 2,6 млн человек[348].

Особые планы нацисты вынашивали в отношении русского народа. Один из разработчиков генерального плана «Ост» доктор Э. Ветцель, референт по расовым вопросам в Восточном министерстве Розенберга, подготовил для Гиммлера документ, в котором утверждалось, что «без полного уничтожения» или ослабления любыми способами «биологической силы русского народа» установить «немецкое господство в Европе» не удастся. «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, — писал он. — Достижение этой исторической

цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорее всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их»[349].

Солдатам и офицерам вермахта вручались памятки, в которых говорилось: «...убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки»[350].

Союзники Германии за пособничество в агрессии рассчитывали на богатую добычу. Правящая верхушка Румынии во главе с диктатором И. Антонеску намеревалась вернуть не только Бессарабию и Северную Буковину, которую ей пришлось уступить СССР летом 1940 г., но и «приобрести» значительную часть территории советской Украины. В Будапеште за участие в нападении на СССР мечтали заполучить бывшую Восточную Галицию, включая нефтеносные районы в Дрогобыче, а также всю Трансильванию. Правящие круги Финляндии надеялись при содействии Германии распространить свою власть на советские земли к северу от Невы и Свири, т. е. на часть Ленинградской области, советскую Карелию и Кольский полуостров[351].

14 июня 1941 г. состоялось совещание, на котором Гитлер заслушал доклады командующих группами армий, армиями, танковыми группами и равных им командующих ВВС и ВМС о том, что вверенные им силы готовы приступить к проведению операции «Барбаросса». Было принято решение начать ее в 3.00 по среднеевропейскому времени 22 июня 1941 г. На тот день в группировке вооруженных сил Германии, развернутых у западных границ СССР, насчитывалось 4,1 млн человек, 40,5 тыс. артиллерийских орудий, около 4,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 3,6 тыс. боевых самолетов и 159 кораблей[352].

По решению Гитлера к антисоветской агрессии были привлечены войска Финляндии, Румынии и Венгрии. С учетом их для вторжения в СССР было выделено около 5 млн человек, 182 дивизии и 20 бригад, 47,2 тыс. орудий и минометов, около 4,4 тыс. танков и штурмовых орудий, более 4,3 тыс. боевых самолетов и 246 кораблей[353]. Этих сил, по мнению немецкого военного командования, было более чем достаточно, чтобы разгромить Красную армию в ходе одной быстротечной кампании.

Советское руководство в то время, когда немецкое командование завершало развертывание сил для нападения на СССР, занималось еще нерешенными проблемами укрепления обороны СССР на западном направлении и одновременно делало все возможное, чтобы избежать каких-либо конфликтов, которые могли бы привести к вооруженному столкновению с Германией и ее союзниками. 7 июня 1941 г. германский посол в Москве Ф.-В. Шуленбург сообщил в Берлин: «Все наблюдения показывают, что Сталин и Молотов, которые одни определяют русскую внешнюю политику, делают всё, чтобы избежать конфликта с Германией»[354]. Подтверждением тому было и заявление ТАСС от 13 июня 1941 г., в котором говорилось, что Германия не предъявляла СССР никаких претензий, что слухи о намерении Германии предпринять нападение на СССР ничем не обоснованы, поскольку СССР соблюдал и будет соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении[355].

18 июня 1941 г. Гитлер дал указание Риббентропу с первого дня предстоящего похода вермахта против СССР всеми силами пропаганды, в том числе в разговорах с дипломатами и представителями прессы иностранных государств, утверждать, что якобы из-за развертывания Красной армии в западных районах СССР немецким войскам уже нельзя было медлить с нанесением упреждающего удара[356].

Гитлеровцы развернули широкомасштабную пропаганду не только в Германии, но и в других странах мира, чтобы предстоящее нападение на СССР было воспринято как вынужденное, превентивное, вызванное советскими нарушениями мирного договора о ненападении с Германией.

Подготовленный Риббентропом и отредактированный Гитлером меморандум, в котором содержалась легенда о якобы «превентивной» войне Германии против СССР, был вручен советскому полпреду в Германии В. Г. Деканозову в четыре часа утра 22 июня (по берлинскому времени)[357]. Германский посол в СССР Шуленбург в пять часов утра (по московскому вре-

мени) явился на прием к наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову и по поручению германского правительства вручил ему ноту, в которой говорилось, что «ввиду нетерпимой доле угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять контрмеры». На вопрос Молотова, что это означает, Шуленбург ответил, что, по его мнению, это начало войны[358].

Тезис о якобы нависшей угрозе Германии со стороны СССР и вынужденном характере выступления немецких войск против Красной армии был также положен в основу гитлеровского «Дневного приказа солдатам Восточного фронта» от 21 июня 1941 г., а затем и «Обращения Адольфа Гитлера к немецкому народу», зачитанного министром пропаганды Й. Геббельсом в специальной передаче германского радио в 5.30 утра (по берлинскому времени) 22 июня 1941 г.[359]

В это время невиданная в истории войн мощнейшая германская армия вторжения уже перешла в наступление в глубь советской территории. Немецкое военное руководство было уверено в успехе начавшегося похода. Главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршал В. Браухич заверил Гитлера в том, что Красная армия будет разбита уже в ходе «ожесточенных пограничных сражений» в течение первых четырех недель войны, после чего нужно будет считаться лишь с «незначительным сопротивлением»[360].

В то, что германский вермахт способен разгромить Красную армию в течение нескольких недель или месяцев, верили и руководители союзных Германии стран. Поэтому правители Италии, Словакии и Хорватии, с которыми Гитлер не хотел делиться славой победителя в очередной успешной военной кампании, едва узнав о начале нашествия на СССР, спешно направили на германский Восточный фронт свои войска. В считанные недели туда прибыли итальянский экспедиционный корпус в составе трех дивизий (62 тыс. человек), словацкий корпус с двумя дивизиями (28 тыс. человек) и хорватский усиленный полк (более 3 тыс. человек). Эти соединения поддерживали 83 итальянских, 51 словацкий и до 60 хорватских боевых самолетов[361].

Уверовав в непобедимость вермахта, германские стратеги еще до нападения на СССР приступили к разработке дальнейших планов борьбы за установление германского мирового господства. Намереваясь «устранить влияние англосаксов в Северной Америке», они уже в 1940 г. вынашивали замыслы захвата Исландии и ряда других островов в Атлантике в целях превращения их в военные базы для развязывания в союзе с Италией и Японией войны против США[362].

В проекте директивы ОКВ № 32 «Подготовка к периоду после осуществления плана "Барбаросса" от 11 июня 1941 г. предусматривалось после завершения войны против СССР приступить к завоеванию Египта, Ирака, Палестины, а также Турции, если она посмеет сопротивляться, захватить Гибралтар и английские владения в Западной Африке, а затем возобновить «осаду» Англии военно-морскими и военно-воздушными силами и подготовить высадку на Британские острова с тем, чтобы принудить Великобританию к капитуляции[363].

Начиная с 22 июня 1941 г. в ходе Второй мировой войны развернулась невиданная по размаху и ожесточенности вооруженная борьба, от исхода которой зависели жизнь и судьба народов нашей страны, всего мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 3: Вторая мировая война. Ист. очерк. М., 2005. С. 353.

[2] *Erbe R.* Die Nationalsozialistische Wirtschaftspolitik 1933–1939 im Lichte der modernen Theorie. Zürich, 1958. S. 26.

[3] *Файнгар И. М.* Очерк развития германского монополистического капитала. М., 1958. С. 144–145.

[4] *Volkmann H.-E.* Die NS-Wirtschaft in Vorbereitung des Krieges. In: Ursachen und Voraussetzungen des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt M. 1995. S. 292.

[5] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. Stuttgart, 1979. S. 247.

[6] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 295

[7] См.: *Фомин В. Т.* Фашистская Германия во второй мировой войне (сентябрь 1939 г. — июль 1941 г.). М., 1978. С. 24; Deutschland im zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. S. 90.

[8] *Белов П.* Вопросы экономики в современной войне. М., 1951. С. 123.

[9] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 213.

[10] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 253.

[11] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 214.

[12] Ibid. S. 214.

[13] *Kruedener J.* Zielkonflikt in der nationalsozialistischen Agrarpolitik In: Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialwissenschaften, 1974. S. 348.

[14] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. С. 365.

[15] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 217.

[16] Военно-экономический штаб в ноябре 1939 г. был переименован в «управление военной промышленностью и вооружением».

[17] Вторая мировая война: дискуссии, основные тенденции, результаты исследований / Пер. с нем. М., 1996. С. 280–281.

[18] Deutchland im Zweiten Weltkrig. B., 1975. Bd. 1. S. 90.

[19] Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 082. Оп. 22. Д. 13. П. 93. Л. 3–7.

[20] Анатомия войны / Пер. с нем. М., 1971. С. 118–119.

[21] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 333.

[22] Ibid. S. 334.

[23] Ibid. S. 336.

[24] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 283.

[25] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 339.

[26] История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 290.

[27] Промышленность Германии в период войны 1939–1945. М., 1956. С. 31.

[28] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 296.

[29] Там же.

[30] Там же. С. 297.

[31] Там же. С. 298.

[32] Auf antisowjetischem Kriegskurs. Studien zur militärischen Vorbereitung des deutschen Imperialism auf die Aggresion gegen die UdSSR (1933–1941). B., 1970. S. 269 (Далее — Auf antisowjetischem Kriegskurs).

[33] Nationalsozialistische Diktatur 1933–1945. Eine Bilanz. Bonn, 1983. S. 316.

[34] Nationalsozialistische Diktatur 1933–1945. Eine Bilanz. Bonn, 1983. S. 304–306.
[35] Ibid. S. 108.
[36] История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 298.
[37] Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalistischen Herrschaft. Bonn, 1992. S. 102.
[38] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 293.
[39] *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945. B., 1969. Bd. 1. S. 31.
[40] *Boelcke W. A.* Die Finanzpolitik des Dritten Reiches. Eine Darstellung in Gruhdzügen. In: Deutschland 1933–1945.Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonn,1992. S. 105.
[41] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 295
[42] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 247.
[43] Ibid. Bd. 1. S. 345.
[44] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 409.
[45] Anatomie des Krieges, Neue Dokumente über die Rolle des Deutschen Monopolkapitals bei der Vorbereitung und Durchführung des zweiten Weltkrieges. Hrsg. Und eingel. von Eichholtz D. und Schumann W. Berlin, 1968. S. 210.
[46] Anatomie des Krieges. S. 211
[47] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 344.
[48] Ibid. S. 346.
[49] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 309.
[50] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 323.
[51] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 383.
[52] Ibid.
[53] Ibid. S. 384.
[54] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 331.
[55] Anatomie des Krieges. In: Ursachen und Voraussetzungen des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt / M., 1995. S. 204.
[56] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 393.
[57] Ibid. S. 394.
[58] Ibid. S. 397.
[59] Ibid. S. 412.
[60] Ibid. S. 416.
[61] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 356.
[62] Ibid. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 99.
[63] Ibid. Bd. 1. S. 357.
[64] *Friedensburg F.* Die Sowjetischen Kriegslieferungen an das Hitlerreich // Vierteljahreshefte zur Wirtschaftsforschung, 1962. S. 334.
[65] Ibid. S. 336.
[66] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 423.
[67] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 359.
[68] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 427.
[69] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 361.
[70] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 427.
[71] Ibid. S. 429.
[72] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 364.
[73] *Volkmann H.-E.* S. 431.
[74] Речь Гитлера перед главнокомандующими 22 августа 1939 г. // Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945 Baden-Baden, 1961 (далее ADAP). Serie D. Bd. VII. S. 168.
[75] *Jacobsen H.-A.* 1939–1945, Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 5. Aufl. 1961. S. 109
[76] *Телегин Ф. Н.* Военно-экономическая подготовка фашистской Германии к войне против СССР. Краснодар, 1966. С. 57.
[77] Die wirtschaftliche Bedeutung der besetzten und unbesetzten Gebiete Frankreichs. Berlin, 1940. S. 4.
[78] *Норден А.* Уроки германской истории. М., 1949. С. 208.

[79] Bundesarchiv-Militärarchiv (Abt. Potsdam). Nr. W. G3.2032.

[80] Der Außenhandel Deutschlands. Sondernachweis 1940, 1941. Berlin, 1942. S. 22–24.

[81] Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 281.

[82] *Носков А. М.* Норвегия во второй мировой войне 1940–1945. М., 1973. С. 95.

[83] Der Aussenhandel Deutschlands. 1940. S. 23–27; 1941. S. 23–27; Ergebnisse der Besatzungkosten 1940–1941. S. 8.

[84] *Кудрина Ю. В.* Дания в годы второй мировой войны. М., 1975. С. 32.

[85] Der Aussenhandel Deutschlands. 1939. S. 46–50; 1940. S. 22–26; 1941. S. 22–26.

[86] *Загорулько М. М., Юденков А. Ф.* Крах плана «Ольденбург». М., 1980. С. 41.

[87] Der Außenhandel Deutschlands. 1940. S. 17–21; 1941. S. 17–21.

[88] Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 282.

[89] Ibid.

[90] *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М., 1963. С. 100.

[91] Der Aussenhandel Deutschlands. 1940. S. 11–38; 1941. S. 11–38.

[92] Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1969. N. 4. S. 492.

[93] Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Baden-Baden, 1961. Serie D. Bd. 7. S. 442–444.

[94] Kreditabkommen zwischen Deutschland und Türkei vom 19. Januar 1939; Abkommen zur Regelung des Warenverkehrs zwischen Deutschland und Türkei von 9. Oktober 1941.

[95] *Кутаков Л. Н.* Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964. С. 165–171. В Директиве ОКВ № 24 «О сотрудничестве с Японией», подписанной 5 марта 1941 г., указывалось: «Поставки каучука должны осуществляться и после вступления Японии в войну, ибо они имеют для Германии жизненно важное значение».

[96] Bundesazchiv (Abt. Potsdam). Film Nr. 1753. Protokoll über die Inspekteurberatung im Wehrwirtschaftsund Rüstungsamt des OKW am 13. und 14.9. 1940.

[97] *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegwirtschaft. Berlin, 1985. Bd. 2. S. 4–5.

[98] Bundesazchiv (Abt. Potsdam). Film Nr. 2313; Auf antisowjetischen Kriegskurs. S. 275.

[99] Промышленность Германии в период войны 1939–1945. С. 41–42.

[100] *Janssen G.* Das Ministerium Speer. Frankfurt am Main, 1968. S. 336.

[101] Ibid. S. 334.

[102] *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegwirtschaft. Bd. 2. S. 7.

[103] История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 3. С. 29.

[104] *Eichholtz D.* Op. cit. Bd. 2. S. 8.

[105] Das Deutsche Reich und der Zweite Weitkrieg. Stuttgart, Bd. 4. 1984. S. 253.

[106] *Kesselring A.* Gedanken zum Zweiten Weltkrieg. Bonn, 1955. S. 180.

[107] *Вишнев С. М.* Экономические ресурсы Германии. М., 1940. С. 109.

[108] Die franzosische Industrieproduktion und ihr Absatz für deutsche Rechnung. Paris, 1941. S. 5; Auftragsbeschtand und Lieferungen der besetzten, befreundeten. und neutralen Lander. Berlin, 1944. S. 2–3.

[109] Auftragsbeschtand und Lieferungen der besetzten, befreundeten und neutralen Lander. S. 2–4.

[110] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974. С. 283.

[111] Der Aussenhandel Deutschlands, 1941.

[112] Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 285–286.

[113] Подсчитано по: Промышленность Германии в период войны 1939–1945. С. 41.

[114] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 184.

[115] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. / Пер. с нем. М., 1956. Т. 1. С. 31.

[116] Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/40. Berlin, 1940. S. 39–40.

[117] *Блейер В.* и др. Германия во второй мировой войне / Пер. с нем. М., 1971. С. 67–68.

[118] Анатомия войны. С. 307–309.

[119] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 / Пер. с нем. М., 1958. Т. 2. С. 119–120.

[120] Промышленность Германии в период войны 1939–1945. С. 39.

[121] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 143.

[122] Kriegswirtschaftliche Jahresberichte 1938. S. 13–15.

[123] *Thomas G.* Operatives und wirtschaftliches Denken // Kriegswirtschaftliche Jahresberichte 1937. Hamburg, 1937. S. 15.

[124] Militärwissenschaftliche Rundschau. 1937, N. 2. S. 2.

[125] Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 271.

[126] Das Deutsche Reich und Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 119.

[127] Так, например, план «Барбаросса» предусматривал захват советского побережья Балтийского моря в первую очередь в целях устранения возможной угрозы со стороны советского ВМФ поставкам железной руды из Швеции.

[128] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1998. Т. 3. С. 538.

[129] *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1–2. München, 1940. Bd. 2. S. 296–297.

[130] Ibid. S. 297.

[131] Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Stuttgart, 1961. S. 158.

[132] *Rosenberg A.* Der Mythus des 20. Jahrhuderts. 2. Aufl. München, 1934. S. 113, 649.

[133] *Rauschning H.* Hitlers Aim in War and Pease. London, 1940. P. 27.

[134] Dokumente zur deutschen Geschichte. 1933–1935. B., 1977. S. 24.

[135] *Hitler A.* Op. cit. Bd. 2. S. 264, 308–309; *Rosenberg A.* Der Mytos des XX. Jahrhunderts. S. 101–104.

[136] *Kuhn A.* Hitlers aussenpolitisches Programm. Entstehung und Entwicklung 1919–1939. Stuttgart, 1970. S. 35, 53.

[137] *Hitler A.* Op. cit. Bd. I. S. 145–146; Bd. 2. S. 253, 306.

[138] Ibid. Bd. 2. S. 260; *Rosenberg A.* Der Zukunftsweg eines deutscen Aussenpolitik. S. 51; Hitlers Zweies Buch. S. 216–217.

[139] Hitlers Zweites Buch. S. 217; *Rosenberg A.* Der Zukunftsweg einer deutschen Aussepolitik. S. 14.

[140] *Бровко Л. Н.* Германская социал-демократия в годы фашистской диктатуры 1933–1945. М., 1998. С. 39; Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. B., 1966. Bd. 5. S. 441–442.

[141] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. S. 70.

[142] Нюрнбергский процесс. М., 1997. Т. 7. С. 9–10; Die tödliche Utopie: Bilder. Texte. Dokumente zum Dritten Reich. Hrsg. von H. Möller,V. Dahm und H. Mehring unter Mitarbeit von A. A. Feiber. München, 2001. S. 129 (Далее: Die Tödliche Utopie).

[143] См.: *Шульце Х.* Краткая история Германии / Пер. с нем. М., 2004. С. 177; Nazionalsozialistische Diktatur 1933–1945. Eine Bilanz. Bonn, 1983. S. 51.

[144] Нюрнбергский процесс. Т. 7. С. 555–556.

[145] Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 129.

[146] Die tödliche Utopie. S. 173–174.

[147] *Henning F. W.* Das Industrialisierte Deutschland 1914 bis 1972. Paderborn, 1974. S. 152–153.

[148] *Hoffmann W. G.* Das Wachstum der deutschen Wirtschaft seit der Mitte des 19. Jahrhunderts. B., Heidelberg, N. Y., 1965. S. 214.

[149] *Файнгар И. М.* Очерк развития германского монополистического капитала. М., 1958. С. 255–256.

[150] См.: *Моссе Дж.* Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / Пер. с англ. М., 2003.

[151] Die Tödliche Utopie. S. 103–104.

[152] Ibid. S. 105.

[153] Ibid. S. 104, 134.

[154] Вторая мировая война: дискуссии, основные тенденции, результаты исследований / Пер. с нем. М., 1995. С. 336.

[155] Die tödliche Utopie. S. 119.

[156] Ibid. S. 208.

[157] Причины второй мировой войны. Документы и комментарии. М., 1988. С. 189–191.

[158] Die tödliche Utopie. S. 230, 236.

[159] Вторая мировая война: дискуссии, основные тенденции, результаты исследований. С. 638; Die Tödliche Utopie. S. 212.

[160] *Arndt I., Scheffer W.* Organisierter Massenmord an Jüden in nationalsozialistischen Vernichtungslagern // Nationalsozialistische Diktatur 1933–1945. Eine Bilanz. Bonn, 1983. S. 548.

[161] Вторая мировая война: дискуссии, основные тенденции, результаты исследований. С. 641; Die tödliche Utopie. S. 230.

[162] *Шульце Х.* Указ. соч. С. 175.

[163] Anatomie des Krieges. Neue Dokumente über die Rolle des deutschen Monopolkapital bei der Vorbereitung und Durchführung des Zweiten Weltkrieges. B., 1969. S. 120–121.

[164] *Müller K.-J.* Armee und Drittes Reich. Paderborn, 1987. S. 272.

[165] Вторая мировая война: дискуссии, основные тенденции, результаты исследований. С. 638.

[166] Wörterbuch zur deutschen Mlitärgeschichte. B., 1985. S. 1053.

[167] Причины второй мировой войны. Документы и комментарии. С. 274; Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal Nuremberg, 1947–1949 (далее — IMT). Vol. XXXIV. P. 645–647.

[168] Anatomie des Kriges. S. 150

[169] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. М., 2005. С. 354.

[170] Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Agression gegen die Sowjeunion, (1940–1941). B., 1970. S. 55–56 (Далее: Fall Barbarossa).

[171] См.:Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. 10. М., 1936. С. 41–42.

[172] *Kuusisto S.* Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussepolitik 1933–1939. Helsinki, 1984. S. 121.

[173] Das Politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 und 1939/40. Göttingen, 1956. S. 25–26. S. 121.

[174] Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 26

[175] Wissenschaftliche Zeitschrift der Wilhelm-Pick-Universitet. Rostock, 1977. H. 2. S. 71.

[176] ADAP. Serie C. Bd. I,1. S. 75, 106.

[177] Allianz Hitler — Hortrhy — Mussolini. Dokumente zur ungarischen Aussenpolitik (1939–1944). Budapest, 1966. S. 17.

[178] Die Erhebung der österreichischen Nationalsozialisen im Juli 1934 (Akten der historischen Komission des Reichsführer SS). Wien, 1965. S. 74

[179] Ibid. S. 68–69.

[180] *Funke M.* Sanktionen und Kanonen. Hitler, Mussolini und der internationale Abessinian Konflikt 1934–1936. Düsseldorf, 1970. S. 23.

[181] Ibid. S. 27.

[182] Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 29; *Ross D.* Hitler und Dolfus. Die deutsche Österreichpolitik. 1933–1934. Hamburg, 1966. S. 223.

[183] Das politische Tagebuch Alfered Rosenbergs... S. 29.

[184] *Freund M.* Deutsche Geschicte. Güterslho, 1971. S. 1225.

[185] *Kuusisto S.* Op. cit. S. 200.

[186] *Suvich F.* Memoire 1932–1936. Milamo. 1984. P. 308–310.

[187] ADAP. Serie C. Bd. IV, 2. Göttingen, 1975.S. 955.

[188] Ibid. S. 958–959.

[189] Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 2: Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. М., 2008. С. 106.

[190] *Fox J. P.* Germany and the Far Eastern Crisic. 1931–1938. L., 1982. P. 81.

[191] *Sommer Th.* Deutschland und Japan zwischen den Mächten 1935–1940. Vom Antikomintern Pakt zum Dreimächte Pakt. Tübingen, 1962. S. 20.

[192] Памятные страницы истории 1941–1945. М., 2009. С. 61.

[193] *Jacobsen H.-A.* Nationalsozialistischtische Aussepolitik 1933–1938. Frankfurt a. M., 1968. S. 425.

[194] *Abendroth H.* Hitler in der spanischen Arena. Paderborn, 1979. S. 36.

[195] *Kuhn A.* Op. cit. S. 199, 263.

[196] Anatomie des Krieges. S. 145–146.

[197] *Wiskeman E.* The Rome — Berlin Axis. A Study of the Relations beetwin Hitler and Mussolini. L., 1966. S. 87–88.

[198] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. М., 2005. С. 17–19.
[199] *Wiskeman E.* Op. cit. S. 92.
[200] См.: *Лопухов Б. Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977. С. 186.
[201] Мировые войны XX века. Кн. 4 . Вторая мировая война. Док. и материалы. С. 20–21.
[202] *Риббентроп И.* Между Лондоном и Москвой: воспоминания и последние записи М., 1996. С. 91.
[203] Japan at War / By the Editors of Time-Life Books. Aleksandria (Virginia), 1980. P. 167–168.
[204] *Kuusisto S.* Op. cit. S. 132.
[205] Die Weizsäcker-Papere. 1933–1950. Hrsg. von L. E. Hill. Frankfurt a. M., 1974. S. 127–128.
[206] Hitler, Deutschland und die Mächte. Materialien zur Aussenpolitik des Dritten Reiches. Düsseldorf, 1977. S. 421.
[207] 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 36.
[208] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторический очерк. Документы и материалы. Т. 1. М., 1973. С. 125–127.
[209] *Проектор Д. М.* Агрессия и катастрофа. М., 1968. С. 22.
[210] Энциклопедия военного искусства. Командиры Второй мировой войны. М., 1998. С. 27.
[211] IMT. Vol. XXV. P. 416.
[212] *Galera K.* S. Die Achse Berlin — Rom. Entstehung — Wesen — Bedeutung. Leipzig, 1939. S. 253.
[213] Die Weizsäcker-Papiere 1933–1950. 1974. S. 127.
[214] Ibid. S. 128.
[215] The National Archiv of United Staates: A microfilm Publication. T. 20–337. P. 246004 (Далее: NAUS); Памятные страницы истории 1941–1945. М., 209. С. 66; Мюнхен — преддверие войны. Исторические очерки. М., 1989. С. 126–127.
[216] Причины второй мировой войны: Док. и комментарии. М., 1989. С. 660.
[217] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. М., 2005. С. 46.
[218] *Kuusisto S.* Op. cit. S. 132.
[219] Причины второй мировой войны. Док. и комментарии. С. 661–662.
[220] *Groscurth H.* Tagebücher eines Abwehroffiziers, 1938–1940. Stuttgart, 1970. S. 190; *Hassel U.* Von anderen Deutschland: Aus den nachgelassenen Tagebüchern, 1938–1944. Frankfurt a. M., 1964. S. 77.
[221] Причины второй мировой войны. Док. и комментарии. С. 273.
[222] 1939 год: Уроки истории. М., 1990. С. 45.
[223] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. М., 2005. С. 52.
[224] NAUS. T. 20–337. P. 245798.
[225] Ibid. P. 245794-95.
[226] *Schmidt P.* Statist auf diplomatischer Bühne. S. 437.
[227] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. С. 64–65.
[228] *Дашичев В. И.* Указ. соч. С. 137.
[229] IMT. Vol. XXXI. P. 156–159.
[230] Die Weizsecker Papiere 1933–1950. S. 158.
[231] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. С. 95.
[232] Там же.
[233] ADAP. Serie D. Bd. VIII. Baden-Baden, 1961. S. 296–297.
[234] Zwei Wege nach Moskau.Von Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa» / Hrsg. von B. Wegner. München, Zürich, 1991. S. 537.
[235] Документы внешней политики. 1939 г. М., 1992. Т. 22. Кн. 2. С. 368.
[236] NAUS. T. 20–337. P. 246156.
[237] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. С. 103.
[238] Die Weizsäcker — Papiere 1933–1950. S. 254.
[239] IMT. Vol. XXXIV. P. 609.
[240] *Рагинский Г. М., Розенблит С.* Международный процесс главных японских военных преступников. М., 1956. С. 242.
[241] См.: Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1989. Т. 3. С. 613–617.
[242] Das Deutsche Reich und der Zweite Weitkrieg. Bd. 4. Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983. S. 9.

[243] Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 95.
[244] Fall Barbarossa. S. 120–121.
[245] Ibid. S. 123–124; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 219.
[246] *Проектор Д. М.* Агрессия и катастрофа. С. 142; Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 105.
[247] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 216.
[248] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. С. 122–123.
[249] Fall Barbarossa. S. 121.
[250] Ibid. S. 122.
[251] Ibid. S. 125.
[252] Ibid. S. 123, 126.
[253] Россия. XX век. Документы. 1941 г.: в 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 153–156.
[254] Fall Barbarossa. S. 122.
[255] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 228.
[256] Ibid. S. 226–227.
[257] См.: *Ямпольский В. П.* «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945. М., 2008. С. 591.
[258] Fall Barbarossa. S. 130.
[259] Ibid. S. 130–131.
[260] Ibid.
[261] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 370.
[262] Ibid; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkriegs. Bd. 4. S. 234.
[263] *Ямпольский В. П.* Указ. соч. С. 599.
[264] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. S. 379, 523; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 233.
[265] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. С. 124–127.
[266] *См.: Ямпольский В. П.* Указ. соч. С. 611–619; Fall Barbarossa. S. 153–156.
[267] *Гальдер Ф.* Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. / Пер. с нем. М., 1968. С. 368, 374.
[268] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 353.
[269] Военно-исторический журнал. 1971. № 6. С. 106.
[270] Бывший военный архив ГДР. Ед. хр. ВФ-10/22780. Л. 432; Ед. хр. ВФ-10/22800. Л. 642–651.
[271] См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 1958. Т. 2. С. 135–152, 215–267.
[272] См.: Там же. С. 53, 137, 140.
[273] Бывший военный архив ГДР. Ед. хр. ВФ-10/13502. Л. 921–922.
[274] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5/1. Stuttgart, 1983. S. 874–875.
[275] Операции советских вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Т. 1. М., 1958. С. 30
[276] В ходе войны против СССР танковые группы были переименованы в танковые армии, а моторизованные корпуса — в танковые корпуса.
[277] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. Т. 1. М., 1956. С. 38.
[278] Операции советских вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Т. 1. С. 31
[279] Там же. Т. 1. С. 47.
[280] История западноевропейских армий / В. Н. Богданов, В. В. Ермаченков, Б. Г. Путилин, А. П. Рогалев. М., 2003. С. 291.
[281] Там же.
[282] Там же. С. 292.
[283] Бывший военный архив ГДР. Ед. хр. ВФ-03/13059. Л. 173–183, 187.
[284] См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. Т. 2. С. 47.
[285] Бывший военный архив ГДР. Ед. хр. ВФ-03/24215. Л. 713–714.

[286] 1941 год — уроки и выводы: Генеральный штаб Объединенных вооруженных сил СНГ. М., 1992. С. 14.

[287] Militärarchiv der DDR. WF-03/5669. B1. 703–712.

[288] Бывший военный архив ГДР. Ед. хр. ВФ-03/13076. Л. 661–662.

[289] Там же. Ед. хр. ВФ-03/24215. Л. 713–714, 834–836

[290] См. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 265.

[291] Ibid. S. 266–267.

[292] Операции советских вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Т. 1. С. 26.

[293] Там же. С. 185.

[294] См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. Т. 2. С. 53, 105, 152.

[295] 1941 год — уроки и выводы: Генеральный штаб Объединенных вооруженных сил СНГ. С. 15.

[296] *Groeler O.* Geschichte des Luftkriegs 1913 bis 1970. Berlin, 1975. S. 295–296.

[297] Операции советских вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Т. 1. С. 25.

[298] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 652–696.

[299] Бывший военный архив ГДР. Ед. хр. ВФ-10/2829. Л. 848, 850.

[300] Там же. С. 29.

[301] 1941 год — уроки и выводы: Генеральный штаб Объединенных вооруженных сил СНГ. С. 18.

[302] Бывший военный архив ГДР. Ед. хр. ВФ-10/7829. Л. 850.

[303] 1941 год — уроки и выводы: Генеральный штаб Объединенных вооруженных сил СНГ. С. 19.

[304] Военно-исторический журнал. 2011. № 6. С. 18–21.

[305] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 534.

[306] Цит. по: История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 3. С. 47.

[307] Великая Отечественная война. 1941–1945.Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 76.

[308] Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия. 1933–1941. М., 2009. С. 301–313, 318–319.

[309] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 106.

[310] Вестник Архива Президента Российской Федерации. С. 310–311.

[311] URL: http://masterdl. livejournal. com/34940. html

[312] *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 1969. С. 92, 236, 342; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 248–249.

[313] Великая Отечественная война 1941–1945. Т. 1. С. 101.

[314] Там же.

[315] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 329–330; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 268–269.

[316] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. С. 125, 127.

[317] IMT. Vol. XXXIV. P. 217–219.

[318] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 530.

[319] Fall Barbarossa. S. 169.

[320] Военно-исторический журнал. 1971. № 6. С. 107.

[321] Там же. С. 259–260.

[322] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 336.

[323] *Menger M.* Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. B., 1988. S. 81.

[324] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 530.

[325] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1–2. М., 1954. Т. 2. С. 412.

[326] Там же. С. 640.

[327] Цит. по: Россия и Германия: Вып. 2. М., 2001. С. 246.

[328] Wehrwissenschaftliche Rundschau.1968. Heft 6. S. 330–331.

[329] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. С. 105.

[330] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 897–898.

[331] Военно-исторический журнал. 1965. № 5. С. 89–92; Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М., 1991. С. 341.

[332] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 530–531.

[333] IMT. Vol. XXXVIII. S. 23.

[334] Ibid. S. 401.

[335] Fall Barbarossa. S. 88–89.

[336] Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. М., 1987. С. 70.

[337] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 426–440.

[338] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab), 1940–1945. Frankfurt a. M., 1965. Bd. 1. S. 258.

[339] Нюрнбергский процесс. Т. 4. М., 1990. С. 365–394.

[340] Там же. С. 361, 368.

[341] Там же. С. 368.

[342] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. С. 358.

[343] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 554–559.

[344] Новые документы по новейшей истории. М., 1996. С. 133–137.

[345] Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 556.

[346] Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. С. 62.

[347] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1974. Bd. 1. S. 561.

[348] Ibid. Bd. 2. S. 118.

[349] Цит по: Тоталитаризм в Европе XX века. С. 290–291.

[350] Цит по: Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. С. 397.

[351] См.: Вестник МГИМО — Университета. 2009. № 5(8). С. 55.

[352] Великая Отечественная война. 1941–1945: Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 1. С. 113.

[353] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. С. 132.

[354] IMT. Vol. XXXIV. P. 707.

[355] Правда. 1941. 14 июня.

[356] Preventivkrieg? Der deutschen Angriff auf die Sowjetunion. Ergänzte Auflage. Hrg. von Pietrow-Ennker. Frankfurt a. M., 2011. S. 31.

[357] Оглашению подлежит: СССР — Германия.1939–1941: Документы и материалы. С. 347–349.

[358] Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Т. XXIII: в 2 кн. Кн. 2(2). 2 марта 1941 — 22 июня 1941. М., 1998. С. 753.

[359] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 443.

[360] IMT. Vol. XXVI. P. 399–401.

[361] *Groeler O.* Op. cit. S. 295–296.

[362] IMT. Vol. XXV. P. 391–394; Vol. XXXIV. P. 241–242.

[363] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. С. 137–139; Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1933–1945. Frankfurt a. M., 1962. S. 129–133.